

---

Да здравствует  
ВКП(б)

---

# ВОЖДЬ И ОРГАНИЗАТОР

победоносного  
строительства  
социализма



А. М. ГЕРАСИМОВ

(ВЫСТ. „ХУДОЖНИКИ РСФСР ЗА 15 ЛЕТ“)

**В. И. ЛЕНИН НА ТРИБУНЕ**

**Д. Мануильский**

## МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ\*

1

Среди всех измученных и искалеченных войной людей русский Октябрь нашел глубокий отзвук. Превращение войны империалистической в войну гражданскую, которое совершила под руководством большевиков Октябрьская революция, отвечало чаяниям не только трудящихся масс в России. Это было то сокровенное, чего ждали пострадавшие массы всего мира, что отвечало их желаниям, их думам и настроениям. И если бы те господа демократы, которые кричали о том, что большевики захватили власть против воли «народов», провели подлинно свободный референдум среди трудящихся масс всего мира, то они увидели бы, что эти массы голосовали бы за метод окончания войны большевиками, а не за метод продолжения ее сворой капиталистов.

Большевики противопоставили свой метод окончания войны трудящимся методом Версаля. На исторических судьбах Версаля и Октября рабочие и крестьяне всего мира могли проверить, куда ведут два пути последующего развития. Один путь, путь Версаля, — это торжество капиталистического насилия, закабаление всего населения земли кучкой финансовых магнатов, создание непрестанно тлеющих очагов новых империалистических войн, подавление Германии, вскормившее и взростившее фашизм. Другой путь, путь Октября, — это ликвидация Бреста, независимость СССР перед лицом всего капиталистического мира, превращение бывшей царской России в оплот трудящихся всего мира против империализма.

Октябрь интернационализировал большевистский метод борьбы с империалистической войной в сознании трудящихся всего мира, он из праха и крови военного психоза восстановил идею международной пролетарской солидарности. Он вскрыл всю фальшь лозунгов оппортунистов из II интернационала, тащивших массы на капиталистическом аркане в бездну войны: деление империалистических войн на оборонительные и наступательные, легенду о «последней войне», за которой последует золотой век братства народов, легенду о «всеобщей стачке» как средстве помешать войне и т. д.

Проверенный на опыте Октября большевистский метод революционного выхода из империалистической войны вошел в железную сокровищницу Коммунистического интернационала.

\* Публикуемая нами статья является частью главы, намеченной в I т. «Истории гражданской войны».

Октябрьская революция потрясла до основания весь «обычный» круг идей, под гипнозом которых буржуазия держала массы. Октябрьская революция, по выражению т. Сталина, перевернула социальную пирамиду сверху вниз. Она подорвала в глазах трудящихся масс капиталистических стран авторитет буржуазной диктатуры, империализма, религии, буржуазного закона, буржуазного порядка: И если она и не победила в 1917 г. во всем мире, то она минировала почву этого мира такими взрывчатыми материалами, которые сделали его существование непрочным и неустойчивым. Это было невиданное, небывалое в истории зрелище, когда забитые массы отсталой в прошлом страны осознали себя творцами истории. Война вложила в их руки оружие, революция научила их поворачивать это оружие против тунеядцев. Впервые массы почувствовали себя самостоятельной силой, призванной служить не другим, а самим себе и своему классу. Впервые н а с и л и е было направлено большинством в интересах большинства против меньшинства. Впервые оно стало «законным», справедливым, творческим элементом нового, основанного на экономическом равенстве порядка. Под опошленное, заезженное понятие «свободы» экономическое раскрепощение масс подвело твердый фундамент, обеспечивающий действительное пользование свободой трудящимися. Слом всего аппарата буржуазного государства, сковывавшего волю и творчество масс, придававшего учреждениям старого порядка мистическую силу исторической необходимости, создал действительные условия для прыжка из царства необходимости в царство свободы.

Ни одна революция не рискнула покуситься на банки — это святая святых капиталистического строя. Даже парижские коммунары оставили государственный банк в руках буржуазии. Большевики безбоязненно захватывали банки и вскрывали сейфы.

Империализм немыслим без тайной дипломатии. Тайные договоры — это прелюдия войны, это «душа» так называемой национальной обороны. Большевики бесстрашно опубликовали тайные договоры при бешеном реве империалистических правительств всего мира.

Целостность своего государства, нерушимость своих границ — закон буржуазного общества. Большевики смело пошли на отделение Финляндии, взрывая все установившиеся веками традиции и предрассудки великорусского национализма.

Палаты и дворцы для буржуа и дворян, хижины и лачуги для рабочих и крестьян — таково «священное» право собственности капиталистического строя. Большевики растоптали это право паразитов. Они сорвали со стен дворянские гербы, сломали короны, забрали дворцы в общественную собственность, устраивая из них музеи и клубы, вселили в пузатые купеческие особняки рабочих, на распаренные от сытой жизни купеческие перины положили бедноту.

Старая, капиталистическая Россия напоминала собой огромный концлагерь с принудительным трудом для рабочих и крестьян. Большевики ввели трудовую повинность для тунеядцев: камергеров двора его величества, выходящих питомцев пажеского корпуса они погнали чистить нечистоты, чопорных дам из института благородных девиц заставили мыть полы, а первой гильдии кушцов и тайных советников сгребать снег на улицах.

Тюрьмы, бесконечные сибирские тракты, этапные клоповники, бушлаты с бубновым тузом, унылая, как Нерчинская каторга, кандазная симфония — все это в старой России было для народа: для Катюш Масловых, для бедных Макаров, загнавших своих телят в далекую сторону, для революционных рабочих и крестьян. Большевики посадили в тюрьмы министров, генералов, заводчиков, спекулянтов, а судили и карали этих подлинных преступников и злодеев рабочие и крестьяне.

Каждый общественный строй создает диктатуру господствующего класса. При правительстве Керенского на смену мордастому городскому, воро-



вотому околоточному и тупому унтеру Пришибееву пришли меньшевистско-народнические отпрыски, быстро акклиматизировавшиеся в наследии старой охранки и начавшие сростаться с оставшимся почти нетронутым аппаратом царской администрации.

Большевики ударили пролетарским молотом с огромной силой по этому аппарату, они не только разрушили его, но создали свой, суровый, как облик Феликса Дзержинского, аппарат пролетарской диктатуры. Грозная ВЧК, этот разящий меч пролетарской революции, красная гвардия, преобразованная впоследствии в Красную армию, советы рабочих и крестьянских депутатов, Высший совет народного хозяйства были основными звеньями этого аппарата, приводимого в движение, как мотором, ленинской партией. Большевики строили этот аппарат под огнем классового врага, не имея готового образца в прошлом, используя развернувшееся творчество масс и проверяя каждый шаг на конкретном опыте их.

Они походили на того путника, который шагает по неизвестной земле, где раньше не ступала человеческая нога.

Октябрьская революция отменяла все фантастическое, надуманное, иллюзорное, что содержалось в представлениях о социализме у различных довоенных школ II интернационала. Она показала и пролетарскую революцию и пролетарскую диктатуру в действии. В ней не было ничего общего ни с «революцией-схемой» центристов II интернационала, ни с реформистской теорией завоевания власти мирным, парламентским путем.

## 2

Опубликованная после войны книга о тайнах военной цензуры (Марсель Берже и Поль Аллар) дает яркую картину той беззастенчивой лжи, к которой прибегали штабы, чтобы опорочить великое дело Октября. Но эта ложь тем больше дискредитировала правящие классы, что в ней не было никакой внутренней логики. Там, где ложь имеет монополию, где лгут безнаказанно, там не могут не лгать грубо. И буржуазия лгала грубо, неуклюже, как уголовник, засыпавшийся в первый раз на мокром деле. Сегодня сообщалось например, что советская власть низвергнута «восставшим народом» и что «Ленин убит на Кутафьей башне Кремля». Завтра из того же «Копенгагена» публиковали телеграмму, что по приказу Ленина расстреляны Свердлов, Дзержинский и др. Через день «мертвый» Дзержинский терял рассудок, казненный Свердлов подымал мятеж и арестовывал Ленина... Клубок лжи наворачивался дальше.

Но чем бешенее капиталистическая печать всех стран пыталась опорочить Октябрьскую революцию, тем большее чувство восторга Октябрь вызывал у трудящихся масс. Крупнейшая французская газета «Тан» писала, что русская Октябрьская революция — явление патологического порядка, что объяснение этого явления нужно искать в романах Достоевского. Но немецким и французским солдатам, кинутым в кровавую сечу под Верденом, не было никакого дела до романов Достоевского. В Октябрьской революции они видели новую загорающуюся зарю над безмерным океаном страданий всех эксплуатируемых и угнетенных. Задавленный петлей английского империализма индусский крестьянин, высохший от голода, как мумия, египетский феллах, согбенный в три погибели от гнета империализма, джентри и компрадорской буржуазии китайский кули—никогда и ничего не слышали о Достоевском, но в самозабвенном экстазе они обращали свои взоры к Москве, к великому человеку, носящему имя Л е н и н, у ног которого лежали повергнутые в прах Конфуций и Будда.

На рабочих собраниях одно упоминание о России вызывало бурю приветственных кликов:

Баррикады на улицах  
Пармы (Италия) в  
1922 г.



Демонстрация фел-  
лахов (крестьян)  
перед зданием еги-  
петского прави-  
тельства

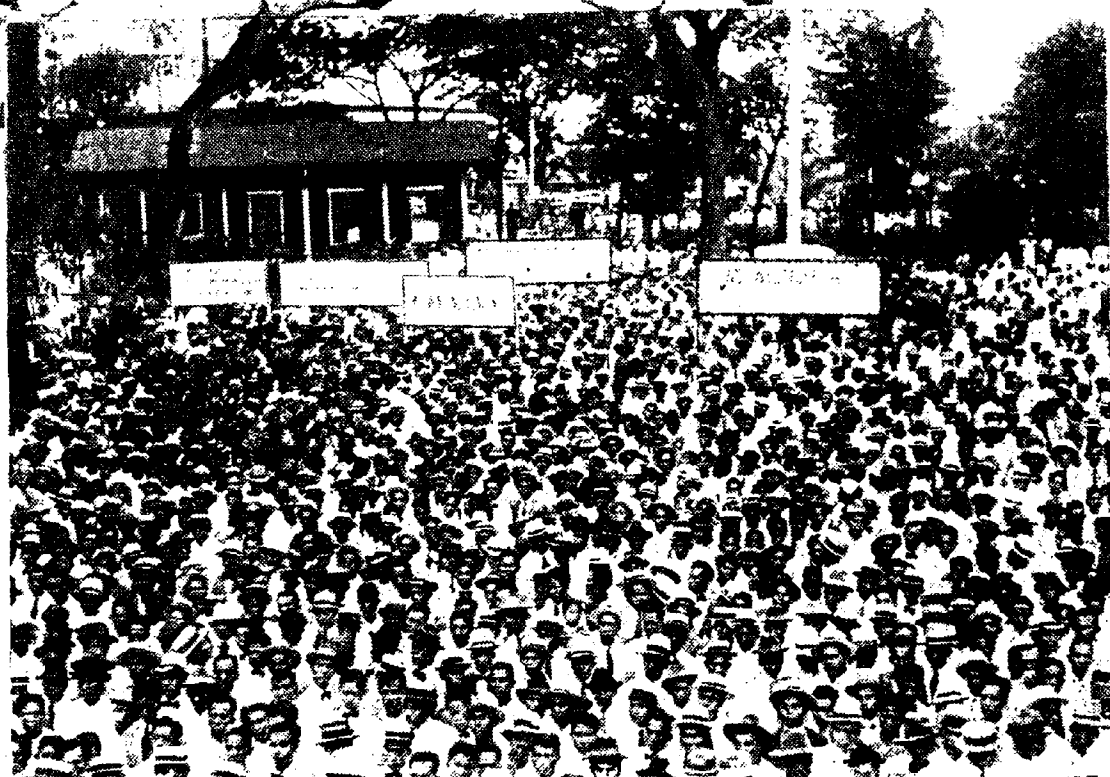


Революция в Испа-  
нии в 1931 г. Сожже-  
ние монастырей

Баррикады повстанцев  
в Дамаске  
(Сирия)



Манифестация за  
независимость на  
Филиппинах



Митинг протеста  
индусов против при-  
езда комиссии Сай-  
мона в 1928 г.

«Да здравствуют советы, да здравствует Ленин!»

Ни один с.-д. лидер не осмеливался выступить открыто против Октября. Ибо всякая попытка такого рода кончалась потасовкой. Предприятия, где кипела работа на оборону, походили на встревоженные муравейники, обсуждавшие и комментировавшие каждое известие из России. Слово «большевик» стало самым почетным словом в рабочих кварталах. В Италии именем Ленина рабочие называли своих новорожденных детей. Пылкие неаполитанские рыбаки распевали песни, кончавшиеся куплетом: «Да здравствует Чека!». В САСШ при получении известий об организации большевиками Красной армии рабочие записывались сотнями в добровольцы, требуя отправления их в Советскую Россию. Демонстрация в Париже в связи с оправданием убийцы Жореса превратилась в 400-тысячное шествие в честь Октябрьской революции. Тысячи французских солдат и моряков приняли участие в демонстрации, причем многие из них срывали с себя военные кресты и бросали их к подножию бюста Жореса. В Англии на огромных митингах рабочие кричали интервентам: «Руки прочь от Советской России!». В Чехо-Словакии горняки из Кладно шли на Прагу, приводя в трепет чешскую буржуазию. Не было ни одной страны в мире, где могучее дыхание Октября не раскачало бы десятков и сотен тысяч трудящихся. И в далекой Австралии и в Японии идеи Октября завоевывали себе сторонников.

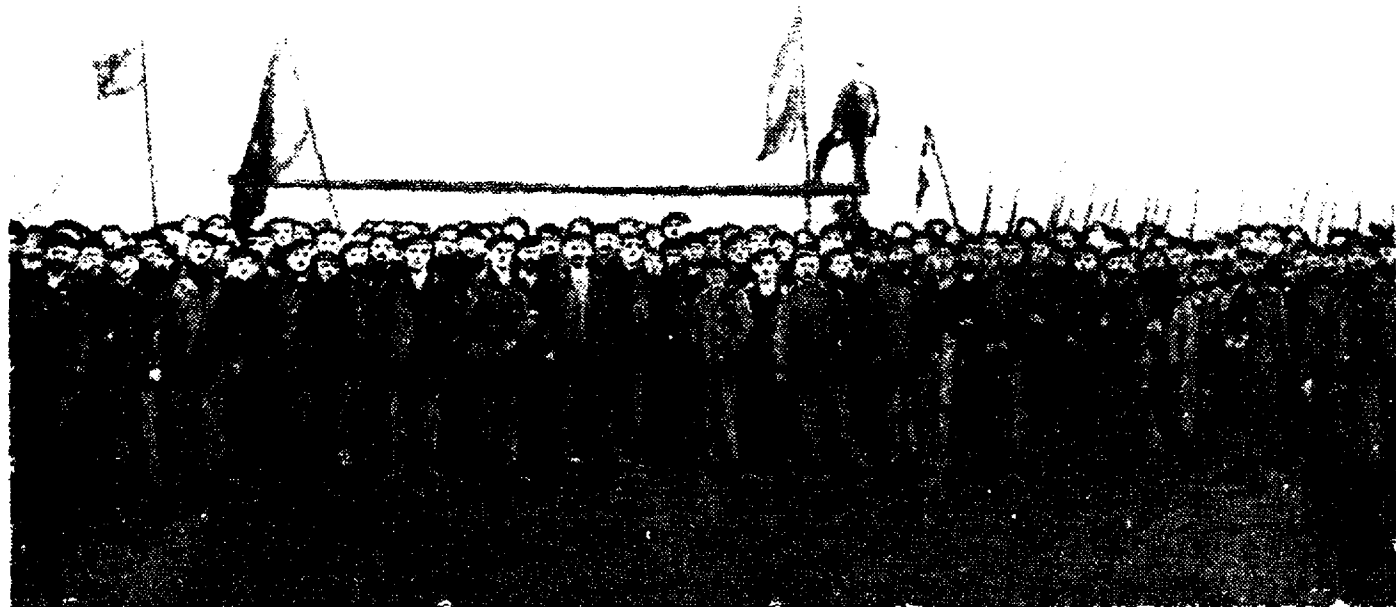
Английский горняк, французский железнодорожник, хорватский крестьянин, гуцул Прикарпатья с одинаковым напряжением следили за орлиными полетами молодой Красной армии, радовались ее победам, болели ее ранами.

«То не гром гремит по поднебесью,  
То Красная армия идет на Карпаты»—

пели гуцулы, пристально вглядываясь с Карпатских вершин в далекое солнечное курево дорог, ведущих в Советскую Россию. А в деревнях Венгрии в короткие летние ночи рассказывались легенды о Ленине, которого не берет никакая замороженная дьявольской силой пуля и который пробирается нелегально к мадьярам, чтобы поднять их на восстание против господ и помещиков.

Под знаком Октября развивались те большие революционные движения мирового пролетариата, которые потрясли капитализм вслед за окончанием мировой войны.

В январе 1918 г. рабочая революция в Финляндии, в августе того же года «рисовые бунты» в Японии, в сентябре 1920 г. захват рабочими фабрик в Италии, в сентябре 1923 г. восстание в Болгарии, в мае 1926 г. всеобщая стачка в Англии. В то же время вслед за окончанием мировой войны во всем капиталистическом мире высоко подымается стачечная волна. Достаточно сказать, что в одной только Франции количество стачек возросло с 896 в 1917 г. до 2.257 в 1919 г. В одном Париже летом 1919 г. бастовало около полумиллиона рабочих. Но самым грозным для буржуазии движением, как отголоском русского Октября, были революции в Центральной Европе. Лето 1918 г. прошло в конвульсивных атаках германской армии на Западном фронте, в которых уже чувствовалось отчаяние и обреченность. Осенью начинается военная катастрофа центральных империй. Первой выходит из строя в конце сентября маленькая Болгария. Вслед за ней в октябре 1918 г. начинается революция в Австро-Венгрии. Ее искры перекидываются в Германию. Первого октября Людендорф телеграфирует из ставки германскому правительству требование о мире. «Сегодня войска еще держатся,—гласит телеграмма,—а что может случиться завтра,—предвидеть нельзя»... Армия не может ждать еще 48 часов, повторяет настойчиво в ту же ночь потерявшая равновесие германская ставка. Русский Октябрьский пример оказывает заразительное действие на фронт и тыл. Огромные толпы берлинских рабочих встречают 21 октября выпущенного под давлением масс из каторжной тюрьмы Карла Либкнехта. Демонстрация превращается в триумфальное шествие толпы



**Демонстрация революционных моряков в Вильгельмсгафене**

рабочих к советскому посольству, где Либкнехт приветствует реющее красное знамя Октябрьской революции. И в этом акте берлинского пролетариата и вождя германских рабочих есть символическое свидетельство глубокой, органической связи Октября с назревающей германской революцией. 28 октября очумелое германское адмиралтейство, державшее в течение всей войны флот на почтительном расстоянии от жерл английских пушек, отдает безумный приказ морякам броненосцев «победить или умереть». Командиры пытаются вывести броненосцы в открытое море, но под руководством давно образованных нелегальных советов экипажи отказываются выполнить приказ. Моряки тушат огни и поворачивают броненосцы в гавань. Взбешенное адмиралтейство решается очертя голову на последний шаг. Оно отдает приказ об аресте взбунтовавшихся команд. Кильские матросы покидают экипажи, выходят на улицу, объединяются с рабочими. 4 ноября матросы захватывают военные суда и город. Радио из Килия возвещает пролетариату всех стран о начавшейся германской революции.

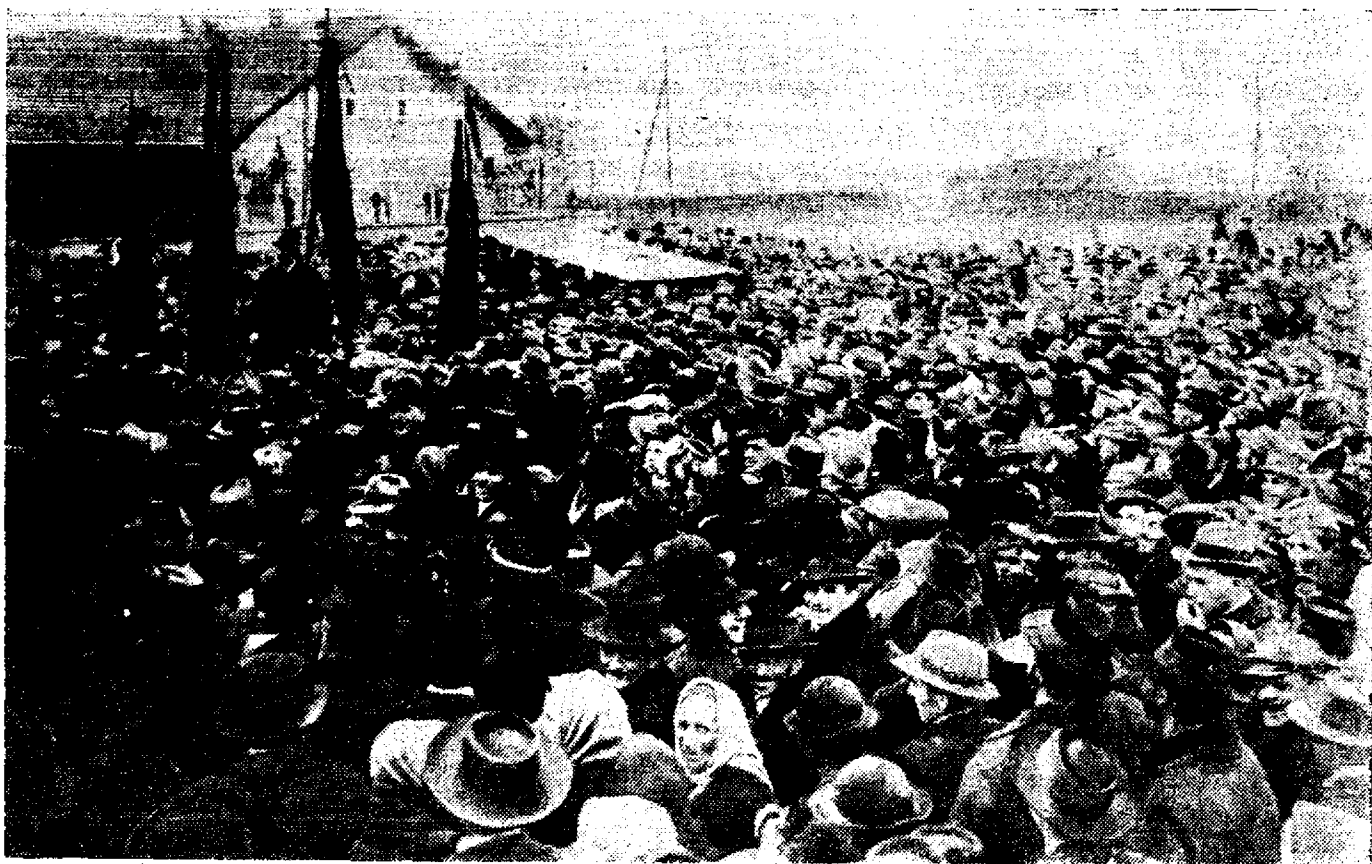
«Товарищи,—несся по эфиру клич Кильского совета солдатских депутатов,—час нашей судьбы пробил. Власть в наших руках... Отряды, присланные сюда для подавления движения, присоединились к нам. Все рабочие всех профессиональных союзов на нашей стороне».

5 ноября движение перекидывается в Любек, 6-го—в Гамбург, затем в Бремен, Ганновер, Лейпциг, Штутгарт, 8 ноября в Мюнхен. Наконец 9 ноября в революцию вступает мрачный, задавленный пятой прусского милитаризма Берлин. Гогенцоллернская корона летит в грязь. Казалось, германский пролетариат имеет все в руках, чтобы начать подобно русскому пролетариату победоносную пролетарскую революцию. Но на его шее сидит гигантский паук, сплутывающий его волю, связующий его движение, тащущий его назад. Этот паук—социал-демократия. Шейдеманы и Носке, Отто Бауэры и Реннеры в одинаковой степени выступают в роли штрейкбрехеров пролетарской революции, но одни из них борются против революции рабочих штыком и пулей, другие—ядом антиреволюционной пропаганды, облаченной почти в «социалистическую» фразеологию. Но, несмотря на предательство социал-демократии, обаяние Октябрьской революции настолько велико, что пролетариат под руководством лишь начавших складываться коммунистических партий делает смелую попытку в ряде стран овладеть властью. В марте 1919 г. рабочие и солдаты устанавливают советскую власть в Венгрии, просуществовавшую около полугода и оставившую неизгладимый след в сознании венгерских трудящихся масс. В апреле того же года их примеру следует пролетариат Баварии.

Что представляют собой эти революции и послевоенные революционные движения пролетарских масс? Они являются составными частями и вызревающей мировой пролетарской революции, эпоха которой была начата русским пролетариатом в октябре 1917 г. Пусть эти послевоенные движения не привели к низвержению капиталистического строя, но они обогатили революционный опыт масс, закалившихся и политически выросших на целую голову. Кровавое подавление этих движений буржуазией, принявшее особенно жестокие формы в Германии, разрушало демократические иллюзии масс, показывало им звериный оскал буржуазной диктатуры, толкало на путь пролетарской революции. Октябрь вместе с этими движениями, являющимися его продолжением, изменил соотношение сил между пролетариатом и буржуазией на международной арене. Уже не только призрак коммунизма бродит по Европе,—пролетарская революция поставлена в порядок дня. Она приводит в трепет командующие классы, ищущие спасения от нее в фашистском терроре. Мировая пролетарская революция приобрела в СССР мощную открытую базу для мирового революционного движения, которой оно никогда не имело раньше и на которую оно может опереться. Завоевания, достигнутые пролетариатом в отдельных капиталистических странах: восьмичасовой рабочий день, расширение прав профсоюзов, введение социального страхования, признание института фабрично-заводских комитетов, — все это было «побочным продуктом» Октября и революционных боев пролетариата после войны.

### 3

Но значение Октябрьской революции не ограничивается этим революционизирующим влиянием на рабочий класс капиталистических стран. Октябрь привел в движение угнетенные нации и колонии. Именно потому, что Россия была расположена на стыке Европы с Азией, что царизм давил беспощадно все народы, населяющие Россию, что иностранный капитал, проникая в Россию, стремился закабалить трудящиеся массы по китайскому или



Рабочий митинг в Карольи в 1918 г. (Румыния)





**Крестьяне с. Тонкабуи выносят пищу отступающим революционным войскам (Персия) 1921 г.**

индийскому образцу, Октябрьская пролетарская революция была в то же время образцом антиимпериалистической революции, освобождающей нацию и народности от национального гнета. Большевики аннулировали внешние долги, при помощи которых иностранный капитал держал для своих услуг русский царизм на роли европейского жандарма, большевики конфисковали предприятия, принадлежавшие иностранному капиталу, ударив тем самым по всей системе международного империализма.

Они повели единственную в своем роде по независимости от империализма внешнюю политику—политику, продиктованную исключительно интересами мировой пролетарской революции. Они провели на практике право наций на самоопределение, вплоть до отделения, в отношении всех наций и народностей бывшей царской империи. Они провозгласили в своей конституции не только формальное правовое равенство всех наций и народностей, но они подвели под него материальную базу путем индустриализации экономически отсталых бывших окраин. И вести об этой новой, невиданной в прошлом, национальной политике просачивались через тысячу каналов в глубь колониального мира.

Под влиянием Октября разворачивается полоса колониальных восстаний, национально-революционных войн и больших колониальных движений. В 1919 г. в марте вспыхивает восстание в Корее против японского империализма, в августе восстанием охвачена Сирия, в январе 1920 г.—кемалистская революция в Турции, в апреле 1925 г. население Марокко с оружием в руках борется против французского империализма. Глубокое революционное брожение захватывает далее Индонезию, где дело доходит в 1933 г. до восстания в голландском флоте. В революционную борьбу втягивается все больше и больше Индокитай, восстание которого в Иен-бее французская военщина топит в крови. Не утихает борьба трудящихся против английского империализма в Египте, бурное движение разражается на Филиппинах. Весь Африканский континент сдвинулся с «мертвой зыби». Нет ни одной колонии в мире, которая бы без ропота и сопротивления сносила иго империализма. То здесь, то там, как на сейсмической станции, колеблются и дрожат

стрелки, свидетельствующие о грозных подземных толчках, предвещающих смерть империализму. О них свидетельствует и то неукротимое бешенство, с которым чующий свою гибель империализм душил колониальные движения. Целые туземные селения сносятся артиллерийским огнем, тяжелые бомбовозы атакуют мирных жителей, истребляя их тысячами. Но наибольшее значение Октября состоит в том, что он революционизировал Индию и Китай, роль которых в пробуждении колониального мира огромна.

Индия и Китай—это почти половина населения земного шара. Индия—это жемчужина английского империализма. Отымите у Англии Индию, и величайшая колониальная держава расползется по кускам, как старое тряпье, пущенное в переработку. Китай—это узловой пункт мирового империализма, в котором сплелись противоречия всей империалистической системы и прежде всего противоречия Тихого океана. Устойчивость всей капиталистической системы зависит от «спокойствия» Китая и Индии. Мировая война и особенно Октябрьская революция развязали всеобщий кризис капитализма. Революционное движение в Индии и революция в Китае расширили и углубили этот кризис. Тщетно английский империализм пытался герметически закупорить Индию от проникновения в нее идей Октября. Тщетно старался загородить дорогу этим идеям и гандизм, это живое воплощение азиатской пассивности, восточного ханжества и трусливой либеральной готовности к компромиссам. Медленно среди огромных трудностей индийский пролетариат нащупывает тот же путь, которым шел к Октябрю русский пролетариат. Он уже сегодня под влиянием Октября накладывает на вызревающую индийскую революцию печать своих классовых методов борьбы, среди которых наиболее важным является орудие массовой политической стачки.

Большевистская идея гегемонии пролетариата в революции завоевывает себе все большие права гражданства в Индии. Основа этой гегемонии—аграрная революция—все теснее переплетается с антиимпериалистической борьбой трудящихся масс.

Но еще более ярко сказывается влияние Октября на китайской революции. На одной шестой части Китая она приняла уже советские формы. Она взяла у Октябрьской революции помимо идеи гегемонии пролетариата опыт создания Красной армии и как оплота революционных завоеваний трудящихся. Китайские коммунисты, далее, позаимствовали у Ок-



Рабочая гвардия в Шанхае в 1927 г.





„Рот фронт!“ Боевой привет бастующих рабочих в Японии

тябрьской революции основные принципы регулирования хозяйственной жизни. Большевистский лозунг революции 1905 года, лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства они применили в эпоху пролетарских революций и империалистических войн, внося в него ряд элементов, характеризующих социалистическую революцию. Ленинское учение о перерастании буржуазно-демократических революций в революцию социалистическую, проверенное на историческом опыте Октября, они преворили в жизнь в условиях страны полуколониального типа. Вопрос о некапиталистическом пути развития колоний и отсталых стран впервые приобрел исторически конкретную форму. И если Октябрь показал путь трудящимся всего мира, то советская китайская революция показывает его миллионам трудящихся колоний. В свете опыта китайской революции как продолжения Октября учение марксизма-ленинизма не только проникает в колонии, но оно побеждает в крупнейшей стране, являющейся в течение тысячелетий олицетворением азиатской косности, омертвелости, неподвижности. Вековая китайская стена рушится на наших глазах. Трудящиеся массы советского Китая под руководством компартии становятся одним из передовых отрядов армии революционных бойцов всего мира.

Октябрьская революция способствовала возникновению в колониях коммунистических партий, кладущих начало классовой организации пролетариата, который в единении и при поддержке мирового рабочего класса постепенно завоевывает руководящую роль в антиимпериалистической и аграрной революции.

Своеобразие русского пооктябрьского опыта заключается в том, что он решил сложнейшую историческую задачу, которую международная социал-демократия считала неразрешимой, — построение социализма в отдельной стране, притом в одной из самых отсталых стран мира, ставшей на путь построения социализма первой в истории человечества. И это обстоятельство, требовавшее от ленинской партии сталинской теоретической ясности, сталинской нечеловеческой воли, сталинской гибкости и кремневой твердости, беспримерного сталинского мужества, придает особую

ценность русскому опыту. Тот факт, что ленинская партия преодолевала величайшие трудности, составляет силу и значение ее опыта для международного пролетариата. Военный коммунизм как политика, полосы гражданской войны, политика блокированного капиталистическими разбойниками пролетариата, нэп как «обходное движение» к социализму, со всеми оттенками разных периодов его развития, развернутое наступление на капиталистические элементы, коллективизация сельского хозяйства — эта «вторая» Октябрьская революция, решающая основное противоречие между социалистическим и индивидуальным сектором хозяйства, — все это такие этапы в построении социализма в СССР, мимо которых не пройдет международный пролетариат при разрешении задачи мировой пролетарской революции.

И в свете этого опыта каким жалким и ничтожным представляется послевоенный опыт международной социал-демократии в деле восстановления капитализма, потрясенного мировой войной и Октябрьской революцией! Частичная и относительная капиталистическая стабилизация, закончившаяся крахом, теория «организованного капитализма», опровергнутая дезорганизацией и анархией капиталистического хозяйства последних лет, капиталистическая рационализация, ускорившая наступление кризиса, проповедь буржуазной демократии, приведшая к победе фашизма в ряде капиталистических стран и в первую очередь в Германии, — в общем и целом попятное движение капиталистического общества назад к варварским формам эксплуатации периода первоначального накопления, к мрачному средневековью, к кострам, уничтожающим произведения Маркса и Ленина, к казни топором, воскрешающей времена Ивана Грозного.

А на фоне зловещей реакции — смертный марш человечества к новой империалистической войне.

На одной стороне — в мире капиталистическом — мечущиеся кровавые тени прошлого, на другой — в мире социалистическом — красные зори нынешнего и грядущего. Пусть победа ленинизма над социал-демократией еще не полная и не окончательная, но она имеет свое материальное воплощение, во-первых, в СССР, во-вторых, в Коммунистическом интернационале. Пролетарская диктатура в СССР — это база Коммунистического интернационала, увеличивающая своим весом во много крат силу влияния последнего. Коммунистический интернационал, объединяющий своих сторонников во всем мире, сам становится материальным выражением коммунистической идеи, претворенной в мировую партию пролетариата.



Демонстрация 20.000 безработных в Лондоне в 1921 г.

Программа этой партии—это подытоженный опыт Октября и неотделимого от него большевизма. «Большевизм стал мировым большевизмом»—писал Ленин. Он «популяризировал на весь мир идею диктатуры пролетариата». «...Большевизм создал идейные и тактические основы III интернационала, действительно пролетарского и коммунистического, учитывающего и завоевания мирной эпохи и опыт начавшейся эпохи революции»... Коммунистический интернационал—детище Октября, Интернационал эпохи пролетарской революции. А это значит, что революционная борьба трудящихся капиталистических стран и социалистическое строительство в СССР—одинаковые проявления начавшейся мировой пролетарской революции. Разгорающееся пламя гражданской войны в Китае так же смертельно для капиталистического мира, как и пламя магнитогорских домен, плавящих советский чугун. Германские пролетарии, борющиеся в условиях жесточайшего фашистского режима, каждодневно распинаемые и терзаемые гитлеровской сволочью, и сыны Хорей и Калинычей, взлезшие на трактор и комбайн, вздыбившие старую Россию и поднявшие ее до положения передовой социалистической страны мира,—люди одной и той же великой армии труда, творящей дело мировой пролетарской революции. Плотины Днепростроя, затопившие пороги взмыленного большевистской энергией Днепра, размывают препятствия, стоящие на пути мирового революционного движения, а быстрые темпы этого последнего помогают пролетариату СССР быстрее зажигать электрические огни в тундрах и лесах старой «матушки Расеи», опоясывать степи и солончаки азиатской пустыни рельсами Турксиба. И эта неразрывная связь всех отрядов мирового рабочего движения, нашедшая свое организационное оформление в Коммунистическом интернационале, есть залог его победы. В поступательном движении мировой пролетарской революции вперед тот или иной отряд ее армии может претерпеть временное поражение, но армия в целом непобедима, пока, как гранитный утес, стоит нерушимо СССР, эта твердыня мирового пролетариата.

Ленин не раз говорил о том, что после Октября началась «эпоха мировой революции, эпоха, полная конфликтов и войн, наступлений и отступлений, побед, поражений, эпоха, ведущая к победе пролетариата в основных странах капитализма». Дорога мирового пролетариата—не утрамбованное шоссе; она идет через рытвины и ухабы, через вершины и ущелья, вьется над кручами и прорезывает стрелой долины, подымается стремительно вверх и падает вниз, но эта дорога—Октябрьская, дорога, ведущая трудящихся к победе. Капитализм еще может просуществовать известное время, но он никогда не выбьется из всеобщего кризиса, начатого мировой войной 1914—1918 гг. и Октябрьской революцией. Его существование все больше будет напоминать агонию умирающего, меры его спасения все больше будут походить на судороги. Новой передышки длительного характера история ему не оставляет. Возврата к частичной, относительной стабилизации, последовавшей за первым туром войн и революций, быть не может. Капиталистический мир неуклонно идет ко второму туру революций и войн, несущему ему гибель. А могильщик капитализма—пролетариат—развертывает встречные бои в отличие от первого тура войн и революций, имея опыт Октября, поддержку организованных в государство пролетарской диктатуры трудящихся СССР и под знаменем партии мирового большевизма—Коммунистического интернационала.



**Б. Волин**

## ДЕКРЕТЫ ОКТЯБРЯ

Октябрьская революция открыла новую главу мировой истории — эпоху пролетарской диктатуры. Говоря о трех этапах нашей революции, т. Сталин так характеризует цели начавшегося после Октябрьского переворота третьего этапа:

«Упрочить диктатуру пролетариата в одной стране, используя ее как опорный пункт для свержения империализма во всех странах. Революция выходит за рамки одной страны, началась эпоха мировой революции. Основные силы революции: диктатура пролетариата в одной стране, революционное движение пролетариата во всех странах. Главные резервы: полупролетарские и мелкокрестьянские массы в развитых странах, освободительное движение в колониях и зависимых странах. Направление основного удара: изоляция мелкобуржуазной демократии, изоляция партий II интернационала, представляющих основную опору политики соглашения с империализмом. План расположения сил: союз пролетарской революции с освободительным движением колоний и зависимых стран»<sup>1</sup>.

Исходя из этих задач, партия выполняла ленинский стратегический план — провести «максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах»<sup>2</sup>.

Небывалая творческая энергия, изумительный революционный размах, проявленный творцом Октября — Лениным — в деле реализации этой всемирно исторической, решающего значения задачи, особенно ярко отразились в декретах первого периода пролетарской диктатуры.

В этих декретах Октября отражена вся напряженнейшая практическая революционная деятельность ЦК нашей партии и советской власти, возглавлявшихся Лениным в самую трудную пору диктатуры пролетариата — в первые дни и недели формирования власти, установления пролетарской диктатуры, борьбы за справедливый, демократический мир без аннексий и контрибуций, за землю крестьянам, за рабочий контроль, за организацию по-новому всего народного хозяйства, за осуществление ленинской национальной политики, борьбы с контрреволюцией и саботажем, за установление и укрепление советской власти на местах.

Говоря на XI съезде партии об этом периоде, Ленин так характеризует его и замечательные его декреты:

«У нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды. Над нами смеялись, говорили, что большевики не понимают, что их декретов не исполняют; вся белогвардейская пресса полна насмешек на этот счет, но эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему: вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте. Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов. В результате было завоевание того громадного доверия, которое мы имели и имеем в народных массах. Это было время, это была полоса, которая была необходима в начале революции, без этого мы бы не стали во главе революционной волны, а стали бы плестись в хвосте. Без этого не было бы к нам доверия всех рабочих и крестьян, которые хотели построить жизнь на новых основах»<sup>3</sup>.

В декретах давались основы новой жизни, социалистической жизни, как их понимал Ленин и большевики, используя опыт пролетарских революций и в первую очередь опыт Парижской коммуны и революции 1905 г.

Изучение декретов Октября представляет не только громадный исторический, но и актуальный интерес. Чрезвычайно ценна с этой

<sup>1</sup> Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 54—55.

<sup>2</sup> Ленин, т. XXIII, стр. 385.

<sup>3</sup> Ленин, т. XXVII, стр. 255—256.

очки зрения вышедшая к XVI годовщине Октябрьской революции 1-я часть книги «Декреты Октябрьской революции»<sup>1</sup>.

День 7 ноября 1917 г. открывается первым великим актом победившей советской власти — обращением Всероссийского совета рабочих и солдатских депутатов и делегации крестьянских советов к рабочим, солдатам и крестьянам о победе Октябрьской революции и ее ближайших задачах:

«Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, с'езд берет власть в свои руки».

После сообщения о том, что временное правительство низложено и большинство его членов арестовано, обращение излагает ближайшую программу деятельности советской власти:

«Советская власть предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах. Она обеспечит безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов, отстоит права солдата, проведя полную демократизацию армии, установит рабочий контроль над производством, обеспечит своевременный созыв Учредительного собрания, озабочится доставкой хлеба в города и предметов первой необходимости в деревню, обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение».

Наметив таким образом основные лозунги Октябрьской революции, обращение декретирует:

«Вся власть на местах переходит к советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок».

В своем докладе о мире Ленин говорил: «Мы не закрываем и не закрывали глаз на грудности. Войну нельзя кончить отказом, войну нельзя кончить одной стороне». Вот

<sup>1</sup> (Декреты Октябрьской революции. Правительственные акты, подписанные или утвержденные Лениным как председателем Совнаркома). Ч. 1-я—«От Октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания». Под редакцией М. Д. Орахелашвили и В. Г. Сорина. ИМЭЛ. Партиздат, 464 стр., 1933 г.

# ДЕКРЕТЪ О МИРѢ,

принятый единогласно на заседании Всероссийского Съезда Советовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ 26 октября 1917 г.

почему в этом обращении, составленном Лениным, сказано дальше по адресу солдат русской армии:

«С'езд призывает солдат в окопах к бдительности и стойкости. С'езд советов уверен, что революционная армия сумеет защитить революцию от всяких посягательств империализма, пока новое правительство не добьется заключения демократического мира, который оно непосредственно предложит всем народам. Новое правительство примет все меры к тому, чтобы обеспечить революционную армию всем необходимым, путем решительной политики реквизиции и обложения имущих классов, а также улучшит положение солдатских семей».

Заканчивается это историческое обращение предупреждением о контрреволюции, организованной временным правительством и его черносотенными, монархическими генералами.

Первым словом официальной программы советской власти было слово о перемирии и мире. Еще за четыре дня до Октябрьского восстания (3 ноября — 21 октября) на историческом заседании ЦК с активным участием т. Сталина была поручена т. Ленину подготовка тезисов о земле, о войне и о власти.

Декрет о мире с величайшей простотой и ясностью дал десяткам миллионов трудящихся города и деревни, а также находящимся в окопах представление об этом жгучем вопросе, интересовавшем трудящихся всего мира.

Декрет с самого начала ставит перед всеми воюющими народами и их правительствами вопрос о немедленных переговорах о справедливом демократическом мире. При этом декрет со всей точностью и вместе с тем крайне популярно разъясняет массам, что такое демократический мир, аннексии и контрибуции и как советское правительство относится к войне во имя захвата чужих земель и грабежа чужих народов:

«Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, — миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, — таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций...

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает, согласно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо наконец от того, в Европе или далеких заокеанских странах эта нация живет...

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народ-

ности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей, условиях».

Декрет предупреждает, что эти требования не являются ультимативными (меньшевик-интернационалист А. Д. Еремеев предлагал придать декрету ультимативный характер, но Ленин решительно отверг это предложение), что правительство готово рассмотреть любые предложения и условия мира, но что оно безусловно настаивает на срочности переговоров и «на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира».

И тут снова декрет дает массам популярное разъяснение того, что такое тайная дипломатия и в чьих интересах правительства ведут ее:

«Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным».

Декрет о мире является образцом большевистского интернационализма. Советская власть, сделав формальное предложение о перемирии и мире правительствам воюющих держав, с особой силой обратилась к рабочим «трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств: Англии, Франции и Германии». Декрет перечисляет заслуги пролетариата каждой из этих стран перед мировым рабочим движением: чартизм рабочих в Англии, великие революции пролетариата во Франции, героизм и дисциплину рабочих в Германии, — рабочие именно этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма. И первое в мире рабоче-крестьянское правительство высказало уверенность, что «рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь зада-



чи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации».

Борьба за мир завершается в I томе «Декретов» обращением к «народам воюющих стран». Этот документ является исчерпывающим свидетельством того, как советская власть со всем упорством и настойчивостью добивалась осуществления важнейшего пункта своей программы — мира.

Сообщая, что немцы приняли наше предложение о немедленном перемирии, что переговоры должны начаться 1 декабря, что в связи с этим на русском фронте военные действия по обоюдному согласию приостановлены, Совет народных комиссаров заявляет:

«Решающий шаг сделан. Победоносная рабочая и крестьянская революция в России поставила вопрос о мире ребром. Период колебаний, оттяжек, канцелярских соглашений закончен. Сейчас все правительства, все партии всех воюющих стран призваны ответить категорически на вопрос: согласны ли они вместе с нами приступить 19 ноября (1 декабря) к переговорам о немедленном перемирии и всеобщем мире. Да или нет! От ответа на этот вопрос зависит, избегнут ли труженики заводов и полей Новой зимней кампании со всеми ее ужасами и бедствиями, или же Европа будет и дальше истекать кровью...

Рабочая и крестьянская революция уже предъявила свою программу мира. Мы опубликовали тайные договоры царя и буржуазии с союзниками и объявили эти договоры необязательными для русского народа. Мы предлагаем всем народам заключить новый договор на началах соглашения и сотрудничества.

На наше предложение официальные и официозные представители правящих классов союзных стран ответили отказом признать правительство Советов и вступить с ним в соглашение о мирных переговорах. Правительство победоносной революции не нуждается в признании профессионалов капиталистической дипломатии. Но мы спрашиваем народы: выражает ли реакционная дипломатия их мысли и стремления? Согласны ли народы позволить дипломатии упустить великую возможность мира, открытую русской рево-

# ДЕКРЕТЪ О ЗЕМЛѢ

## Съезда Советовъ Рабоч. и Солдат. Депутатовъ.

(Принятъ на заседании 26-го октября въ 2 часа ночи).

1) Народная революция, ставя своей целью освобождение трудящихся масс от рабства, не только освобождает их от рабства, но и уничтожает классовый режим, уничтожает эксплуатацию и присвоение прибавочного продукта рабочими и крестьянами, освобождает их от рабства, от эксплуатации помещиками и буржуазией, от эксплуатации буржуазии и помещиков рабочими и крестьянами.

2) Ввиду того, что буржуазия и помещики, ввиду своей эксплуататорской сути и ввиду своей эксплуатации трудящихся масс, являются враждебными силами для советской власти, буржуазия и помещики должны быть уничтожены, для освобождения трудящихся масс от рабства, от эксплуатации помещиков и буржуазии.

3) Ввиду того, что буржуазия и помещики являются враждебными силами для советской власти, буржуазия и помещики должны быть уничтожены, для освобождения трудящихся масс от рабства, от эксплуатации помещиков и буржуазии.

### О з е м л ѣ.

Вопрос о земле может быть разрешен только всенародным Учредительным Собранием.

Своего самостоятельного разрешения земельного вопроса должно быть дано.

1) Земельный вопрос относится к числу важнейших вопросов жизни на земле. Земельный вопрос относится к числу важнейших вопросов жизни на земле. Земельный вопрос относится к числу важнейших вопросов жизни на земле.

2) Земельный вопрос относится к числу важнейших вопросов жизни на земле. Земельный вопрос относится к числу важнейших вопросов жизни на земле. Земельный вопрос относится к числу важнейших вопросов жизни на земле.

люцией? Ответ на эти вопросы должен быть дан сейчас же, и ответ не на словах, а на деле. Русская армия и русский народ не могут и не хотят дольше ждать. 1 декабря мы приступаем к мирным переговорам. Если союзные народы не пришлют своих представителей, мы будем вести с немцами переговоры одни. Мы хотим всеобщего мира. Но если буржуазия союзных стран вынудит нас заключить сепаратный мир, ответственность падет целиком на нее.

Солдаты, рабочие и крестьяне Франции, Англии, Италии, Соединенных штатов, Бельгии, Сербии! 1 декабря открываются мирные переговоры. Мы ждем ваших представителей.

Действуйте! Не теряйте ни одного часа! Долой зимнюю кампанию, долой войну! Да здравствует мир и братство народов!»

Следующим важнейшим декретом советской власти в первый же день образования советской власти является декрет о з е м л е. Докладывая об этом декрете на II съезде советов, Ленин сказал:

«Мы полагаем, что революция доказала и показала, насколько важно, чтобы вопрос о земле был поставлен ясно. Возникновение вооруженного восстания, второй, Октябрьской революции ясно доказывает, что земля должна быть передана в руки крестьян. Преступление совершало то правительство, которое свергнуто, и соглашательские партии меньшевиков и с.р., которые под разными предлогами оттягивали разрешение земельного вопроса и тем самым привели страну к разрухе и к крестьянскому восстанию... Правительство рабоче-крестьянской революции в первую голову должно решить вопрос о земле, — вопрос, который может успокоить и удовлетворить огромные массы крестьянской бедноты»<sup>1</sup>.

В основу декрета о земле, названного Лениным декретом о великих земельных преобразованиях, был положен наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов. Декрет о земле объявлял:

«1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

2) Помещичьи имения, равно как и все удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных и земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов впредь до Учредительного собрания.

3) Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом».

Когда декрет был оглашен, раздались голоса, что сам декрет и наказ составлены социалистами-революционерами. На это Ленин возразил:

«Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда... В духе ли нашем, в духе ли эсеровской программы, — не в этом суть, суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь».

<sup>1</sup> Ленин, т. XXII, стр. 20.

Возвращаясь несколько позднее к этому вопросу, т. Ленин в своем письме в редакцию «Правды» «Союз рабочих с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами» писал:

«При условии победы социализма (рабочий контроль над фабриками, следующая за этим экспроприация их, национализация банков, создание высшего экономического совета, регулирующего все народное хозяйство страны), при таком условии рабочие обязаны согласиться на переходные меры, предлагаемые мелкими трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами, если эти меры не вредят делу социализма»<sup>1</sup>.

Известно, насколько полностью оправдались те надежды, которые наша партия возлагала на этот декрет. Декрет о земле явился величайшим политическим актом, мобилирующим миллионные массы крестьян как в тылу, так и в окопах для поддержки только что рожденной в боях советской власти. Этот же декрет развязал инициативу трудящихся крестьянских масс в деле строительства советской власти у себя на селе.

Несколько позже, неделю спустя, в инструкции эмиссарам, посылаемым в провинцию, Ленин определил таким образом задачи посылаемых эмиссаров. Посылаемые эмиссары выясняют положение земельного вопроса в губернии: были или нет взяты помещичьи земли на учет и где и в каких уездах; кто распоряжается помещичьими землями — земельные комитеты или помещики; как поступили с инвентарем и увеличился ли посев у крестьян? Одновременно, что чрезвычайно важно, эта инструкция указывала, что «раз крестьяне получили землю, то необходимо как можно больше усилить погрузку и ускорить доставку хлеба по городам, и только таким увеличением доставки хлеба можно устранить угрозу голода».

Инструкция требовала выяснить, какие меры намечаются и принимаются для перехода помещичьей земли в руки волостных земельных комитетов и совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Инструкция наконец рекомендует хорошо устроенные и оборудованные имения передать в распоряжение совета батрацких депутатов под соответствующим руководством агрономов.

Хотя декрет о земле, как и вся Октябрьская революция, гигантски всколыхнул крестьянские массы и двинул их на борьбу с помещиками, все же формы советской вла-

<sup>1</sup> Ленин, т. XXII, стр. 90.



сти оказались для них еще новыми. Как указал Ленин на заседании Петроградского совета 17 ноября:

«... Крестьяне отказываются верить, что вся власть принадлежит Советам, они еще чего-то ждут от правительства, забывая, что Совет это не частное учреждение, а государственное»<sup>1</sup>.

Вот почему Ленин счел необходимым ответить на запросы крестьян о переходе власти к советам и о задачах совета крестьянских депутатов и волостных земельных комитетов.

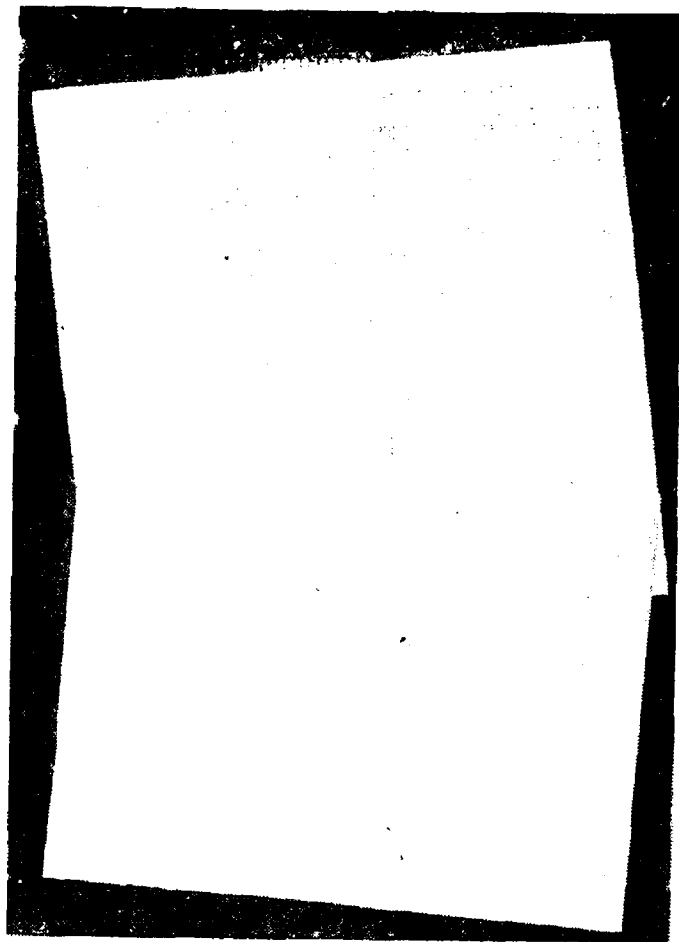
Ленин разъяснил, что «вся власть в государстве перешла отныне всецело в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... Советы крестьянских депутатов, в первую голову уездные, затем губернские, являются отныне и впредь до Учредительного собрания полномочными, верховными органами государственной власти на местах. Помещичья собственность на землю Вторым всероссийским съездом советов отменена. Указ о земле издан уже теперешним временным рабочим и крестьянским правительством. На основании этого указа все помещичьи земли полностью и целиком поступают в руки советов крестьянских депутатов. Волостные земельные комитеты должны тотчас же брать все помещичьи земли в свое распоряжение, под строжайший учет, охраняя полный порядок, охраняя строжайше бывшее помещичье имущество, которое отныне стало общественным достоянием и которое поэтому сам народ должен охранять».

«...Рабочие полностью, всецело и всемерно поддержат крестьян, наладят производство машин и орудий и со своей стороны просят крестьян помочь подвозом хлеба».

Все усилия нашей партии и первой в мире советской власти, руководимой Лениным, и были направлены к тому, чтобы посредством ясных, не вызывающих никаких сомнений декретов и распоряжений о земле, близких и понятных крестьянам, помочь им быстро это понять и создать тот союз рабочего класса с крестьянством, высшим выражением которого является диктатура пролетариата.

В предисловии к брошюре «Как обманули народ социаллисты-революционеры и что дало народу новое правительство большевиков», написанном через две недели после Октябрьского переворота, Ленин указал:

<sup>1</sup> Ленин, т. XXII, стр. 49.



«Крестьянству России предстоит теперь взять судьбы страны в свои руки.

Победа рабочей революции в обеих столицах и в громадном большинстве местностей России обеспечила крестьянам возможность взять в свои руки устройство земельных распорядков. Крестьяне еще не все поняли, но скоро поймут, что их Советы Крестьянских Депутатов и есть настоящая, доподлинная, верховная государственная власть...

Нет сомнения, что крестьяне очень скоро поймут, что их спасение от ужасов войны и от гнета помещиков и капиталистов требует союза крестьянства не с богатыми, а с трудящимися городов, с фабрично-заводскими рабочими в первую голову».

Третьим важнейшим декретом советской власти среди всех декретов Октября является декрет о рабочем контроле. Этому вопросу большевики придавали решающее значение.

Еще за месяц до Октябрьского переворота Ленин в своей работе «Удержат ли большевики государственную власть», написанной между 7 и 14 октября, писал:

«Главная трудность пролетарской революции есть осуществление во всенародном масштабе точнейшего и добросовестнейшего учета и контроля, рабочего контроля за производством и распределением продуктов.

...Когда мы говорим: «рабочий контроль», ставя этот лозунг всегда рядом с диктатурой пролетариата, всегда вслед за ней, то мы раз'ясняем этим, о каком государстве идет речь. Государство есть орган господства класса. Какого? Если буржуазии, то это и есть кадетско-корниловски-керенская государственность, от которой рабочему народу в России «корнилится и керится» вот уже больше полгода. Если пролетариата, если речь идет о пролетарском государстве, т. е. о диктатуре пролетариата, то рабочий контроль может стать всенародным, всеобъемлющим, вездесущим, точнейшим и добросовестнейшим учетом производства и распределения продуктов. В этом главная трудность, в этом главная задача пролетарской, то-есть социалистической, революции. Без советов эта задача, по крайней мере для России, была бы неразрешима. Советы намечают ту организационную работу пролетариата, кото-

рая может решить задачу всемирно исторической важности<sup>1</sup>.

По вопросу о рабочем контроле, этом первом шаге управления рабочим классом, промышленностью, был принят проект декрета, написанный Лениным и утвержденный Совнаркомом 15 ноября. Задачи рабочего контроля были определены следующим образом:

«1. В интересах планомерного регулирования народного хозяйства во всех промышленных, торговых, банковых, сельскохозяйственных, транспортных, кооперативных, производительных товариществах и пр. предприятиях, имеющих наемных рабочих или же дающих работу на дом, вводится рабочий контроль над производством, куплей и продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия.

2. Рабочий контроль осуществляют все рабочие данного предприятия через свои выборные учреждения, как-то: заводские, фабричные комитеты, советы старост и т. п., причем в состав этих учреждений входят представители от служащих и от технического персонала.

3. ВВСНХ выделяет из своей среды в организованные им отделы: по топливу, по транспорту, металлу, демобилизации и проч.

4. Каждый отдел имеет в числе соответствующих комиссий—комиссию по контролю исключительно из рабочих представителей.

Согласно этому декрету органам рабочего контроля предоставлено было право обследовать финансовую и техническую стороны предприятия, наблюдать за производством, устанавливать нормы выработки предприятия, выяснять стоимости производимых продуктов, контролировать всю деловую переписку предприятия, причем коммерческая тайна отменялась и владелец обязан был предъявлять органам рабочего контроля все книги и отчеты как за текущий год, так и за прошлые отчетные годы. Установление подлинного рабочего контроля над производством, о котором Ленин заявил еще 7 ноября в Петроградском совете, вызвало жесточайшее сопротивление предпринимателей, особенно директоров крупнейших акционерных и иностранных компаний.

Среди декретов этого периода имеется немало кратких постановлений, реагирующих на это сопротивление буржуазии рабочему контролю.

Так например были изданы декреты о конфискации имущества акционерного общества

СОВЕТ НАРОДНЫХ  
КОМИССАРОВ  
7 ДЕКАБРЯ 1917 Г.  
ПЕТРОГРАД

ДЕКРЕТ РАБОЧЕГО И КРЕСТЬЯНСКОГО  
ПРАВИТЕЛЬСТВА СОВЕТА НАРОДНЫХ  
КОМИССАРОВ.

В виду отказа Заводоуправления Акц. Об-ва Сергинско-Узальского Горного Округа подчиниться декрету Совета Народных Комиссаров о введении Рабочего Контроля над производством, Совет Народных Комиссаров постановил конфисковать все имущество Акц. Об-ва Сергинско-Узальского Горного Округа в чем бы это имущество ни состояло и объявить его собственностью Российской Республики.

Весь служебный и технический персонал обязан оставаться на местах и исполнять свои обязанности.

За самовольное оставление занимаемой должности или саботаж выносимые будут преданы Революционному Суду.

Порядок Управления Д'лами Об-ва в Петрограде и условия передачи отдельных Заводов, предприятий и отраслей в ведомство местных Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, фабрично-Заводских Комитетов и подобных Учреждений будут определены особыми постановлениями Народного Комиссара Торгов и Промышленности.

Председатель Совета Народных Комиссаров *Л. С. Сухомлин*  
Народные Комиссары *В. П. Мушкетер, Д. А. Антонов, Н. П. Петровский*  
Управляющий Д'лами Совета *Влад. Таганский*  
Секретарь Совета *М. В. Биринский*  
С подлинным  
Секретарь Совета Народных Комиссаров

<sup>1</sup> Ленин, т. XXI, стр. 259—260.

Сергинско-Уфалейского горного округа, акционерного общества Кыштымского горного округа, аэропланного завода «Анатра» в Симферополе, Невьянского завода.

Несколько позднее, уже в январе, подверглось конфискации по декрету имущество завода «Гельферих Саде» в Харькове за то, что правление этого завода закрыло свой завод и, оставив главную квартиру в Харькове, переехало к Каледину в Ростов-на-Дону.

Декретом от 17 января подверглась конфискации также Ростокинская красильно-аппретурная фабрика ввиду категорического отказа владельца этой фабрики продолжать производство, несмотря на имеющиеся в ней запасы сырья и топлива.

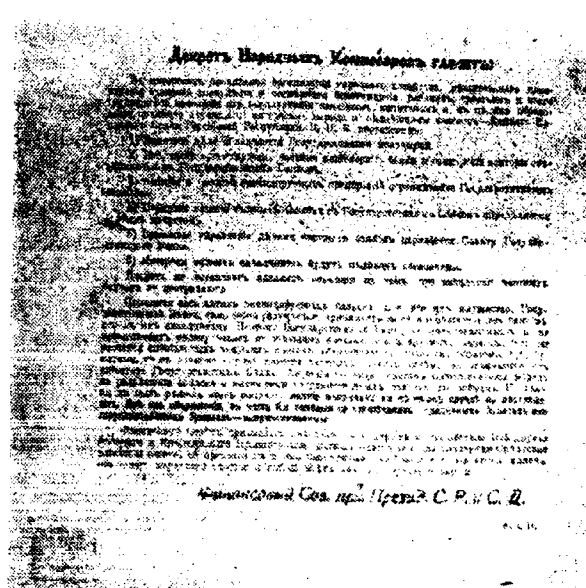
Декрет о рабочем контроле и позднейшие декреты о национализации банков, о конфискациях и увольнениях за саботаж двинули миллионные массы рабочих и крестьян, руководимых партией Ленина, на коренную ломку капиталистических производственных отношений. В ответ на сопротивление господствующих классов началась фаза «красногвардейской» атаки на капитал, о которой Ленин писал:

«Нас часто упрекали лакеи буржуазии в том, что мы вели «красногвардейскую» атаку на капитал. Упрек нелепый, достойный именно лакеев денежного мешка. Ибо «красногвардейская» атака на капитал в свое время предписывалась обстоятельствами безусловно... Военное сопротивление нельзя сломать иначе, как военными средствами...»<sup>1</sup>.

Декрет о рабочем контроле в условиях диктатуры пролетариата явился мощнейшим оружием широчайших рабочих масс в деле овладения производством и создания своих собственных кадров по управлению промышленностью.

Говоря об Октябрьской победе, т. Сталин характеризует ее как наступление эры господства ленинизма и III интернационала. Эра ленинизма полностью отразилась в той национальной политике, которую наша партия начала проводить с первых же дней своего существования. Уже в декрете о мире большевики с полной ясностью выразили свое отношение ко всевозможным захватам чужих земель и насилиям над волей народов.

<sup>1</sup> Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 445.



**Объявление финансовым советом при през. С.Р. и С.Д. декрета народных комиссаров об образовании Единого банка Российской республики (Госбанка)**

Первым важнейшим декретом, установившим основные положения ленинской национальной политики, была написанная рукой т. Сталина (как и ряд других декретов по национальному вопросу, изданных тогда и позже советской властью) декларация прав народов России, опубликованная 15 ноября. Декрет этот, вышедший за подписями Ленина и Сталина, гласил:

«Октябрьская революция рабочих и крестьян началась под общим знаменем раскрепощения.

Раскрепощаются крестьяне от власти помещиков, ибо нет больше помещичьей собственности на землю — она упразднена. Раскрепощаются солдаты и матросы от власти самодержавных генералов, ибо генералы отныне будут выборными и сменяемыми. Раскрепощаются рабочие от капризов и произвола капиталистов, ибо отныне будет установлен контроль рабочих над заводами и фабриками. Все живое и жизнеспособное раскрепощается от ненавистных оков.

Остаются только народы России, терпевшие и терпящие гнет и произвол, к раскрепощению которых должно быть приступлено немедленно, освобождение которых должно быть проведено решительно и бесповоротно.

В эпоху царизма народы России систематически натравливались друг на друга. Результаты такой политики известны: резня и погромы, с одной стороны, рабство народов — с другой.

Этой позорной политике натравливания нет и не должно быть возврата. Отныне она должна быть заменена политикой добровольного и честного союза народов России.

В период империализма, после Февральской революции, когда власть перешла в руки кадетской буржуазии, неприкрытая политика натравливания уступила место политике трусливого недоверия к народам России, политике придирок и провокации, прикрывающейся словесными заявлениями о «свободе» и «равенстве» народов. Результаты такой политики известны: усиление национальной вражды, подрыв взаимного доверия.

Этой недостойной политике лжи и недоверия, придирок и провокации должен быть положен конец. Отныне она должна быть заменена открытой и честной политикой, ведущей к полному взаимному доверию народов России.

Только в результате такого доверия может сложиться честный и прочный союз народов России.

Только в результате такого союза могут быть спаяны рабочие и крестьяне народов России в одну революционную силу, способную устоять против всяких покушений со стороны империалистско-аннекционистской буржуазии.

Исходя из этих положений, Первый съезд советов в июне этого года провозгласил право народов России на свободное самоопределение

Второй съезд советов в октябре этого года подтвердил это неотъемлемое право народов России более решительно и определенно.

Исполняя волю этих съездов, Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

1) Равенство и суверенность народов России.

2) Право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России».

Эти четыре пункта с максимальной четкостью формулировали основы ленинской национальной политики, вошедшие в железный фонд величайших завоеваний пролетарской власти и открывшие новую эру, когда «старое буржуазное понимание принципа самоопределения с лозунгом «Вся власть национальной буржуазии» было разоблачено и отброшено самым ходом революции. Социалистическое понимание самоопределения с лозунгом «Вся власть трудовым массам угнетенных национальностей» получило все права и возможности применения»<sup>1</sup>.

Наряду с этим декретом следует поставить другой замечательный документ первого периода пролетарской диктатуры — обращение ко всем трудящимся мусульманам России и Востока. Обращение это, написанное т. Сталиным и, так же как декларация прав народов России, опубликованное за двумя подписями — Ленина и Сталина, решено было напечатать в миллионах экземпляров на всех языках мусульманских народов. Документ этот, непревзойденный по четкости и ясности постановки национального вопроса в международном масштабе, а также по силе выражения основных мыслей ленинской национальной политики, является образцом того, каким языком должны говорить наши братские компартии стран-угнетательниц и как они должны действовать по отношению к трудящимся колониальных и полуколониальных стран.

Мы приводим эту декларацию полностью:

**«КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ МУСУЛЬМАНАМ РОССИИ И ВОСТОКА.**

Товарищи! Братья!

Великие события происходят в России. Елизится конец кровавой войне, начатой из-за дележа чужих стран. Падает господство хищников, поработивших народы мира. Под ударами русской революции трещит старое здание кабалы и рабства. Мир произвола и угнетения доживает последние дни.

Рождается новый мир, мир трудящихся и освобождающихся. Во главе этой революции стоит рабочее и крестьянское правительство России, Совет Народных Комиссаров.

Вся Россия усеяна революционными советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. Власть в стране в руках народа. Трудовой народ России горит одним желанием — добиться честного мира и помочь уг-

<sup>1</sup> Сталин. Об Октябрьской революции, стр. 7.

нетенным народам мира завоевать себе свободу.

В этом святом деле Россия не одинока. Великий клич освобождения, данный русской революцией, подхватывается всеми трудящимися Запада и Востока. Истомленные войной народы Европы уже протягивают нам руки, творя мир. Рабочие и солдаты Запада уже собираются под знамя социализма, штурмуя твердыни империализма. А далекая Индия, та самая, которую веками угнетали «просвещенные» хищники Европы, подняла уже знамя восстания, организуя свои Советы Депутатов, сбрасывая с плеч ненавистное рабство, призывая народы Востока к борьбе и освобождению.

Рушится царство капиталистического грабежа и насилия. Горит почва под ногами хищников империализма.

Перед лицом этих великих событий мы обращаемся к вам, трудящиеся и обездоленные мусульмане России и Востока.

Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное правительство!

Мусульмане Востока, персы и турки, арабы и индусы, все те, головами и имуществом которых, свободой и родиной которых сотни лет горговали алчные хищники Европы, все те, страны которых хотят поделить начавшие войну грабители!

Мы заявляем, что тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя, подтвержденные свергнутым Керенским, ныне порваны и уничтожены. Республика Российская и ее правительство, Совет Народных Комиссаров, против захвата чужих земель. Константинополь должен остаться в руках мусульман.

Мы заявляем, что договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, войска будут

выведены из Персии и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы.

Мы заявляем, что договор о разделе Турции и «отнятии» у нее Армении порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, армянам будет обеспечено право свободно определить свою политическую судьбу.

Не от России и ее революционного правительства ждет вас порабощение, а от хищников европейского империализма, от тех, которые ведут нынешнюю войну из-за дележа ваших стран, от тех, которые превратили вашу родину в расхищаемую и обираемую свою «колонию».

Свергайте же этих хищников и поработителей ваших стран. Теперь, когда война и разруха расшатывают устои старого мира, когда весь мир пылает негодованием против империалистов-захватчиков, когда всякая искра возмущения превращается в мощное пламя революции, когда даже индийские мусульмане, загнанные и замученные чужеземным иглом, поднимают восстание против своих поработителей, теперь молчать нельзя. Не теряйте же времени и сбрасывайте с плеч вековых захватчиков ваших земель! Не отдавайте им больше на разграбление ваших родных пепелищ! Вы сами должны быть хозяевами вашей страны! Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию. Вы имеете на это право, ибо ваша судьба в ваших собственных руках...

Товарищи! Братья!

Твердо и решительно идем мы к честному демократическому миру.

На наших знаменах несем мы освобождение угнетенным народам мира.

Мусульмане России!

Мусульмане Востока!

На этом пути обновления мира мы ждем от вас сочувствия и поддержки».

За все годы своего существования советская власть неизменно осуществляла и осуществляет на практике провозглашенные ею основы национальной политики.

В своем ультиматуме контрреволюционной мелкобуржуазной Украинской раде Совет народных комиссаров еще раз подтвердил «право на самоопределение за всеми нациями, которые угнетались царизмом и великорусской буржуазией, вплоть до права этих наций отделиться от России».

В особом декрете о государственной независимости Финляндии, явившемся результатом заявления т. Сталина 27 ноября в Гельсингфорсе на съезде финляндской социал-де-

мократической партии о том, что признание за финским народом прав на самоопределение будет подтверждено Советом народных комиссаров на деле и будет проведено в жизнь без колебаний, в полном согласии с национальной политикой советской власти, СНК постановлял признать государственную независимость Финляндской республики и организовать по согласованию с финляндским правительством особую комиссию из представителей обеих сторон для разработки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России.

В декрете о «Турецкой Армении», написанном т. Сталиным и имеющем также две подписи — Ленина и Сталина, было объявлено «армянскому народу, что рабочее и крестьянское правительство России поддерживает право армян оккупированной Россией «Турецкой Армении» на свободное самоопределение вплоть до полной независимости».

Одновременно с этим декретом т. Сталин — в то время народный комиссар по делам национальностей — опубликовал сообщение, в котором писал:

«Сыны Армении, героические защитники своей родины, но далеко не дальновидные ее политики, не раз поддававшиеся обману со стороны хищников империалистической дипломатии, не могут теперь не видеть, что старый путь дипломатиче-

ских комбинаций не есть путь освобождения Армении. Становится явным, что путь освобождения угнетенных народов лежит через рабочую революцию, начатую в России в Октябре. Теперь ясно для всех, что судьбы народов России, особенно же судьбы армянского народа, тесно связаны с судьбами Октябрьской революции».

Эти первоначальные и основные декреты советской власти по национальному вопросу еще более упрочивали союз рабочих и крестьян задавленных царизмом национальных окраин с рабочими и крестьянами России, поддерживали в них веру в торжество социализма.

Трудящиеся массы многочисленных национальностей постепенно и на деле убеждались, что единственной силой, которая в состоянии помочь в их борьбе за фактическое освобождение от гнета и власти буржуазии — «своей» и чужой, является пролетариат, осуществляющий свою диктатуру под руководством партии большевиков.



Утверждение советской власти происходило в обстановке контрреволюционных заговоров, в обстановке сопротивления декретам правительства и саботажа. Партия кадетов стала штабом гражданской войны, организованной против власти рабочих и крестьян.

«Кадеты, — говорил Ленин на заседании ВЦИК 14 декабря, — прикрываясь

Декрет о «Турецкой Армении»

Совет Народных Комиссаров объявляет Армянскому народу, гр. Радне и Кавказскому Народному Правительству России поддержку прав армян на самодетерминацию и свободу вплоть до полной независимости.

Совет Народных Комиссаров объявляет, что дальнейшее право волеизъявления при условии ряда предварительных гарантий, о которых ниже говорится для свободного государства Армянского народа.

Важнейшие гарантии Совет Народных Комиссаров объявляет:

1) полная воля и независимость Турецкой Армении и безусловная поддержка армянского народа и народа в Армении и безраздельная и полная независимость армянского народа в Турции.

2) безраздельная возвращение Голландии, Франции и Италии восточных армянских районов в границах этих стран, в пределах «Турецкой Армении»;

3) безраздельная возвращение в пределы «Турецкой Армении» и самобытного волеизъявления во время войны Турецким войскам восточной Турции армянам, на чем Совет Народных

Комиссаров объявляет свое полное согласие.

Утверждение Турецкого Народного Правительства «Турецкой Армении» в лице Совета Восточной Турции Армянского народа, избранного на деле армянским народом.

Третьяковскому Турецкому Комиссару по Кавказу Стенному Указанию поручается начать исполнение «Турецкой Армении» в полном соответствии с фактическим состоянием на 4 и 5, а также в соответствии с условиями, приведенными в этом Указании Комиссару объявляет, что для установления связи с армянским народом восточной Турции и армянского Турецкого народа (пункт 3. а.)

Указание это Указание объявляет, что Турецкий народ Армении и Турецкий народ Кавказа не признают независимости Армянского народа и не признают его самостоятельности и независимости. Совет Народных Комиссаров объявляет, что Турецкий народ Кавказа не признает независимости Армянского народа.

Прочему Совет Народных Комиссаров объявляет, что Турецкий народ Кавказа не признает независимости Армянского народа и не признает его самостоятельности и независимости.

Декрет о «Турецкой Армении», написанный рукой т. Сталина

формально демократическим лозунгом, лозунгом Учредительного собрания, на деле открывают гражданскую войну».

Кадеты, пробравшись в Гаврический дворец, сделали попытку открыть самочинно заседание Учредительного собрания; когда им это не удалось, они организовали контрреволюционную демонстрацию. Совет народных комиссаров ответил на это декретом «Об аресте вождей гражданской войны против революции».

«Члены руководящих учреждений партии кадетов как партии врагов народа подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов.

На местные советы возлагается обязательство особого надзора за партией кадетов ввиду ее связи с корниловско-калединской гражданской войной против революции».

В тот же день Совет народных комиссаров обратился с правительственным сообщением «Ко всем трудящимся и эксплуатируемым», в котором подробно сообщается о заговорах Корнилова, Каледина и Дутова, которых поддерживает буржуазия деньгами и продуктами, о кровавых столкновениях революционных войск с отрядами буржуазных заговорщиков, о попытке использовать Учредительное собрание в контрреволюционных интересах кадетов.

Доводя обо всем этом до сведения всех трудящихся и эксплуатируемых, Совет народных комиссаров предупреждал, что «все завоевания народа, и в том числе близкий мир, поставлены на карту», и предостерегал, что «малейшая нерешительность или слабость народа может закончиться крушением Советов, крушением дела мира, гибелью земельной реформы, новым всевластием помещиков и капиталистов».

Ряд декретов, обращенных к казакам, к местным советам, к флоту, требует конкретных революционных мероприятий по отношению ко все более поднимающейся со всех сторон контрреволюции. Наряду с разъяснением создавшейся обстановки гражданской войны и организацией масс на борьбу с буржуазией и ее генералами Совет народных комиссаров продолжает в ряде декретов давать рабочим и крестьянам максимально ясные представления о той политике, которую вели и предполагали вести большевики.

Ленинский «Декрет о печати», направленный против буржуазной и контрреволюционной прессы, воспользовавшейся свободой для того, чтобы «отравлять умы и

*Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции*  
*Члены руководящих учреждений партии кадетов как партии врагов народа подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов.*  
*На местные советы возлагается обязательство особого надзора за партией кадетов ввиду ее связи с корниловско-калединской гражданской войной против революции».*

*Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции*  
*10/12 1917 г.*  
*В. Ленин*

Декрет «об аресте вождей гражданской войны против революции», написанный рукой т. Ленина

вносить смуту в сознание масс», указывал, что «буржуазная пресса есть одно из могущественнейших орудий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага в то время, как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы. Вот почему и были приняты временные и экстренные меры пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса».

Когда 17 ноября Ю. Ларин внес во ВЦИК предложение отменить декрет, запрещавший буржуазные и контрреволюционные газеты, Ленин ответил: «Мы и раньше заявляли, что закроем буржуазные газеты, если возьмем власть в руки. Терпеть существование этих газет — значит перестать быть социалистом».

Огромную роль по существу и по своему пропагандистскому значению сыграл декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», произведший громадный переворот во всех представлениях о сословной иерархии и опрокинувший всю сословную лестницу старого общества. Этим декретом были упразднены все существовавшие в России



сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), всякие титулы (княжеские, графские и пр.), всякие наименования гражданских чинов (тайные, статские и пр. советники и т. п.). Декрет установил только одно звание для всех — гражданин Российской республики.

Ленин неустанно раз'яснял основы советской демократии, а среди них он особое внимание уделял праву отзыва делегатов.

В декрете «О праве отзыва», написанном Лениным и опубликованном ВЦИК, Ленин раз'яснял:

«Какое бы то ни было выборное учреждение или собрание представителей может считаться истинно демократическим и действительно представляющим волю народа только при условии признания и применения права отзыва избирателями своих выборных. Это основное, принципиальное положение истинного демократизма, относясь ко всем без исключения собраниям представителей, относится также и к Учредительному собранию».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ  
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВЪ

Петроград  
1917

*Копия декрета о праве отзыва  
делегатов, написанная  
рукой Ленина  
1917*

*Учред. Сов. Респ. Копия  
Управления Делами*

*Секретарь Совета Труда и  
Защиты*

Декрет об упразднении канцелярии временного правительства, написанный рукой Ленина

Защищая этот декрет во ВЦИК, Ленин указал, что «вопрос о пере выборах, это — вопрос действительного осуществления демократического начала».

Неуклонно с первых дней Октябрьского переворота большевики производили ломку старого буржуазного аппарата господства и насилия, заменяя его аппаратом диктатуры пролетариата. Особым ударом явился декрет советской власти о суде. Этим декретом был ликвидирован институт мировых судей и заменен институтом местных судей, избираемых на основании прямых выборов, а до организации таких выборов назначаемых советами и их исполкомами.

Этим же декретом были упразднены институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры. В качестве обвинителей и защитников декрет допускал всех неопороченных граждан обоюго пола, пользующихся гражданскими правами.

Менее чем через два месяца после Октябрьского переворота был уже опубликован декрет о браке и о детях. Вся брачная процедура до крайности упрощалась, так же как и процедура развода, дети «внебрачные» были уравнены в правах с «брачными» и т. п.

Конфискуя имущество буржуазии, вскрывая ее сейфы, арестовывая буржуазных саботажников и организаторов гражданской войны, лишая буржуазию чинов и званий, вселяя в ее особняки рабочих и городскую бедноту, советская власть ввела также и трудовую повинность для тех, кто считал, что священное право трудиться является «привилегией» только «низших» классов. Ряд декретов о трудовой повинности установил крепко этот институт, столь ненавистный буржуазии и ее агентуре.

В своей статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» Ленин указывает, что «непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране». Ленин констатирует, что за каких-нибудь десять недель, начиная от 7 ноября до разгона Учредилки, большевики очистили эти «авгиевы конюшни» в тысячу раз лучше, чем это сделали за восемь месяцев своей власти кадеты, меньшевики и эсеры; большевики продела-



ли эту чистку «гораздо решительнее, быстрее, смелее, успешнее, шире и глубже с точки зрения воздействия на массы народа, на толщу его, чем Великая французская революция свыше 125 лет тому назад».

Но не в этом была основная задача Октябрьской пролетарской, т. е. социалистической, революции. Очистка «авгиевых конюшен» буржуазного господства была совершена походя, была побочным продуктом революционной классовой борьбы. «... Чтобы закрепить за народами России завоевания буржуазно-демократической революции, мы должны были продвинуться дальше, и мы продвинулись дальше». Проделав мимоходом ряд буржуазно-демократических преобразований, мы одновременно делали подлинно революционное, подлинно социалистическое дело. Происходило перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Это перерастание происходило в процессе ожесточеннейшей классовой борьбы, измен и предательств внутри партии (Зиновьев, Каменев, Шляпников). Были и неудачи. «Еще бы обойтись без неудач и ошибок в таком новом, для всей мировой истории новом деле, как создание невиданного еще типа государственного устройства!»<sup>1</sup>.

Большевикам учиться было не у кого. Миллионы рабочих и крестьян только что вышли на открытую арену пролетарской демократии. Но большевики под гениальным руководством Ленина, еще в 1915 г. указавшего на возможность при неравномерности развития капитализма победы социализма в одной стране, вели трудящиеся массы вперед к построению в нашей стране социалистического общества.

И гениальный продолжатель дела Ленина, наш вождь и учитель т. Сталин, подводя итоги первой пятилетки, осуществленной нами на путях пролетарской диктатуры и на основах социализма, заложенных в великие Октябрьские дни, констатировал:

«Итоги пятилетки показали, что вполне возможно построить в одной стране социалистическое общество, ибо экономический фундамент такого общества уже построен в СССР».

Как далеко вперед мы продвинулись за эти шестнадцать лет, истекших от первых декретов Октября, на пути к построению бесклассового общества!

Предлагая мир, мы были беззащитной, бес-

помощной в военном отношении страной, а сейчас мы стали передовой индустриальной страной, готовой ко всяким случайностям, страной, способной «производить в массовом масштабе все современные орудия обороны и снабдить ими свою армию в случае нападения извне» (Сталин).

Мы начали декретом о земле с его уравнительным землепользованием, а теперь на основе мощного развертывания нашей индустрии и социалистической переделки сельского хозяйства в нашей стране прочно и нерушимо победил колхозный строй.

Мы начали с рабочего контроля, а сейчас рабочий класс нашей страны не только восстановил разрушенную промышленность, но в результате выполнения первой пятилетки выдвинулся в ряды передовых промышленных стран мира, «капиталистические элементы вытеснены из промышленности окончательно и бесповоротно, а социалистическая промышленность стала единственной формой индустрии в СССР» (Сталин).

Мы начали с Декларации прав народов России, а сейчас наша великая страна социализма, неуклонно проводя ленинскую национальную политику — национальную по форме и социалистическую по содержанию, — представляет собою мощный неразрывный союз многочисленных народов, строящих бесклассовое социалистическое общество.

Мы начали со свержения капиталистов и помещиков, а сейчас, ликвидируя кулачество как класс — этот последний оплот капитализма в нашей стране, — мы добиваем остатки классового врага.

Мы начали с того, что терпеливо разъясняли трудящимся смысл и значение власти советов, а теперь наша советская страна, по выражению т. Сталина, является ударной бригадой мировой пролетарской революции.

Ленин говорил, что большевизм — образец для всех. Декреты Октября, наша борьба за превращение революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую является образцом для братских коммунистических партий всего Коминтерна, который свою программу, боевую программу действий всего международного пролетариата основал на тактике и стратегии Великой Октябрьской революции, а раздел «Диктатура пролетариата и экспроприация экспроприаторов» построил на опыте Октября и его великих исторических декретов.

<sup>1</sup> Ленин, Собр. соч., т. XXVII, стр. 27.

«Большевик» № 20.

Статья переработана и дополнена.

## **ЭКСПРОПРИАЦИЯ**

## **ФАБРИК**

## **И ЗАВОДОВ**

### **ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ**

Первые месяцы после Октябрьского переворота были периодом «красногвардейской атаки» победившего пролетариата на капитал.

«Красногвардейская атака» на капитал, являясь прямым следствием Октябрьской революции, означала в первую очередь массовый штурм против сопротивляющегося, саботирующего советскую власть врага, завоевание и закрепление за пролетариатом экономических командных высот.

Ленин в обращении «к населению» писал: «Вводите строжайший контроль за производством и учетом продуктов. Арестуйте и предавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу... Берите всю власть в руки своих Советов. Берегите, храните как зеницу ока землю, фабрики, орудия, продукты, транспорт — все это отныне будет всецело вашим, общенародным достоянием».

«Капитал сопротивлялся по-военному» (Ленин). «Баррикадная» борьба шла повсюду. Верхние и средние слои чиновничества, служащих, интеллигенции саботировали советскую власть, пытались сломить ее. Саботаж финансировался буржуазией — заводчиками и фабрикантами, вдохновлялся и открыто пропагандировался партиями мелкобуржуазной контрреволюции — меньшевиками и эсерами.

Одной из острейших форм политической борьбы против молодой, неокрепшей еще диктатуры пролетариата были локауты. Довести разруху до крайних пределов, разворовать заводы и фабрики, поставить пролетариат перед лицом массовой безработицы и голода и этим заставить его капитулировать — стало программой действий буржуазии.

Предприятия закрывались одно за другим. В Петрограде прекратили свою деятельность крупнейшие заводы: Парвиайнена, Лесснера, Металлический, Франко-русский, Барановского, Адмиралтейский, Айваза. «Промет», Эриксона. По данным, приводившимся т. Молотовым на I съезде совнархозов, на первое апреля 1918 г. в Петрограде из 799 заводов работало 534, закрылось 265; из 208 тыс. рабочих осталась 121 тыс. (сокращение больше чем на 57 проц.).

В этой обстановке заговора буржуазии, начавшей грандиозный контрреволюционный локаут, расширение рабочего контроля, почти всеобщий охват им всей промышленности имел исключительное значение. Рабочий контроль спас промышленность.

Рабочий контроль — большевистский лозунг, выдвинутый Лениным непосредственно вслед за Февралем 1917 г., — в своем развитии прошел два этапа: до и после-октябрьский. На каждом из этих этапов рабочий контроль имел свое «основное звено», свою центральную политическую задачу. До Октября — содействие формированию политической армии большевизма, подготовлявшего свержение капитала и установление пролетарской диктатуры. После Октября — борьба с сопротивлением классового врага экономическим мероприятиям советской власти и подготовка к полному переходу фабрик и заводов в руки пролетарского государства.

Следующим крупнейшим политическим мероприятием была национализация фабрик и заводов и организация Высшего совета народного хозяйства. Ленин в проекте «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» писал:

«Подтверждается советский закон о рабочем контроле и о Высшем совете народного хозяйства, в целях обеспечения власти трудящегося народа над эксплуататорами, и как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность рабоче-крестьянского государства»<sup>1</sup>.

Какова была расстановка сил на предприятии? С одной стороны, саботирующий предприниматель, разоблаченный рабочими классовый враг, который торопится разрушить до конца предприя-

<sup>1</sup> Собр. соч., т. XXII, стр. 174.

ние. С другой, рабочие фабрично-заводские комитеты, фактические хозяева предприятия.

Непосредственной и ближайшей причиной конфискации предприятия по решению рабочих (своеобразной формы национализации снизу) были саботаж и вредительская работа владельца или правления. Предприниматель объявлял об остановке фабрики, а иногда, даже не объявляя об этом, фактически доводил предприятие до полного запустения и остановки. Рабочие на общем собрании выносили решение об отстранении владельца, извещали о своем решении профессиональный союз и соответствующий советский орган, зачастую тут же, на общем собрании, избирая рабочее правление или дирекцию предприятия.

✓ На общем собрании рабочих фабрик Коновалова по вопросу о создавшемся положении «в связи с саботажем правления и административных лиц» (объявление правления об остановке фабрик и выдаче расчета 5 января 1918 г.) постановлено: «Отныне же фабрики Коновалова в с. Бонячках берутся в руки рабочих, для чего выделить комиссариат из числа служащих и рабочих для дальнейшего производства работ»<sup>1</sup>.

Вычугский совет рабочих и солдатских депутатов сообщает в письме комиссару промышленности Иваново - Кинешемского района, что все хлопчатобумажные фабрики Вычуги в непродолжительном времени должны остановиться. «Закупка хлопка правлениями фабрик не производится, фабриканты и высший технический персонал фабрик саботируют и дезорганизуют промышленность, и рабочие стоят перед угрозой безработицы»<sup>2</sup>. Совет предлагает немедленно реквизировать все фабрики и передать управление их рабочим комитетам.

Характерный по стилю и содержанию документ представляет письмо рабочих чугунолитейного Ханинского завода в Калужской губернии. Общее собрание рабочих постановило завод конфисковать, «удалив предпринимателя С. С. Баранова от управления заводом». При этом общее собрание подробно мотивирует свое решение. Завод по сути дела уже представляет собой почти груды развалин. Рабочие не могут медлить с конфискацией, «видя, как постепенно замедляется производительность предприятия, ви-

дя прекращение функций приводов и машин и видя в самом близком времени смерть нашего завода, на котором мы, работая всю жизнь, кое-как кормились, создавая за 150 лет жизни блага владельцам предприятия, теперь мы, рабочие, имеющие свой голос, должны сказать всю правду, что мы благодаря отрицательным заботам со стороны предпринимателей останемся в скором времени без дела, видя требование жизни в направлении всех сил и производительности страны, не можем смотреть равнодушно на погибающее предприятие»<sup>3</sup>.

«Капитал сопротивлялся по-военному». Опытных специалистов в распоряжении рабочих не было, так как они либо открыто перешли в контрреволюционный лагерь, либо оказывали упорное сопротивление саботажем. Это был период непосредственной экспроприации экспроприаторов в условиях ожесточенной классовой борьбы, огромной творческой работы по созданию новой, социалистической жизни.

В качестве примера того, как в процессе классовой борьбы вырастало и оформлялось предприятие социалистического типа, можно указать на первую национализированную фабрику — Ликинскую мануфактуру. Ко времени Октябрьской революции мануфактура была закрыта. Владелец фабрики, министр временного правительства А. Смирнов, начав попытки локаута, который должен был послужить сигналом к общему локауту во всем Центрально-Промышленном районе, еще в августе 1917 г., несмотря на решительное сопротивление широкой рабочей общественности, закрыл мануфактуру. После Октябрьской революции ликинские рабочие возбудили перед Народным комиссариатом труда и Совнаркомом вопрос о национализации, доказав, что закрытие состоялось по злостному нежеланию владельца вести дело. Все мирные способы разрешения конфликта разбились о сопротивление владельца, оставалось единственное — конфисковать предприятие в пользу государства. 17 ноября 1917 г. Ленин подписывает декрет о национализации Ликинской мануфактуры. Характерно, что одновременно с изданием декрета представители ликинских рабочих дают правительству (Комиссариату труда) письменное обязательство в следующем: 1) принять все меры к поднятию производительности до уровня, превышающего производительность при старом

<sup>1</sup> «1918 год в Иваново-Вознесенской губернии», стр. 7.

<sup>2</sup> Там же, стр. 15.

<sup>3</sup> Архив Наркомтяжпрома, Ф. Главметалл, дело № 131, стр. 23.

правлении; 2) охранять все здания, машины, станки и материалы фабрики; 3) в вопросах заработной платы держаться соответствующих тарифных норм, выработанных областным правлением союза текстильщиков; 4) вся продукция Ликинской мануфактуры распределяется согласно общему продовольственному плану.

Первая советская фабрика конструирует свой руководящий аппарат. Правление состоит из трех представителей фабричного комитета, одного от московского союза текстильщиков и одного представителя Комиссариата труда Московской области. Директором фабрики, работающим под руководством и контролем правления и фабкома, назначается инженер К. Иванов, единственный из ликинских специалистов, не саботировавший работу после Октября и исключенный за это из союза инженеров Орехово-Зуевского района.

С первых же дней рабочее правление натолкнулось на полный бойкот со стороны всего штата служащих. Кассовая, главная и другие конторские книги были скрыты, нельзя было разыскать записей на заказы и сдачу материалов и товаров. При вскрытии кассы правления в ней оказалось всего 42 р. 40 к., а в фабричной кассе—505 р. 72 к., т. е. в общей сложности 548 р. 12 к. Между тем нужно было немедленно выдать хотя бы по несколько рублей рабочим, не получавшим зарплаты почти четыре месяца. Правление берет взаимнообразно у Московского совета рабочих депутатов 200 тыс. рублей и у союза текстильщиков — 65 тыс. Так создается возможность выдать рабочим небольшой аванс (по 30 рублей). Удовлетворив эту первоочередную нужду, правление приступает к реализации готовых изделий. Продав фабричные ткани московскому продовольственному комитету, правление обеспечивает фабрику топливом.

Фабрика пускается в ход. Фабричный комитет совместно с правлением, и одновременно контролируя его, организует и направляет все стороны производственной жизни. Фабком борется за трудовую дисциплину. Выделяется специальная комиссия по борьбе с браком товара, которая выносит решение: «1) За порчу товара в первый раз — выговор через фабричный комитет, 2) во второй раз — вычет трехдневного заработка, 3) в третий раз — оставление на первом станке на срок в две недели».

Рабочие правления предприятий конструируются буквально на ходу, одновременно с

решением о конфискации фабрики или завода, по-разному на различных предприятиях; однако принцип, определяющий взаимоотношения фабзавкома и рабочего правления, сохраняется повсеместно, вне зависимости от того, как эти взаимоотношения складываются в деталях на практике. Путиловские рабочие формулировали этот принцип так: «Существовавшее прежде противопоставление фабрично - заводского комитета, как представителя организации труда, правлению предприятия, как представителю организации капитала, отпадает. Это противоположение должно быть заменено теперь взаимным сотрудничеством и поддержкой фабрично-заводского комитета и фабрично-заводского управления в достижении пользы народного хозяйства как единой и общей цели»<sup>1</sup>.

Процесс создания рабочих правлений на национализированных снизу предприятиях во многом напоминает процессы, происходившие в армии после Октября. В этот период, когда сочетались хаос и энтузиазм, когда на каждом участке шло «вырывание» остатков власти из рук буржуазии, мы наблюдаем широкую выборность руководства предприятий и непосредственную подконтрольность его всему рабочему коллективу предприятия.

Характерные образцы дает в этом смысле Урал. Уже к январю 1918 г. национализация горнозаводской промышленности на Урале была в основном закончена. В конце января собирается съезд представителей национализированных предприятий, который принимает «временное положение» об управлении этими предприятиями. «Положение» содержит в себе например такие пункты: «Высшим органом, ведающим общим направлением и руководством, жизнью и деятельностью предприятия, является совет уполномоченных, выбираемых всем личным составом предприятия. Уполномоченные выбираются на определенный срок, не менее одного операционно-отчетного периода; общее число уполномоченных в зависимости от величины предприятия колеблется от 25 до 60 чел. Высшим исполнительным хозяйственно-административным органом предприятия является правление. Правление в составе (в зависимости от размеров предприятия) от 3 до 15 лиц избирается закрытой подачей голосов советом предприятия на срок полномочия последнего»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> «Путиловец на путях к Октябрю», стр. 164.

<sup>2</sup> «Народное хозяйство» № 1, 1918 г.

Эта форма широкой коллегиальности и выборности, «рабочих парламентов» по управлению предприятиями была известна уральским рабочим под названием «деловых советов» еще с осени 1917 г.

На Урале борьба рабочих с горнопромышленными магнатами, владевшими целыми округами, принимала чрезвычайно обостренные формы. Уральские заводчики, следуя за правлением Богословского горного округа, которое еще в мае 1917 г. заявило, что оно никаких комитетов не признает и признавать не будет, возглавили поход заводчиков и фабрикантов против рабочего контроля. В результате в Богословском округе — районе, охватывающем 45 тысяч рабочих и 4 тысячи служащих, был организован военно-революционный комитет, взявший на себя задачу управления производством округа.

7 декабря 1917 г. Совет народных комиссаров, «ввиду отказа заводоуправления акционерного общества Богословского горного округа подчиниться декрету Совета народных комиссаров о введении рабочего контроля над производством, постановил конфисковать все имущество акционерного горного округа, в чем бы это имущество ни состояло, и объявить его собственностью Российской республики».

Заводчики не сдавались. Конфискация заводов не застала их врасплох. В ответ на постановление правительства правление Богословского округа объявило, что оно дает всему техническому персоналу и служащим округа шестимесячный отпуск с сохранением жалованья и что этот отпуск в случае необходимости может быть продлен.

Рабочие реагируют на поведение заводчиков, с одной стороны, прямыми репрессивными мерами (бюро съездов горнопромышленников Урала было арестовано), с другой — повсеместным захватом горнопромышленных предприятий и организацией на них рабочих правлений — деловых советов.

Деловые советы на Урале создавались еще задолго до Октябрьской революции (в Златоусте, на пермских пушечных заводах и т. д.). Но тогда это была меньшевистско-эсеровская затея, имевшая своей целью отвлечь рабочих от классовой борьбы. Достаточно будет сказать, что по конструкции деловых советов представители рабочих, составляя меньшинство, пользовались правом совещательного голоса, в то время как большинство, состоявшее из предста-

вителей правления и администрации, имело решающий голос. Деловые советы послеоктябрьского периода — организации иного типа. Теперь на национализированном предприятии «решающий голос» принадлежал рабочим.

Представители рабочих в деловой совет избирались на общих собраниях рабочих или делегировались рабочими организациями — профсоюзами и фабзавкомками. Представители служащих, инженеров и техников избирались на общих собраниях служащих и технического персонала и утверждались рабочими организациями. Таким путем рабочие ограждали себя от участия в управлении нежелательных лиц. Кроме того областные рабочие организации располагали правом отвода предложенных в деловой совет кандидатов. Рабочие чрезвычайно дорожили теми специалистами, которые в действительности соединяли свою судьбу с борьбой рабочего класса. Так, в то время как выборные представители рабочих в деловых советах получали 500 рублей в месяц, сами рабочие довели оклад инженеров в тех же деловых советах до 6 тыс. рублей.

В Донбассе в разгар гражданской войны директора, управляющие и главные инженеры бегут в Новочеркасск, этот центр в то время казачьей Вандеи. Предприятия брошены на произвол судьбы. Рабочие сами проводят массовую национализацию предприятий. Мало того, «в одном районе рабочие 72 рудников самочинно образовали районный совет народного хозяйства, который и взял в свои руки управление этими рудниками»<sup>1</sup>.

Огромную творческую инициативу проявляют профессиональные союзы. В Харькове 17—21 ноября 1917 г., следовательно за месяц до организации и фактического начала работы Высшего совета народного хозяйства, происходило областное совещание рабочих-металлистов Донецко - Криворожского бассейна. Совещание приняло решение: «Покуда будет создан правительственный аппарат экономического совета, создать временный хозяйственный центр из представителей трех крупнейших рабочих организаций районов: металлистов, горнорабочих и железнодорожников. Временный хозяйственный центр объединенных профессиональных организаций должен, не дожидаясь постановки дела регулирования в общегосударственном масштабе, приступить к мобилизации угольной и металлургической про-

<sup>1</sup> «Известия ВЦИК» № 54 (318), 1918 г.



Худ. Г. К. САВИЦКИЙ

### Рабочий контроль в 1918 г.

мышленности районов. Хозяйственный центр профессиональных организаций должен приспособить транспорт к доставке угля на металлургические предприятия юга России и предприятия Петрограда; повысить добычу угля на рудниках и организовать перевозку металлургических полуфабрикатов в металлообрабатывающий Петроград».

С ноября 1917 г. по январь 1918 г. были национализированы крупнейшие уральские предприятия округа: Богословский, Симский, Кыштымский, Ачинско-Уфимский, Н.-Тагильский, Луньевский, заводы Русско-Бельгийского металлургического общества (в Донецком бассейне), Путиловский, Невский, Сестрорецкий заводы (Петроград), огромные электрические предприятия—«Общество электроосвещения 1886 г.», «Электропередача» и др.

Национализация промышленности разворачивается не сразу. Вначале государственной собственностью объявляются отдельные предприятия, реже — группы предприятий. Случаи национализации целых отраслей промышленности до декрета о всеобщей национализации (28 июня 1918 г.) носят эпи-

зодический характер (сахарная, нефтяная). Лишь I съезд советов народного хозяйства (26 мая — 4 июня 1918 г.) поставил в порядок дня систематическую национализацию целых отраслей промышленности, а в дальнейшем и «завершение национализации».

Национализация и секвестр предприятий производятся одновременно по трем направлениям: во-первых, снизу, непосредственно самими рабочими, во-вторых, центром, декретами Совнаркома, а начиная с февраля 1918 г. и постановлениями ВСНХ, в-третьих, решениями местных (районных, областных) советских организаций. Можно было наблюдать например явления такого порядка: 31 января 1918 г. Совнарком декретом объявляет о национализации фабрик И. Коновалова в Бонячках, но за несколько дней до этого, а именно 25 января, иваново-вознесенский комиссар труда издает декрет следующего содержания: «Ввиду отказа правления фабрик товарищества мануфактур И. Коновалова вести нормальную работу в предприятиях и выезда с фабрик администрации именем Совета народных комисса-



ров и Российской республики советов с сего 13 января (по старому стилю.—Б. Ф.) все имущество г-ва И. Коновалова, в чем бы оно ни заключалось—фабрики, склады, амбары, движимое и недвижимое имущество—объявляется собственностью Республики»<sup>1</sup>.

Национализация, проводившаяся декретами центра, в течение первого периода (ноябрь—январь) чаще всего содержала такую мотивировку: ввиду отказа такого-то предприятия или акционерного общества подчиниться декрету о введении рабочего контроля над производством Совнарком постановил конфисковать все имущество этого предприятия или акционерного общества и объявить его собственностью Российской республики. Но вскоре мы встречаем в правительственных декретах о национализации и другие мотивировки. Подписанный 27 декабря 1917 г. т. Сталиным декрет о национализации Путиловского завода мотивируется «задолженностью акционерного общества Путиловских заводов казне Российской республики». Декрет о национализации

Сестрорецкого металлургического завода говорит об отказе заводоуправления продолжать производство. В некоторых случаях национализация мотивируется нежеланием правления подчиниться декрету о демобилизации, стремлением расчитать рабочих, бесследным исчезновением владельца фабрики, оставившего рабочих и фабрику на произвол судьбы, и т. д. Наконец со второй половины января 1918 г., начиная от декрета о конфискации Костромского механического завода «ПЛО», значительная часть декретов Совнаркома и постановлений ВСНХ о национализации не содержит уже объяснения причин.

Трудно установить точно ход национализации промышленности в течение первого года советской власти. По официальным данным, числилось национализированными на 15 мая 1918 г. 304 предприятия, на 1 июня—487, на 1 июля—521.

По отдельным отраслям промышленности мы имеем такую картину национализации (на 1 июля)<sup>2</sup>:

Название групп	Казенные	Национализировано			Секвестровано			Итого
		Совнаркомом или ВСНХ	Областными СНХ	Местными организациями	Совнаркомом или ВСНХ	Областными СНХ	Местными организациями	
Горно-металлургическая . . . . .	23	50	39	2	—	72	1	218
Металлообрабатывающая . . . . .	—	18	25	5	1	45	1	
Топливная . . . . .	4	4	2	11	—	—	—	21
Электротехническая . . . . .	—	5	1	2	—	10	—	18
Волокн. веш. ств. . . . .	—	3	5	7	—	7	4	26
Химическая . . . . .	—	4	21	4	—	8	5	42
Дерево и бумага . . . . .	—	3	7	24	—	22	6	62
Минералы . . . . .	—	—	4	4	—	5	—	10
Пищевкусовая . . . . .	—	9	19	16	—	10	7	61
Продукт. животн. . . . .	—	—	1	6	—	1	5	13
По и рафическая . . . . .	—	1	9	5	—	2	—	17
Транспорт . . . . .	—	1	2	4	—	—	—	7
Смешанные пром. в. . . . .	—	1	16	6	—	2	1	16
<b>Всего . . . . .</b>	<b>27</b>	<b>99</b>	<b>152</b>	<b>93</b>	<b>1</b>	<b>119</b>	<b>20</b>	<b>521</b>

Мы видим, что процесс национализации в основном шел снизу и деятельность местных, особенно областных советских органов, «обгоняла» деятельность центра. В связи с этим некоторые товарищи приходили к заключению относительно «стихийно-хаотического» характера национализации (Крицман, «Героический период русской революции»), разрыва между центром и местами

<sup>2</sup> «Народное хозяйство» № 4, 1918 г. Следует отметить, что на эту же дату т. Милютин приводит другие данные о национализации промышленности. Так, в статье «Национализация промышленности» (сборник «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата») т. Милютин приводит таблицу, содержащую такие итоговые данные на 1 июля: национализировано и секвестровано центром (СНХ и ВСНХ) 132 предприятия, областными СНХ—340 и местными органами—204. Всего таким образом 676 предприятий вместо 521, показанных в официальной статистической таблице.

<sup>1</sup> «1918 г. в Иваново-Вознесенской губернии», стр. 16.

и т. д. Иным представлялось, что национализация предприятий имела «не хозяйственное, а чисто карательное значение», причем т. Рыков например рисовал такую схему: «Стремление закрывать фабрики и кризис промышленности, вызванный переходом власти в руки рабочих, были усугублены еще финансовым кризисом, который создал необычайно трудное положение даже для всех буржуазных кругов. Кризис оборотного капитала, связанный с падением стоимости рубля, неизбежно приводил к краху некоторых предприятий. Это создавало панику среди буржуазии. Они бросали свои предприятия, рабочие хотели во что бы то ни стало вести их при всяких условиях, и создавалась обстановка стихийной национализации»<sup>1</sup>.

Национализация представляется как своего рода «защитный», вынужденный обстоятельствами процесс, стихийно поднимавшийся снизу. Центр якобы с этим процессом не справился, не овладел им, и единственное, что центру оставалось, это с запозданием санкционировать уже фактически проведенную национализацию.

Нечего и говорить, что такая «защитная» концепция фактически отрицает социалистический характер Октября. Она учитывает финансовый кризис, «панику среди буржуазии», все что угодно, но только не главное, заключающееся в том, что пролетариат под большевистским руководством на другой день после победоносной социалистической революции приступил к экспроприации экспроприаторов и к развернутому строительству социалистической экономики. Эта концепция, разумеется, не случайна, правооппортунистическая позиция накануне Октября привела к такого же порядка оценке мероприятий и тактики партии после Октября.

В чем же состоял процесс национализации и как он был увязан с лозунгами экономической политики и организующим руководством партии? Имелось ли в этом процессе плановое начало и в чем оно выражалось?

Обратим внимание на то обстоятельство, что процесс национализации прежде всего охватил горно-металлургическую и металлообрабатывающую промышленность, т. е. тяжелую индустрию. 218 национализированных на 1 июля предприятий горно-металлургической и металлообрабатывающей промышленности составляют 42 проц. всех национализированных предприятий.

Стоит только просмотреть список объектов национализации, чтобы убедиться, что она в основном коснулась наиболее крупных предприятий. Даже в мотивировках некоторых декретов о национализации («Общество 1886 г.», «Электропередача») говорится о конфискации этих предприятий ввиду их общегосударственного значения.

К этому же первому периоду относится и ряд других важнейших экономических мероприятий пролетарского государства: захват Государственного банка, национализация частных банков (19 декабря 1917 г.), учреждение ВСНХ, монополия внешней торговли, национализация речного флота (26 января 1918 г.), национализация «Продамета» и т. д.

«Карательные» моменты следовательно являются далеко не главной причиной национализации. Сводить коренную причину национализации к вынужденной обороне от локаутной политики предпринимателей нельзя прежде всего потому, что такое представление искажает характер Октябрьской революции как революции социалистической. В национализации промышленности осуществлялась одна из важнейших задач социалистической революции — захват экономических высот, глубочайшее вторжение в область капиталистической собственности, ликвидация этой собственности.

Вопрос о национализации промышленности был предрешен самим фактом завоевания диктатуры пролетариата. Речь шла только о темпах национализации, о сроках, определявшихся конкретными условиями классовой борьбы, той быстротой, с которой рабочие научатся управлять промышленностью и с которой будет совершон переход от первого шага — рабочего контроля — ко второму — рабочему управлению. Эту перспективу Ленин ставит в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», об этом же он говорит и в относящемся к декабрю 1917 г. проекте о социализации народного хозяйства. «Все акционерные предприятия объявляются собственностью государства» — провозглашает этот программный документ.

Процесс перерастания рабочего контроля в рабочее управление, процесс национализации, имея своим исходным пунктом социалистическую революцию, развивался в направлении, определяемом экономической политикой большевиков — курсом на социалистическое строительство. Об этом курсе говорит VI конференция петроградских фаб-

<sup>1</sup> А. Рыков, Деятельность ВСНХ. Труды I всероссийского съезда СНХ, стр. 92.



завкомов (февраль 1918 г.) в резолюции о национализации советским государством всех орудий производства, заводов, фабрик и рудников. Это подчеркивает решение Всероссийского съезда текстильщиков (январь 1918 г.), заявляющее, что «основное направление экономического строительства в ближайшем времени должно идти по пути национализации основных отраслей промышленности». Об этом же говорится в докладе на первом пленуме (январь 1918 г.) Высшего совета народного хозяйства: «Мы держим курс на национализацию. Темп, с каким мы идем к этому, для различных отраслей неодинаков. Техническое оборудование, концентрация производства— вот основные условия, определяющие скорость национализации».

Так, в условиях ожесточенной классовой борьбы, а в некоторых районах в обстановке занимавшегося зарева гражданской войны пролетариат строил свою экономическую политику, нацупывая лучшие формы хозяйствования и экономической организации. И самое характерное, самое важное в этом процессе состоит в том, что политический смысл, решающая направленность его заключались в укреплении именно «республики советов», а не «республики своеобразных рабочих артелей»<sup>1</sup>.

Национализация от начала до конца была делом рук рабочих. Рабочие ставили перед советской властью вопрос о национализации, готовили и проводили ее. Создавался новый порядок, основанный на широкой самостоятельности рабочих, новая система хозяйства, основанная на переходе решающих средств производства и обмена в руки рабочего класса. Как ни клеветали на пролетариат буржуазия и меньшевики, как ни пытались они «доказать», что «рабочие вкладывают в социализм понятие «Все блага для себя» и меньше всего заинтересованы в интересах государства»<sup>2</sup>, рабочие экспроприировали предприятия

<sup>1</sup> И. Степанов в брошюре «От рабочего контроля к рабочему управлению», анализируя синдикалистские уклоны, имевшие место в практике ряда предприятий, пришел к совершенно правильному выводу, что «вместо республик советов» мы упираемся в республику своеобразных рабочих артелей, в которые как бы превращаются капиталистические фабрики и заводы.

<sup>2</sup> Эти слова меньшевика Рохлина сказаны на заседании Бакинского совпрофа, чтобы убедить в «губительности национализации нефтяной промышленности». С. Иткин. Очерки по истории профдвижения в г. Баку и его районах. стр. 22.

через свои организации — фабзавкомы, профсоюзы и советы—именно для рабочего класса, в интересах пролетарского государства, осуществляя на деле экономическую политику партии.

Вот почему противопоставление национализации, проводившейся в различных звеньях, как явлений разного порядка и выводы на этом основании о национализации снизу как о сплошь «стихийно-хаотическом» процессе неправильны по существу и объективно повторяют клевету классовых врагов пролетариата — буржуазии и меньшевиков. «Начинать нужно сразу и сверху и снизу» — говорил Ленин. — Надо было «овладеть неприятельской позицией, — научиться власти на опыте, на своих ошибках». В этом обучении хозяйствовать — величайшее историческое значение рабочего контроля, подготовившего пролетариат к руководству завоеванными командными высотами в промышленности. «Переход к конфискации заводов, — отмечал Ленин, — после рабочего контроля был вполне легок. Когда нас обвиняли в том, что, вводя рабочий контроль, мы разбиваем производство на отдельные цехи, мы отменяли этот вздор. Введя рабочий контроль, мы знали, что пройдет немало времени, пока он распространится на всю Россию, но мы хотели показать, что признаем только один путь — преобразований снизу, чтобы рабочие сами выработали снизу новые основы экономических условий... От рабочего контроля мы шли к созданию Высшего совета народного хозяйства. Только эта мера вместе с национализацией банков и железных дорог, которая будет проведена в ближайшие дни, даст нам возможность приступить за постройку нового, социалистического хозяйства»<sup>3</sup>.

Национализация средств производства требовала своего закрепления в общегосударственном масштабе. Одного провозглашения национализируемых предприятий государственной собственностью было недостаточно. Надо было провести «обобществление на деле», а для этого организовать управление национализированным хозяйством.

Во весь рост ставилась задача организации социалистического планового хозяйства. Уже в процессе развертывания и укрепления рабочего контроля и в процессе национализации промышленности были заложены организационные и экономические начала планового хозяйства. Но нужна была стройная и целостная система социалистического

<sup>3</sup> Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 215.

хозяйства. Вот почему на другой же день после Октябрьской революции и параллельно с проведением рабочего контроля и национализации начали создаваться органы планового руководства и управления народным хозяйством.

В этой огромной созидательной работе исключительная роль принадлежит большевистским профсоюзам и фабзавкомам.

Профсоюзы и фабзавкомы на деле осуществляют функции организаторов труда и производства. Они проводят намеченную партией тактику «красногвардейской атаки на капитал»; они ведут борьбу за поднятие трудовой дисциплины и повышение производительности труда; они принимают активное участие в строительстве хозяйственного аппарата диктатуры пролетариата.

Уже в Октябрьские дни Центральный совет обсуждал вопрос о создании единого хозяйственного органа, способного вести хозяйство страны по пути социалистического переустройства. О таком органе говорили на совещании с участием Ленина (8 ноября 1917 г.), когда обсуждались проекты декрета о рабочем контроле. Тогда же начало фигурировать и само название—Совет народного хозяйства. В конце ноября большевистская фракция ВЦИК приняла решение «превратить ВСНХ в боевой орган рабочей диктатуры, дав ему для этого законодательные права». И наконец 14 (1) декабря ВЦИК после борьбы с левыми эсерами, требовавшими половины мест ВСНХ для крестьянской секции ВЦИК, утвердил в окончательной форме декрет о ВСНХ.

ВСНХ в целом — результат творческой работы борющихся за рабочий контроль масс и нового пролетарского государства. Ленин связывал значение и роль ВСНХ с перспективами «установления чисто социалистического порядка». ВСНХ является непосредственным преемником централизованного рабочего контроля. Декрет о ВСНХ подчеркивает это со всей определенностью. Руководящая государственная организация рабочего контроля — Всероссийский совет рабочего контроля по декрету включается в состав ВСНХ. «Задача ВСНХ—организация народного хозяйства, а для этого он объединяет и координирует не только работу регулирующих инстанций, но и соответствующую (т. е. производственную.—Б. Ф.) деятельность фабрично-заводских и профессиональных организаций рабочего класса».

«От рабочего контроля,—говорил Ленин,—этих начальных шагов рабочего

класса, от хозяйничанья всеми средствами страны мы подошли к созданию рабочего управления промышленностью»<sup>1</sup>. Профессиональные союзы и фабзавкомы, направлявшие под большевистским руководством борьбу за рабочий контроль, за перерастание рабочего контроля в рабочее управление, становятся важнейшей опорой рабочего управления.

Не было после Октябрьского переворота ни одного профсоюзного съезда, ни одной профсоюзной или фабзавкомовской конференции, где бы вопросы производства не стояли во главе угла. При этом вопросы производства ставятся и обсуждаются не только с точки зрения немедленно предстоящих к разрешению задач, но и намечаются перспективы, определяются пути, по которым должно развиваться социалистическое строительство в промышленности. В этом смысле чрезвычайно интересным документом является резолюция Первого съезда профсоюзов (январь 1918 г.) о демобилизации промышленности. Съезд не ограничился рамками вопроса о демобилизации промышленности в узком смысле слова. Решение съезда говорит о задачах общей реконструкции промышленности, и здесь дается план разграничения промышленных центров, который бесспорно представляет собой один из самых ранних вариантов размещения социалистической промышленности, на деле осуществленного пролетариатом СССР в первом пятилетнем плане народного хозяйства. «Петроград и Москва, как и вообще весь север России,—говорит решение I съезда профсоюзов,—должны быть районами производства заводского оборудования и всех видов электротехники... Металлургия должна сосредоточиться исключительно в районах добычи угля и руды. В частности Донецкий бассейн должен быть поставлен во главу угла российской индустрии, на Урале же должна быть произведена полная реконструкция горных предприятий. Необходимо теперь же в Кузнецком бассейне создать громадное комбинированное предприятие, имея в виду неизбежный размах величайших транспортных и механических сооружений в быстро развивающейся в экономическом отношении Сибири»<sup>2</sup>.

Организация производства, всемерное содействие советской власти и борьба за ее укрепление были единой линией профессио-

<sup>1</sup> Ленин, Собр. соч., т. XXIII, стр. 350.

<sup>2</sup> Первый съезд профсоюзов. Стенографический отчет, стр. 379.

нального движения. Но бывали и исключения из этого общего правила. Меншевистский центральный комитет союза химиков например был против рабочего контроля и национализации промышленности. Когда в январе 1918 г. был поставлен вопрос о регулировании резиновой промышленности, меньшевики, составлявшие еще большинство в ЦК союза, категорически высказывались против национализации, считая ее «рикошетным опытом». Но насколько это отражало настроения рабочих-химиков, можно судить хотя бы по тому факту, что в том же месяце делегатское собрание союза рабочих-резинщиков Москвы предложило советской власти национализировать все резиновое производство.

Удельный вес меньшевиков в индустриальных союзах и фабзавкоммах был так ничтожен, что меньшевистское «непризнание» рабочего контроля и национализации, разумеется, никакого значения практически иметь не могло. Профессиональное движение (профсоюзы и фабзавкомы) в целом под руководством большевиков боролось за социалистическое хозяйство.

И если уже на подступах к Октябрю раздельное существование профсоюзов и фабзавкомов по сути дела потеряло свой политический смысл, поскольку процесс завоевания основных профессиональных союзов на сторону большевизма был закончен, то теперь, после нескольких месяцев напряженной совместной борьбы и строительства, эта сохранившаяся еще в ряде районов организационная обособленность фабзавкомов казалась анахронизмом, который надо было поскорее ликвидировать.

Конец борьбы за рабочий контроль был концом старых самостоятельных фабзавкомов и началом нового существования их внутри профсоюзов. V конференция фабзавкомов Петрограда (ноябрь 1917 г.) говорит еще о «дружной совместной работе

завкомов и профсоюзов», а VI конференция (февраль 1918 г.) уже считает необходимым полное слияние обеих организаций. Об этом слиянии говорит и I съезд профсоюзов. Съезд заявляет, «что параллельное существование двух форм экономической организации рабочего класса с перекрещивающимися функциями способно лишь затруднить процесс сосредоточения всех сил пролетариата». Отсюда вывод, что свои «организационно-хозяйственные задачи рабочий класс может лучше всего выполнить под руководством своих классовых экономических организаций, построенных по производственному принципу». В течение 1918 г. процесс слияния фабзавкомов с профсоюзами был окончательно завершен.

Чем ближе к середине 1918 г., к моменту всеобщей национализации промышленности, тем яснее, что рабочий контроль с его особыми задачами периода «красногвардейской атаки» на капитал уже устарел. «Красногвардейская атака» на капитал была успешна, была победоносна. Рабочий контроль имел в ней решающее значение. Он сохранил промышленность, не дав капиталистам использовать оружие локаутов в борьбе с советской властью. Он сыграл крупнейшую роль в объединении на большевистской основе двух русел профессионального движения—профсоюзов и фабзавкомов. Он подготовил снизу новые, социалистические формы пролетарского хозяйствования. Он обучил массы рабочих управлению промышленностью. «Устарелость» рабочего контроля — только доказательство огромных успехов пролетариата по пути социалистического строительства. «Если мы через полгода советской власти,—говорил Ленин,—дошли до того, что теперь подходим к устарелости контроля, — это уже громадный шаг вперед»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Ленин, Собр. соч., т. XXIII, стр. 133.

**ПОД ЗНАМЕНЕМ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ  
ПОБЕДИЛА ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.**

**ДА ЗДРАВСТВУЮТ СОВЕТЫ—ОРГАНЫ ДИКТАТУРЫ РАБОЧЕГО КЛАССА, ПРОВОДНИКИ ЛЕНИНСКОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ.**

# **БОРЬБА ЗА ХЛЕБ**

## **НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ**

## **ДИКТАТУРЫ**

## **ПРОЛЕТАРИАТА**

„Борьба за хлеб —  
борьба за социализм“  
(Ленин)

Россия была одной из тех стран, хозяйственной жизни которой империалистическая война нанесла наиболее глубокие раны. Полное расстройство всех областей хозяйства, ужасающая разруха, неумолимо надвигавшийся голод — вот обстановка, в которой непосредственно после переворота молодой, еще не окрепшей пролетарской диктатуре пришлось отбиваться от многочисленных врагов и закладывать основы нового, социалистического строя.

Особенно остро стоял вопрос о хлебе. Без хлеба пролетарское государство неминуемо обречено было на гибель. Хлеб был необходим пролетариату промышленных центров — этой основной и руководящей силе социалистической революции. Он необходим был армии, отражавшей удары многочисленных врагов на социалистическое отечество.

Понимая все значение борьбы за хлеб для диктатуры пролетариата, враги советской власти все усилия прилагали к тому, чтобы внести наибольшее расстройство именно в эту область хозяйства, чтобы не дать наладиться железному продовольственному аппарату советской власти, чтобы восстановить крестьянина против рабочего, а рабочего против крестьянина и задушить рабочую власть голодом.

Но борьба за хлеб была борьбой за социализм не только в этом смысле. Она была ею и в том смысле, что пролетарская диктатура проводила эту борьбу по-революционному: экспроприруя и беспощадно подавляя сопротивление эксплуататорских классов — помещиков, буржуазию, кулачество, — создавая и укрепляя под руководством пролетариата союз рабочих с основными мас-

сами крестьянства. И, несмотря на чрезвычайно тяжелые условия первого периода диктатуры пролетариата, именно пролетарские методы борьбы за хлеб привели к тому, что середняк, который «привык торговать», который рассматривал хлеб как свою неотъемлемую собственность, отдавал пролетарскому государству все свои излишки вначале в обмен на товары, а затем и прямо в долг. Борьба за хлеб сыграла на этом этапе решающую роль в деле подготовки политики прочного союза пролетариата с средним крестьянством, к которой партия переходит к моменту VIII съезда. И в этом была одна из величайших побед политики большевизма на данном этапе, создавшей одно из основных условий дальнейшего укрепления пролетарской диктатуры и социалистического строительства.

### **Продполитика временного правительства**

Временное правительство, возникшее в дни Февральской революции, будучи правительством буржуазии и обуржуазившихся помещиков, не могло вести какой-либо иной, отличной от политики самодержавия, продовольственной политики.

Поскольку продовольственный кризис сыграл немаловажную роль в деле революционирования масс, поскольку требование хлеба являлось одним из лозунгов Февраля, временное правительство было вынуждено объявить ряд мероприятий по «борьбе» с голодом и разрухой.

Еще 25 марта (по старому стилю) 1917 г. временным правительством был издан закон о хлебной монополии. Одновременно было опубликовано временное положение о местных продовольственных органах, где представительство рабочих ограничивалось 20 процентами.

Общегосударственный продкомитет (от 29 апреля по старому стилю) постановил командировать на места специальных эмиссаров в целях стимулирования государственных хлебозаготовок.

5 мая было организовано новое министерство — министерство продовольствия — путем выделения соответствующего аппарата из министерства земледелия. А в своей торжественной всенародной декларации от 6 мая временное правительство обязалось установить госконтроль над всей хозяйственной жизнью страны.

Однако все эти мероприятия лишь на бумаге были направлены на борьбу за хлеб. Даже буржуазно-помещичья монополия, яв-

лявшаяся по существу прикрытием спекуляции,<sup>1</sup> взвинчивания цен и хозяйственной разнузданности, вызывала недогольство у буржуазии, которая в лице частного торгового аппарата, возглавлявшегося М. В. Родзянко, открыто требовала ее отмены.

Буржуазии и помещикам, которых больше объединяла совместная заинтересованность в борьбе с растущей пролетарской революцией, чем раз'единяло различие их классовых стремлений, необходимо было «изменить лишь форму борьбы за неприкосновенность и святость капиталистической прибыли, чтобы отстоять ее при демократической республике так же успешно, как отстаивали ее при самодержавной монархии» (Ленин).

И в то время как единственными средствами спасения страны от голода и разрухи были революционные меры против буржуазии, сущность политики временного правительства заключалась в том, чтобы, выполняя «волю контрреволюции»; «полицейскими мерами против революции... разрешить хозяйственный кризис» (Сталин)<sup>2</sup>.

Если раньше, до Февраля, буржуазия выдвигала необходимость улучшения продовольственного положения с целью предотвратить назревшую буржуазно-демократическую революцию, то теперь, после Февральской революции и особенно после июльских дней и корниловщины, буржуазия всячески стремилась углубить экономическую дезорганизацию страны и тем самым удавить назревшую пролетарскую революцию голодом.

Не случайно известный капиталист Рябушинский в послеиюльские дни произнес знаменательную речь о том, что «костлявая рука голода и народной нищеты схватит за горло друзей народа — членов разных комитетов и советов».

В конце августа 1917 г. Керенский, действуя в интересах помещиков, кулаков и хлебных спекулянтов, особым приказом удвоил твердые цены на хлеб.

Это усилило разруху и революционное недовольство народных масс. «Ход событий привел к тому, что кризис, дошедший до мучительного голода, повел только к еще

<sup>1</sup> В то время как временным правительством проводилась хлебная монополия, в некоторых губерниях и областях происходила скупка хлеба частными организациями, как например обществом крупных хлеборобов Кубанской области, обществом помещиков Екатеринославской и Полтавской губерний.

<sup>2</sup> См. «Правду» от 5 августа (23 июля) 1917 г., ст. «Победа контрреволюции».



Разгром продовольственных лавок в Петрограде в 1917 г.

большему обострению гражданской войны, повел только к разоблачению таких партий, как партии правых эсеров и меньшевиков»<sup>3</sup>. Продовольственная политика временного правительства, направленная на удушение революции, способствовала, вопреки желанию проводивших ее, росту революционных сил.

Затягивание в разрешении аграрного вопроса, многочисленные конфликты крестьян с помещиками и деревенской буржуазией, захват земель, хлеба, вооруженное выступление крестьян против правительства — все это осложняло продовольственное положение тогдашней России. Крестьяне отказывались давать хлеб временному правительству.

«Население не допускает хлебной монополии. Для борьбы с этим явлением губернским комитетом сделано распоряжение о командировании воинской команды в помощь уездной администрации. Запасы продовольствия в губернии (Казанской) истощаются. Подвоз слабый»<sup>4</sup>.

<sup>3</sup> Ленин, т. XXIII, стр. 52.

<sup>4</sup> «Крестьянское движение в 1917 году» (сб.), изд. 1927 г., стр. 157.

Или:

«В губернии (Орловской) продовольственный кризис обостряется. Недостаток продуктов все более и более усиливается. Во многих уездах крестьяне, поддерживаемые волостными продовольственными управами, отказываются везти хлеб в город» сентябрь 1917 г. Там же, стр. 264).

В деревню посылались вооруженные ударные части казаков и других формирований. Полдцейские меры «борьбы» с голодом нарастали. Голод все усиливался. Контрреволюция расчищала путь русскому Кавеньяку — Корнилову.

Но вопрос о судьбе страны и революции историей был решен иначе. Пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством, опираясь на громадное сочувствие всех трудящихся и эксплуатируемых, свергнул в Октябре власть буржуазии и провозгласил новую эру в жизни человечества, установив диктатуру пролетариата с целью построения нового, социалистического общества.

#### **Продовольственная политика советской власти**

Вместе с Октябрем, вместе с установлением советской власти коренным образом меняются и основы продовольственной политики. Борьба за хлеб становится неотделимой от всей борьбы за социализм. Хлеб-

ная монополия из орудия обогащения эксплуататоров превращается в орудие укрепления диктатуры пролетариата. Революционные меры против буржуазии и помещиков, против кулачества характеризуют всю продовольственную политику Советов. В условиях диктатуры пролетариата того периода хлебная монополия означала:

во-первых, полный запрет частной торговли хлебом и беспрекословную сдачу всех излишков хлеба государству по твердой, установленной советской властью цене;

во-вторых, всенародный контроль над производством хлеба, точнейший учет всех излишков, твердое планирование заготовок хлеба с выявлением того, сколько хлеба нужно оставить производителю на его пропитание, на посев и сколько нужно сдать в государственные амбары;

в-третьих, широчайший контроль со стороны пролетарского государства над распределением хлеба с тем, чтобы оно производилось в интересах пролетариата и деревенской бедноты и никаких поблажек и преимуществ не было дано богатым, обеспеченным слоям населения.

Для осуществления такой монополии необходим был крепкий централизованный пролетарский продовольственный аппарат. Народный комиссариат по продовольствию, созданный после Октября, под руководством ленинского ЦК неумолимо проводил твердую линию на централизацию всей продовольственной работы. Перед советской властью стояла задача—не просто сконцентрировать крайне разрозненный и пестрый в организационном и оперативном отношении аппарат (наряду с государственными советскими продорганами действовали многочисленные общественные организации: всякого рода продуправы, комитеты и т. д. при старых городских думах и земствах), но об'единить продовольственное дело для того, чтобы разбить вконец старый буржуазный прод-аппарат и создать орган диктатуры пролетариата. Нужно было вышибить из продовольственных организаций контрреволюционную свору кадетов, меньшевиков и эсеров.

Осуществить это можно было лишь при условии активной поддержки основных масс крестьянства, руководимых городским пролетариатом.

Переход власти в руки рабочих и революционных крестьян, организация нового, пролетарского государства, триумфальное шествие советской власти, проявление живого творчества масс во всех областях общественной жизни — все это вызвало

**КТО ПРОТИВ ВЫПОЛНЕНИЯ РАЗВЕРСТКИ?**



**ПОП, КУЛАК И БЕЛОГВАРДЕЕЦ.**

Агитплакат 1918 г.

исключительный революционный подъем и энтузиазм трудящихся.

Этот подъем нашел свое отражение и в деле борьбы за хлеб. На V конференции фабзавкомов Петрограда и его окрестностей, состоявшейся 15 — 16 ноября 1917 г., в прениях по продовольственному вопросу один из делегатов, Муленков, близко стоявший к продовольственному делу, не без основания заявил:

«На заседании продовольственной комиссии выяснилось, что до переворота хлеба было на 8 дней, в настоящее время имеется на 12 дней. Мы обеспечены, если пойдет в таком порядке, до января. Продовольственный комитет видит, что провинция отзывчива на переворот и процент привоза повышается» (разрядка моя. — Н. Д.)<sup>1</sup>.

И действительно, процент привоза хлеба, особенно в столицы, стал непосредственно после Октябрьского переворота повышаться. Это было не случайно. Октябрьская пролетарская революция пустила глубокие корни в низах народа, она была окружена сочувствием и поддержкой всех угнетенных и эксплуатируемых.

Вот что говорят цифры о прибытии хлеба в Москву по месяцам:<sup>2</sup>

в октябре 1917 г. прибыло 809 вагонов;  
в ноябре 1917 г. прибыл 981 вагон.

План привоза хлеба в Петроград в октябре 1917 г. был выполнен на 25 проц., в ноябре — на 37 проц.<sup>3</sup>

На местах, в провинции, Октябрьский переворот в огромном большинстве случаев не вызвал упадка и дезорганизации в деле заготовки хлеба, погрузки и отправки вагонов с продовольствием.

Поступление хлеба в Тверь характеризуется такими цифрами:<sup>4</sup>

в сентябре 1917 г. прибыло 127 вагонов,  
в октябре 1917 г. прибыло 136 вагонов,  
в ноябре 1917 г. прибыло 214 вагонов.

Интересны данные о погрузке хлеба из Западной Сибири по месяцам 1917 г.:

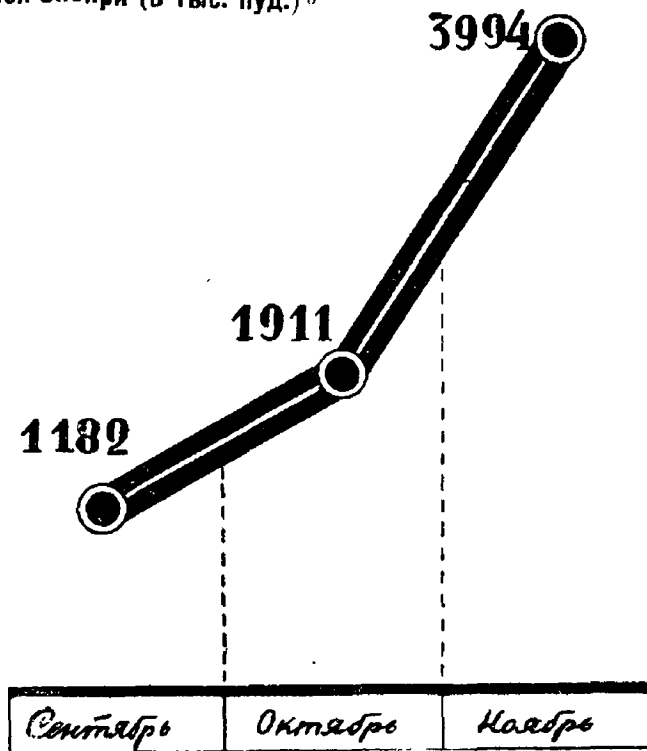
<sup>1</sup> «Октябрьская революция и фабзавкомы», ч. 3-я, «Октябрь», стр. 45.

<sup>2</sup> Цифры заимствованы из доклада Элькина о снабжении Москвы в Московском городском комитете продовольствия от 21 января 1918 г.

<sup>3</sup> См. статью Б. Веселовского «Продовольственная катастрофа», «Наше слово» № 16 от 3/II 1918 г.

<sup>4</sup> «Продовольственное дело» № 4 за 1918 г., стр. 18.

Погрузка хлеба в Западной Сибири (в тыс. пуд.)<sup>5</sup>



Мы видим, что Октябрьская революция не снизила привоза хлеба в ноябре. Даже наоборот, привоз хлеба в результате Октябрьского переворота несколько повышается. Но уже в декабре намечается определенное снижение подвоза хлеба, которое было вызвано контрреволюционным саботажем руководителей продовольственного аппарата и той борьбой, которую развернули против Советов все приспешники капиталистов и помещиков.

Еще ярче это снижение наблюдается в январе 1918 г.

Например по Орловской губернии, одной из наиболее хлебобордных, за первую половину января 1918 г. вместо 250 тыс. пуд. (двухнедельный наряд) доставлено: ржи — 4.714 пуд., пшеницы — 2.421 пуд., овса — 12.466 пуд., а всего около 20 тыс. пуд.

В телеграмме на имя Совнаркома Московский областной комитет сообщал:

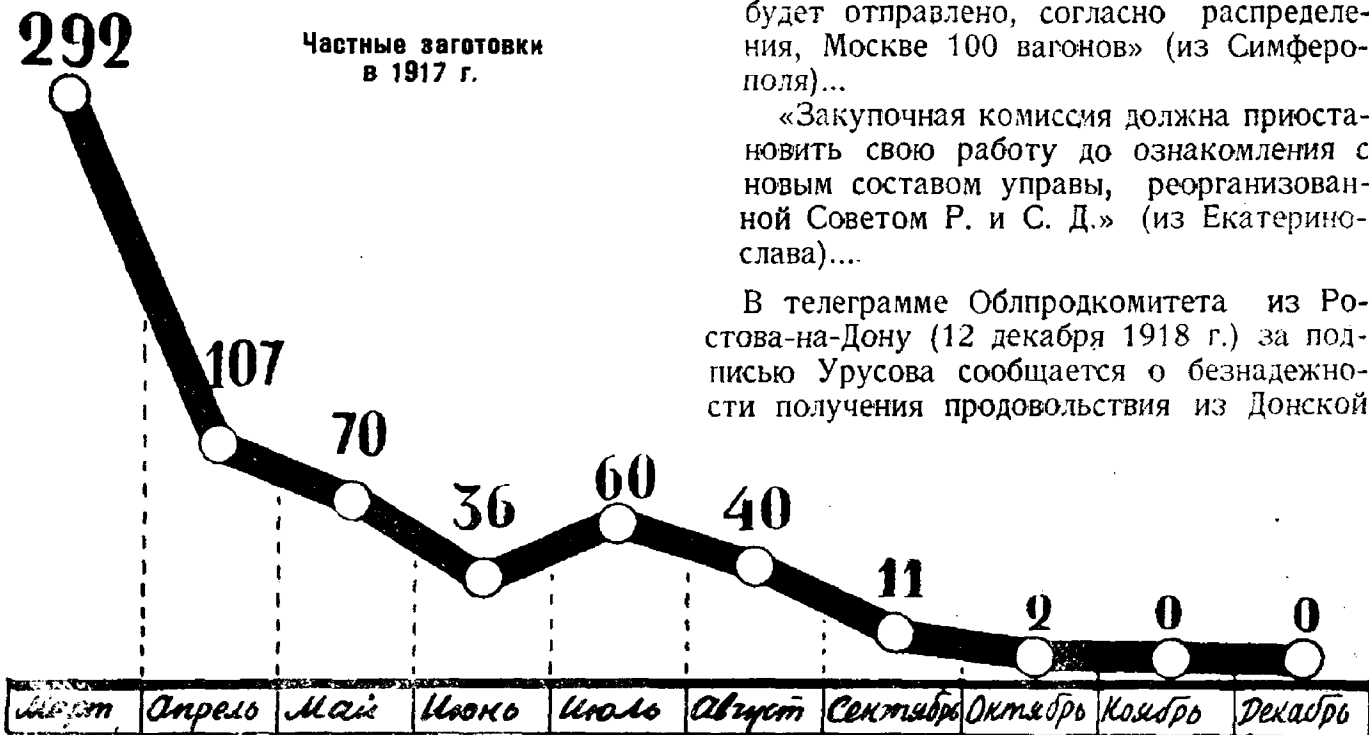
«Для центральных промышленных губерний Московской области погружено за 15 дней декабря (1917 г.) всего около 300 тыс. пуд. из всех производящих губерний вместо следуемых 3 млн. 500 тыс. пуд.»

<sup>5</sup> Из статьи Г. Усиевича «Западная Сибирь» в деле снабжения продовольствием», «Продовольственное дело» № 14 за 1918 г., стр. 7.



В то же время хлеб на местах имелся. На с'езде продовольственных организаций Московской области представитель Курской губернии Наумов дал такие сведения относительно запасов хлеба: на 1 января 1918 г. в губернии было излишков ржи 3.600 тыс. пуд. и пшеницы около 8 млн. пуд. Также значительны были запасы гречихи. И при всем этом Курская губерния сумела дать за январь — февраль — март и часть апреля только 116 вагонов различных хлебов<sup>1</sup>.

Интересны данные о частных заготовках в течение 1917 г. (количество вагонов)<sup>2</sup>:



Здесь уже наблюдается неприкрытое снижение доставки хлеба после Октября, доходящее в ноябре — декабре до нуля.

### **Борьба за пролетарский продовольственный аппарат**

Борьба буржуазии с Советами на почве продовольственных затруднений началась непосредственно после Октября. На первых порах эта борьба выражалась в саботаже со стороны работников продовольственного аппарата, находившегося еще в огромной своей части под влиянием меньшевиков и эсеров.

В то время как на пролетарскую столицу надвигался голод и положение пролетариата все более и более ухудшалось, засевшие в продорганах буржуазные воротилы и их

агентура все более и более нагнали, открыто отказываясь дать хлеб советской власти.

После неудавшейся чиновничьей забастовки, спровоцированной меньшевиками и эсерами, борьба приняла новую форму.

В те дни, когда Москва буквально забрасывала телеграммами хлебородные губернии, требуя немедленно присылки хлеба, в ответ получались например такого рода телеграммы<sup>3</sup>:

«Если Крепикин (член Таврической продовольственной управы) Военно-революционным комитетом будет освобожден, то будет отправлено, согласно распределения, Москве 100 вагонов» (из Симферополя)...

«Закупочная комиссия должна приостановить свою работу до ознакомления с новым составом управы, реорганизованной Советом Р. и С. Д.» (из Екатеринослава)...

В телеграмме Облпродкомитета из Ростова-на-Дону (12 декабря 1918 г.) за подписью Урусова сообщается о безнадежности получения продовольствия из Донской

области, причем дается такого рода назидание: «Только свержение ига насильников, захвативших власть, может еще спасти гибнущую со всей Россией Москву»<sup>4</sup>.

На происходившем в Москве земском и городском с'езде (в январе 1918 г.) представители буржуазных организаций Сибири сделали следующее заявление:

«Сибирь видит, что с большевиками нельзя бороться резолюциями, протестами против их захватов, и решила бороться с развитием их власти в России путем отказа давать им хлеб и другие продукты. В Западной Сибири были образованы для России огромные запасы хлеба — 20 млн. пуд., которые за пять первых месяцев этого года достигнут до 50 млн. пуд. Эти запасы решено передать в распоряжение

<sup>1</sup> «Заря России» № 10 от 28 апреля 1918 г.

<sup>2</sup> Статья А. В. Белова «Снабжение Москвы хлебом», «Продовольственное дело» № 6 от 8 марта 1918 г., стр. 8.

<sup>3</sup> «Заря России» № 8 от 14 января 1918 г.

<sup>4</sup> ЦАОР, фонд Мособлпродкома, опись 476, связка 167, лист 20.



#### Мешочники

Всероссийского учредительного собрания и ни один пуд из них не будет вывезен, пока не потребует Учредительное собрание»<sup>1</sup>.

От чиновничьей забастовки — саботажа — борьба с большевизмом на почве продовольственного кризиса перешла в форму прямой продовольственной войны и бойкота пролетарской власти. Остервенелые защитники капитализма об'явили на местах голодную блокаду советской власти и всему рабочему классу, а их представители в центре вели сложную, хитросплетенную политическую игру, стремясь создать второй государственный центр, который противостоял бы пролетарскому государству.

#### Мешочничество и борьба с ним

Наряду с организацией саботажа и сопротивления продаппарата политике Советов меньшевики и эсеры всячески поощряли мешочничество, сепаратизм в продработе и

спекуляцию, что было тесно связано с происходившей в деревне классовой борьбой. Из кулаков-спекулянтов и мешочников они вербовали себе политическую армию для борьбы с большевизмом.

Где мешочничество, там спекуляция, мародерство, торговый разбой, там подрыв всей продовольственной политики советской власти.

«Спекулянт, мародер торговли, срыватель монополии — вот наш главный «внутренний» враг, враг экономических мероприятий советской власти... спекуляция вместо государственной монополии врывается во все поры нашей общественно-экономической жизни»<sup>2</sup>.

Злостный мешочник — спекулянт, враг пролетариата и беднейшего крестьянства, очень часто прятался за спиной случайного мешочника — рабочего, который еще не разобрался как следует в политике, в вопросах классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата.

<sup>1</sup> «Заря России» № 8 от 14 января 1918 г.

<sup>2</sup> Ленин, т. XXII, стр. 514.

Наступление германского империализма, оккупация Украины, обострение гражданской войны на Дону, Кубани, на Урале, провокации меньшевиков и эсеров, попытки вызвать забастовки на почве голода, ряд заговоров англо-французских империалистов — все это звенья одной цепи, направленной на удушение молодой советской власти. Мешочничество, противодействие продовольственным мероприятиям советской власти, сепаратизм в обработке были также контрреволюционным делом, с которым надо было решительно и беспощадно бороться.

В связи с передышкой, полученной в результате Брестского мира, в связи с окончанием периода красногвардейской атаки на капитал партия и советская власть начинают вплотную заниматься осуществлением учета и контроля во всех областях хозяйственной жизни. Ленин в «Очередных задачах советской власти» дает план построения социализма.

Продовольственная политика советской власти составляла неразрывную часть общей политики диктатуры пролетариата, рассчитанной на создание социалистического общества. Вопрос о действительном проведении хлебной монополии, о создании мощного централизованного продовольственного

аппарата, осуществляющего пролетарский учет и контроль над производством и распределением хлеба, встал во весь рост.

Чем больше хлебная монополия приобретает пролетарский характер, чем действеннее она проводилась в жизнь, помогая обеспечивать пролетарские центры хлебом, тем злобнее становились недовольство и ненависть буржуазных и мелкобуржуазных контрреволюционных элементов.

Идеологи и писакки буржуазии, в том числе меньшевики и эсеры, все реже и реже заикаются о хлебной монополии и выдвигают все более откровенные требования о привлечении частного торгового капитала к заготовкам хлеба и о возрождении свободной торговли.

«Есть только один выход, — пишут «Русские ведомости» в марте 1918 г., — даже не выход, а способ смягчить неизбежные бедствия. Это — свобода торговли».

В том же духе высказывается «Заря России»:

«Не пора ли прекратить войну с мешочниками, не пора ли очистить этот фронт, снять проволочные заграждения с вокзалов, задерживающие врага — привозимые продукты? Не пора ли вообще вспомнить о старой свободной конкуренции, когда-то существовавшей свободной профессиональной торговле и частной инициативе в деле снабжения населения продовольствием? Быть может не сразу и не полностью, но хотя бы для начала частично, в известных пределах, под общественным контролем следовало бы их призвать на помощь голодающему населению, вынуть снова эти сданные в архив за ненужностью, но вовсе не заржавевшие и устарелые инструменты? Почему бы не сделать опыта в этом направлении?»<sup>1</sup>

Буржуазный профессор И. Кулишер, автор вышеуказанных строк, идет на уступки, соглашается на известные ограничения свободной торговли. Эта уступка — дань «демократизму» меньшевиков и новожиизненцев.

Еще более откровенно высказывались представители меньшевиков и эсеров на местах. Например один из руководителей Орловского продкомитета, Н. И. Стефановский, говорил: «При общем развале говорить серьезно о монополии невозможно. В Орловской губернии 250 тыс. хозяйств.

<sup>1</sup> Из статьи проф. И. Кулишера «Борьба с продовольствием», «Заря России» № 22 от 17 мая 1918 г.

## ИЗВѢЩЕНІЕ

О Т Ъ

### СОВѢТА НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

По техническимъ условіямъ хлѣбный паекъ можетъ быть увеличенъ до  $\frac{1}{2}$  фунта только съ 21-го января. 19-го и 20-го будетъ выдано по старому т. е. по  $\frac{1}{4}$  фунта.

Председатель Совѣта Народныхъ Комиссаровъ

**В. Ульяновъ (Ленинъ).**

Народный Комиссаръ по Продовольству **Шлихтеръ.**

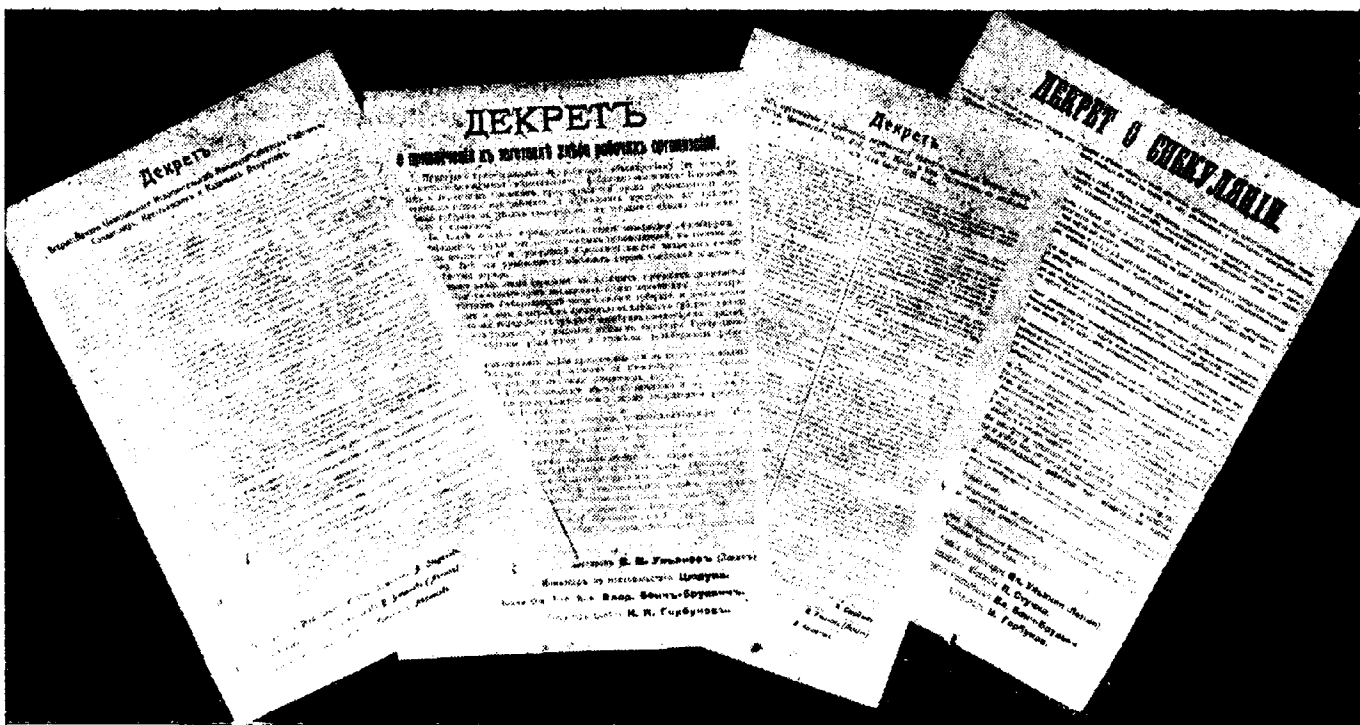
Управляющій дѣлами Совѣта Народныхъ Комиссаровъ

**Влад. Бончъ-Бруевичъ.**

Секретарь **Ж. Торбуновъ.**

Петроградская Центральная Продовольственная Управа.

10 января 1918 г.



Продовольственные декреты Октября (слева направо): о борьбе с продовольственным кризисом, о привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций, о снабжении деревенской бедноты, о спекуляции

Большинство имений разгромлено, надо выкачивать хлеб из мелких хозяйств. Где тот аппарат, который в состоянии был бы это сделать? Во время Великой французской революции левое крыло Гирсы Конвента взяло верх потому, что население изверилось в возможность получить хлеб. Там были испробованы и хлебная монополия, и твердые цены, и расплата ассигнациями, но ничего не помогло, и тогда жизнь смела и Робеспьера и других. Правда, отмена монополии может быть грозит смертью многим беднякам, но эта жертва, которой не избежать»<sup>1</sup>.

Стефановский, проводя аналогию с Великой французской революцией, прозрачно намекает на то, что большевикам с голодом не удастся справиться и что на продовольственной политике советская власть поскользнется.

Вполне резонно ответил на эту речь Стефановского представитель московских рабочих Филатов:

«С каждым днем мы получаем все меньше и меньше, и все-таки, если мы что-то получаем, то только благодаря монополии. Мы, рабочие, дорого платить не можем».

В противоположность стремлению к наибольшей организованности, к наибольшей пролетарской дисциплинированности в продовольственной работе представители мелкой буржуазии тянули к мешочничеству, к индивидуальному методу заготовки хлеба. На заседании того же Орловского продкомитета некто Марьин прекрасным образом выразил всю философию мешочничества и мелкобуржуазных вожделий, когда сказал:

«Настал такой момент, когда надо заявить: спасайся, кто может! Может быть мощный инстинкт самосохранения как-либо выведет нас из этого тяжелого положения»<sup>2</sup>.

Лозунг «Спасайся, кто может» лучше всего определял содержание мешочничества, всю мелкобуржуазную бесхарактерность, трусость и растерянность.

В противовес этим мешочническим лозунгам партия большевиков ставила во главу угла твердое, неуклонное проведение в жизнь хлебной монополии в интересах всех рабочих и всех крестьян—бедняков и середняков.

Только при помощи пролетарской хлебной монополии можно было сохранить живые силы рабочего класса, поддержать его

<sup>1</sup> «Дело социал-демократа» № 18 от 24 января 1918 г., Орел.

<sup>2</sup> «Дело социал-демократа» № 17 от 23 января 1918 г.

существование в период жесточайшего развала народного хозяйства, доставшегося пролетариату в наследство в октябре 1917 г.

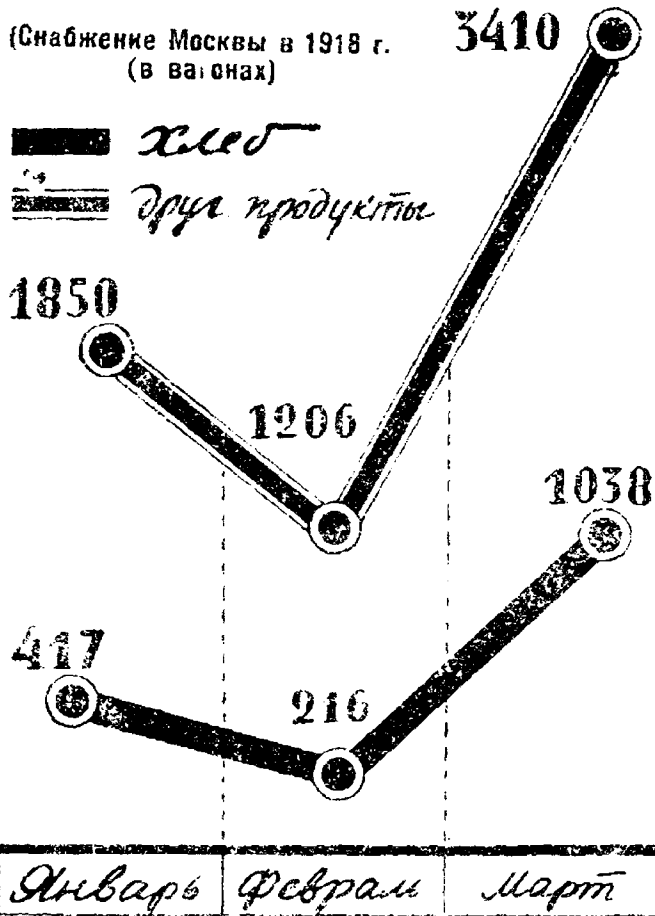
После того как произошел раздел помещичьих земель и инвентаря, кулачество все более активно вступало в борьбу с советской властью, с диктатурой пролетариата. Кулак еще во многих местах продолжает держать антиреспубликанскую деревню под своим влиянием.

Корреспондент из Симбирской губернии (Сувельской губернии) писал в январе 1918 г.:

«Плохо чувствуется свобода у нас в волости, рабочих близко нет, крестьянская молодежь вся на войне, большинство неграмотно, газет совершенно нет, засилье кулаков, выборы земства были кулаками подгасены»<sup>1</sup>.

Возьмем другой пример. Сообщение из Ярославской губернии:

«В деревне Андрейцовка Угличского уезда засилье кулаков. Властвовало волостное земство, кулаки говорили: «Вот-де, выберете большевистский совет, так и пойдут все обирать и делить, у кого хлеба своего нет, тогда мы все с голоду поумираем»<sup>2</sup>.



<sup>1</sup> «Социал-демократ» от 8 января 1918 г.

<sup>2</sup> «Социал-демократ» от 22 февраля 1918 г.

Перед советской властью стояли серьезные задачи: во-первых, создать единый крепкий пролетарский продовольственный аппарат и, во-вторых, помочь деревенской бедноте подорвать классовую силу кулачества и победоносно провести социалистическую революцию в деревне.

В период переделки, несмотря на растущее социальное напряжение кулачества, на его борьбу против хлебной монополии советской власти, республиканской партией большевиков удалось добиться успехов заготовок и привоза хлеба в городские центры.

В марте мы имеем довольно значительный подъем продовольственной работы (см. диаграмму: «Снабжение Москвы в 1918 г.»).

Это дало возможность увеличить в Москве выдачу хлеба по карточкам. Если в январе ежедневный паек на одного едока был равен четверти фунта хлеба, а в феврале только одной восьмой, то в марте он был увеличен до фунта.

Поступление хлеба с юга увеличилось. Об этом говорят следующие данные о привозе пшеницы в Москву:

январь — 220 вагонов, февраль — 145, март — 538<sup>3</sup>.

Данные о погрузке хлеба по Западной Сибири также указывают на подъем продовольственной работы в марте 1918 г.:

Месяц	Всего погрузки	Из них отпр. в Москву
Январь	317 вагонов	12 вагонов
Февраль	1867	65
Март	3304	341

За этот же период времени мы имеем также значительное повышение количества товаров, отправляемых в деревню в порядке товарообмена, с установлением и развитием которого была связана хлебная монополия. Это способствовало укреплению экономической основы союза пролетариата и крестьянства.

В порядке товарообмена до 15 марта 1918 г. было послано товаров (из-д-ва фабрикаций, кондитерские изделия) из Москвы в Екатеринбургскую губернию 26 вагонов, в Симферопольскую 38,5, Мелитопольский уезд 39, Херсон 19, Ростов-на-Дону 8, Омскую губернию 43, Екатеринодар 19, в Орловскую губернию 8, Тамбовскую 15, Курскую 7, Кустанай 3, Воронежскую гу-

<sup>3</sup> «Историческое дело» № 12—13, за 1918 г.

<sup>4</sup> «Продовольственное дело» № 14—18, стр. 6—9, статья Г. Мозевича «Западная Сибирь в деле снабжения продовольствием».



Отправка продотрядов

бернию 11, Вятскую 2, Полтавскую 27, Рязанскую 11, Харьковскую 3 вагона. Всего 273,5 вагона (по данным Московского городского продкомитета).

Общая цифра отправленных из Москвы товаров для получения излишков хлеба в марте — апреле значительно повышается. В марте было отправлено товаров почти столько же, сколько за все время до февраля. В среднем ежедневно из Москвы в деревню отправлялось: в декабре 1917 г. на 596 тыс. руб., в январе 1918 г. на 721 тыс. руб., в феврале на 851 тыс. руб., в марте на 1.388 тыс. руб.

В целом по всему СССР с ноября 1917 г. по август 1918 г. по нарядам Комиссариата продовольствия было отправлено разных товаров 52.127 вагонов.

Из всей товарной массы в деревню было направлено 70 проц.<sup>1</sup>

«Мы даем крестьянам мануфактуру по 50 проц. т. е. за полцены, а кто крестьянской бедноте стал бы давать мануфактуру за эту цену? И мы будем идти к социализму через путь хлеба, мануфактуры и орудий, не доставляющихся спекулянтам, а идущих в первую голову бедноте. Это есть социализм»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> И. Орлов, Продовольственная работа советской власти. Изд. 1918 г., стр. 277—279.

<sup>2</sup> Ленин, т. XXIII, стр. 134.

### Начало гражданской войны, обострение борьбы с кулачеством

Занятие ряда местностей белогвардейцами, дезорганизация продовольственного дела, внесенная наступлением чехо-словаков, ухудшение работы железнодорожного транспорта привели к значительному снижению хлебозаготовок. По данным Центротранспорта в мае отправлено для голодающего населения 1.035 вагонов хлеба, в июне только 786 вагонов.

«Теперь подходит самый критический момент, когда голод и безработица стучатся в дверь все большего числа рабочих, когда сотни тысяч людей терпят муки голода, когда положение обострено тем, что хлеба нет, но он мог бы быть, когда мы знаем, что правильное распределение его зависит от правильного подвоза — говорил Ленин на съезде комиссаров труда 22 мая 1918 г.

Голод нависался к лету 1918 г. не потому, что не было хлеба. Даже представители буржуазной прессы вынуждены были в те дни признать, что хлеб в стране имеется.

Продовольственный вопрос стал одним из важнейших вопросов революции. Борьба за хлеб приняла наиболее сложные и трудные формы.

«Нам нужна, нам необходима пролетарская дисциплина, настоящая пролетарская диктатура, когда твердая и железная власть сознательных рабочих чувствуется в каждом далеком уголке нашей страны, когда ни один кулак, ни один богач и несторонник хлебной монополии не останется безнаказанным, а его найдет и покарает карающая железная рука дисциплинированных диктаторов рабочего класса, пролетарских диктаторов» (Ленин).

В связи с создавшимся в мае 1918 г. продовольственным положением по инициативе партии, в частности В. И. Ленина, ВЦИК советов издал декрет о введении продовольственной диктатуры («О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими»). Декрет о реорганизации Народного комиссариата продовольствия и местных

продовольственных органов был принят на заседании ВЦИК 27 мая и подписан 30 мая 1918 года.

Оба эти декрета неразрывно связаны между собой. Ленин так охарактеризовал эти декреты на объединенном заседании ЦИК и Моссовета 4 июня 1918 г.:

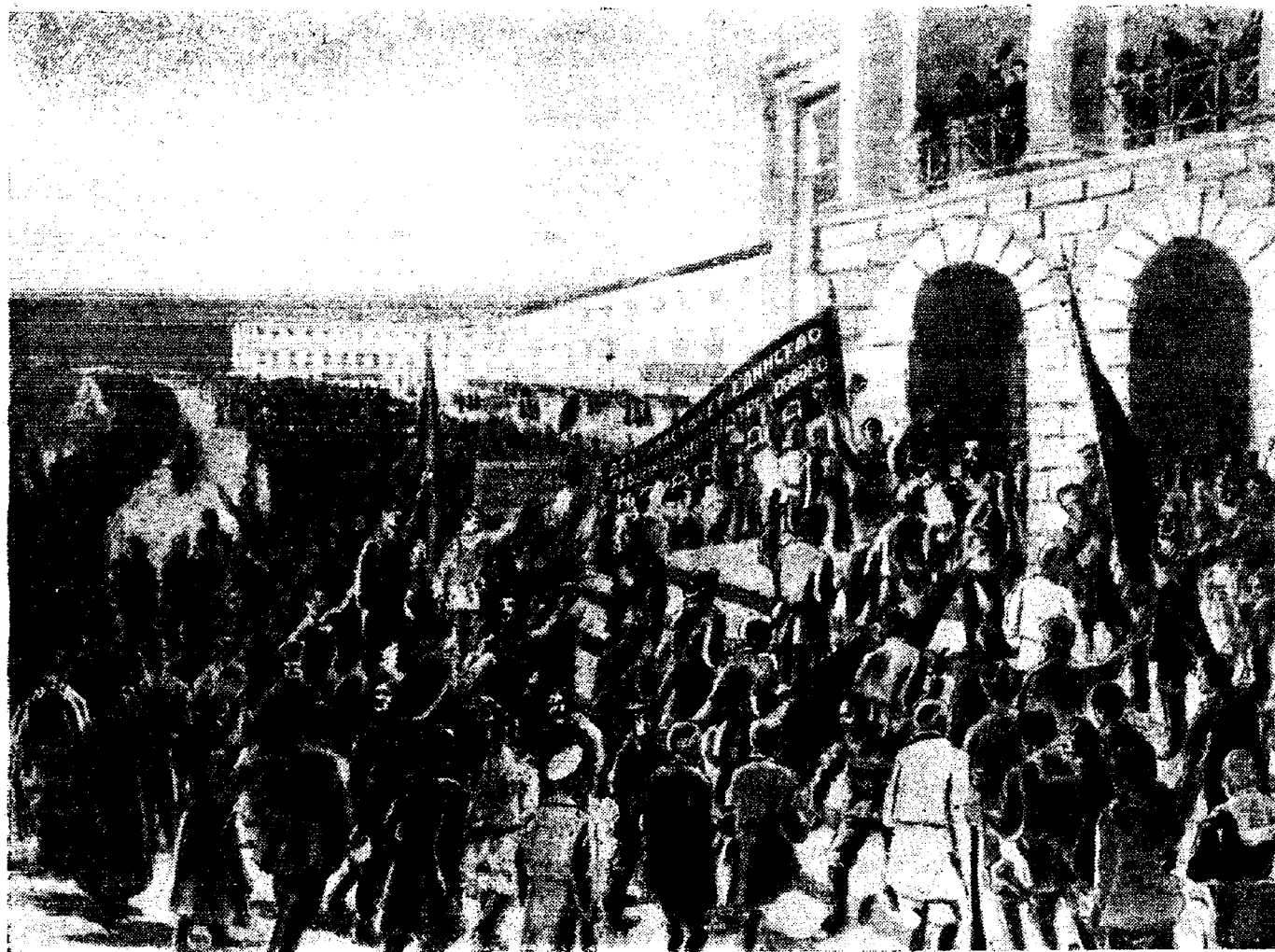
«Самый коренной вопрос жизни, о хлебе, поставили последние декреты. Они все имеют три руководящих идеи: идея централизации, либо объединения всех вместе в одну общую работу под руководством центра, либо показать себя серьезными и победить всякое уныние, отбросить отдельные услуги всяких мешочников, слить все пролетарские силы, ибо в вопросе о борьбе с голодом мы опираемся на те же угнетенные классы и видим выход только в их энергичной борьбе против эксплуататоров, в объединении всей их деятельности...» «Наш первый лозунг —



Заседание комитета бедноты в 1918 г.

Худ. Л. МОРАВОВ





Демонстрация чрезвычайного крестьянского съезда у Смольного в 1917 г.

централизация, наш второй лозунг — объединение рабочих...

Объединение рабочих, организация рабочих отрядов, организация голодных в неземледельческих голодных уездах, — их мы зовем на помощь, к ним обращается наш Комиссариат продовольствия, им мы говорим: «в крестовый поход» за хлебом, в «крестовый поход» против спекулянтов, против кулаков, для восстановления порядка....

Вот эти три основных лозунга: централизация продовольственного дела, объединение пролетариата, организация деревенской бедноты».

В начале июня был издан декрет о комбедах (об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями), который был продолжением и развитием прежде изданных декретов. Таким образом все эти три декрета, опубликованные в течение одного месяца, были основой всей продовольственной политики советской власти, рассчитанной на укрепление диктатуры пролетариата.

Майские декреты носят ярко выраженный пролетарский характер.

«Упорству, жадности деревенских кулаков-богачей, — говорится в декрете о продовольственной диктатуре, — должен быть положен конец. Продовольственная практика предшествующих лет показала, что срыв твердых цен на хлеб и отказ от хлебной монополии, облегчив возможность пиршества для кучки наших капиталистов, сделал бы хлеб совершенно недоступным для многомиллионной массы трудящихся и подверг бы их неминуемой голодной смерти..

На насилие владельцев хлеба над голодающей беднотой ответом должно быть насилие над буржуазией. Ни один пуд хлеба не должен оставаться в руках держателей за исключением количества для обсеменения их полей и на продовольствие их семей до нового урожая».

В декрете о реорганизации продовольственных органов прямо указывалось на необходимость организации рабочих продовольственных отрядов, главной задачей

которых «должна быть организация трудового крестьянства против кулаков».

Вполне понятно, что декрет о продовольственной диктатуре вызвал бурю злости и негодования в лагере буржуазии, кадетов, меньшевиков и эсеров (в том числе и левых).

На самом заседании ВЦИК, когда был принят декрет по докладу Ленина о борьбе с голодом, выступил меньшевик Череванин, отстаивавший децентрализацию продовольственного дела. Левый эсер Карелин защищал наименее вредный сепаратизм, мешочничество.

Совместное заседание Московского и Северного областных продовольственных комитетов, руководимых меньшевиками и эсерами, в мае 1918 г. постановило: «Ввиду все ухудшающегося подвоза хлеба и ввиду тяжелого положения продовольственного дела, дошедшего до катастрофы в Петрограде, Рыбинске, Московском уезде, Новгородской губернии и в других местностях, признать продовольственную диктатуру в настоящее время совершенно нежелательной и крайне вредной».

Но рабочий класс и трудящееся крестьянство с негодованием отвергли предложение капиталистических наймитов и полностью поддержали мероприятия партии большевиков и советского правительства.

### ТРУДЯЩЕЕСЯ КРЕСТЬЯНСТВО ОДОБРЯЕТ ДЕКРЕТЫ 2-ГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ.

Съезд приветствует создание правительства Народных Комиссаров. Съезд вполне одобряет декреты о мире и земле, принятые вторым съездом С. Р. и С. Д., и проекты законов о рабочем контроле, опубликованные правительством Народных Комиссаров. Съезд настаивает на том, чтобы были приняты самые энергичные меры для обуздания капиталистов, чтобы народное правительство провело беспощадное обложение богатых, чтобы все банки были слиты в один банк, чтобы денежные тяготы войны были возложены на капиталистов, нажившихся на этой войне, чтобы против мародеров и спекулянтов были приняты самые строгие меры, чтобы была введена всеобщая трудовая повинность, распространяющаяся и на богатых, чтобы у богатых были реквизированы вещи, необходимые для посылок солдатам в окопы, чтобы цены на хлеб были понижены, чтобы в армии была проведена полная и всесторонняя демократизация. Съезд признает, что соглашение всех социалистических партий, признающих советскую власть на вышеуказанной программе, желательно и необходимо.

(Из резолюции чрезв. крестьянского съезда)

На заседании IX чрезвычайного съезда советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Рыбинского уезда, состоявшемся 20 мая 1918 г., большинством 132 голосов против маленькой кучки правых эсеров было принято решение:

«Приветствовать все мероприятия Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров в стремлении улучшить дело продовольствия путем учета хлеба у тех, кто может дать беднейшему крестьянству и пролетариату, и путем недопущения эксплуатации беднейшего населения свободной торговлей, к которой стремится буржуазия»<sup>1</sup>.

Характерно, что на съезде присутствовали только 75 большевиков, беспартийных делегатов было 50, левых эсеров—32, правых—9 и меньшевиков—7. Выходит, что большевики получили голоса беспартийных и повидимому части левых эсеров.

Подобные решения принимались и в других городах.

Окруженная со всех сторон империалистами и действующими при их помощи царскими генералами (Колчаком, Деникиным, Врангелем, Юденичем, Миллером), зажата в огненное кольцо интервенции и голодной блокады, Страна советов в 1918—1920 гг. напрягала все силы для того, чтобы снабдить Красную армию хлебом, чтобы сохранить основную производительную силу—рабочий класс, чтобы продержаться до победы над многочисленным остервенелым врагом.

И на этом этапе, как и на предыдущем, Советская власть одержала победу.

При поддержке трудящихся крестьян, опираясь на бедноту и в союзе с середняком, под руководством партии рабочий класс сумел заготовить хлеб, правильно распределить его, сумел добиться того, что Красная армия победила, огненное кольцо было разорвано, голодная блокада уничтожена.

Продовольственная политика советской власти на разных этапах диктатуры пролетариата имела свои особенности и отличия, но сохраняла всегда пролетарскую классовую сущность и была всегда тесно и неразрывно связана со всей борьбой за социализм.

<sup>1</sup> Рыбинское архивное бюро, фонд Исполкома, дело № 46—138.

**ЭСЕРО-МЕНЬШЕВИКИ —**

**ПОСЛЕДНЯЯ  
ПЛОТИНА  
БУРЖУАЗИИ \***

В период между Февралем и Октябрем в борьбе за завоевание большинства рабочего класса и трудящихся большевики стремились изолировать соглашательские партии меньшевиков и эсеров. Эти партии представляли собой основную социальную опору буржуазии. Победить буржуазию можно было прежде всего оторвав массы от эсеров-меньшевиков.

Организуя и руководя стихийно возникшим движением рабочего класса, большевики шаг за шагом в самом ходе борьбы разоблачали перед широкими массами контрреволюционную сущность меньшевиков и эсеров. Во время апрельской манифестации, июньской и июльской демонстраций лицо меньшевиков и эсеров как пособников буржуазии выявлялось все с большей ясностью. Массы левели. Большевицкие лозунги находили все возрастающий отклик среди рабочих и крестьян.

Корниловские дни (август 1917 г.) полностью раскрывают реакционное содержание политики соглашателей. Политические резолюции большевиков получают большинство в Петроградском и Московском советах. Меньшевики и эсеры теряют свою социальную базу. Они делают отчаянные усилия, чтобы сохранить ее и остановить революцию, прибегая к разного рода хитростям, уловкам и прямому жульничеству.

Непосредственно после разгрома Корнилова 1 сентября лидеры меньшевиков и эсеров Церетели, Дан, Гоц и другие под давлением масс потребовали у временного правительства вывода кадетов из правительства. Но массовое движение переходило границу, намеченную мелкобуржуазными партиями. Этой уступкой невозможно уже было остановить движение масс, шедших под

\* Публикуемая ниже статья представляет часть одной из глав, предполагаемых к помещению в I т. «Истории гражданской войны».

лозунгом «Власть советов». Нужно было спешно строить другую плотину, способную удержать массы или отвести все растущий напор в другое русло.

1-го же сентября собралось объединенное заседание ВЦИК и Исполкома советов крестьянских депутатов. Напуганные революцией, мелкобуржуазные лидеры решают противопоставить лозунгу «Власть советов» созыв общедемократического с'езда.

«Передача всей власти советам в настоящий момент была бы преступлением перед революцией» — заявил на заседании лидер меньшевиков Скобелев, а Церетели, только два часа тому назад требовавший от Керенского исключения кадетов из правительства, снова выступил с защитой коалиции с буржуазией.

Лидер эсеров Авксентьев обрушился на свою же комиссию ВЦИК, вызвавшую войска из Финляндии для борьбы с Корниловым, и резко выступил против вооружения рабочих. В припадке массобоязни Авксентьев выболтал, что меньшевики и эсеры плелись в хвосте революции и приняли участие в борьбе с Корниловым нехотя, только из боязни отстать от масс.

Заседание приняло резолюцию о созыве «с'езда всей организованной демократии и демократических органов местного самоуправления, который должен решить вопрос об организации власти, способной довести страну до Учредительного собрания». Демократический с'езд — вот та плотина, которая должна была приостановить революционный подъем или отвлечь его в сторону от власти советов.

С'езд, или «Демократическое совещание», как его официально называли, собрался 14 сентября. Меньшевики и эсеры постарались урезать и обкарнать представительство рабочих и крестьянских масс, расширив число делегатов всяких мелкобуржуазных и буржуазных организаций. Советы рабочих и солдатских депутатов послали 230 человек, и почти столько же мест (200) получили недемократические земства. Профсоюзы получили 100 мест, а кооперация, целиком находившаяся в руках эсеров-меньшевиков, — 120. Всем армейским организациям многомиллионного фронта дали 83 голоса, а реакционному казачеству — 35. Кроме того на с'езд вытащили представителей офицеров, духовенства, междупартийного союза, скрывшего под этим названием реакционные элементы экономистской группы, словом, постарались всячески подтасовать совещание, лишь бы потопить

среди буржуазного и мелкобуржуазного хаоса революционные элементы.

Но как усердно ни хлопотали «герои подлога» (так заклеил подтасовавших съезд эсеров и меньшевиков Ленин), плотина оказалась недостаточной. Волны резолюции перекачивали через верх: на съезде за коалицию с кадетами высказалось 766, против — 688 и воздержалось 38.

Мало того. В президиум поступили две поправки специально по вопросу о коалиции: 1) «за пределами коалиции остаются те элементы как кадетской, так и других партий, которые причастны к корниловскому заговору»; 2) «за пределами остается партия народной свободы».

Принятие первой поправки проваливало полностью проблему коалиции с буржуазией, ибо нельзя было найти ни одной буржуазной партии, не связанной так или иначе с корниловщиной. Большевики и эсеры решают из двух зол выбрать меньшее и голосуют за вторую поправку, оставляющую лазейку для всяких маневров. И тут практика обогнала теорию: задолго до того, как теория «меньшего зла» стала признанным догматом всего II интернационала, меньшевики на практике испробовали ее до конца.

Рис. ДЕНИ



Демьян Бедный с ..работы

Уловка не удалась. За первую поправку голосовало подавляющее большинство в 798 голосов, против — 139 при 196 воздержавшихся, а при голосовании всей резолюции в целом с поправкой за резолюцию высказалось 183, против — 813, воздержалось 80.

Мелкая, кропотливая, жульническая работа оказалась напрасной. Массы ушли так далеко влево, что даже подтасованный съезд провалил коалицию.

Опытные политиканы решают взять колеблющийся съезд измором.

Началась нудная политическая кадрили, так ярко отраженная Демьяном Бедным в его фельетоне «Либердан». Боевые стихи Демьяна Бедного, отзывавшегося на все злободневные вопросы, играли большую политическую роль. Их едкая характеристика вскрывала классовую суть соглашателей. А меткие замечания часто становились нарицательными, попадали в частушки.

«Либердан»! «Либердан»!

Счету нет коленцам,  
Если стыд кому и дан,  
То не отщепенцам.

Милоков кричал им «браво!»

И свистел на флейте.

«Жарьте вправо, вправо, вправо,

Пяток не жалейте!»

«Либердан»! «Либердан»!

Рассуждая здраво,  
Самый лучший нынче план:  
Танцовать направо.

Делегатов обхаживали, уговаривали, обещали, звали на компромиссы, лишь бы добиться какой-нибудь уступки. Наконец 20 сентября состоялось заседание президиума Демократического совещания, пополненного представителями партий и групп, на котором политические танцоры решили подвести итог своей карусели. Снова против коалиции высказалось 60, а за — 50.

Обработку делегатов пришлось начинать сначала. Мелкобуржуазные политики выкинули новое «коленце»: временно прекратив атаку все по тому же вопросу о коалиции, они предложили выделить из состава Демократического совещания постоянное представительное учреждение, перед которым должно быть ответственно правительство.

Когда собрание, согласившись с предложением, проголосовало, что новый орган составляется по принципу пропорционального представительства от групп и партий, обрадованные Либерданы подсунули новую поправку: если во вновь форми-

руемое временное правительство будут введены буржуазные элементы, то и в представительный орган должны быть введены буржуазные партии. Поправка была принята 56 делегатами против 48, при 10 воздержавшихся. В тот же вечер Церетели протация эту резолюцию и через Демократическое совещание, подставив ее еще в одном месте для большей верности: в третьем пункте резолюции обещалось, что в будущем органе должно быть сохранено преобладание демократических элементов.

Резолюция выглядела крайне ошипанной, но лакеи выполнили волю своих буржуазных хозяев, протация, правда в замаскированном виде, идею коалиции.

Впрочем хозяева и не сомневались в добром поведении своих лакеев и в благополучном исходе их хлопот. Еще во время заседания Демократического совещания Керенский вел переговоры с крупнейшими представителями буржуазных партий: Кишкиным, Бурьшкиным, Коноваловым, Малянтовичем и Третьяковым, приглашая их в правительство. Последние требовали создания «твердой власти». Центральный комитет кадетской партии, стоявший за спиной торгующихся, поручил Кишкину и Коновалову вступить в министерство, при условии, что будущий представительный орган будет назначен правительством, а не избран. Временное правительство, убедившись в полной лояльности своих лакеев, еще не имея резолюции Либерданов о коалиции, все же приняло условие кадетов. И это происходило как раз в тот момент, когда эсеро-меньшевики торжественно обещали в резолюции, что правительство будет ответственно перед Временным советом Российской республики или Предпарламентом, как был назван орган, выделенный Демократическим совещанием. Доверие хозяев к своим лакеям заходило, как видим, очень далеко.

Получив резолюцию о коалиции, которую Либерданы протацияли после долгих хлопот на подтасованном с'езде, временное правительство использовало ее целиком для реализации своих планов. Правительство подтвредило, что Предпарламент «образуется из 535 членов, приглашаемых в состав Совета временным правительством по постановлению общественных и политических организаций».

Предпарламенту предоставлялось право обсуждать только те законы, «по коим временное правительство признает необходимым иметь заключение» Предпарламента.

Предпарламент или «предбанник», как его зло прозвали в массах, превращался таким образом в такой же никого и ни к чему не обязывающий орган, как и Булыгинская Дума, «дарованная» царем в 1905 г.: и там и тут члены учреждения подбирались правительством, и там и тут разрешалось «бунтовать» только с ведома и разрешения начальства, и в Булыгинскую Думу и в «предбанник» меньшевики тянули народ, чтобы отвлечь его от революции.

Любопытно, что 30 сентября на заседании правительства при обсуждении положения о Предпарламенте присутствовал Церетели, всего несколько дней тому назад торжественно об'явивший на Демократическом совещании, что правительство будет ответственно перед Предпарламентом. Лицемерие и цинизм, как известно, свойства партий, которые, не имея за собой масс, все-таки стремятся так или иначе обмануть их.

Как ни подтасовано было Демократическое совещание, сколько жульнических подвохов ни применяли эсеро-меньшевики, совещание показало полную потерю мелкобуржуазными партиями массовой поддержки; эсеро-меньшевики оказались изолированными от рабочих и крестьян.

Но процесс революционного роста масс на этом не остановился. Отлив от мелкобуржуазных партий повлиял и на состав самих партий: у меньшевиков и эсеров начался раскол, усиливавшийся по мере революционного под'ема. Еще перед самым открытием Демократического совещания, 15 сентября, состоялось чрезвычайно бурное заседание фракции меньшевиков. Теряющие почву лидеры обвиняли друг друга в политических ошибках, бичевали за допущенные промахи, ссорились в поисках причин краха меньшевизма и быстрого роста влияния большевиков. На фракции меньшевиков была представлена не единая партия, а по крайней мере три группы, резко выступавшие одна против другой. После двухдневных прений в самой фракции 73 чел. высказались против коалиции, а 65 — за. Церетели таким образом явно нарушал партийную директиву своей же партии, выступая официально на с'езде за коалицию.

Еще резче шло брожение у эсеров. На VII петроградской губернской конференции, состоявшейся 10 сентября 1917 г., левое крыло эсеров подвергло критике работу ЦК своей партии и при перевыборах губернского комитета получило большинство.

Партии меньшевиков и эсеров раскалывались на две части: низы все более уходили в революцию, а верхи все откровеннее выражали свою преданность буржуазии. Они выступали против рабочих требований, обливали помоями всякое массовое движение, обвиняли в предательстве революции всех, звавших массы на борьбу, подавляли вместе с правительством всякие революционные выступления. Вот пример меньшевистского выступления против забастовавших железнодорожников.

«Руководители железнодорожников, — писал центральный орган меньшевиков, оставшийся в руках у лидеров, — пошли навстречу стихии, вместо того чтобы бороться с ней... Этого демократия не простит генеральному штабу железнодорожников»<sup>1</sup>.

А один из меньшевистских лидеров, министр внутренних дел, назначенный также министром почт и телеграфов, Никитин, издал приказ, вызвавший в памяти масс давным-давно известные манифесты старых царских министров.

«Призыв к приостановлению железнодорожного движения, — телеграфировал последний царских министров, — есть наказуемое по закону преступление, равное измене родине. Все граждане призываются на защиту родины от нового удара, подобного корниловскому заговору. Предписываю задерживать все телеграммы явно преступного содержания»<sup>2</sup>.

Приравнять рабочее движение к корниловскому заговору генералов мог только тот, кому нужно было скрывать свою связь с Корниловым. Политические банкроты, потерявшие влияние в массах, поступали, как и обычные жулики, удирающие от преследующих с криком «держи вора».

Эсеры заняли по отношению к железнодорожной стачке ту же позицию, что и меньшевики: ЦК эсеров выступил против забастовки и предложил своим представителям в Викжеле голосовать против стачки. Давление революционных низов оказалось однако настолько сильным, что из 11 эсеров в Викжеле 5 все же выступили за забастовку, нарушив партийную директиву.

Начался массовый отлив рабочих и трудящихся из партии эсеров. В партии пала дисциплина, целые группы отказывались

подчиняться директивам. ЦК партии эсеров потребовал, чтобы Савинков явился с ответом по поводу своих связей с Корниловым, а Савинков не явился, найдя при этом нарушении дисциплины полную поддержку со стороны большой группы своих сотоварищей во главе с Брешко-Брешковской.

Полное разложение партии скрывали, только номинально задерживая в ее рядах отколовшихся. Когда во фракции эсеров в Предпарламенте левые эсеры порвали с предательской политикой своей партии и покинули фракцию, ЦК эсеров заявил, что выход из фракции не означает уход из партии. Только скрывая истину от масс, можно было считать формально членами организации нарушающих директивы партии, не подчиняющихся дисциплине.

Партия большевиков стремилась закрепить уход масс из-под влияния эсеро-меньшевиков перевыборами советов. Лозунг «Созыв с'езда советов», выдвинутый нашей партией, оформлял левение масс. Но для эсеро-меньшевиков перевыборы советов означали полную потерю влияния в массах, а вместе с ним и всех мест и местечек, полученных во всяких правительственных органах и учреждениях: лакеи, неумевшие сладить с массами, не нужны были буржуазным хозяевам.

Эсеро-меньшевистские лидеры, обещавшие на I с'езде советов созвать через три месяца новый с'езд, сейчас решительно выступили против своего обещания. 1 октября солдатская секция ЦИК вместе с военной группой Предпарламента высказалась против с'езда советов и противопоставила ему новый лозунг — созыв учредительного собрания. Учредительное собрание становится уже до Октябрьской революции лозунгом, который подхватывается всей контрреволюцией.

Со всех сторон в ЦИК шли телеграммы от местных советов с требованием созыва с'езда или, напротив, с протестом против созыва с'езда. Вот краткий список организаций за несколько дней октября (8—15 октября).

### Против с'езда

Исполком Юго-западного фронта.  
Совет солдатских депутатов XII армии.  
Краевой совет солдатских депутатов Кавказской армии.  
Армейские комитеты III, VIII и XI армий.  
Губернское совещание льноводов в Ярославле.

<sup>1</sup> «Рабочая газета» от 26 сентября 1917 г.

<sup>2</sup> «Новая жизнь» от 23 сентября 1917 г.



Рабочая секция Новгород-Северского совета.

Чрезвычайная областная конференция всех советов Ферганы.

Сибирский совет.

Елабужский гарнизон.

Александровский совет военных и крестьянских депутатов.

Олонецкий совет крестьянских депутатов.

Бердянский совет.

Евпаторийский совет.

Исполком Могилевского крестьянского совета.

### За созыв с'езда

5-й запасный саперный полк.

С'езд 6-го армейского корпуса.

С'езд 42-го армейского корпуса.

Гвардейский Финляндский резервный полк.

Гвардейский Волынский резервный полк.

196-й, 125-й полки.

Ясиноватский рудник.

Абинский завод.

Бежицкий совет.

Рудник «Нижняя крышка».

Судовые комитеты: «Республика», «Рюрик», «Андрей Первозванный» и др.

Харьковский совет рабочих и солдатских депутатов.

Шуйский совет.

Луганский совет.

Против с'езда высказались верхи армий, армейские и фронтовые комитеты, не переизбиравшиеся со времени Февральской революции, и мелкие, провинциальные советы отсталых, непромышленных районов.

Немедленного и безоговорочного созыва требовали рудники и заводы, полки и отдельные суда, низы армии и советы крупных промышленных центров.

Сломить сопротивление верхов можно было только напором снизу: большевики призывали массы производить перевыборы явочным порядком. Всюду начались перевыборы низовых советских ячеек, постепенно захватывая и высшие звенья советов. Начались областные и армейские с'езды советов. 11 октября открылся с'езд советов Северной области, в Иркутске — с'езд советов Восточной Сибири, в Харькове — областная конференция Донецкого и Криворожского бассейнов.

На Северном с'езде, явно большевистском, эсеро-меньшевики отказались принять участие, ссылаясь на запрет ЦИК.

Бюро ЦИК, в котором преобладали эсеро-меньшевики, тормозило выборную кампанию, замалчивало настойчивые требования о перевыборах, не признавало собравшиеся областные с'езды, объявило Северный с'езд частным, самочинным совещанием.

Во время работы Северного с'езда в центральном органе эсеро-меньшевистского ЦИК появилась статья «Кризис советской организации», в которой автор от имени редакции писал:

«Советы были прекрасной организацией для борьбы со старым режимом, но они совершенно не в состоянии взять на себя создание нового режима: нет специалистов, нет навыка и умения вести дела, и, наконец, нет самой организации.

Мы построили советы депутатов, как временные бараки, в которых могла найтись уют вся демократия,— пишет автор.— Теперь на месте барачников строится постоянное каменное здание нового строя, и, естественно, люди постепенно уходят из барачников в более удобные помещения по мере того как достраивается этаж за этажом»<sup>1</sup>.

Растерянные интеллигенты мечутся в предчувствии революционной бури и в паническом страхе выбалтывают содержание и цель своего штрейкбрехерства: удерживать массы через советы от революции до тех пор, пока буржуазия крепче приберет к рукам вожжи и станет полновластной распорядительницей страны.

Преданность своих лакеев сразу оценили в хозяйской гостинице. Орган контрреволюции «Русская воля» с большим чувством удовлетворения писал после появления статьи в «Известиях»:

«Еще так недавно... о советах... можно было говорить только самым почтительным тоном. Критика советских организаций считалась явным проявлением контрреволюции. И вот, наконец, наступил день, когда о смерти советов говорит уже не «контрреволюционная» и не «буржуазная» пресса, а говорит об этом прямо и открыто орган Центрального исполнительного комитета советов...»

То, что струсившие лакеи выболтали в припадке паники, целиком отвечало планам контрреволюции: организуя новый поход против революции, буржуазия требует прежде всего разгона советов.

<sup>1</sup> «Известия» от 10 октября 1917 г.



Но революционное настроение масс переливалось через голову политиканствующих лидеров мелкой буржуазии. Эсеро-меньшевики пускаются на новый маневр: бюро ЦИК сразу понизило свое сопротивление и разослало вдруг телеграмму о созыве с'езда советов на 25 октября. Расчет обанкротившихся лидеров оказался чрезвычайно прост: собрать на с'езд еще не переизбранные советы, особенно армейские, с тем, чтобы обеспечить на с'езде большинство. «Придать политике с'езда устойчивость и направление, соответствующее интересам всей революционной демократии и революции» — так объясняли свой новый маневр мелкобуржуазные лидеры. Всего три дня тому назад эсеро-меньшевики об'явили Северный с'езд незаконным, замолчали его телеграмму, призывавшую армию опрокинуть препятствия и прислать делегатов на с'езд советов, а сейчас, ссылаясь на призыв Северного с'езда, звали армию обеспечить представительство на с'езде советов. Солдатская секция ЦИК, только что бывшая против с'езда, 22 октября принимает срочную резолюцию о мире и передаче земли крестьянам.

«Мы не должны останавливаться перед переходом власти в руки демократии» — начинают свою резолюцию делегаты, «но не совета» — добавляют отстающие от движения руководители.

Даже выдавив из себя наконец решительные лозунги, которые давно уже стали лозунгами действия для широких рабочих и крестьянских масс, обанкротившиеся лидеры продолжают все еще отмахиваться от совета. Мы сейчас увидим, в чем смысл этого нового маневра.

24 октября, накануне вооруженного восстания, эсеро-меньшевики протасили в Предпарламенте, а затем и на экстренном объединенном заседании ЦИК и ЦК крестьянских советов резолюцию о земле и мире.

«Почва для успеха указанной агитации, — гласит второй пункт резолюции о наступающем восстании, — создана помимо объективных условий войны и разрухи промедлением проведения неотложных мер, и потому прежде всего необходимы немедленный декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов и решительное выступление по внешней политике с предложением союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры»<sup>1</sup>.

За резолюцию высказалось 122 члена

«предбанника», против 106 при 26 воздержавшихся, т. е. последний, «решительный» шаг эсеро-меньшевиков прошел всего несколькими голосами.

Захватив доставшийся с таким трудом документ, Дан с Гоцем побежали в Зимний, где Керенский с правительством вырабатывали свои тоже последние и также решительные меры против большевиков. Беседа между вызванным с заседания Керенским и лидерами дошла до нас в двух вариантах: в изложении самого Керенского и в поправках Дана.

«Прежде всего, — рассказывает Керенский, — Дан заявил мне, что они осведомлены гораздо лучше меня и что я преувеличиваю события под влиянием сообщений моего «реакционного штаба». Затем он сообщил, что неприятная «для самолюбия правительства» резолюция большинства Совета Республики (так назывался официально предпарламент) чрезвычайно полезна и существенна для «перелома настроения в массах». В заключение Дан... заявил мне, что все принятые меры к подавлению восстания только «раздражают массы» и что вообще я своим «вмешательством» лишь «мешаю представителям большинства советов успешно вести переговоры с большевиками о ликвидации восстания».

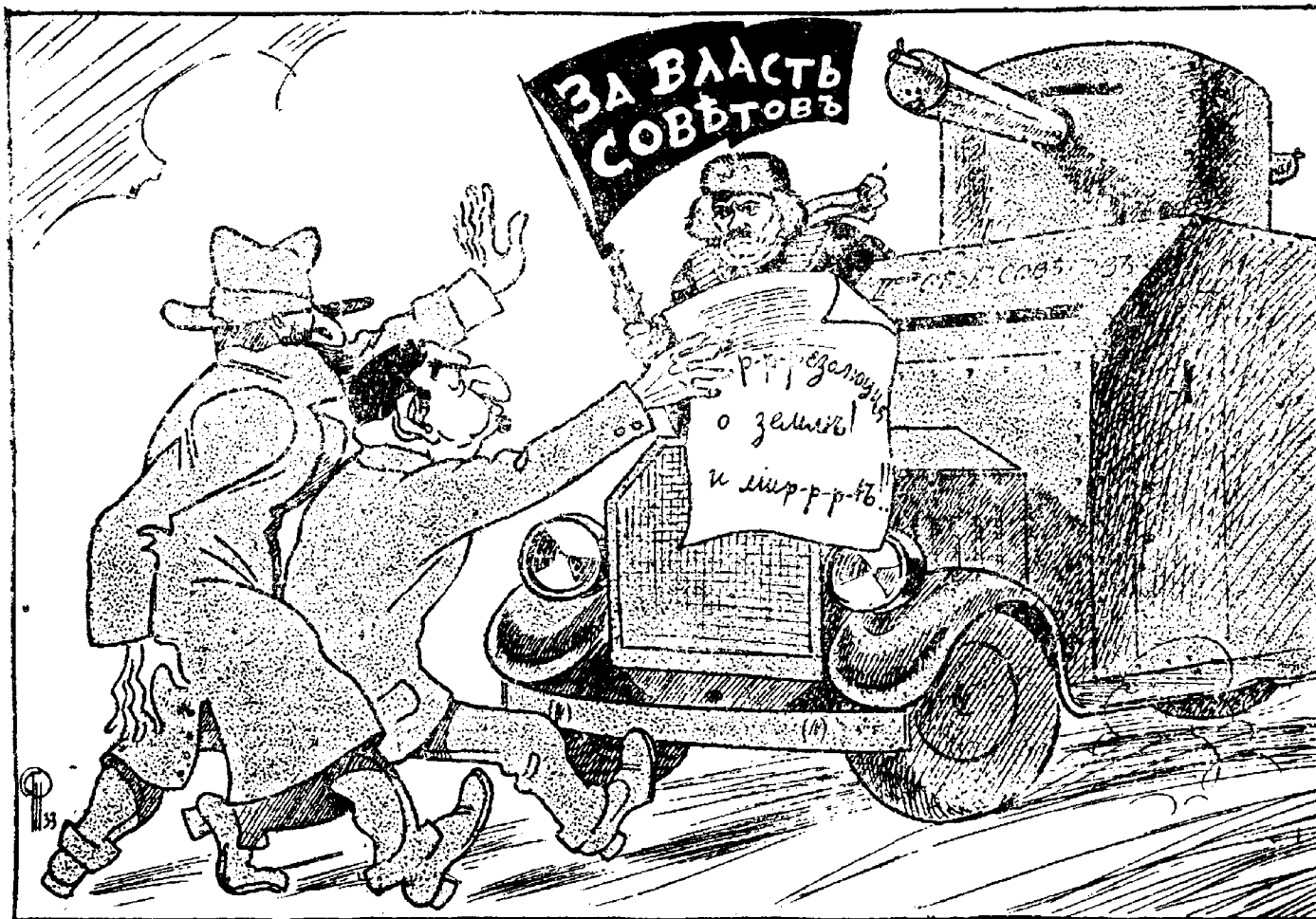
Дан выступил с опровержением Керенского, но это было как раз то опровержение, по поводу которого принято говорить, что оно доказывает больше, чем самые лучшие доводы.

«В передаче А. Ф. Керенского, — категорически пишет Дан, — весь основной смысл беседы искажен до неузнаваемости».

Но кроме сказанного с ударением «до неузнаваемости» опровергатель не привел ни одного факта, перевернутого Керенским. Напротив, Дан подтвердил и самый факт, и общий характер беседы, и конкретные предложения по спасению буржуазии. «Поправил» Керенского его меньшевистский соучастник только в одном — в объяснении мотивов принятия резолюции, но эта «поправка» как раз вскрывает весь классовый смысл маневра.

«Мы приехали с вполне определенным и конкретным предложением временному правительству, — пишет Дан, — немедлен-

<sup>1</sup> «Революция 1917 года», т. V, Издпарт, ГИЗ, 1926 г.



Либердан: - Стой!.. Стой!.. Мы уже всего добились!!!

но оповестить об этих решениях население рассылкой телеграмм и расклейкой афиш. Мы настаивали, что это непременно должно быть сделано той же ночью, так, чтобы утром уже каждый солдат и каждый рабочий знал о решениях временного правительства... Принятие и выполнение правительством нашего предложения вызовет в настроении масс перелом и что в этом случае можно будет надеяться на быстрое падение влияния большевистской пропаганды»<sup>1</sup>.

Все дело таким образом сводилось к прямому обману масс: пообещать ряд решительных мероприятий и тем оторвать массы от революции.

«Решение Керенского, — сообщает Станкевич, рассказывая об угрозе Керенского покинуть пост, если резолюция будет проведена в жизнь, — их страшно

изумило, так как они считали резолюцию чисто теоретической и случайной и не думали, что она может повлечь практические шаги».

Сущность маневра состояла в том, чтобы опередить большевиков, перехватить их лозунги, переманить левеющие массы и рядом уступок сохранить за собой власть.

Но мелкобуржуазные предатели уже не поспевали за событиями.

Уступая напору революционных масс, эсеро-меньшевики решаются на созыв с'езда советов, а в это время уже шел бурный процесс перевыборов советов и самый с'езд стал совершившимся фактом. Плетущиеся за событиями мелкобуржуазные лидеры соглашаются передать власть демократии, а к этому периоду советы уже стали властью. Перебегающие дорогу революции Либерданы, захватив в карман резолюцию о земле и мире, спешат на с'езд, чтобы поманить массы свежей уступкой, а в это время рабочие и трудящиеся под руководством большевиков уже свергли временное правительство.

<sup>1</sup> А. Ф. Керенский, Гатчина. Из сборника статей «Издалика». Париж.

Дан, К истории последних дней временного правительства. «Летопись русской революции», т. I, Берлин, 1923 г.

## От редакции

Недавно в издании ИМЭЛ вышла 1-я часть XI тома собрания сочинений Маркса и Энгельса.

В этот том вошли статьи Маркса и Энгельса за 1857 и 1859 гг.

«Борьба классов» перепечатывает статью Маркса «Божественное право Гогенцоллернов», помещенную в № 4906 американской газеты «New-York Daily Tribune» от 9 января 1857 г.

Статья эта, представляя блестящий памфлет против прусской юнкерской монархии, имеет актуальнейшее значение и сейчас, когда угнетение трудящихся масс Германии при господстве фашистов—этих кровавых собак монополистического капитала—напоминает и даже превосходит самые мрачные годы господства Гогенцоллернов.

Статья эта чрезвычайно актуальна также потому, что с необычайной силой и яркостью показывает, чьи и методы в своей внешней и внутренней политике, конечно с соответствующими изменениями в иной исторической обстановке, применяют фашистские громилы.

Энгельс писал когда-то, что «если прошлое Луи-Наполеона приучило его не особенно задумываться при выборе средств, то история прусской политики... научила Бисмарка еще меньше шепетильничать, причем у него могло быть горделивое сознание, что он остается верным отечественной традиции»<sup>1</sup>.

Слова эти с большим успехом могут быть отнесены ко всей фашистской камарилье и ее вождям.

Дикое насилие, предательство, подкуп и безудержное угнетение трудящихся масс, игра на суевериях и национальных предрассудках, непрерывное бряцание оружием — вот методы, унаследованные Гитлером от германской истории и достойных «творцов» ее, методы, «усовершенствованные» в соответствии с «возможностями» послевоенного империализма, всеобщего кризиса капитализма и бешеного страха господствующих классов перед грядущей мировой пролетарской революцией.

Поводом для статьи «Божественное право Гогенцоллернов» послужил следующий факт.

В швейцарской провинции Незшатель в 1856 г. группа реакционных дворян под негласным руководством прусского короля попыталась совершить монархический переворот, чтобы отстоять свои дворянские привилегии. «Путчисты» провозгласили восстановление прав прусского короля как князя Незшательского. Восстание было ликвидировано швейцарскими войсками. Между Пруссией и Швейцарией возник конфликт, грозивший войной.

Маркс тогда же немедленно откликнулся на это событие письмом к Энгельсу от 2 декабря 1856 г., в котором подчеркивал, что «мелкие мошенничества, подкупы, прямая купля, погоня за наследствами и т. д. — к подобной мерзости и сводится прусская история. Все, что есть интересного в феодальной истории—борьбы сюзерена с вассалами, история с городами и т. д. — все это здесь в карикатурно карликовом виде, потому что города

<sup>1</sup> Ф. Энгельс, Сила и экономика в объединении германской империи, изд. 1923 г., стр. 40.

здесь мелочно скучны, феодалы — ничтожное дубье, а верховный господин страны — сам мелочь»<sup>1</sup>.

Через пять недель после этого письма и была опубликована статья «Божественное право».

Статья эта представляет в сущности развитие на более позднем этапе мыслей Маркса, изложенных им в статье «Подвиги Гогенцоллернов», напечатанной 9 мая 1849 г. в «Новой Рейнской газете».

«Кто не знает вероломства, коварства, мошенничества с наследствами, благодаря которым возвысилось то семейство капралов, которое носит имя Гогенцоллернов?» — писал Маркс в 1849 г.<sup>2</sup>

В этих двух статьях Маркс прослеживает всю историю Пруссии, под руководством которой произошла в Германии «революция сверху». Он показывает все ничтожество вождей прусских помещиков, превратившихся впоследствии в обуржуазившихся юнкеров, под политической гегемонией которых произошло буржуазное преобразование Германии, для того, чтобы ярче подчеркнуть еще большую мизерность и трусость германской буржуазии, развивавшейся в силу исторических условий «так вяло, трусливо и медленно, что в тот момент, когда она враждебно противостояла феодализму и абсолютизму, она увидела себя враждебно противостоящей пролетариату»<sup>3</sup> (в первую очередь французскому).

Какова же история Пруссии, объединившей «железом и кровью» во главе с Гогенцоллернами, этими вождями прусских феодалов, разрозненную, раздробленную Германию?

Пруссия как «могущественное» государство развилась из так называемой Бранденбургской марки, представлявшей собой одно из феодальных княжеств, входивших в состав Германии, объединенной тогда под руководством Австрии, как оплота против турецкой опасности. В 1411 г. император германский Сигизмунд сделал генеральным управляющим Бранденбургской марки Фридриха Гогенцоллерна.

В результате различных финансовых операций Фридриха Бранденбургская марка перешла в его собственность по договору, основой которого явились и просто торговая сделка и подкуп. В дальнейшем Пруссия была превращена в королевство тоже при помощи подкупа, но уже не деньгами только, а живыми людьми. Курфюрст Фридрих III заставил германского императора Леопольда I согласиться на превращение Пруссии в королевство, послав 30 тыс. бранденбуржцев на австро-испанскую войну.

Вся дальнейшая история «приобретений» Гогенцоллернов — это история покупок, продаж, сомнительных брачных сделок, предательства, использования противоречий между другими государствами, вмешательства в «игру», когда она уже решена, для того, чтобы лягнуть слабейшего и воспользоваться лакомыми кусками, добытыми другими.

Благодаря союзу Фридриха-Вильгельма I с Россией Пруссии удалось отнять у Швеции Померанию. При помощи Франции Фридриху II в 1740 г. удалось завоевать у Австрии Силезию (по этому поводу Маркс пишет, что это было в сущности единственное завоевание Пруссии). Он же в союзе с Россией и Австрией ограбил Польшу. Маркс подчеркивал, что этот грабеж являлся несмытым позорным пятном немецкой истории.

Фридрих-Вильгельм II в союзе с Австрией и Англией в 1792 г. выступал против Великой французской революции. Когда же его войска были изгнаны из Франции, он предал своих союзников и заключил мир с Французской республикой.

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма под ред. Адоратского. Письмо 36-е. Особенности экономического развития в Германии до середины XIX в., его отсталость, медлительность, косность объясняются тем, что Германия, отдаленная от мировых торговых путей, была выключена из мирового рынка.

<sup>2</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. VII, стр. 387.

<sup>3</sup> Там же, стр. 55.

Фридрих-Вильгельм III «Справедливый» — верный слуга русского царизма в его борьбе с революционным движением в Европе — предал своих союзников в войне против Наполеона за отданный ему Наполеоном Ганновер. Затем он предал Наполеона и с Англией и Россией напал на Францию. При покровительстве Александра I Пруссия увеличила свою территорию за счет Саксонии и приобрела Рейнские провинции.

«Самый основной принцип прусской монархии, — писал Маркс, — заключается в усилении ее за счет Германии с помощью России»<sup>1</sup>.

Фридрих Вильгельм IV превратил Пруссию, по выражению Маркса, в «наместничество русского царя».

Во время Крымской войны Пруссия сохраняла дружеский нейтралитет по отношению к России и «целовала русскую розгу, которую ее секли не дальше, как вчера» (Энгельс), а придворные приближенные короля были агентами петербургского правительства, точно информировали его обо всем, даже о размещении армейских корпусов на территории Пруссии.

Реформация была также одним из средств усиления династии Гогенцоллернов.

«Если Гогенцоллерны не были рыцарями германской реформации, то они несомненно были ее кассирами... Для них реформация была только религиозным полномочием на проведение секуляризации<sup>2</sup>, так что лучшую часть их приобретений в течение XVI и XVII вв. можно возвести к одному обильному источнику — ограблению церкви»<sup>3</sup>. Так Пруссия была присоединена к Бранденбургской марке в очень большой степени благодаря секуляризации.

Таковыми способами эти коронованные ничтожества, о которых Маркс, в той же первой части XI т. писал: «Комедиант, более или менее предающийся излишествам, в той или иной мере проникнутый богословскими идеями в византийском вкусе, в большей или меньшей степени заигрывающий со средневековым романтизмом, неизменно сменяется на троне другим типом, представляющим угрюмое сочетание фельдфебеля, бюрократа и школьного учителя»<sup>4</sup>, — создали из старой Бранденбургской марки с ее 15.792 кв. милями прусскую «великую» монархию в 109.314 кв. миль, присоединив к старой марке новую марку, затем Пруссию, Силезию, Познань, Померанию, Саксонию, Вестфалию, Рейнскую Пруссию.

«Это удалось им благодаря божественному праву подкупа, открытой купле, мелкой продаже, погоне за наследствами и предательским договорам о разделе»<sup>5</sup>.

Эти основные «принципы», показывает Маркс в приводимой статье, лежат и в основе «божественного права Гогенцоллернов» на княжество Невшатель, приобретенное путем подкупа членов сословного собрания Невшателя, постановивших передать княжество Фридриху I за его деньги.

Такова «славная история» Гогенцоллернов.

Но именно им благодаря политическому ничтожеству немецкой буржуазии, благодаря ее ужасу перед выступившим на историческую сцену пролетариатом и вместе с тем в результате того, что пролетариат еще не смог быть гегемоном революции, удалось направить буржуазное развитие Германии по юнкерскому, «прусскому» пути.

«Мартовская революция, — писал Маркс о германской революции 1848 г., — отнюдь не подчинила властителя «Божьей милостью» суверенитету народа. Она только заставила корону, абсолютистское государство сговориться с буржуазией, вступить в соглашение со своим старым соперником... монархия станет буржуазной, буржуазия — монархической»<sup>6</sup>. Революция

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. XI, ч. 11-я, стр. 439.

<sup>2</sup> Секуляризация — переход имуществ из владения церкви во владение светских лиц. Князья и короли принимали протестантизм, чтобы отнять у католических монастырей земли и все остальное имущество.

<sup>3</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. XI, ч. 1-я, стр. 77.

<sup>4</sup> Там же, стр. 438. «Регенство в Пруссии».

<sup>5</sup> Там же, стр. 75.

<sup>6</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. VII, стр. 57.

1848 г., преданная буржуазией, не разрешила проблемы объединения Германии. После поражения революции 1848 г. наступила полоса реакции во всей Европе.

1857 год, когда Маркс писал «Божественное право Гогенцоллернов», был началом нового экономического кризиса, необычайного обострения всех классовых противоречий, началом нового революционного под'ема.

В ряде своих статей этого периода, посвященных положению в Пруссии, Маркс отмечал, что экономическое развитие Германии двинулось значительно вперед, что особенно быстро развивалась Пруссия. «Если вы проедетесь по Прирейнской Пруссии, — писал он, — вы невольно вспомните Ланкашир и Йоркшир»<sup>1</sup>.

Вопрос об объединении Германии был снова с особой силой поставлен кризисом 1857—1859 гг. Но он мог быть и в те годы решен двояко: или путем революции или путем укрепления гегемонии прусских помещиков.

Маркс и Энгельс призывали пролетариат пойти по первому пути. Маркс и Энгельс беспощадно боролись со стремлением Лассалля направить движение рабочего класса на «бонапартистско-государственно-социалистический путь» (Ленин). Маркс и Энгельс призывали пролетариат к руководству плебейско-крестьянским движением для осуществления революционного объединения Германии.

История сложилась так, что Германия была объединена «сверху», «побисмарковски». Благодаря последовательно-революционной позиции Маркса и Энгельса, Бебеля и Либкнехта, подчеркивает Ленин, был заложен прочный фундамент с.-д. рабочей партии Германии.

Германия была объединена «сверху» именно под гегемонией Пруссии не потому, что, как изображают буржуазно-феодалы историки, Пруссия имела «гениального» Бисмарка, а потому, что Пруссия имела наиболее развитую промышленность.

Вот почему прусская буржуазия стала политическим и хозяйственным авангардом германской буржуазии. Но так как «за спиной ее стоял пролетариат», то она потеряла «способность к исключительному политическому господству; она ищет,—писал Энгельс,—вокруг себя союзников, с которыми, смотря по обстоятельствам, она или делит свое господство или уступает его им совершенно»<sup>2</sup>.

Поэтому-то Германия была объединена в интересах буржуазного развития, но по-юнкерски, ибо этому классу германская буржуазия уступила на том этапе политическое господство.

В эпоху империализма, на базе необычайно быстрого темпа развития промышленности в Германии, немецкая буржуазия уже разделяет политическую власть с юнкерством. Однако весь политический строй Германии характеризуется гегемонией юнкерства. Германия новейшего, монополистического капитала продолжает оставаться гогенцоллерновской Германией.

16 июля 1913 г. Ленин в статье «Новейшие данные о партиях в Германии» отмечал, что чисто буржуазные партии имели в Германии за собой меньшинство населения, а господствующими партиями являлись партии помещичьи и клерикальные именно потому, что буржуазия, «напуганная самостоятельностью пролетариата... повернула к лакейству перед помещиками и клерикалами»<sup>3</sup>. И сейчас мы видим, как в переплетении интересов промышленной буржуазии и помещиков, переплетении, воплощаемом в господстве фашистов, доминирующей нотой звучат интересы все того же прусского юнкера: пресловутый Остгильф (Osthilf), мероприятия Гитлера по ограничению ввоза с.-х. продуктов, моратории и т. п.

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. XI, ч. 1-я, стр. 472.

<sup>2</sup> Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, предисловие, стр. 7, изд. ЦМЭЛ.

<sup>3</sup> Ленин, т. XVI, изд. 524, изд. 3-е.

В период всеобщего кризиса капитализма политическая реакция, характерная для эпохи империализма, воистину достигает апогея, находя свое выражение в чудовищных оргиях германского фашизма, этого злокачественного продукта гниения буржуазного общества, в диком разгуле шовинизма, антисемитизма, в теориях Гитлера и его присных о «благородной белой северной расе», на которой лежит миссия спасения мира от негров, евреев и большевиков, а также от «нахальных», по милому выражению Розенберга, поляков, чехов и «круглоголовых» французов, смешавшихся с неграми и потому неспособных играть роль «цивилизованной» нации.

Все эти благородные, воистину «божественные» теории являются отражением материальных, земных интересов германского монополистического капитала. Версаль лишил Германию большей части чугуна, угля. Мировая монополия германского финансового капитала в области химии, электропромышленности, калия, машиностроения разрушена. В этих условиях германский монополистический капитал видит выход из безнадежного своего положения в интервенции, в войне. Он добивается расширения своих границ, он добивается коренного передела земель в Европе, в первую очередь на востоке Европы.

Гитлер клянется, что Германия не собирается конкурировать с Англией. В одной из своих речей тотчас после выхода из Лиги наций, Гитлер заявил, что Германия имеет лишь одну претензию к Франции — Саарский бассейн, во всем остальном отношения могут быть самыми дружественными. Гитлер требует ревизии Версальского договора в области границ на Востоке. Возврат Польского коридора, польской части Верхней Силезии (т. е. 80 проц. тяжелой промышленности Польши), создание из Украины и восточной Галиции «независимого» государства под протекторатом Германии,— вот трамплин, с которого Гитлер собирается начать свое завоевание новых областей с тем, чтобы потом осуществить власть Германии над всем миром.

Германо-Польский договор о так называемом ненападении ничего решительно в этом отношении не изменяет... Демонстрируя свои «намерения» жить в мире с Польшей, Германия в декларации от 14 ноября заявила, что не собирается решать спорных вопросов с Польшей при помощи оружия, но официоз Германского правительства, агентство Конти, подчеркнул, что речь ни в коем случае не идет о добровольном признании Германией западных границ Польши.

Методы, которыми германский фашизм пытается осуществить свои планы, еще отвратительнее, еще ужаснее кровавых методов Гогенцоллернов в прошедшие века, ибо методы эти — предательство, подкуп, война, подавление революции внутри и вне страны — осуществляются в более грандиозных размерах, более страшными и могущественными орудиями уничтожения, захватывая большие территории и грандиозные людские массивы.

Но времена уже не те. Все гитлеровские попытки укрепления внутри политического престижа за счет внешнеполитических авантур не могут заглушить все растущего брожения в массах. Современная Россия не та, какой была Россия в эпоху Бисмарка. И немецкий пролетариат уже не тот... Не так просто загнать его в «стойло христианско-германского государства» (Маркс). Даже фальсифицированные фашистские выборы свидетельствуют об огромном успехе компартии. 3 млн. пролетариев голосовали против фашизма, несмотря на угрозу дубины, тюрьмы и топора... Германский пролетариат готовится осуществить пророческие слова Гейне, которые так любил цитировать Маркс:

«К нам рыцарей жалкая рать  
Свой обратит затылок,  
Мы ж на прощание их угостим  
Из длинных железных бутылок».



## БОЖЕСТВЕННОЕ ПРАВО

### ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВ

В настоящее время в Европе заняты только одним важным вопросом — о Невшателе. Так по крайней мере утверждают прусские газеты. Правда, Невшатальское княжество вместе с графством Валенжен занимает скромную площадь—всего-навсего семнадцать квадратных миль. Однако, как говорят роялистские философы в Берлине, не количество, а качество обычно придает вещам величие или ничтожество и кладет на них печать возвышенного или смешного. Для них Невшатальский вопрос — это тот же вечный вопрос о революции и божественном праве, об антагонизме, столь же мало зависящем от географических размеров, как мало зависит закон тяготения от различия между солнцем и теннисным мячом.

Попытаемся разобраться в том, что именно гогенцоллернская династия называет своим божественным правом. В данном случае она ссылается на протокол, помеченный Лондоном, от 24 мая 1852 г., в силу которого уполномоченные Франции, Великобритании и России «признали принадлежащее королю Прусскому право на княжество Невшаталь и графство Валенжен, согласно содержанию статей 22 и 76 Венского договора, каковые права от 1815 по 1848 г. существовали одновременно с правами, предоставленными Швейцарии в силу ст. 73 сего же договора». Этим «дипломатическим вмешательством» божественное право короля Прусского признано лишь постольку, поскольку оно является установленным Венским договором. В свою очередь Венский договор отсылает нас к праву, приобретенному Пруссией в 1707 г. Но как обстояло дело в 1707 г.?

Княжество Невшаталь и графство Валенжен, в средние века принадлежавшие Бургундскому королевству, после поражения Карла Смелого сделались союзниками Швейцарской федерации, и в этом положении они, состоя под непосредственным протекторатом Берна, оставались в течение всех

последовательных смен их созереноров до тех пор, пока Венский договор не презратил их из союзников федерации в ее членов. Созеренитет над Невшателем сначала был передан Шалонско-Оранскому дому, затем вследствие вмешательства Швейцарии Лонгвильскому дому и наконец после того, как вымерли все родственники этой фамилии по мужской линии, он перешел к сестре последнего принца, вдовствующей герцогине Немурской. Когда последняя получила эти владения, Вильгельм III, английский король и герцог Нассау Оранский, заявил протест и передал свои притязания на Невшаталь и Валенжен своему двоюродному брату Фридриху I, королю Прусскому,— соглашение, которое однако не оказало никакого действия при жизни Вильгельма III. По смерти Марии, герцогини Немурской, Фридрих I выступил со своими притязаниями, но так как на сцене появились еще четырнадцать кандидатов, то он благоразумно предоставил решение о претензиях соперников окончательному суждению сословного собрания Невшателя и Валенжена, заблаговременно обеспечив его приговор подкупом тех, кто будет судить. Таким образом путем подкупа король Прусский сделался князем Невшатальским и графом Валенженским. Это звание было у него отнято Французской революцией, но возвращено ему Венским трактатом и снова отнято революцией 1848 г. Против революционного права народа он апеллирует к божественному праву Гогенцоллернов, которое в конечном счете повидимому сливается с божественным правом подкупа.

Мелочность является характерной чертой всех феодальных конфликтов; однако и между ними существуют определенные различия. Бесчисленные мелкие войны, интриги и измены, с помощью которых французские короли сумели вытеснить своих вассалов и занять их места, несомненно навсегда останутся любимой темой историков, ибо они отмечают рождение великой нации. С другой стороны, рассказ о том, как тому или другому вассалу удалось отхватить от Германской империи большой или меньший кусок верховной власти для собственного частного употребления, представляет совершенно бесплодную и скучную тему, если ее не оживляет привхождение каких-либо чрезвычайных обстоятельств, вроде тех, которыми отмечена история Австрии. В последней мы видим, как тот же князь, будучи одновременно выборным главою империи и наследственным вассальным властителем

одной ее области, интригует против этой же империи в интересах своей области; как эти интриги удаются, ибо его захваты на юге как бы возобновляют традиционные конфликты между Германской империей и Италией, а захваты на востоке как бы продолжают смертельную борьбу между германской и славянской расами и сопротивление христианской Европы мусульманскому востоку; как наконец посредством искусных семейных комбинаций он доводит могущество своего дома до такой высоты, что в известный момент грозит не только поглотить империю, окружая ее мнимым блеском, но и весь мир похоронить в могиле мировой монархии. Летописи маркграфства Бранденбургского не имеют ничего общего с этими грандиозными масштабами. Там, где история его соперницы производит впечатление сатанинской поэмы, его собственная история звучит как скандальная семейная хроника. Между обоими есть поразительное различие даже там, где можно было бы найти сходство, если не тождество, интереса. Две марки, Бранденбург и Австрия, обе получили свое первоначальное значение в качестве аванпостов как в защите, так и в наступлении Германии против соседней славянской расы. Но даже с этой точки зрения история Бранденбурга бедна красками, жизнью и драматическим движением, ибо она теряется в мелочной борьбе с неизвестными славянскими племенами, разбросанными на сравнительно небольшом пространстве между Эльбой и Одером, причем ни одно из них не успело созреть даже для подобия исторического существования. Ни одно славянское племя, сколько-нибудь имеющее историческое значение, не было завоевано или онемечено Бранденбургским маркграфством, и никогда ему не удалось протянуть своих рук к соседнему Вендскому морю. Померания, предмет домогательств Бранденбургского маркграфства, начиная с XII в., даже и в 1815 г., все еще не была целиком включена в прусское королевство, и когда бранденбургские курфюрсты начали захватывать ее по частям, то она уже давно перестала быть славянским государством. Преобразование южных и юго-восточных берегов Балтики, частью путем торговой предприимчивости немецких бюргеров, частью мечом немецких рыцарей, относится к истории Германии и Польши, а не к истории Бранденбурга, который явился только для того, чтобы собрать не им посеянную жатву.

Без особого риска мы можем утверждать,

что среди бесчисленного количества читателей, которым удалось составить себе некоторое понятие о том, что за люди носили классические имена Ахилла, Цицерона, Нестора и Гектора, существует лишь весьма незначительный процент таких, которые когда-либо подозревали, что песчаная почва Бранденбурга не только производит в настоящее время картофель и овец, но несколько веков тому назад изобиловала также курфюрстами, в числе не менее четырех, которые были известны под именами Альбрехта Ахилла, Иоганна Цицерона, Иохима I Нестора и Иохима II Гектора. Та самая золотая посредственность, которая благоприятствовала медленному росту Бранденбургского курфюршества в нечто из вежливости называемое европейской державой, надежно оберегала его доморожденную историю от слишком тесной дружбы с гласностью. Полагаясь на этот факт, прусские государственные люди и политики прилагали величайшие усилия к тому, чтобы внушить всему миру представление, будто Пруссия по преимуществу является военной монархией, откуда можно сделать вывод, что божественное право Гогенцоллернов должно означать право меча, право завоевания. Нет ничего более далекого от истины. Напротив, можно утверждать, что в сущности из всех провинций, которыми ныне обладают Гогенцоллерны, они завоевали лишь одну, а именно Силезию,— подвиг, столь беспримерный в летописях их дома, что Фридриху II он доставил прозвище Единственного. Но прусская монархия простирается на 109.314 кв. миль, из которых Бранденбургская провинция, даже в ее нынешнем протяжении, насчитывает не более 15.792, а Силезия — не более 15.820 кв. миль. Как же добрались они до Пруссии с ее 25.126 кв. миль, Познани с ее 12.248 кв. миль, Померании с ее 12.304 кв. миль, Саксонии с ее 9.818 кв. миль, Вестфалии с ее 9.848 кв. миль и Рейнской Пруссии с ее 10.348 кв. миль? Это удалось им благодаря божественному праву подкупа, открытой купле, мелкой краже, погоне за наследствами и предательским договорам о разделе.

В начале XV в. маркграфство Бранденбургское принадлежало Люксембургскому дому, глава которого Сигизмунд в то же время владел императорским скипетром Германии. Весьма нуждаясь в деньгах и будучи жестоко тесним своими кредиторами, он нашел покладистого и сговорчивого друга в лице Фридриха, буртграфа Нюрнбергско-

го, князя, ведшего свой род от дома Гогенцоллернов. В 1411 г. Фридрих был водворен в качестве генерального управляющего Бранденбурга, переданного ему как бы в виде залога за различные суммы, авансированные им императору. Как подобает хитрому ростовщику, которому удалось вступить в предварительное владение домом расточителя и мота, Фридрих новыми авансами продолжал запутывать Сигизмунда в новые долги, пока в 1415 г. взаимные расчеты должника и займодавца были закончены путем передачи Фридриху наследственного курфюршества Бранденбургского. Чтобы не оставить никакого сомнения насчет природы этого акта, он был снабжен двумя условиями: одно из них сохраняло за Люксембургским домом право выкупа курфюршества за уплату 400,000 флоринов золотом, другое обязывало Фридриха и его наследников при каждом новом избрании императора отдавать свой голос кандидату из этого дома. Первое условие ясно характеризовало заключенное соглашение как меновую сделку, а второе — как подкуп. Чтобы стать полным владельцем курфюршества, алчному другу Сигизмунда оставалась еще только одна операция — отмена условия о выкупе. Соответственно этому он выждал удобный момент, когда на Констанцском соборе Сигизмунд снова оказался без денег; он поспешил из своей марки в пределы Швейцарии, опорожнил свой кошелек, и роковая оговорка была уничтожена. Таковы были пути и средства божественного права, на котором еще царствующая династия Гогенцоллернов основывает свое владение Бранденбургским курфюршеством. Так возникла прусская монархия.

Ближайший преемник Фридриха, человек весьма слабый, получивший прозвище «Железного» по причине его странной причуды всегда являться перед публикой в железных доспехах, за 100.000 золотых флоринов купил Новую Марку у тевтонских рыцарей, точно так же, как его отец купил Старую Марку и свое звание курфюрста у германского императора. Отныне метод покупки по частям владений задолжавших государей превратился в столь же обычную вещь у гогенцоллернских курфюрстов, как вооруженные вмешательства некогда были обычны в политике римского сената. Оставляя в стороне скучные подробности этой грязной торговли, мы перейдем прямо к эпохе реформации.

Не следует думать, что так как реформация стала главной опорой Гогенцоллернов,

то эта династия явилась главной опорой реформации. Совсем наоборот. Основатель династии Фридрих I начал свое правление тем, что повел армии Сигизмунда против гуситов, которые порядком отколотили его за это усердие. Иоахим I Нестор, царствовавший с 1493 по 1535 г., поступал с германской реформацией так, словно это было таборитским движением. Он до самой своей смерти преследовал ее. Хотя Иоахим II Гектор сам был последователем лютеранства, он отказался обнажить меч в защиту новой веры в тот момент, когда она, казалось, падала в борьбе с подавляющими силами Карла V. Он не только отказался принять участие в вооруженном сопротивлении Шмалькальденского союза, но и предложил свою тайную помощь императору. Таким образом при своем возникновении германская реформация встретила со стороны Гогенцоллернов открыто враждебное отношение, во время своей ранней борьбы — лживый нейтралитет, а во время своего страшного заключительного акта — Тридцатилетней войны — малодушные колебания, трусливое бездействие и низкое предательство. Как известно, курфюрст Георг-Вильгельм пытался заградить проход через свои владения освободительным армиям Густава Адольфа, который был принужден пинками и тулками загнать его в протестантский лагерь, откуда он позже пытался улизнуть, заключив сепаратный мир с Австрией. Но если Гогенцоллерны не были рыцарями германской реформации, то они несомненно были ее кассирами. Их неохота сражаться за ее дело могла сравниться только с их алчной готовностью совершать грабежи ее именем. Для них реформация была только религиозным полномочием на проведение секуляризации, так что лучшую часть их приобретений в течение XVI и XVII вв. можно возвести к одному обильному источнику — ограблению церкви. Довольно странный способ проявления божественного права!

В истории образования гогенцоллернской монархии три факта являются важнейшими: приобретение Бранденбургского курфюршества, присоединение к нему герцогства Пруссии и возведение последнего в ранг королевства. Мы уже видели, как было приобретено курфюршество. Герцогство Пруссии было получено с помощью трех актов: во-первых, посредством секуляризации; далее, посредством брачной сделки довольно двусмысленного свойства: курфюрст Иоахим-Фридрих женился на младшей, а его сын

Иоганн-Сигизмунд на старшей дочери безумного и подлого герцога Альбрехта Прусского; наконец посредством подкупа правой рукой придворных польского короля, а левой рукой — сейма Речи Посполитой. Эти подкупы были настолько сложны, что они растянулись на целый ряд лет. Подобный же метод был применен для преобразования герцогства Пруссии в королевство. Для получения королевского титула курфюрсту Фридриху III, впоследствии королю Фридриху I, нужно было согласие германского императора. Чтобы получить это согласие, против которого возмущалась католическая совесть императора, он подкупил духовника Леопольда I иезуита Вольфа и в придачу бросил 30.000 бранденбуржцев в австро-испанскую войну за испанское наследство. Гогенцоллернский курфюрст вернулся к древнегерманскому учреждению платежа жизнью с той лишь разницей, что древние германцы платили скотом, он же платил людьми. Так создалось божьею милостью королевство Гогенцоллернов.

С тех пор, как с начала XVIII в. Гогенцоллерны пошли в гору, они усовершенствовали свои методы увеличения владений, к подкупу и обмену прибавив договоры с Россией о разделах, направленные против государств, которые они не сваливали сами, но на которые они внезапно набрасывались после их падения. Так мы видим их в содружестве с Петром Великим в разделе шведских владений, с Екатериной II — в разделе Польши и с Александром I — в разделе Германии.

Таким образом те, кто против прусских притязаний на Невшатель возражают указанием на то, что он был получен подкупом, совершают печальную ошибку, забывая, что подкупом же приобретен Бранденбург, подкупом — Пруссия, подкупом — королевское достоинство. Не может быть сомнений в том, что Невшателем они владеют в силу такого же божественного права, как и своими прочими областями, и что они не могут отказаться от одного из них, не подвергая опасности все остальные.

**БРАТЬЯМ ПО КЛАССУ, ЖЕРТВАМ  
ФАШИЗМА, ЗАКОВАННЫМ В ЦЕПИ,**

**БОРЦАМ ЗА МИРОВОЙ ОКТЯБРЬ — НАШ  
ПЛАМЕННЫЙ ПРОЛЕТАРСКИЙ ПРИВЕТ**

*Первой статьей настоящего раздела должна была идти статья члена президиума исполкома Коминтерна и Политбюро ЦК компартии Германии т. Фрица Геккерта на тему об этапах развития буржуазной «демократии» от Веймара до открытой фашистской диктатуры Гитлера «От Веймара к Гитлеру». Статья эта, к сожалению, получена была редакцией, когда номер был уже сверстан. Поэтому она будет напечатана в следующем номере нашего журнала (№ 12).*

**С. Бантке**

## **КАРЛ ЛИБКНЕХТ — СОЛДАТ МИРОВОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

(к 15-летию со дня смерти,  
15 | 1919 — 15 | 1934)

«Карл Либкнехт — это имя известно рабочим всех стран. Повсюду и особенно в странах Антанты это имя есть символ преданности вождя интересам пролетариата, верности социалистической революции.

Это имя есть символ действительно искренней, действительно готовой на жертвы беспощадной борьбы с капитализмом.

Это имя — символ непримиримой борьбы с империализмом, не на словах, а на деле, борьбы, готовой на жертвы как раз тогда, когда «своя» страна охвачена угаром империалистических побед»<sup>1</sup>.

Карл Либкнехт — это имя верного солдата мировой пролетарской революции, имя, ставшее близким всему международному пролетариату. Китайские кули, индусские текстильщики, рудокопы-негры Южной Африки, нефтяники Калифорнии, металлурги Бирмингама, лесорубы Канады, углекопы Рура, рабочие и колхозники Советского союза, пролетарии, трудящиеся и угнетенные всего мира знают имя Карла Либкнехта.

В особенности хорошо знает это имя рабочая молодежь. Она знает это имя потому, что «железный Карл» был пионером

революционного движения рабочей молодежи всего мира.

И поэтому молодые пролетарии, борющиеся вместе с трудящимися и угнетенными всего мира под знаменем Ленина, особо помнят и чтут имя Карла Либкнехта.

**1**

1871 год. Это год Парижской коммуны, год, когда французские рабочие, «штурмуя небо», впервые во всей мировой истории установили в Париже свою, рабочую власть и облекли в плоть и кровь величайшую идею Маркса и Энгельса — диктатуру пролетариата.

В этот героический год в Лейпциге у виднейшего вождя рабочего движения Германии, друга и соратника Маркса и Энгельса, Вильгельма Либкнехта родился сын. В. Либкнехт в честь своего учителя и друга Карла Маркса дал новорожденному имя Карл. Отец Карла — Вильгельм Либкнехт — вместе со своим товарищем по борьбе А. Бебельем вел под руководством Маркса и Энгельса решительную борьбу против прусского милитаризма в защиту парижских коммунаров, в защиту рабочего класса Германии.

В последние дни Коммуны Бебель, неоднократно прерываемый издевательствами выкриками шовинистических депутатов рейхстага, грозно предостерегал всю европейскую буржуазию. «Будьте уверены, — говорил Бебель, — что весь европейский пролетариат и всякий, кто хранит в душе любовь к свободе и независимости, смотрит на Париж. И если даже в настоящий момент Париж подавлен, то я напоминаю вам, что борьба в Париже представляет только маленькую аванпостную стычку, что главное дело еще предстоит нам в Европе и что не пройдет и нескольких десятилетий, как боевой клич парижского пролетариата «война дворцам, мир хижинам», «смерть нужде

<sup>1</sup> Ленин, т. XXIII, стр. 497.

и тунеядству» станет боевым кличем всего европейского пролетариата»<sup>1</sup>.

И родившийся в этот 1871 г. Карл действительно через несколько десятилетий, став под знамя большевизма, борется за революционные традиции парижских коммунаров и в январские дни 1919 г. во главе рабочих и солдат штурмует императорский дворец, на котором водружает красное знамя.

Карлу не было еще двух лет, когда его отец Вильгельм вместе со своим другом Бебелем был посажен в крепость за свое мужественное поведение в дни Коммуны. Вскоре после выхода его из тюрьмы германское правительство издало «исключительный закон против социалистов». Этим законом партия была поставлена в нелегальное положение, а все подлинные революционеры объявлены вне закона. Семью Либкнехт вскоре выслали из Лейпцига, и маленькому Карлу пришлось пережить тяжелые годы скитаний, полные материальных лишений, подчас голода и беспросветной нужды.

Только к концу 80-х годов материальное положение Вильгельма Либкнехта несколько поправилось и Карл получил возможность поступить сначала в Лейпцигский, а затем в Берлинский университет.

В бытность свою студентом он участвовал в социалистических кружках и был одним из усерднейших посетителей политических собраний. Еще в 1893—1894 гг., когда Карл проходил военную службу, он возненавидел прусский казарменный строй, пропитанный милитаризмом и национализмом. Уже в те годы Либкнехт готовил себя к борьбе за уничтожение этого юнкерско-милитаристского строя.

В подготовке будущего политического борца большую роль сыграла окружающая его среда и в первую очередь его отец Вильгельм. Это помогло Карлу развернуться в убежденного борца за социализм.

## 2

1900 год. Капиталистический мир вступил в новое столетие, а вместе с тем и в свой последний этап развития, в стадию загнивающего, умирающего капитализма — в стадию империализма. Но цепляясь за жизнь, он готовит невиданную империалистическую бойню. При помощи миллионов трупов и моря крови капитализм хочет

<sup>1</sup> Цитирую по книге И. И. Скворцова-Степанова «Парижская коммуна».

укрепить расшатывающийся фундамент своего господства. Но на рубеже XIX и XX веков империалисты, затеявшие англо-бурскую и американо-испанскую войны, проделывали только подготовительные шаги к мировой войне.

Карл, не сознавая еще всех особенностей нового этапа капитализма, особенностей эпохи империализма, не понимая глубины тех процессов оппортунистического перерождения, которые происходили внутри германской социал-демократии, выступает в защиту нарождающегося юношеского социалистического движения, которое было направлено против прусского милитаризма и против реформизма.

«Признанные вожди» германской социал-демократии, занимавшие руководящие посты в партии, заседавшие в рейхстаге, всячески тормозили развитие этого нового движения. Пламенный Карл был единственным из социал-демократов, кто полностью поддержал рабочую молодежь и со всей энергией отдался делу ее организации.

В годы русско-японской войны и революции 1905 г. в России Карл Либкнехт ведет борьбу против войны, против прусского милитаризма, протянувшего руку помощи русскому царизму.

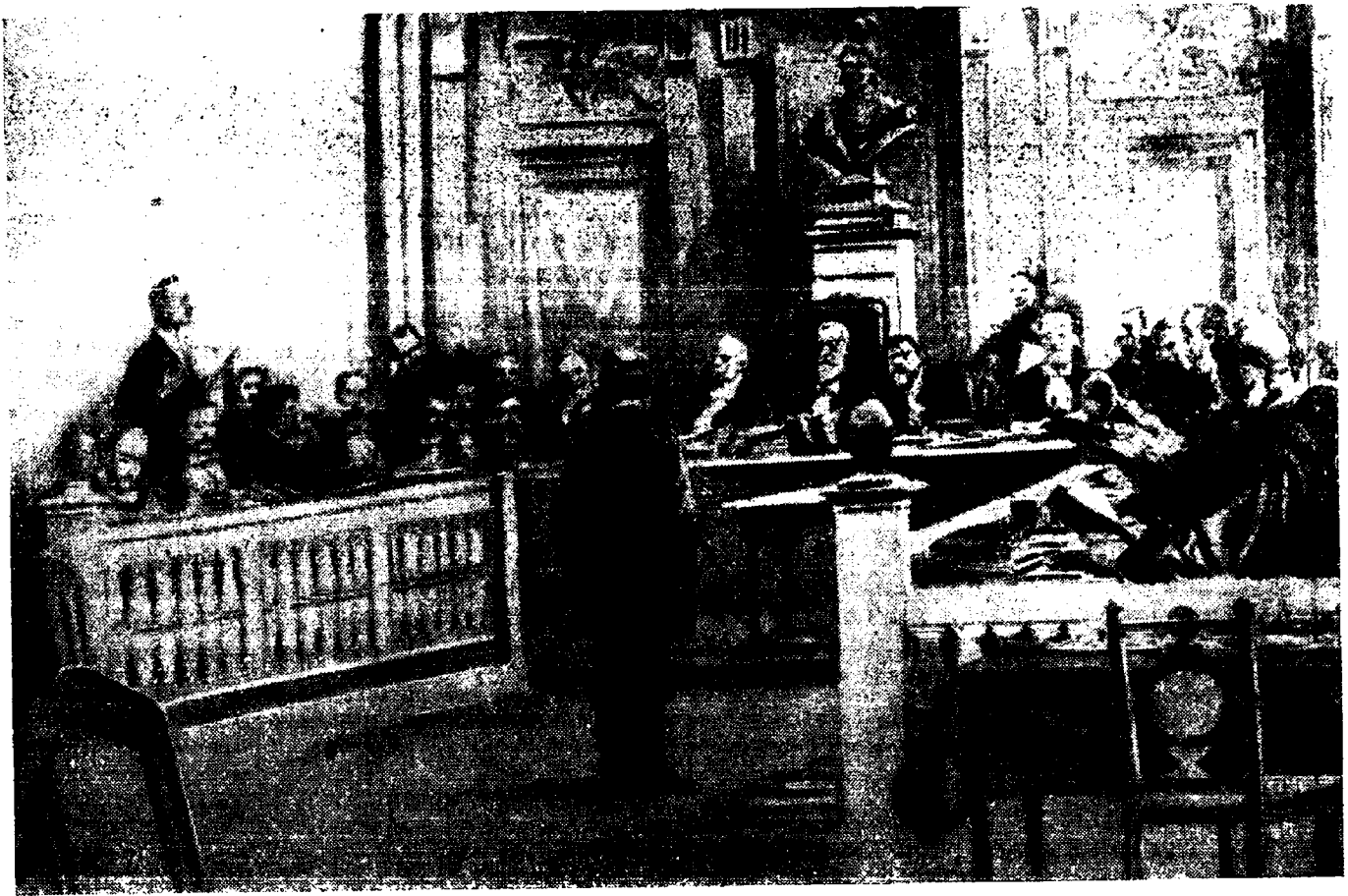
Прусское правительство арестовывает ряд русских революционеров, транспортировавших через немецкую границу нелегальную литературу, и инсценирует в 1906 г. знаменитый Кенигсбергский процесс.

К. Либкнехт как адвокат берет на себя защиту подсудимых, выступает с блестящей обвинительной речью против союза реакционной германской империи с русским черносотенным правительством Николая II. К. Либкнехт превращает адвокатскую трибуну в трибуну агитации за революцию, разъясняя таким образом широким массам смысл революции, происходящей в России. Боевое выступление К. Либкнехта на Кенигсбергском процессе в 1906 г. в защиту русских революционеров делает его имя популярным далеко за пределами Германии.

## 3

1907 год. К. Либкнехт выпускает свою первую книгу «Милитаризм и антимиитаризм в связи с интернациональным движением рабочей молодежи»<sup>2</sup>. В этой книге, не лишенной ряда существенных недостатков,

<sup>2</sup> На русском языке опубликована Госиздатом в 1921 г.



Суд над К. Либкнехтом в Лейпциге в 1907 г. за антимилитаристскую пропаганду

К. Либкнехт ставит боевую задачу завоевания рабочей молодежи на сторону пролетарской революции. В своей книге он заявляет: «У кого в руках молодежь, у того в руках армия». На партийтагах довоенной германской социал-демократии К. Либкнехт требует от партии, чтобы она вела специальную антимилитаристскую работу среди рабочей молодежи и в армии. В своей речи, направленной против оппортуниста Носке, на Эссенском партийтаге германской социал-демократии в 1907 г. К. Либкнехт заявил: «Нам надо вырвать армию из рук классового врага и сделать так, чтобы он не мог использовать ее как свой классовый инструмент ни во внутренней, ни во внешней политике».

За эту боевую революционную задачу — «вырвать армию из рук классового врага» — К. Либкнехт ведет борьбу не только внутри социал-демократической партии, но и на широких собраниях рабочих и в особенности среди рабочей молодежи.

Эта боевая антимилитаристская пропаганда К. Либкнехта, эта систематическая борьба за рабочую молодежь, за армию была подготовкой германского пролетариата к наступающим решающим битвам за социалистическую революцию. Правда, эта

борьба существенно отличалась от той подлинно революционной антимилитаристской пропаганды, которую вела партия большевиков.

К. Либкнехт, не понимавший всех особенностей эпохи империализма, выступал против войны скорее эмоционально, как стихийный революционер. Эти стихийно революционные выступления против войны, против милитаризма неизбежно должны были впоследствии привести Либкнехта к сближению с большевиками.

Именно потому, что германская социал-демократия к этому времени была уже заражена оппортунизмом, именно потому, что ее вожди не ставили перед собой задач борьбы за пролетарскую революцию, они выступали против К. Либкнехта и всячески препятствовали его антимилитаристской пропаганде. Но, несмотря на все эти препятствия, К. Либкнехт добивается организации рабочей молодежи не только в Германии. Благодаря его инициативе созывается первый международный конгресс социалистической молодежи в Штутгарте в 1907 г. На этом конгрессе он выступает с большим докладом о милитаризме и о задачах социалистической молодежи в антимилитаристской пропаганде.



Вся деятельность К. Либкнехта уже в те годы была обвинительным актом со стороны германского пролетариата, направленным против растущего германского империализма. Правительство кайзера Вильгельма II, которое наряду с империалистами России, Франции и другими подготовляло мировую войну, не могло терпеть этой широкой антимилитаристской пропаганды, которая велась К. Либкнехтом. Он был арестован, обвинен в государственной измене и приговорен к полугодовому заключению в крепости.

На своем процессе Либкнехт заявляет: «Вы можете лишить меня и моих детей возможности существовать, но никто не помешает мне продолжать борьбу за мою политическую программу».

Тюрьма еще более закаляет К. Либкнехта. Одновременно возрастает и его авторитет. Имя К. Либкнехта приобретает симпатии не только в среде рабочей молодежи всей Германии и всего мира, но и среди самых широких слоев рабочих и трудящихся масс Германии. По выходе из тюрьмы в 1911 г. его избирают в парламент. И здесь, в парламенте, подобно своему отцу в дни Парижской коммуны, он ведет революционную пропаганду, направляя сильные и страстные речи против милитаризма, против подготовлявшейся мировой войны.

Яркую зарисовку кипучей революционной деятельности К. Либкнехта дала Роза Люксембург. В своем письме из тюрьмы в марте 1917 г. она писала: «Либкнехт всегда жил «галопом», в вечной суете, спешил на свидание со всем светом, на заседания, в комиссии, всегда нагруженный пакетами и газетами, с карманами, полными записных книжек и бумаг, прыгая из автомобиля в трамвай, из трамвая в железнодорожный вагон»<sup>1</sup>.

## 4

1914 год. В августе начинается мировая бойня. Германская социал-демократия, которая еще до войны скатилась к оппортунизму, сейчас открыто становится на сторону кайзеровского правительства. 110 депутатов социал-демократического германского рейхстага голосуют за военные кредиты. К. Либкнехт на заседании социал-демократической фракции рейхстага высту-

пает против военных кредитов, но большинство решает голосовать за них, и Либкнехт, опутанный еще социал-демократическими традициями, подчиняется партийной дисциплине и не голосует против военных кредитов. В момент голосования он уходит из зала рейхстага.

Из Швейцарии раздается революционный призыв Ленина, который с самого начала мировой войны поднял знамя борьбы за превращение империалистической войны в войну гражданскую, за полный разрыв с социал-шовинистами и центристами, за создание нового, III интернационала.

В царской России с трибуны Государственной думы вслед за призывом Ленина раздается боевой протест депутатов-большевиков, голосующих против военных кредитов. В ноябре 1914 г. царское правительство арестовывает, а затем отправляет в ссылку в Сибирь депутатов-большевиков Г. И. Петровского, Бадаева и др.

К. Либкнехт начинает понимать, что его товарищами по борьбе являются не те, с кем он заседает рядом, в социал-демократической фракции рейхстага, не члены той социал-демократической партии, которую Роза Люксембург назвала «смердящим трупом», а депутаты-большевики, которые, подобно его отцу Вильгельму в 1871 г., арестованы и закованы в цепи за выступление против войны, против милитаризма.

Страстный революционер, живой и впечатлительный Либкнехт видит, как по обе стороны фронта растет гора трупов, ему слышится далекий звон кандалов идущих в сибирскую ссылку депутатов-большевиков, и Либкнехт уже в декабре 1914 г. находит в себе мужество голосовать против военных кредитов. 2 декабря 1914 г. с парламентской трибуны он зачитывает свое заявление, в котором говорит: «Протестую против войны, против ее виновников и руководителей, против капиталистической политики, вызвавшей ее, против капиталистических целей, ради которых она ведется, против планов аннексий и захватов, против нарушения бельгийского и люксембургского нейтралитета, против военной диктатуры, против политического и социального вероломства, в котором виноваты правительство и господствующие классы, я отклоняю испрашиваемые кредиты»<sup>2</sup>. Это героическое выступление К. Либкнехта

<sup>1</sup> Роза Люксембург, Письма к Карлу и Луизе Каутским. «Красная новь», 1923 г., стр. 170.

<sup>2</sup> «Спартак» во время войны». Сборник документов с предисловием т. Кнорина. Партиздат. 1933 г., стр. 44.

имело огромное значение для развития международной пролетарской революции.

Ленин в декабре 1914 г. от имени рабочих России заявил, что сознательные пролетарии «товарищески протягивают руку социалистам, которые действуют, как К. Либкнехт».

Выступление К. Либкнехта против военных кредитов было первым шагом революционного крыла германской социал-демократии в сторону большевизма, в сторону разрыва с социал-шовинизмом и центризмом.

Уже в 1915 г. К. Либкнехт вместе со своими соратниками — Розой Люксембург, Мархлевским, Лео Иогихесом и др. — создает организацию «Спартак», которая ведет нелегальную борьбу против войны.

В спартаковском движении Роза Люксембург играет руководящую роль. Ей принадлежит выработка программных и тактических принципов. Она являлась головой всего движения, а К. Либкнехт — его пламенным сердцем.

В мае 1915 г. К. Либкнехт выпускает листовку ко всем рабочим и трудящимся Германии, в которой пишет: «Главный враг каждого народа в собственной стране. Главный враг германского народа находится в Германии — это германский империализм, германская военная партия, германская тайная дипломатия. Этого-то врага в своей собственной стране и нужно одолеть германскому народу, одолеть в политической борьбе, действуя совместно с пролетариатом других стран, борющимся против своих отечественных империалистов»<sup>1</sup>.

Это выступление К. Либкнехта — еще один шаг в сторону большевизма.

К. Либкнехт прекрасно понимал, что германский пролетариат должен действовать совместно с пролетариатом воюющих стран, что только совместными усилиями можно покончить с мировым капитализмом. Как интернационалист он обращает свои призывы не только к немецким, но и к французским рабочим.

Уже с самого начала войны К. Либкнехт становится опасной фигурой для господствующих классов, и правительство посылает его на фронт в рабочий батальон в качестве солдата. По существу это были принудительные работы. К. Либкнехту пришлось спать в холодных бараках и выпол-

## Der Hauptfeind steht im eigenen Land!

Der Hauptfeind steht im eigenen Land!

Der Hauptfeind steht im eigenen Land!

Der Hauptfeind steht im eigenen Land!

Der Hauptfeind steht im eigenen Land!

Der Hauptfeind steht im eigenen Land!

Der Hauptfeind steht im eigenen Land!

Der Hauptfeind steht im eigenen Land!

Der Hauptfeind steht im eigenen Land!

Der Hauptfeind steht im eigenen Land!

Der Hauptfeind steht im eigenen Land!

Der Hauptfeind steht im eigenen Land!

Der Hauptfeind steht im eigenen Land!

Der Hauptfeind steht im eigenen Land!

Der Hauptfeind steht im eigenen Land!

Der Hauptfeind steht im eigenen Land!

Der Hauptfeind steht im eigenen Land!

### Листовка К. Либкнехта „Враг в собственной стране“

нять тяжелую работу по рытью окопов, укреплению блиндажей и т. д. Этим путем германское правительство думало изолировать К. Либкнехта от рабочих масс, от его политических соратников и сломить его боевой дух.

Но К. Либкнехт ни на минуту не прекращал своей революционной пропаганды. Он вел ее среди солдат своей роты и других воинских частей. Либкнехт пользовался огромным авторитетом среди солдат, и вскоре благодаря его деятельности антимилитаризмом «заразилась» не только его рота, но и соседние части. Один из спартаковцев, бывший солдат пулеметной части в своих воспоминаниях пишет: «Высшее начальство армии получило сведения о волнениях в тех войсковых частях, которые приходили в соприкосновение с ротой, где находился К. Либкнехт. Очень быстро весь зараженный революционными идеями батальон был отозван обратно и рассеян по Германии. То же произошло и с соседними частями, в том

<sup>1</sup> «Спартак» во время войны», стр. 60.



К. Либкнехт в армии, в рабочем батальоне

числе и с 9-й ротой, к которой я принадлежал»<sup>1</sup>.

К. Либкнехт, будучи в армии, продолжал поддерживать самые тесные связи с Люксембург, Тышко, Мархлевским и другими руководителями спартаковского движения. Узнав о том, что в сентябре 1915 г. в Циммервальде собирается Первая международная социалистическая конференция, на которую союз «Спартак» посылает своего представителя, он 2 сентября 1915 г. пишет специальное письмо-приветствие конференции.

«Простите, что пишу только наспех несколько строк. Я скованный пленник милитаризма и не могу явиться к вам, но все сердце, все помыслы, все мое существо с вами»<sup>2</sup> — так начал свое письмо К. Либкнехт.

Как одну из боевых задач К. Либкнехт в своем письме выдвигает задачу «беспощадного разрыва с дезертирами и предателями, покинувшими знамя Интернационала в Германии, Англии, Франции и в других странах»<sup>3</sup>.

Он говорит, что необходимо «ввести железную дисциплину в ряды тех, кто решился во что бы то ни стало устоять на почве международного социализма».

И хотя бы им пришлось погибнуть, они должны бороться за тактику, вытекающую из принципов международного социализма, которая должна быть формулирована, пишет Либкнехт, так: «Гражданская война, а не гражданский мир»<sup>4</sup>.

По поводу этого лозунга, выдвинутого в письме Либкнехта, Ленин сказал: «Гражданская война — это великолепно».

Какое значение придавал Ленин этому документу, видно хотя бы из того ряда выписок, которые он сделал из письма.

Это письмо К. Либкнехта сыграло известную роль в деле приближения интернационалистических элементов к большевизму и в деле сближения социалистов всех стран. Обращаясь к французским социалистам, участникам Циммервальдской конференции, К. Либкнехт закликает их не дать «увлечь себя фразой о национальном единстве и не менее опасной фразой о партийном един-

<sup>1</sup> Арно Рудерт. Воспоминания о Карле Либкнехте. Газета «Маяк коммуны» от 15/1 1931 г.

<sup>2</sup> Письмо К. Либкнехта Международной социалистической конференции в Циммервальде. «Роте фане» от 15/1 1925 г.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же.

стве» и призывает к организации демонстраций протестов против войны.

«Французские братья,— пишет К. Либкнехт,— нам известны особые трудности вашего трагического положения, и мы так же истекаем кровью вместе с вами, как и с истязуемыми массами всех народов... Пусть наша борьба будет вашей борьбой. Помогите нам, как мы клялись помочь вам»<sup>1</sup>.

Но нужно отметить, что делегаты «Спартак», той самой организации, в состав которой входил Либкнехт, на самой конференции не пошли вместе с большевиками, не голосовали за резолюцию «циммервальдской левой». Делегаты «Спартак» обосновывали свою позицию тем, что «резолюция большевиков казалась им тактически ошибочной»<sup>2</sup>. Это отношение делегатов «Спартак» к большевикам на конференции в Циммервальде показывает, что, несмотря на ряд шагов, которые сделал К. Либкнехт в сторону большевизма, все же у спартаковской организации был еще огромный груз социал-демократических традиций, который задерживал их на полдороге к большевизму.

Ленин и партия большевиков ведут борьбу за то, чтобы помочь спартаковцам стать на путь подлинного интернационализма. Ленин стремится помочь спартаковцам разорвать с проклятой традицией единства, разорвать с социал-шовинизмом и с центризмом. В ряде статей и выступлений Ленин подвергает суровой большевистской критике полуцентристские ошибки «Спартак», которые разделял и К. Либкнехт.

В своей критике в октябре 1916 г. Ленин говорит о «слабости всех немецких левых, опутанных со всех сторон гнусной сетью каутскианского лицемерия, педантизма «дружелюбия» к оппортунистам»<sup>3</sup>. Ленин показывает, что немецкие левые боятся раскола, боятся до конца договаривать революционные лозунги.

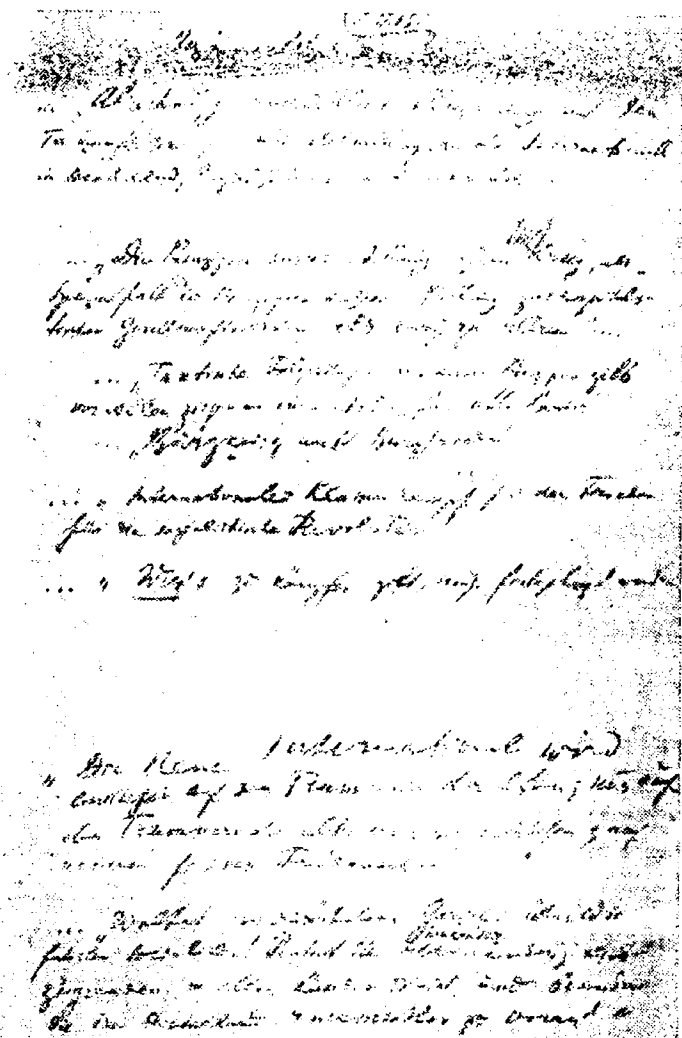
Но у спартаковцев были «не только серьезные ошибки. Они имеют,— писал т. Сталин,— за собой также большие и серьезные революционные дела»<sup>4</sup>. И величайшей исторической заслугой К. Либкнехта было то, что он вел упорную борьбу за пробуждение рабочих масс, за объединение их на

<sup>1</sup> Письмо К. Либкнехта Международной социалистической конференции в Циммервальде. «Роте факт» от 15 I 1925 г.

<sup>2</sup> Spartacusbriefe, S. 59. Цитирую по книге «Спартак во время войны».

<sup>3</sup> Ленин, т. XIX, стр. 190.

<sup>4</sup> Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 609, изд. 9-е.



Выписки, сделанные В. И. Лениным из письма К. Либкнехта к 1-й циммервальдской конференции

борьбу против империалистической войны, на борьбу против правительства своей страны.

Социал-шовинисты травили К. Либкнехта и не называли его иначе, как «сумасшедший», «безумный». После его выступлений в 1915 г. он исключается из состава социал-демократической фракции парламента, а затем и из социал-демократической партии. Правительство установило за К. Либкнехтом систематическую слежку. Неотступно по пятам за ним всегда следовали шпики, но это не мешало неутомимому Карлу продолжать свою революционную работу.

## 5

1916 год. В Германии и в других воюющих странах наметилось значительное оживление рабочего и революционного движения. Происходит ряд крупных стачек на военных заводах во Франции и в Германии. Это пробуждение рабочих масс дает значительный толчок дальнейшему развитию и укреплению интернационалистического движения в воюющих странах.

В январе 1916 г. на квартире К. Либкнехта собирается общегерманская конференция группы «Интернационал». Эта конференция принимает ряд принципиальных резолюций и решает усилить революционную пропаганду. К. Либкнехт пишет страстные воззвания и обращения, которые под формой «писем «Спартака»» распространялись нелегально в Германии не только среди рабочих, но и среди солдат. Эти письма попадали в траншеи, вселяя надежду в солдатские массы.

Переведенная на немецкий язык ленинская брошюра «Социализм и война» была распространена в Германии союзом «Спартак»<sup>1</sup>. Кроме того нелегально были изданы и распространены манифесты и резолюции конференций в Циммервальде и Кинтале и так называемые «Летучие листки» «циммервальдской левой». Эти документы благодаря нелегальной работе «Спартака» становились известными значительным слоям рабочего класса и солдат Германии.

<sup>1</sup> Ленин, т. XVIII, стр. 190.



К. Либкнехт с сыном на прогулке в берлинском Тиргартене

В апреле 1916 г. К. Либкнехт пишет листовку «Все на первомайский праздник». В этой листовке, полной ненависти к мировой войне, к капиталистам и милитаристам, ее вызвавшим, К. Либкнехт писал, что, «пока народ не поднимется, чтобы проявить свою волю, бойня народов не прекратится». И К. Либкнехт призывает берлинских пролетариев демонстрировать свою революционную волю к борьбе, выйти 1 мая на улицу, чтобы доказать господствующим классам, «что Интернационал, что социализм не мертвы, а возрождаются с новой силой, как феникс из пепла». «Наши враги,— говорится дальше в листовке,— не французский или русский народ, а немецкие юнкеры, немецкие капиталисты и ведающий их делами комитет — германское правительство»<sup>2</sup>.

Этот горячий призыв нашел широкий отклик в рабочих массах Берлина. Впервые за годы мировой войны на одну из крупных площадей Берлина — Потсдамскую — стеклись из рабочих окраин наиболее передовые, наиболее сознательные немецкие пролетарии. К семи часам вечера Потсдамская площадь была запружена манифестантами, среди которых преобладали женщины и рабочая молодежь. Вся площадь и ближайшие улицы были окружены пешей и конной полицией, которая стремилась разогнать демонстрантов. К. Либкнехт, несмотря на большую опасность, которая ему грозила, решил сам возглавить эту демонстрацию. Вначале неузнанный, К. Либкнехт появляется среди демонстрантов и начинает свою речь. Когда же прошел слух, что выступает К. Либкнехт, толпа стала выкрикивать: «Да здравствует Либкнехт!», «Долой войну!». К. Либкнехт не успел произнести и нескольких десятков фраз, как был окружен полицейскими и арестован. «Обвиняемый,— говорилось в полицейском донесении,— оказал сопротивление, отбиваясь руками, откидывая назад верхнюю часть тела и упираясь ногами о землю. Полицейским пришлось прямо «поднять на воздух» задержанного, чтобы повести его дальше. Еще пока его отводили в полицейское управление, обвиняемый опять воскликнул: «Долой войну, долой правительство!».

К. Либкнехт снова переступил порог каторжной тюрьмы. Но теперь, в мае 1916 г., его имя было широко известно рабочим и трудящимся по обе стороны фронта. Его арест вызвал еще большее озлобление и не-

<sup>2</sup> «Спартак» во время войны», стр. 138-139.

ненависть к империалистической войне и к полуфеодальному режиму кайзеровского правительства. Чтобы в корне «задушить» интернационалистскую пропаганду на фронте, в мае 1916 г. было расстреляно за распространение в окопах нелегальной литературы 32 немецких солдата и 3 офицера. Арест К. Либкнехта и расстрел на фронте открыли собой массовые репрессии. 10 июня вторично была арестована Роза Люксембург, а затем еще целый ряд видных деятелей союза «Спартак».

Еще до своего ареста в одном из своих последних парламентских выступлений К. Либкнехт под бешеные выкрики шовинистов и социал-демократов через голову всех депутатов обратился к массам с призывом повернуть свое оружие против своих классовых врагов внутри страны. В связи с этим в начале 1917 г. в своей статье «Поворот в мировой политике» Ленин писал: «Именно теперь получает еще большее значение, чем в начале войны, тот лозунг, с которым обратилась к народам наша партия осенью 1914 г.: превращение империалистической войны в гражданскую войну за социализм. Карл Либкнехт, осужденный на каторгу, присоединился к этому лозунгу, когда сказал с трибуны рейхстага: обратите оружие против своих классовых врагов внутри страны»<sup>1</sup>.

К. Либкнехт, попав за стены тюрьмы, ведет себя как подлинный революционер, не защищаясь и не оправдываясь перед теми, которые обвинили его в государственной измене. Он не готовит защитительных речей и совершенно не считается с законами юнкерской Германии, которая отдала его под суд. В своих письменных заявлениях, выступлениях и в своей речи он выступает в качестве обвинителя того режима, который привел к мировой войне. Зная, что ему не дадут возможности произнести свою последнюю речь на суде, он пишет ее. В этой своей речи К. Либкнехт заявляет: «Упрек в государственной измене я отшвыриваю в лицо тем, кто постыдно вызвал и ведет эту самую разбойничью из всех разбойничьих войн в своих личных интересах, экономических и политических, при потворстве бессовестного правительства; тем, кто виновен в обнищании всей Европы, на чьих руках кровь миллионов,— германскому правительству, немецким империалистам; тем, кто состоит в одной компании с худшими провокаторами войны во враждебных нам государствах; тем, у кого в данный момент

<sup>1</sup> Ленин, т. XIX, стр. 385.



Роза Люксембург (фото периода 1908—1911 гг.)

нехватает духу сделать логический вывод из их же собственного обвинения, которое они возвели на меня... Каково бы ни было решение суда, я останусь при своих политических взглядах, останусь социалистом-интернационалистом и свою политическую борьбу, свою международную социалистическую борьбу буду неуклонно вести по мере своих сил, а приговор можете мне выносить, какой хотите.

Солдат рабочего батальона Либкнехт».

Это поведение К. Либкнехта в тюрьме и на суде может служить образцом того, как должен себя вести подлинный революционер перед буржуазным судом. В этом отношении образцу К. Либкнехта следуют болгарский революционер Димитров, Торглер и другие, которых фашистское правительство Гитлера, инсценировавшее процесс о поджоге рейхстага, пытается сломить пытками в охранке, цепями в тюрьме и издевательским поведением со стороны судей и казенных защитников на суде. Так же как Либкнехт в 1916 г., так и сейчас Димитров, Торглер и другие бросают обвинение в лицо фашистскому правительству Гитлера.

К. Либкнехта приговорили к 2½ годам



каторжной тюрьмы. Но буржуазия и господа социал-демократы остались недовольны таким «мягким» приговором. По требованию буржуазной социал-демократической прессы был инсценирован второй суд над К. Либкнехтом, который 23 августа приговорил его к 4 годам каторжной тюрьмы и к лишению прав на 6 лет.

Но никакие каторжные приговоры не могли остановить роста рабочего и революционного движения. Несмотря на аресты, спартаковцы, сумевшие создать свою нелегальную организацию, продолжают свою борьбу и выпускают одно за другим «письма «Спартак». Целый ряд писем был посвящен Либкнехту и призыву к массам бороться за его освобождение из тюрьмы. В листовке «За что боролся Либкнехт и почему он был приговорен к каторжной тюрьме» говорилось: «Протест против осуждения Либкнехта есть протест против войны, против осадного положения, против массового голода. Борьба за Либкнехта есть борьба за мир, за международное братство народов, за социалистическое освобождение»<sup>1</sup>. Несомненно, что революционное поведение Либкнехта, в частности его появление, несмотря на грозившую ему опасность, на Потсдамской площади, показало рабочим, что спартаковцы готовы жертвовать собою во имя масс. Либкнехт своим поведением поднял мужество масс и показал им дальнейший путь к борьбе за освобождение.

## 6

1917 год. Карл Либкнехт и Роза Люксембург в тюрьме, но их боевые товарищи из союза «Спартак» продолжают упорную нелегальную работу по распространению идей интернационализма в Германии.

Октябрьская революция в России дала новые силы революционерам, которые вели свою борьбу в глубоком подполье Германии. К. Либкнехт в одном из своих писем из тюрьмы в ноябре 1917 г. писал: «Великий революционный процесс (и социально-экономический), происходящий в России и охвативший ее от самых низов и до поверхности, процесс, выражением которого является политическая революция, затрагивающая весь строй государства, его правительственный механизм,—этот процесс не только не завершается, а находится в сво-

ем начале, имея перед собой безграничные перспективы, гораздо большие, чем во время Великой французской революции». К. Либкнехт в тюрьме впитывает в себя каждую новую весть о происходящих в России событиях. В своих письмах К. Либкнехт требует от своих товарищей поддержки всеми силами пролетарской революции в России. Скованный и рвущийся к революционной борьбе, он в своих письмах еще и еще раз стремится подтолкнуть тех, кто остался на воле, к более решительным революционным действиям.

В марте 1918 г. К. Либкнехт пишет: «Как резко дует мартовский ветер. Пахнет 1871 годом, Парижем, 1848 — 1849 гг. и 1917 г. в России».

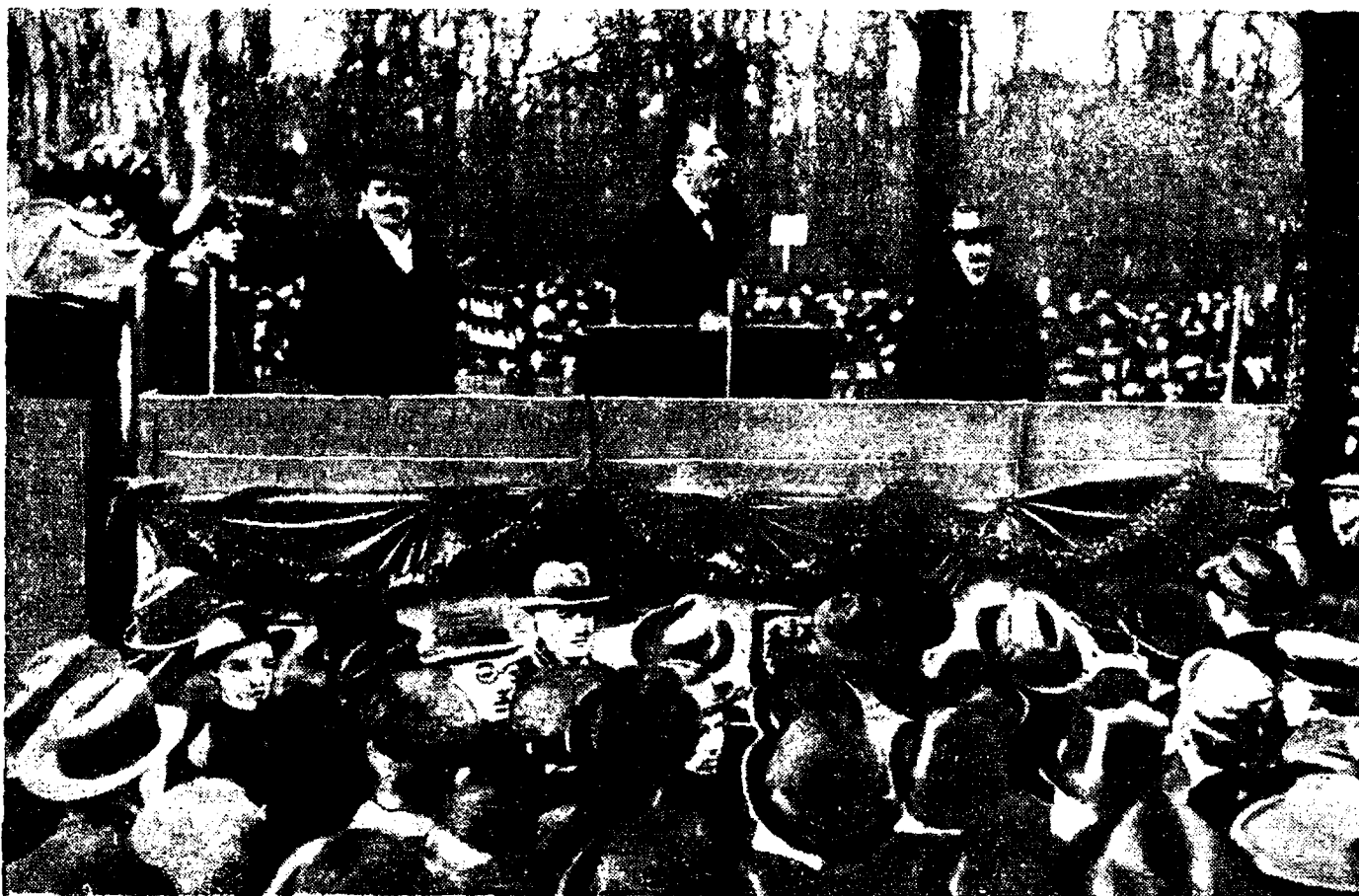
К. Либкнехт, который постепенно излечивается от люксембургских ошибок, не устает призывать рабочих и солдат Германии на помощь русской революции. Ему там, за стенами тюрьмы, страстно хочется, чтобы массы выступили более решительно, не ждали, пока соберутся миллионы, а чтобы выступали десятками, сотнями тысяч против вильгельмовского правительства и этим сорвали тот насильственный мир, который был навязан советскому правительству немецкими генералами в Бресте. К. Либкнехт бросает из тюрьмы горячий призыв: «Только бы не опоздать. Только бы не собраться с силами слишком поздно. Только бы мы не побоялись рискнуть. Только бы наша помощь не пришла слишком поздно». Эти призывы Либкнехта, попадая на раскаленную почву, способствовали росту движения в защиту русской революции. К этому прибавлялась та большевистская пропаганда, которую вели среди немецких оккупационных войск русские и украинские большевики. Немецкие солдаты из оккупационного корпуса возвращались обратно в Германию, зараженными большевизмом. В сентябре 1918 г. К. Либкнехт пишет своей жене: «Я готов был бы пожертвовать тысячью собственных жизней для действия одному тому, что могло бы помочь русской и мировой революции». И дальше он жалуется: «Проклятое бессилие! Я бьюсь о стены».

Но если К. Либкнехт бился о стены тюрьмы, будучи внутри ее, то те, кто остался на свободе, штурмуют эти стены. И бастионы, возведенные прусскими юнкерами и капиталистами, рушатся. В ноябре 1918 г. монархия пала.

Революция в Германии раскрывает перед

<sup>1</sup> «Спартак» во время войны», стр. 152.





К. Либкнехт говорит с автомобиля перед тысячами рабочих в берлинском Тиргартене. 1918 г.

К. Либкнехтом двери тюрьмы. От имени Центрального комитета российской коммунистической партии большевиков Ленин, Сталин и Свердлов посылают через советского посла в Берлине телеграмму, в которой пишут: «Передайте немедленно Карлу Либкнехту наш самый горячий привет. Освобождение из тюрьмы представителей революционных рабочих Германии есть знамение новой эпохи, эпохи победоносного социализма, который открывается теперь и для Германии и для всего мира»<sup>1</sup>.

Немедленно после выхода из тюрьмы К. Либкнехт вместе с немецкими рабочими отправляется к советскому посольству, у здания которого происходит небольшой митинг, на котором К. Либкнехт, приветствуя вождей русской революции, Ленина, Сталина и Свердлова, говорит: «Со мной случилось чудо. 24 часа назад я сидел в тюремной камере, а сегодня нахожусь среди товарищей в помещении, залитом светом, полном цветами и музыки. Но в следующие 24 часа произойдет еще большее чудо. Германия станет свободной. В первые часы моей свободы я успел просмотреть законы и декреты, созданные русской ре-

волюцией за время ее существования... Это лучший путь к освобождению угнетенных классов, это идеальнейшая программа, какую когда-либо создавали угнетенные классы».

К. Либкнехт неоднократно обращается к опыту Октябрьской революции и в своих статьях и речах подчеркивает ее всемирно историческое значение. В своем обращении «К рабочим и солдатам держав Согласия», опубликованном под заголовком «Долой вмешательство» и справедливо называемом политическим завещанием Карла Либкнехта, он писал, что Советская республика «представляет собой великий фундамент того всемирного социалистического строя, создание которого является теперь исторической задачей международного пролетариата. Русская революция двинула неслыханно вперед дело революционизирования пролетариата всего мира»<sup>2</sup>.

И он, показывая, как объединяется мировая буржуазия для борьбы прежде всего против русской Советской республики, призывает рабочих всех стран стать на защиту последней.

<sup>1</sup> Ленин, т. XXIX, стр. 515.

<sup>2</sup> Завещание К. Либкнехта. Журнал «Коминтерн» № 4, 1919 г.

«Пролетариат всего мира, — заканчивает свое обращение Либкнехт, — не должен допустить, чтобы пламя социалистической революции было задушено, иначе погибнут все его надежды и все его силы. Гибель русской Советской республики была бы поражением пролетариата всего мира»<sup>1</sup>

К. Либкнехт призывает германский пролетариат встать на путь пролетарской революции и последовать примеру русских большевиков. Но немецкий пролетариат в конце 1918 г., когда у него развернулись решающие бои, не имел еще своей подлинно коммунистической организации. Ленин писал, что «действительной революционной партии у немецких рабочих не оказалось вследствие опоздания с расколом». Только в самом конце декабря 1918 г. на учредительном съезде коммунистической партии Германии по докладу К. Либкнехта была принята резолюция, в которой союз «Спартак» заявил, что он порывает организационные связи с независимой социал-демократической

<sup>1</sup> Завещание К. Либкнехта. Журнал «Коминтерн» № 4, 1919 г.



Венгерские краскоармейцы на митинге в Будапеште. 1918 г.

партией Германии и «конституируется в самостоятельную политическую партию под именем Коммунистическая партия Германии (союз «Спартак»)»<sup>2</sup>. Это было важнейшее решение, которому Ленин придавал огромное значение. В своем письме «К рабочим Европы и Америки» Ленин писал: «Теперь, 12 января 1919 г., мы видим уже целый ряд коммунистических пролетарских партий, не только в пределах бывшей империи царя, например в Латвии, Финляндии, Польше, но и в Западной Европе, в Австрии, Венгрии, Голландии, наконец в Германии. Когда германский союз «Спартак» с такими всемирно известными и всемирно знаменитыми вождями, с такими верными сторонниками рабочего класса, как Либкнехт, Роза Люксембург, Клара Цеткин, Франц Меринг, порвал окончательно свою связь с социалистами вроде Шейдемана и Зюдекума, с этими социал-шовинистами... Когда союз «Спартак» назвал себя «коммунистической партией Германии», — тогда основание действительно пролетарского, действительно интернационалистского, действительно революционного III интернационала, Коммунистического интернационала, стало фактом. Формально это основание еще не закреплено, но фактически III интернационал уже теперь существует»<sup>3</sup>.

Но компартия Германии, имея таких самоотверженных и всемирно известных вождей, как Карл Либкнехт и Роза Люксембург, все же не представляла еще тогда подлинно большевистской, единой, сплоченной партии, тесно спаянной с массами. Процесс большевизации ее лишь начинался.

К. Либкнехт прекрасно понимал, что немецкий пролетариат стоит перед решающими боями за власть. Об этом можно судить по приветственному письму, которое было им послано 2 января 1919 г. компартии Венгрии. Так как это письмо является «забытым документом»<sup>4</sup> и на русском языке никогда не было опубликовано, мы приводим его целиком:

Берлин, 2 января 1919 г.  
КОМПАРИИ ВЕНГРИИ. БУДАПЕШТ.

Уважаемые товарищи!

Узнав об основании вашей партии, мы сердечно радуемся вашим успехам и перспективам. Революционная сила венгерско-

<sup>2</sup> Bericht über den Grundparteitag der Kommunistischen Partei den Deutschland, S. 8.

<sup>3</sup> Ленин, т. XXIII, стр. 494—495.

<sup>4</sup> Письмо впервые было опубликовано на венгерском языке в центральном органе компартии Венгрии «Красной газете» в Будапеште 15 января 1919 г.

рабочего класса дает право ждать блестящего развития на ближайшее будущее. Мы в Германии, находясь в начале второго этапа германской революции, сознаем, какие огромные задачи должен выполнить германский пролетариат в ближайшие месяцы. Компартия Германии, созданная 30 декабря 1918 г., призвана составлять авангард социалистической революции в Германии. Каждое известие о боях и победах братских партий за границей увеличивает ее силу и решимость. Мы знаем, что социальная революция в Германии представляет собой важнейший, ближайший период мировой социальной революции, являющийся единственным путем для достижения общей цели рабочих всех стран: разрушения международного капитализма.

Мы приветствуем коммунистическую партию Венгрии как товарища по общей борьбе.

Да здравствует революционный пролетариат Венгрии!

От имени коммунистической партии Германии Карл Либкнехт».

Но коммунистическая партия Германии, тянувшая за собой тяжелый груз люксембургства, не имевшая достаточно тесных связей с широкими массами, не ставшая перед собой задачу борьбы за союзников пролетариата в революции и не проводившая технической подготовки стихийно нараставшего вооруженного восстания, оказалась благодаря той контрреволюционной роли, какую сыграли германские социал-демократы, разбитой в январские дни 1919 г. Назначенный командующим правительственными войсками Берлина и его округа социал-демократ Носке организовал из офицера белогвардейские отряды, ворвавшиеся в Берлин и потопившие в крови пролетарскую революцию.

Впоследствии Носке, отчитываясь в своих палаческих подвигах, заявил: «Я взялся за это, хотя знал, что меня поволокут через всю историю германской революции в образе «кровавой собаки». Я произвел эту кровавую работу, руководимый глубоким сознанием долга».

Этим же сознанием долга перед буржуазной родиной, этой же верностью капитализму руководились и другие «кровавые собаки» пролетарской революции Германии, когда они 12 января 1919 г. на страницах «Форвертса» писали: «Много сотен мертвцов лежит рядом, но, пролетарии, Карла и Розы среди них нет».



Носке



## KARL LIEBKNECHT

ZUM FÜNFTEN TODESTAG · 15. JANUAR 1924

Убийство Либкнехта. Планат германской компартии. 1924 г.

Это был прямой призыв к убийству верных вождей немецкого пролетариата. Это было прямое требование белому офицерью найти ушедших в подполье Карла и Розу и расправиться с ними. И действительно, 15 января Карл Либкнехт и Роза Люксембург были арестованы и вечером того же дня зверски убиты.

Еще за два дня до своей смерти Либкнехт писал: «Да, революционные рабочие Берлина разбиты, и Эберты, Шейдеманы и Носке победили. Они победили, ибо с ними были генералы, бюрократы, помещики, попы, толстосумы... Но бывает поражение, которое равносильно победе... Разбитые сегодня революционные рабочие завтра станут победителями, ибо поражение есть их наука».

Германские пролетарии, разбитые в январские дни 1919 г., действительно крепко взялись за науку «подготовки пролетарской революции». Овеянная огнем гражданской войны коммунистическая партия Германии под руководством Коммунистического интернационала выросла в самую мощную и боевую партию. Под непосредственным руководством Ленина и Сталина компартия Германии, большевизируясь, избавлялась все больше и больше от социал-демократических традиций и пережитков люксембургизма. Партия в 1932 г. сумела под свои знамена собрать свыше пяти миллионов пролетариев и трудящихся. Она стала решающим фактором во всей жизни Германии, которую развертывающийся кризис поставил на порог пролетарской революции.

Социал-демократы, восторжествовавшие на трупах и крови немецких пролетариев, расчистили путь немецким фашистам и привели к власти правительство Гитлера. Ком-

партия, как и в январские дни 1919 г., снова загнана в подполье.

Но сейчас рабочий класс Германии, имеющий перед собой опыт русских большевиков и свой собственный революционный опыт, не дал разбить, а сохранил свою боевую партию. Перейдя на нелегальное положение, компартия Германии широко использует боевые революционные традиции спартаковцев, накопленные ими за годы мировой войны. Как достойные сыны пролетариата, подобно русским большевикам в годы царизма, подобно К. Либкнехту, коммунисты в фашистской Германии упорно и бесстрашно ведут борьбу против фашистов, против социал-демократии, за большинство рабочего класса, за подготовку его к пролетарской революции. Каждый день приносит нам известия об убийствах и казнях немецких коммунистов, но ряды их быстро растут, так же как они мощно выросли после смерти Карла и Розы.

Когда пришло известие об убийстве Либкнехта и Люксембург, Ленин сказал: «Кровь лучших людей всемирного пролетарского Интернационала, незабвенных вождей международной социалистической революции, закалит новые и новые массы рабочих к борьбе не на жизнь, а на смерть. И эта борьба приведет к победе»<sup>1</sup>.

Кровь лучших сынов германского пролетариата, борющихся против фашизма, еще больше закалит новые и новые тысячи пролетариев, встающих им на смену. И несмотря на самый кровавый разгул фашистской реакции, несмотря на массовые аресты, несмотря на казни, революционная борьба немецкого и всемирного пролетариата неизбежно приведет к победе.

<sup>1</sup> Ленин, т. XXIII, стр. 498.

## БРАТСКИЙ ПРИВЕТ ГЕРОИЧЕСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И РЕВОЛЮЦИОННЫМ ПРОЛЕТАРИЯМ ГЕРМАНИИ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПОБЕДА ПРОЛЕТАРИАТА В ГЕРМАНИИ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТОВАРИЩ ТЕЛЬМАН!

## **ЗАСТРЕЛЬЩИКИ**

### **Н О Я Б Р Ъ С К О Й Р Е В О Л Ю Ц И И (ГАМБУРГ И БРЕМЕН)\***

#### **Германский флот накануне революции**

Передовым отрядом Ноябрьской революции в Германии явились в первую очередь провинциальные портовые северо-западные города — Киль, Вильгельмсгафен, Гамбург, Бремен.

Именно отсюда в первых числах ноября революционный пожар распространился по всей Германии и 9 ноября докатился до Берлина. Именно здесь имели место наиболее мощные революционные вспышки в годы, предшествовавшие 1918-му.

Революцию в Германии начали матросы, к ним присоединились рабочие верфей и фабрик портовых городов. Объединенными усилиями пошли они на штурм капитализма. Матросы, т. е. рабочие, одетые в синие куртки, оказались наиболее революционным и решительным отрядом германской революции. Это отмечали даже буржуазные историки и политики. Так например Шрейдер, отставной советник высшего областного (ганзейского) суда, в течение войны советник военного суда при флоте в Куксгафене и Гельголанде, в своей книге «Im Morgenlichte der deutschen Revolution», характеризуя матросов крейсера «Цитен», говорит, что «все они были без исключения храбрые, свежие, честные, ценные люди».

Каковы же причины того, что именно матросы Киля, Гамбурга, Бремена, Вильгельмсгафена оказались передовым отрядом революции, что именно они выступали застрельщиками революционного восстания задолго до ноября 1918 года?

\* Статья т. Ковалева представляет часть ее доклада, заслушанного в 1931 г. на семинаре академика Н. М. Лукина в Институте красной профессуры истории.

Причины этого коренятся прежде всего в том, что во флоте было чрезвычайно мощное пролетарское ядро. Экономическое положение матросов — рабочих в синих куртках — было ужасно: они буквально голодали. Так, матрос военного судна «Гельголанд», который был настроен, по его собственному утверждению, «патриотически», в своих показаниях следственной комиссии рейхстага с негодованием отвергал утверждение представителей власти, что моряки были неплохо снабжены, заявляя, что и он вместе со всеми «часто голодал»<sup>1</sup>, что матросы нередко питались ракушками, которые они отваривали паром. Матросы, как правило, получали один картофельный хлеб и иногда, в торжественные дни, мармелад, офицеры же питались прекрасно.

На судне «Нюрнберг» например, в то время как матросам изо дня в день давали лишь картофельный хлеб, офицерам каждый день пекли свежие хлебцы и пироги, подавали мясные обеды, к обеду — вино.

Во время обеда офицеров играла музыка. Продукты для кутежей на суше офицеры брали обыкновенно с борта, а для того, чтобы благополучно миновать полицию, денщикам давались пропуска со штемпелем командира: «Пакет содержит оплаченный пошлиной товар». Кутежи с обильными выпивками на судах были обычным занятием офицерства и командного состава. Например в феврале 1917 г., когда в Киле происходили восстания из-за острого недостатка хлеба, офицеры судна «Нюрнберг» устроили ужин из 5 блюд. И на другой день первый офицер Лерхе заявил нижним чинам, что «сегодня разные люди просили выдавать им больше хлеба. Этого не будет. Они должны голодать»<sup>2</sup>.

Эти факты говорят о безудержном разгуле, царившем среди офицерства и высшего командного состава флота, о произволе, о беспредельном обкрадывании матросов. В то время как офицеры создавали себе уют и комфорт, матросы спали буквально друг на друге в помещениях, где дул пронизывающий ветер, а кочегары — в помещениях, где температура доходила до 30° жары. На матросов смотрели, как на скот, заставляя их есть прямо на полу.

Обмундирование, белье можно было получить только путем обмана, принесся ломотья и убелив, что это последнее праздничное одеяние.

<sup>1</sup> «Die Ursachen des deutschen Zusammenbruchs im Jahre 1918». I Bd. I hlb, S. 46.

<sup>2</sup> Там же, I Bd, I hlb, S. 169.

Итак, экономическое положение матросов в германском флоте было исключительно тяжелым. Это толкало на борьбу даже наиболее несознательных, «патриотически» настроенных, матросов, которые видели, как роскошествовали офицеры и весь командный состав флота.

Но было бы совершенно неправильно считать, что основной причиной восстаний матросов в 1917—1918 гг. было их тяжелое экономическое положение. Восставшими были выдвинуты яркие, четкие политические требования: немедленный мир, отставка кайзера.

Вся Германия во время войны была превращена в «военную каторгу». Рабочий класс был лишен свободы собраний. Он был лишен своих, пролетарских, газет. Военная цензура на письма и газеты (в III квартале 1917 г. было запрещено 18 газет, исключая Баварию)<sup>1</sup> уничтожила всякую личную свободу.

Если гражданское население задыхалось от гнета военной цензуры, от гнета военного деспотизма, то политическое рабство во флоте было еще более тяжелым. Легально матросы могли читать только «Форвертс» и правительственные газеты (за чтение которых даже выдавались железные кресты в награду), все же остальное они читали под страхом строжайших наказаний. В глазах офицеров матрос являлся просто скотиной. Он должен был подчиняться любому самодурству офицеров. Альбольт — эксперт следственной комиссии по событиям во флоте 1917 и 1918 гг. — приводит следующий факт, характеризующий весь ужас бесправия матросов. 27 января 1918 г. вся команда судна «Нюренберг», под руководством офицеров, была пьяна. На другой день первый офицер обратился к матросам со следующими словами: «Ребята, вы вчера были пьяны, и я должен изгнать из вас «алкоголь»<sup>2</sup>, и начал гонять матросов по судну, в то время как лейтенанты Л. и К. перебрасывались перед голодными матросами продуктами. На том же судне обер-лейтенант Н. за смех одного матроса по его адресу (обер-лейтенант был пьян) заставил стоять на морозе в течение 20 минут легко одетых 56 матросов и 18 унтер-офицеров. На следующий же день 10 кочегаров были отправлены в лазарет.

За малейший «проступок» матросы нака-

зывались арестом, караульной службой. В течение 5 месяцев, с ноября 1917 г. по апрель 1918 г., на судне «Нюренберг» один только первый офицер назначил средних арестов 230 дней, слабых 18, штрафных нарядов 152 и 159 дней караула (это кроме тех наказаний, которые налагались командиром судна).

Подобного рода факты характерны не только для судна «Нюренберг». На всех судах офицеры самодурствовали, вызывая диким, безобразным отношением к матросам острую ненависть к себе.

Матрос был целиком и полностью, беспрекословно и безоговорочно подчинен командному составу судна. Матросу некуда было жаловаться. Никакой закон не охранял матроса. Морские офицеры обладали неограниченными правами. Они являлись привилегированной кастой даже по сравнению с обычными офицерами.

Преобладание передовых индустриальных рабочих среди матросов, их абсолютное политическое бесправие, дикий офицерский разгул, невероятно тяжелые материальные условия были основой революционности матросов. Специфические кастовые привилегии морских офицеров являлись также значительным фактором революционирования даже наиболее отсталых слоев матросов. Эти кастовые привилегии были ярким проявлением господства феодальных пережитков, вызывая ярость матросов против режима Гогенцоллернов. Эти кастовые привилегии, с другой стороны, вносили известный разлад в среду офицеров, обусловив то, что отдельные представители низшего командного состава иногда присоединялись к революционным движениям матросов, пополняли ряды восставших. Так например на рейде «Schilig» в октябре 1918 г. к поднявшимся восстание матросам присоединилось немало технических резервистов из 3-й линейной эскадры, где их было особенно много.

Кроме того конечно в деле революционирования матросов немалое значение имела та работа, которую вели во флоте левые радикалы.

### **Августовское восстание 1917 г.**

Из всех революционных вспышек, имевших место во флоте до 1918 г., наиболее важным является августовское восстание 1917 г. Движение это началось в городах, расположенных на реке Яде, сначала на экономической почве, на почве требования

<sup>1</sup> «Vier Monate Revolution in Wilhelmshaven», v. Kliche, S. 2.

<sup>2</sup> «Die Ursachen des deutschen Zusammenbruchs im Jahre 1918», 10 Bd, I hlb, S. 136.

улучшения пищи, но быстро переросло в политическое. 20 июля 1917 г. матросы судна «Пиллау» тайно оставили борт и пошли в город. 1 августа и на судне «Принц-регент» 50 матросов покинули борт. Шествие направилось к дамбе. За это выступление было привлечено к судебной ответственности 11 человек. На следующий день состоялась демонстрация протеста, охватившая 400 человек. На этой демонстрации кочегаром Койбесом была произнесена политическая речь. Вскоре движение охватило весь германский флот (особенно тяжелые бои были на «Тюрингене» и «Гельголанде»), а 7 сентября 1917 г. вожди восстания Райхпич и Койбес, связанные с «независимыми» и левыми радикалами, были казнены. Восстание было подавлено с необычайной жестокостью. Ленин тогда же писал, что это восстание матросов — рабочих, одетых в синие куртки, означало «великий кризис нарастания мировой революции»<sup>1</sup>.

Вожди восстания Райхпич, Койбес, Заксе были связаны с «независимыми» и левыми радикалами, получали литературу и директивы из Берлина. Райхпич вел переписку с Цинц (секретарем Независимой партии), а также поддерживал связь с «независимым» Генке, с приморскими городами и Вильгельмсгафеном. Заксе имел связи с левыми радикалами. В своих показаниях следственной комиссии рейхстага обвиняемые не отрицали своей связи с социал-демократическими партиями, а, наоборот, усиленно ее подчеркивали. Райхпич в своих показаниях от 17 августа 1917 г. говорил: «Мне были знакомы взгляды партии о необходимости проведения революционным способом решений Стокгольмской конференции путем отказа от повиновения и забастовок»<sup>2</sup>.

Несколько ниже, в том же показании, Райхпич продолжал: «Я был убежден в том, что предложение депутата Дитмана госпоже Цинц развить на судах движение в пользу «независимых»... имеет целью поддержать намерение партии добиться мира путем забастовок и т. д.»<sup>3</sup>.

Показания Койбеса, Беккерса, Берковского, Заксе и других, осужденных за восстание во флоте, говорят о том, что во флоте шла вербовка в партию «независимых»: в течение 2—3 дней до 15 августа 1917 г. на судне «Принц-регент» собрано было до 400 подписей о желании вступить



**Расстрел матросов Койбеса и Райхпича**

в партию, распространялись листовки, были собраны деньги на агитацию. По данным следственной комиссии рейхстага, уже в конце 1916 г. во флоте существовала организация «независимых» в количестве 3.112 чел. Трудно конечно проверить эту цифру, но ясно одно: количество «независимых» было больше количества левых радикалов.

Но и группа спартаковцев, несомненно существовавшая во флоте, вела там большую работу. Об этом говорил в своих показаниях член этой группы обер-кочегар Заксе. Группа, правда, была количественно незначительна — она состояла всего из 25 сознательных приверженцев Либкнехта, но вела активную работу.

Во время войны левым радикалам удалось организовать во флоте ряд пропагандистских групп, к началу же восстания группа фламандского судна «Фридрих Великий» объединила их и взяла на себя центральное руководство.

Попытки некоторых бывших «независимцев» (и даже отдельных историков-коммунистов, например Шелавина в его книге «Авангардные бои», на стр. 78) представить летнее восстание матросов исключительно как результат работы «независимцев» отрицаются ими самими. По утверждению быв-

<sup>1</sup> Ленин, Собр. соч., т. XXI, стр. 321, изд. 3-е.

<sup>2</sup> «Die Ursachen des deutschen Zusammenbruches im Jahre 1918», 10 Bd, I hlb, S. 299.

<sup>3</sup> Там же, стр. 300.



шего секретаря Независимой партии Циц, по утверждению Дитмана «независимые» не хотели идти дальше легальной работы во флоте. «Мы всегда, — пишет Дитман, — во время войны старались направлять справедливое возмущение масс на путь легальной политической борьбы против всегерманской диктатуры»<sup>1</sup>, поэтому «никогда не рекомендовали практиковать забастовки в военной промышленности и отказы от службы в войсках и во флоте»<sup>2</sup>.

Итак, Дитман меньше всего хотел восстания. Деятельность «независимцев» во флоте сводилась к созданию избирательных ячеек Независимой партии, организации хозяйственной комиссии и другим мероприятиям легального, безобидного характера. Поэтому, как только матросы перешагнули грань легальности и подняли восстание во флоте, как только они потребовали преобразования хозяйственных комиссий из контрольных органов в классовые органы моряков, «независимые» испугались и в лучшем случае превратились в пассивных зрителей, а после восстания позорно отреклись от него, как это и сделал Дитман.

Не легальная литература «независимых», не их проповедь половинчатых методов борьбы подготовила моряков к восстанию, а та подпольная литература, которая распространялась во флоте в течение всей зимы 1916—17 гг. союзом «Спартак».

Именно работа спартаковцев поднимала классовое самосознание моряков. Требования прекращения войны, свержения правительства — все это были лозунги спартаковских листовок и воззваний. Значительное революционизирующее воздействие оказала уже Февральская революция в России.

Недостаточная разветвленность союза «Спартак», отсутствие крепких опорных пунктов спартаковцев в Киле и Вильгельмсгафене приводили к тому, что матросы вынуждены были в некоторых случаях обращаться за советами к «независимым». Это и создавало видимость руководства восстанием «независимыми», тем более, что «Спартак» не был организационно отделен от «независимых». Кроме того ведь рабочие тогда не понимали существа Независимой партии. Они рассматривали ее как революционную организацию, ушедшую из опостылевшей за годы войны ГСД. Они по-своему, по-революционному, истолковывали

самые мирные призывы «независимцев». Это доказывают вышеприведенные слова Райхлиха о том, как он понимал предложения Дитмана — Циц.

Между тем «независимые» позорно отреклись от героического восстания матросов, отлично понимая, что революционное восстание — это путь к диктатуре пролетариата, они же стремились «помирить, объединить диктатуру буржуазии с диктатурой пролетариата»<sup>3</sup>.

Несмотря на поражение, несмотря на жестокую расправу с восставшими, восстание 1917 г. во флоте имело большое значение для последующих классовых боев, для Ноябрьской революции.

Ленин с нескрываемым восхищением отзывался о легком восстании моряков «Подумайте только, — писал он, — немцы при дьявольски трудных условиях, имея одною Либкнехта (да и то в каторге), без газет, без свободы собраний, без советов, при невероятной враждебности всех классов... немцы, то-есть немецкие революционеры-интернационалисты, рабочие, одетые в матросские куртки, устроили восстание во флоте»<sup>4</sup>.

После подавления восстания 1917 г. положение во флоте стало еще более тяжелым: усилились преследования, спартаковцам стало труднее устанавливать связи с матросами, труднее стало распространять литературу, так как введена была еще более строгая цензура на письма и посылки. Однако листовки «Спартака» все же проникали в армию и флот, причем особенно много попадало в Северо-Западную Германию. Автор одной из статей, помещенных в книге «Bremen in der deutschen Revolution» (P. Müller und Breves), настроенный далеко не революционно, пишет, что «тайные воззвания, летучки, начиная с 1917 г., приобретали все более и более русские, т. е. большевистские выражения»<sup>5</sup>, причем подчеркивает, что социалисты большинства знали действие этих листовок, но не имели сил приостановить это действие.

Между тем экономическое положение матросов в течение 1918 г. еще более ухудшилось: пищей служили лишь сушеные овощи, заменившие хлеб и картофель, который стал большой редкостью. Кража продуктов, предназначенных для матросов,

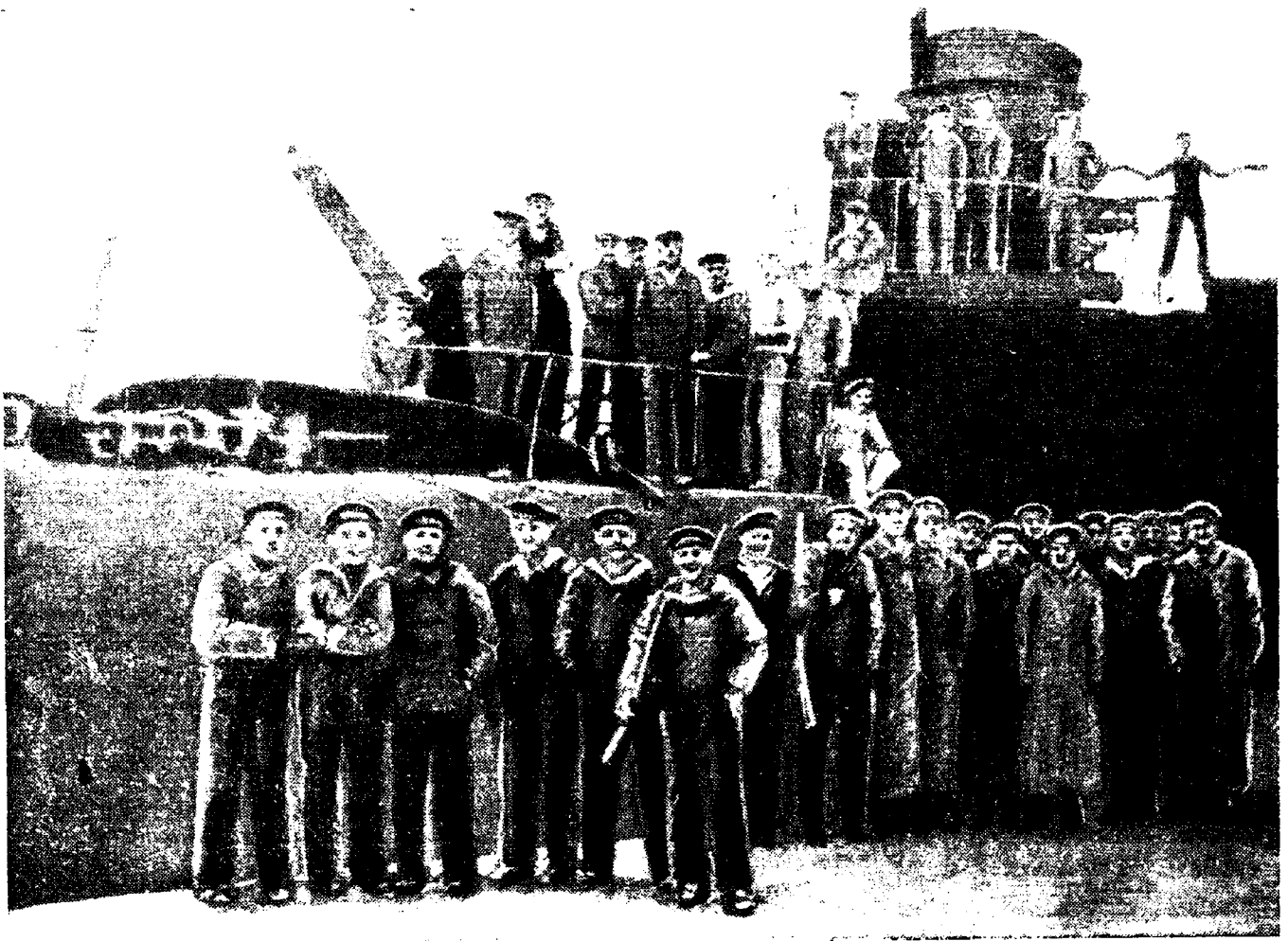
<sup>3</sup> Ленин, Собр. соч., т. XXIV, стр. 252, изд. 3-е.

<sup>4</sup> Ленин, Собр. соч., т. XXI, стр. 340, изд. 3-е.

<sup>5</sup> P. Müller und Breves. Bremen in der deutschen Revolution, S. 215.

<sup>1</sup> «Die Ursachen des deutschen Zusammenbruchs im Jahre 1918», 9 Bd, 2 Hft, S. 525.

<sup>2</sup> Там же, стр. 403.



Революционные матросы в Киле

усилилась настолько, что даже Дитман и другие стали говорить о расправе с офицерами.

«Военная каторга» стала еще тяжелее и несноснее. Возмущение и революционность флота росли, столкновения с командой становились все чаще. Нужен был лишь небольшой толчок, чтобы накопившаяся годами ненависть двинула матросов на массовые действия. Таким толчком послужил приказ по флоту от 28 октября 1918 г. о выступлении в бой против англичан. Но кочегары погасили топки, выступление не состоялось. Матросы линейных кораблей «Тюринген» и «Гельголанд», матросы боевого судна «Маркграф» воспротивились приказу выйти в море; ни речи офицеров, ни переговоры не помогли — корабли не двинулись с места. Тогда офицеры арестовали в Вильгельмсгафене 800 матросов. Матросы устраивали каждый день собрания, где обсуждали создавшееся положение и требовали освобождения арестованных. Наконец 3 ноября в Киле на учебном плаце проведена была демонстрация протеста против ареста. К этой демонстрации присоединились рабочие верфи. Военное командование Киля расправи-

лось с демонстрацией вооруженными силами. В бою было убито 8 человек, ранено 29, среди них женщины и дети. На другой день революционный пожар охватил весь флот. Революция началась 5 ноября в Любеке, в Гамбурге, затем в Бремене, Ганновере, Лейпциге и т. д. «Короны покатались в грязь».

Итак, первый сигнал к революции дан был морским флотом портовых городов. Но понятно, что выступление матросов, этих «пролетариев в синих куртках», было лишь одним из проявлений общего революционного кризиса в Германии. Оно шло на фоне нарастающей стачечной волны, принимавшей все более определенный политический характер. Но растущая энергия пролетариата ввиду отсутствия подлинно революционной партии не была направлена по правильному руслу.

#### **Гамбург и Бремен в революции 1918 г.**

Изучение хода Ноябрьской революции в Гамбурге и Бремене представляет большой интерес не только с точки зрения изучения центров, которые начали восстание во

всей стране, но и с точки зрения того, что северо-западная часть Германии, в частности Гамбург и Бремен, и в дальнейшем развитии революции оказалась наиболее левой, наиболее революционной. Вместе с тем на примере Гамбурга и Бремена можно с достаточной отчетливостью выявить как положительные, так и отрицательные стороны левого радикализма в действии. И если Гамбург, по совершенно верному замечанию Шелавина, дает «картину, отражающую слабость тогдашних левых и радикальных течений в Германии»<sup>1</sup>, то Бремен (начиная со второй половины ноября и особенно с момента приезда «забывенного Книфа») может служить примером проявления положительных сторон левых радикалов на практике. Бременская группа спартаковцев в Ноябрьскую революцию сыграла крупную, руководящую роль в противоположность левым радикалам Гамбурга, которые плелись в хвосте «независимых» и социал-демократов. В Бремене «еще в 1916 г. вокруг журнала «Arbeiterpolitik» был создан кадр рабочих-коммунистов, «связанных между собой идейно и организационно»<sup>2</sup>.

Восстание в Киле 3/XI нашло отклик в Гамбурге, прежде всего среди рабочих верфи «Блом и Фосс». Утром 5/XI рабочие объявили стачку из-за плохого питания.

Эта стачка переросла в революцию.

В тот же день вечером на большом собрании в Доме профсоюзов «независимец» Дитман выступил с докладом «Новый путь и рабочий класс». На этом собрании была принята резолюция о забастовке симпатии в пользу кильского движения, об освобождении политзаключенных. «Собрание приветствует братание, — гласила принятая во время кильских событий резолюция, — рабочих, солдат и матросов». «Собрание призывает гамбургский рабочий класс вступить немедленно в забастовку симпатии»<sup>3</sup>. Предложение о забастовке солидарности с восставшими в Киле прошло против с.-д. большинства, которые в лице провокатора Коха всеми силами пытались приостановить начинающееся революционное движение и предлагали отложить вопрос о стачке до 8/XI. Вечно колеблющиеся «независимые» в момент бурного подъема пролетарского революционного движения вынуждены были

на этот раз пойти не с с.-д. большинства, а с революционными массами.

Весь день 5/XI гамбургский пролетариат был сильно возбужден: шли разговоры о немедленном заключении мира, об аннулировании военного займа, раздавались голоса о проведении обысков для использования складов и запасов продовольствия. Однако ни «независимые», ни спартаковцы не использовали растущего революционного движения пролетарских масс для подъема революции на высшую ступень. В городе царил стихия. Стой-то стихией воспользовался никому неизвестный матрос Целлер, захвативший с группой товарищей в ночь под 6/XI несколько пулеметов.

Они разоружили таможенных чиновников, заняли главный вокзал и окружную дорогу, т. е. фактически совершили переворот. Таким образом в Гамбурге с 6/XI стал существовать временный совет рабочих и солдатских депутатов под председательством «независимца» Кальвайта (от рабочего совета) и Целлера (от солдатского совета). До 6/XI, по утверждению Неймана<sup>4</sup>, Целлера никто из «независимых» не знал. История переворота в Гамбурге с этой вынырнувшей неизвестно откуда фигурой политического авантюриста Целлера (который в ноябре стяжал «славу героя революции», а 8—9 декабря стал героем контрреволюционного переворота) служит ярким доказательством беспомощности спартаковцев в Гамбурге.

Совет рабочих и солдатских депутатов во главе с Кальвайтом и Целлером выпустил 6/XI воззвание, которое не шло дальше требований буржуазно-демократической республики свободы слова, печати, отмены цензуры на письма, охраны частной собственности, признания сената и генерального командования<sup>5</sup>. Революционность гамбургского пролетариата, который храбро дрался на улицах в первые дни революции с восставшими офицерами, не была должным образом направлена. Гамбургские пролетарии выдвинули революционное требование захвата газеты «Гамбургское эхо», органа, о котором еще в конце марта 1917 г. в листовке «Красная опасность» спартаковцы писали: «Это орган, основанный для защиты интересов рабочего класса и ставший давно сточной трубой альтонского генераль-

<sup>1</sup> Шелавин, Авангардные бои западноевропейского пролетариата, т. I, стр. 18.

<sup>2</sup> Радек, Германская революция, т. I, стр. 14.

<sup>3</sup> P. Neumann, Hamburg unter der Regierung des Arbeiter und Soldatenrats, S. 4.

<sup>4</sup> «Независимец», автор работы «Гамбург под властью рабочего и солдатского совета».

<sup>5</sup> Walther Lampf, Die Revolution in Gross-Hamburg, S. 14.



Баварские красноармейцы охраняют здание правительства Баварской советской республики

ного командования»<sup>1</sup>. Но это революционное требование не было поддержано ни «независимцами», которые внесли трусливое предложение частичной конфискации, ни гамбургскими левыми радикалами. С 10/XI «Гамбургское эхо» продолжало выходить одновременно с «Роте фане».

Положение не изменилось и после прихода к власти левых радикалов; политика, начатая Кальвайтом и направленная на укрепление власти буржуазии, нашла своего продолжателя в лице Лауфенберга.

Сенат и палата бюргерства не прекращали своей деятельности ни на один день. Правда, вначале, с приходом к власти Лауфенберга, дело на первый взгляд приняло несколько иной оборот. Так, 12/XI по распоряжению совета рабочих и солдатских депутатов сенат и палата были объявлены упраздненными. Но это был лишь жест. На следующий же день, 13/XI, специальная комиссия совета рабочих и солдатских депутатов вступила в переговоры с прежним сенатом. На заседании этой комиссии Лауфенберг заявил, что несмотря на то, что сенат

не существует, «тем не менее прежние сенаторы приглашаются к совместной работе»<sup>2</sup>.

На заседании были установлены «новые» функции сената, с которыми члены последнего «согласились». Лампль пишет: «Представители совета выразили свое согласие на то, чтобы прежние члены сената впредь исполняли свои функции как начальники административных учреждений под «политическим контролем» уполномоченных совета рабочих и солдатских депутатов»<sup>3</sup>.

Итак, сенат и палата бюргерства фактически не были упразднены, над ними был лишь установлен «контроль» в лице 4 представителей от совета. Финансы также оставались в руках буржуазии.

Другими словами, советы рабочих и солдатских депутатов оставили у власти буржуазию, капитулировав перед ней. Лауфенберг в своих многочисленных выступлениях всячески обосновывал необходимость этой капитуляции. «Буржуазию нельзя было устранить из интернациональных соображений» — говорил он. Он ратовал за «поли-

<sup>1</sup> Дран и Леонард, Подпольная литература революционной Германии за время мировой войны, стр. 91.

<sup>2</sup> Walther Lamp'1. Die Revolution in Gross-Hamburg, S. 15.

<sup>3</sup> Там же, стр. 16.

тические права буржуазии»: «Нужно, с одной стороны, твердо держаться политической власти рабочего класса в полном объеме, чтобы обеспечить социализацию, с другой же стороны, нужно дать буржуазии возможность, соответственно ее численному значению, воздействовать на ход, вид и форму социализации»<sup>1</sup>. Лауфенберг заботился и об экономических интересах буржуазии.

Он предлагал сочетать диктатуру пролетариата с диктатурой буржуазии, «поставить рядом с господствующим органом рабочего класса, рядом с Центральным советом, парламент, избранный всеобщими выборами, парламент, который под контролем рабочего правительства и с твердо ограниченными правами давал бы буржуазии известный простор, давал бы ей возможность при дальнейшем ходе социализации учесть ее интересы» (разрядка моя. — А. К.). Вместе с «независимыми» и с.-д. большинства Лауфенберг утверждал, что без кредитов со стороны буржуазии гамбургская революция погибнет: нельзя будет уплатить зарплату рабочим, пенсию вдовам и т. д. «Мы не можем пустить в ход хозяйство без содействия бюргерства»<sup>2</sup>.

Отсюда и понятно соглашение гамбургских левых радикалов с с.-д. большинства. На основе этого соглашения в Исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов были посланы представители не только от «независимых», но и от с.-д. большинства, а также от артелей профсоюзов.

Соглашение усилило влияние с.-д. большинства, превратило склонное к соглашательству руководство левых радикалов в послушное орудие контрреволюции.

Нерешительная, предательская политика Лауфенберга давала возможность гамбургской буржуазии вести открытую контрреволюционную работу не только вне совета, но даже внутри его. Буржуазия посылает в совет Баумана официально для того, чтобы руководить продовольственным делом, а в действительности — провести подготовительную работу для намечающегося в декабре контрреволюционного переворота. В своей книге «Um den Staat» Бауман чистосердечно раскрывает весь план подготовки переворота. Бауману было дано от гамбургской буржуазии и с.-д. большинства задание — прежде всего очистить совет от

левых радикалов. «Очистка совета от радикалов и политических элементов была главной задачей»<sup>3</sup> — пишет Бауман. Затем он подробно излагает план этой «чистки»: вождем совета рабочих и солдатских депутатов вместо левого радикала Лауфенберга намечался Ламплъ — представитель с.-д. большинства. «Делегатскому собранию» матросов и солдат надлежало в первую очередь устранить матросский элемент, который проник в совет солдат»<sup>4</sup>.

И план этот был осуществлен. В результате «чистки» и еще ряда других вспомогательных средств (проверки реестров наказаний полицейских учреждений на членов совета — спартаковцев) 25 ноября в совете рабочих и солдатских депутатов освободилось 7 мест. Вместо них в совет вошло 7 надежных социалистов большинства, среди них Ламплъ<sup>5</sup>.

Но это было лишь началом подготовки вооруженного контрреволюционного переворота. По плану в ночь под 6 декабря известный уже нам матрос Целлер должен был произвести арест членов совета — спартаковцев. Гамбургская буржуазия и социал-демократия остановились на этом политическом авантюристе потому, что эта фигура, как они писали, «не могла навлечь подозрения в контрреволюции», потому что имя Целлера как «первого героя революции в Гамбурге исключало подозрение в контрреволюционности»<sup>6</sup>.

В подготовке переворота буржуазии несомненно помогло еще и то, что она имела неограниченные финансовые возможности (на целлеровский путч она ассигновала 1/2 млн. марок). Гамбургский морской совет финансировался берлинской буржуазией и с.-д.

Сильная в финансовом отношении гамбургская буржуазия, активно поддержанная с.-д. большинства, прекрасно использовала все ошибки и слабости спартаковцев и их вождя Лауфенберга.

Политика Лауфенберга привела к контрреволюционному перевороту гамбургской буржуазии и с.-д. большинства.

Время в противоположность Гамбургу дает образец возможностей развития революции при наличии крепкого коммунистического руководства. Такое руководство

<sup>3</sup> F. Bauman, Um den Staat, S. 59.

<sup>4</sup> Там же, стр. 60.

<sup>5</sup> Там же, стр. 61.

<sup>6</sup> Там же, стр. 66.

<sup>1</sup> «Die Internationale» № 13—14, 1919 J., S. 266.

<sup>2</sup> P. Neumann, Hamburg unter der Regierung des Arbeiter und Soldatenrats, S. 37.

осуществлял «незабвенный» Книф, всецело и безоговорочно солидаризировавшийся с русскими большевиками.

Это один из тех крупных вождей, которых имел германский пролетариат в революции 1918 г., но которые благодаря отсутствию революционной партии не смогли развернуть всех своих сил и способностей.

В Бремене до середины ноября 1918 г. события шли так же, как и в Гамбурге: у власти оказались преимущественно «независимые» и с.-д. большинства, которые всеми силами пытались придать революции мирный характер и доказать, что «с.-д. созрела для того, чтобы без кровопролития вызвать к жизни социалистическое государство»<sup>1</sup>.

Буржуазии нисколько не мешали заниматься устройством своих дел. В то время как бременские пролетарии демонстрировали перед ратушей, на площадях, с развевающимися флагами, с красными бантами на груди, собравшись в зале бюргерства буржуазия приняла постановление о всеобщем, равном, прямом и тайном избирательном праве, отклонив даже предложение с.-д. большинства об избирательных правах для женщины.

Права буржуазии ничем не были нарушены. Правда, 14 ноября совет рабочих и солдатских депутатов издал точно такое же постановление, какое было издано Гамбургским советом 12 ноября: о том, что сенат больше не существует, но на другой день это воззвание было аннулировано. 15 ноября в 10 час. утра при закрытых дверях произошли переговоры сената с советом. В результате этих переговоров «независимцем» Генке была произнесена в ратуше перед многочисленной толпой следующая речь: «Я думаю, что могу сообщить вам, что сенат также будет продолжать свою прежнюю деятельность совместно с советом рабочих и солдат»<sup>2</sup>.

Все финансовые дела оставались в ведении старой финансовой депутации. По существу в результате такой «совместной» работы сената с советом рабочих и солдатских депутатов вся власть буржуазии сохранялась в ее руках, ибо совет имел лишь право мифического «контроля». Бременские «независимые» проделали в отношении сената и буржуазии то же, что левые ради-

калы во главе с Лауфенбергом в Гамбурге. Бременская же буржуазия (так же, как и буржуазия других городов Германии) прекрасно «ориентировалась» в обстановке «мирной» революции и делала для себя соответствующие выводы: она организовывалась, готовясь к предстоящим боям. Уже 12 ноября Бременская торговая палата выпустила воззвание, в котором наряду с заверением «преданности совету», наряду с с выражением готовности «совместно» работать требовала неприкосновенности личности, охраны частного имущества, беспартийности. 13 ноября был образован комитет бюргерства, который поставил перед собой задачу охраны равноправия.

С приездом Книфа обстановка в Бремене резко изменилась. Борьба приняла ясную, открытую форму классовой борьбы пролетариата и буржуазии. Поэтому все нерешительное, колеблющееся, прикрывавшееся левыми революционными фразами «об углублении революции», шарахнулось в сторону и стало вопить о терроре, об анархизме левых радикалов. В своей газете «Республика» «независимые», оценивая события 29 ноября, когда четко и ясно были сформулированы требования пролетариата: против созыва Национального собрания, за вооружение пролетариата, за разоружение буржуазии, писали: «Бременский коммунистический акт означает абсолютный террор. Еще больше он означает безумие. Сегодня, когда каждый знает, что мы не можем обойтись без Национального собрания, коммунисты хотят направить освободительное движение в анархическое русло, чтобы все кончилось общим хаосом и чтобы наши буржуазные противники, которые теперь всюду объединяются, получили перевес над всеми пролетарскими достижениями».

15 ноября Бременский совет солдатских депутатов выступил с резким воззванием против правительства Эберта и Шейдемана. «Совет солдат Бремена, — сказано было в воззвании, — протестует против попыток государственной власти восстановить старую систему командования офицеров. Правительство, которое покровительствует старой системе, обрекает себя на гибель»<sup>3</sup>.

«Местные солдаты, — говорилось дальше в воззвании, — имеют власть и воспользуются этой властью против присваивающего себе власть правительства Эберта — Гаазе, поскольку это правительство ведет буржу-

<sup>1</sup> Цит. по Шелавину, «Авангардные бои», т. I, стр. 196.

<sup>2</sup> P. Müller und Breves, Bremen in der deutschen Revolution, S. 20.

<sup>3</sup> P. Müller und Breves, Bremen in der deutschen Revolution, S. 29.



азную, а не социалистическую политику»<sup>1</sup>.

Это воззвание послужило толчком для резкого поворота хода событий. Уже 18 ноября на народном собрании в казино (на собрании присутствовал Книф) были приняты решения о предварительной цензуре гражданской печати, об образовании красной гвардии, об отнятии у социалистов большинства «Bürger Zeitung».

Силы левых радикалов росли. Ими было завоевано руководящее влияние в совете. Но организации правых партий — солдаты, «уполномоченные гарнизона», на собрании 22 ноября высказались против диктатуры пролетариата, за Национальное собрание. 24 ноября левые радикалы оказались в меньшинстве на съезде советов в северо-западной Германии. 26 ноября социалисты большинства потребовали созыва Национального собрания, и из 100 человек только 20 голосовали против Национального собрания. Буржуазия совместно с с.-д. большинства вела активную агитацию за Национальное собрание, распространяя листовки и воззвания.

Обстановка для спартаковцев становилась все более трудной.

Но Книф прекрасно справлялся со всеми трудностями. 27 ноября он созвал в разных районах города многочисленные «спартаковские» собрания.

На этих собраниях были приняты решения об однодневной забастовке. Забастовка была назначена на 29 ноября. Кроме того были выработаны следующие требования, предъявленные совету: 1) против Национального собрания, 2) за вооружение пролетариата, 3) за разоружение буржуазии, 4) за большевизм.

29 ноября по призыву спартаковцев тысячи рабочих собрались на площади рынка для того, чтобы узнать о результатах предъявления требований. Книф обратился к бременскому пролетариату со следующими словами: «Бременский рабочий класс высказывается против Национального собрания, за пролетарскую диктатуру, бременский рабочий класс требует окончательного разоружения буржуазии и вооружения промышленного пролетариата. Он требует передачи «Bürger Zeitung» через совет рабочих и солдатских депутатов, требует создания редакции, составленной из представителей «независимых» и левых радикалов. Бременский рабочий класс предлагает со-

вету рабочих депутатов выразить свое отношение к этим требованиям посредством именного голосования и сообщить немедленно о своем отношении собравшимся»<sup>2</sup>.

После нескольких часов томительного ожидания бременские пролетарии получили ответ: при голосовании первого пункта требования — о Национальном собрании — на пленуме совета за Национальное собрание было подано 97 голосов, против 56. «Независимые» голосовали за Национальное собрание. Левые радикалы оказались в меньшинстве.

Это еще раз подчеркнуло всю беспринципность «независимцев». В дни подъема революционной волны в целях наиболее тонкого обмана масс вождь бременских «независимых» Генке выдвигал левые требования: «разоружение буржуазии и вооружение рабочих», и тот же Генке в решающий момент, в момент трудного поворота революции, голосовал за Национальное собрание, мотивируя необходимость его созыва «тяжелыми продовольственными затруднениями». Вполне подтвердились слова Ленина о том, что «независимые» «в лучшем случае игрушка в руках буржуазии, в худшем — прямые прислужники ее»<sup>3</sup>.

Предательство «независимых», усиленная подготовка буржуазии и с.-д. большинства к контрреволюционному перевороту, неоднократные выступления представителей буржуазии и с.-д. с протестами против вооружения пролетариата, по поводу которого буржуа заявляли, что оно «означает беспокойство, гражданскую войну и опасность неприятельского вступления»<sup>4</sup>, протест, посланный Эберту, с требованием немедленного созыва Национального собрания не останавливали Книфа и группу бременских спартаков. Они продолжали свою деятельность. Книф добился ухода с.-д. большинства из совета, создал комиссию по вооружению рабочих, вел беспощадную борьбу с буржуазией, арестовав ряд активных ее деятелей, развернув террор против буржуазии, запретив выпуск буржуазных газет.

Таким образом благодаря правильному руководству события в Бремене после 15 ноября разворачивались совершенно иначе, чем в Гамбурге.

Величайшей заслугой Книфа и руководимой им группы спартаковцев явилось то,

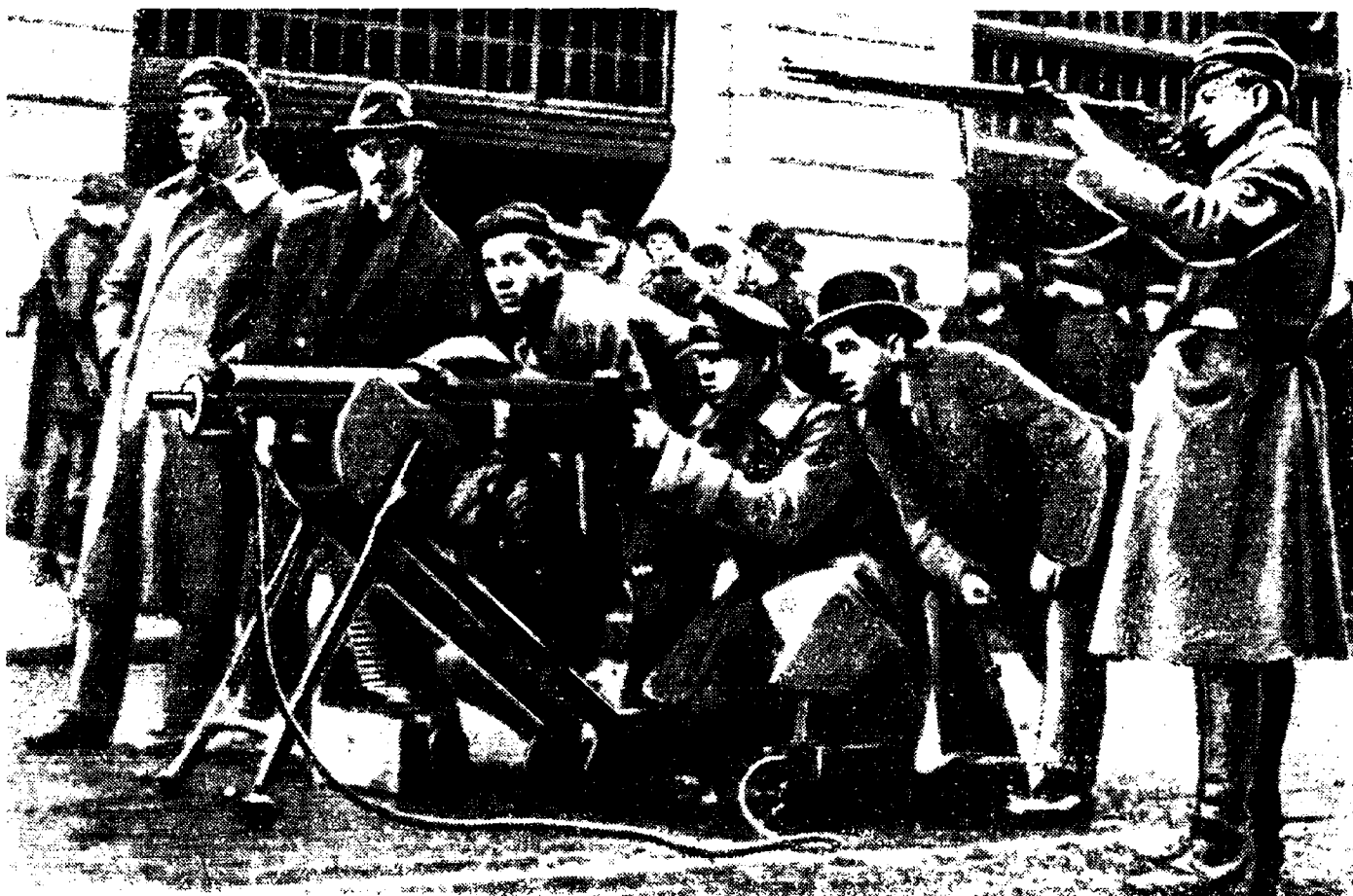
<sup>2</sup> P. Müller und Breves, Bremen in der deutschen Revolution, S. 69.

<sup>3</sup> Ленин, Собр. соч., т. XXIV, стр. 477, изд. 3-е.

<sup>4</sup> Die Geschichte Kalender, S. 322.

<sup>1</sup> P. Müller und Breves, Bremen in der deutschen Revolution, S. 29.





Спартакосы устанавливают пулемет на своей позиции. 1919 г.

что их политика была политикой, выражавшей интересы рабочего класса, политикой борьбы с буржуазией и соглашательскими партиями, политикой, направленной к осуществлению диктатуры пролетариата.

И действительно, в январе 1919 г. революционный пролетариат Бремена под руководством коммунистов захватил власть, провозгласил Бременскую социалистическую республику и оформил Совет народных комиссаров. Но Бремен был одинок. Правительство Эберта снарядило в Бремен карательную экспедицию—дивизию Гарстенберга, которая в феврале 1919 г. разгромила революционный город.

Изучение событий в Гамбурге и Бремене, изучение деятельности гамбургских и бременских левых радикалов вполне закономерно ставит вопрос о том, в силу каких же причин имела место столь противоположная тактика в рядах одного и того же союза «Спартак».

Эти причины кроются в самом существовании союза «Спартак». «Спартак», несмотря на ряд «больших и серьезных революционных дел», не был еще сложившейся, мощной, подлинно революционной коммунистической партией, а «организационно и идеологиче-

ски слабой группой», которая «то и дело колебалась между большевизмом и меньшевизмом» (Сталин).

Поэтому правильная деятельность Книфа и других спартакосцев в отдельных пунктах Германии не могла изменить общего хода вещей. Книф и другие оставались одиночками, ибо не было единого направляющего центра, который двигал бы революцию вперед.

Отсутствие подлинно революционной партии в Германии к моменту революции, позднее оформление ГКП, груз люксембургства, тяготевший над «Спартакосом», помогли предательству с.-д. и «независимых», которые добились поражения революции в Германии, несмотря на грандиозные революционные возможности германского пролетариата, несмотря на большую революционную работу спартакосцев.

Поражение Ноябрьской революции привело в конечном итоге к разгону фашизма в Германии. Но уроки побед и поражений двигают германский рабочий класс под руководством славной, имеющей теперь крепкую теоретическую закалку и большой революционный опыт, коммунистической партии вперед, к пролетарской революции.

## **КИЛЬ, БРАУНШВЕЙГ И ЭССЕН**

# **В НОВАБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

9 октября 1918 г. Ленин писал о том, что в Германии «чувствуется дыхание нарастающей пролетарской революции». Немецкий пролетариат пришел к этой пролетарской революции в ноябре 1918 г. Однако для победы ее рабочему классу Германии не хватало подлинно большевистского руководства.

Самым революционным ядром в революции 1918 г. был союз «Спартак». Его лидеры — Р. Люксембург, К. Либкнехт — боролись с предательством шейдемановцев и центристов и выдвигали требования развертывания внепарламентской борьбы пролетариата. Но спартаковцы были еще слабой марксистской группой. И им пришлось в огне революционной борьбы сражаться с многочисленной, хорошо организованной для предательства рабочих партийей шейдемановцев, Носке и К<sup>о</sup>. Ко времени революции германская социал-демократическая партия, уже давно служившая целям укрепления буржуазного господства, стала основным и главным орудием борьбы буржуазии против пролетарской революции.

Открытая предательская политика вождей с.-д. оттолкнула многих членов ее. Часть из них в 1917 г. под влиянием нарастающей революционной волны организовала «Независимую социалистическую партию Германии», куда ушли и господа Каутский, Гаазе, Дитман и др. Но, прикрываясь «левыми», революционными фразами, «независимые», как и шейдемановцы, больше всего боялись победоносной пролетарской революции.

Под давлением масс шейдемановцы и «независимые» якобы примкнули к революции, но лишь для того, чтобы предать ее. Союз «Спартак» и организовавшаяся потом коммунистическая партия были еще слишком слабы идейно, политически и организационно и не сумели изолировать меньшевиков и разгромить их.

Предательство социал-демократии, слабость и ошибки руководства революционными боями со стороны «Спартак» и компартии — все это было главной причиной поражения германской революции 1918 г. Изучение развития революционных событий как в Берлине, так и в провинции подтверждает это положение.

Революционные события начались в Киле, где концентрировался Балтийский флот и находилось командование флотом и где был сосредоточен ряд крупных промышленных предприятий: судостроительная верфь, торпедный завод, фабрика готового платья.

Поводом к революционному восстанию матросов Киле послужило решение морского командования еще раз померяться силами с англичанами для того, чтобы спасти «честь» немецкого флота. Офицеры даже выбросили лозунг: «Лучше флот взорвать, чем выдать врагу»<sup>1</sup>. Командование знало, что флот неминуемо погибнет в бою вместе со всем своим экипажем в 80 тыс. моряков, но это отнюдь его не смущало. Военная операция была назначена на ночь 28 октября 1918 г.

«План атаки был следующий: было предложено наступать с большой силой на фландрский берег и одновременно с другой большой силой к устью Темзы так, чтобы помешать транспорту неприятеля. Флот открытого моря должен был принять участие в этой операции, а флотилия адмирала Трота должна была остаться в резерве. Двенадцать цеппелинов обязаны были следить за флотом, и все субмарины, имеющиеся в распоряжении Германии, должны были разместиться в различных направлениях вдоль южного расположения британского флота. Подводные мины предполагалось расставить дальше по направлению к неприятелю. Наконец все силы торпедных лодок должны были быть брошены против неприятеля во время ночного наступления. Морская битва должна была быть около Таршелинга»<sup>2</sup>.

Но матросы Киле не подчинились этому приказу. Они не захотели погибнуть только для того, чтобы поддержать «честь» Германии.

3 ноября в Киле образовался солдатский совет, который вооружил за день 40 тыс. рабочих и солдат. Кильские власти готовились к отпору, но так как в Киле не было

<sup>1</sup> Kuttner E., Von Kiel bis Berlin, Berlin, 1918, S. 11.

<sup>2</sup> Daniels H., The rise of the German Republic, London, 1927, стр. 26.

надежных войск, то «губернатор Сухон начал переговоры с командованием IX армейского корпуса в Альтон-Гамбурге с просьбой об оказании ему помощи»<sup>1</sup>. Командование IX корпусом направило в Киль пехотные части для подавления революции, но матросы на вокзале разоружили их.

Пехотинцы не сопротивлялись и примкнули к революции. Посланные же из Гамбурга гусары на полпути вернулись домой.

4 ноября революция в Киле захватила уже широкие слои. Город украсился красными флагами. По городу проходили демонстрации. На судах устанавливались новые порядки. Тех, кто пробовал прогнаться этим новым порядком, удаляли или расстреливали. Когда например на корабле «Кениг» капитан и дежурный офицер попытались воспрепятствовать замене военного флага красным, вооруженная команда матросов расстреляла их.

Солдатский совет выработал 14 пунктов своих требований: освобождение политических заключенных, свобода слова и печати, отмена цензуры, улучшение отношений к морякам, отмена похода, прекращение военных столкновений с восставшими и удаление вызванных в Киль войск, свобода военных лиц в неслужебное время, исключение из армии реакционных офицеров, освобождение от военной службы членов совета, принятие всех распоряжений только с ведома совета.

Вместе с тем среди этих пунктов был пункт 9-й, говоривший о том, что совет гарантирует защиту частной собственности (!). К этим требованиям позже под влиянием масс было прибавлено требование об отречении Вильгельма II.

Эти умеренные, робкие требования говорят о том, что в солдатском совете с первых дней прочно засели шейдеманы. С этими требованиями делегация совета во главе вооруженных масс направилась к губернатору Сухону. Губернатор вынужден был согласиться с требованиями и освободить арестованных моряков.

4 ноября начались волнения и на фабриках и заводах Киле. По сообщению «Kieler Zeitung» от 5 ноября 1918 г. «в понедельник (т. е. 4/XI.—Г. Ц.) в час дня состоялось в Доме профсоюзов собрание выборных профсоюзов от больших производств. Было решено на вторник (5/XI.—Г. Ц.) объявить в Киле генеральную стачку». Та же газета сообщала, что на всех верфях и на

всех крупных предприятиях 5 ноября с утра под руководством совета началась генеральная стачка. Были проведены выборы в совет.)

(Единый рабочий совет был создан для судостроительной верфи и торпедного завода. На фабрике одежды был избран самостоятельный совет. Советы сразу приступили к работе, превратившись в фактическую власть на заводах. Эти советы решили прежде всего «прекратить всякую работу на войну»<sup>2</sup>. Что же они намечали делать дальше и что они делали?

«Многих офицеров и чиновников они просто прогнали, а некоторых, особенно ненавистных, с позором вывезли на тачках. На торпедном заводе адмиралу, стоявшему во главе управления, заявили, что он отстранен от должности, а вместо него избрали временное управление»<sup>3</sup>.)

(На фабрике готового платья все управление фабрикой сосредоточил у себя совет. Советы ввели на предприятиях 8-часовой рабочий день. Советы торпедного завода и верфи ставили себе задачу на ближайшее время: «выработать план перехода заводов на работы мирного времени и наметить пути социализации производства». Совет фабрики одежды прямо ставил вопрос о немедленной социализации предприятий.

(Рабочие советы завязали связь с матросскими, солдатскими советами и послали своих представителей в Центральный кильский совет, который стал единым советом матросов, солдат и рабочих Киле.

К 5 ноября город был полностью в руках рабочих и солдатских советов. Губернатор Сухон уже не управлял. А командующий флотом принц Генрих бежал.)

(Массы требовали: прекращения войны, низвержения кайзера, провозглашения Германской социалистической республики, передачи власти советам, «социализации»). С особенной остротой с первых же дней революции встал вопрос о руководстве движением. Надо сказать, что кильские массы не имели на месте сартаковского руководства. «Независимые» же вели по существу ту же шейдемановскую политику. Руководствуясь идеей «содружества» в революции, «независимые» согласились на избрание Носке, прибывшего уже 4 ноября из Берлина, председателем Кильского совета, а потом и на назначение его губернатором. При назначении Носке губернатором, прав-

<sup>1</sup> Volkman n, Revolution über Deutschland, Oldenburg, 1930, S. 27.

<sup>2</sup> Носке Г., Записки о германской революции, Гиз, М., 1922, стр. 34.

<sup>3</sup> Там же.

да, было оговорено, что председателем совета должен быть «независимец» Артур Попп. Но Попп с успехом выполнял директивы Носке. Эта тактика кильских «независимых» диктовалась прежде всего непосредственными указаниями их вождей из центра. В Киль в разгар революции приехал и Гаазе<sup>1</sup>, который заявил: «Теперь настал момент, когда вожди обеих социал-демократических партий должны работать сообща».

Шейдемановцы использовали отсутствие революционного руководства у кильских рабочих и солдат для выполнения своей важнейшей цели — предательства революции. Активнейшую роль в этом «деле» сыграл Густав Носке. Цель его приезда была определена им самим: надо раздавить революцию.

На первом же собрании Носке произнес речь, которую закончил горячим призывом «по возможности сохранять порядок». Кильские события он рассматривал как бедствие.

<sup>1</sup> Вождь «независимых».

Рис. ЯНОША



Шейдеман

Но еще не настал момент раздавить силой революцию. И Носке, добившись избрания председателем совета, в первую очередь разоружил матросов и солдат в Киле и отправил их на родину с целью «успокоить больные головы». Офицеров Носке оставил при себе. Рабочим он сказал, что о социализации производства сейчас говорить рано. Рядом искусных ходов ему удалось прекратить в Киле генеральную стачку. По сообщению «Кильской газеты», «уже 8 ноября целый ряд предприятий приступил к работе».

В роли губернатора Килья Носке при помощи Артура Поппа продолжал «работу» по разгрому революции.

Итак, в лице Носке германская социал-демократия классически выполнила в Киле свою задачу предательства пролетарской революции. Сначала были приняты меры к предотвращению революции, а когда это не удалось, шейдемановцы вошли в советы для того, чтобы предать их и разгромить революцию тихой сапой. В этом господам Носке и К<sup>о</sup> помогли «независимые от социализма».

В Рейнско-Вестфальской области, где сконцентрированы громадные массы пролетариата, революционное движение тоже достигло бурного размаха. В массовых стачках рабочие требовали социализации рудников, передачи всей власти советам, протестовали против созыва Национального собрания.

В Эссене—центре Рурской области—переворот начался 7 ноября. В ночь с 7 на 8 ноября революционными вождями движения был организован Рабочий совет, который тотчас же вступил в контакт с отдельными войсковыми частями и образовал Рабочий и солдатский совет. Но и в Эссенском рабочем и солдатском совете большинство имели предатели революции, «независимцы» и шейдемановцы, которые уже 8 ноября стали договариваться с местным бургомистром. Совет вместе со старыми властями выпустил следующее воззвание<sup>1</sup>:

«Граждане и товарищи!  
Соблюдайте спокойствие и порядок».

9 ноября Эссенский совет рабочих и солдатских депутатов собрался вместе с городским управлением и организованными рабочими. Он гарантировал населению города

<sup>1</sup> Spethmann, Zwölf Jahre Ruhrbergbau, Berlin, т. I, S. 103.



В дни Брауншвейгской советской республики. У „памятника“ Носке

и окрестностей спокойствие, безопасность и порядок. Представители совета заявляли, что всякое покушение на жизнь, здоровье и собственность будет подавляться. Замеченные в грабежах и разбое будут расстреляны.

Рабочие пытались протестовать против этих действий стачками, но так как Эссен не имел революционного руководства, то стачки эти остались безрезультатными.

Аналогично разворачивались события в ряде других городов. Только в Гамборне события шли по-другому. 9 ноября после большой демонстрации пролетариат города создал Рабочий и солдатский совет, куда вошли 8 шейдемановцев, 8 «независимых» и один спартаковец—Фалькер. Совет немедленно распустил «городской парламент». Была образована красная гвардия, в состав которой вошли только организованные рабочие. Красная гвардия состояла из 500 чел. и работала по охране завоеваний совета до 25 февраля 1919 г., когда была распущена. 9 ноября для всех рабочих был установлен 8-часовой рабочий день, а для горняков—7-часовой. Вскоре началась стач-

ка за повышение зарплаты, которая окончилась успешно. Но и здесь не было выдержанного революционного руководства. И этим, как везде, воспользовались социал-демократы.

Однако революционное брожение среди рабочих Рейнско-Вестфальской области долго не прекращалось.

Съезд советов Нижнерейнского округа 20 ноября принял резолюцию:

«Рабочие и солдатские советы Нижнерейнского округа самым решительным образом отвергают контрреволюционный план спасти капиталистический строй общества от осуществления революционных целей путем Национального собрания»<sup>1</sup>.

Но съезд, а в дальнейшем и избранный окружной совет не дали указаний, что надо делать пролетариату для того, чтобы «отвергнуть контрреволюционный план», что объясняется опять же слабостью революционного руководства.

В Руре подобный съезд состоялся 30 ноября. А в декабре в Рурском округе вспых-

<sup>1</sup> «Историк-марксист», т. X, стр. 22.

нули забастовки. Рудоконны заявляли: «Мы не желаем дальше работать на предпринимателей, рудники созрели для социализации, которой мы поэтому требуем»<sup>1</sup>.

Волнения перекинулись на всю область и на другие предприятия, но центром являлся Рур, а главным вопросом — социализация рудников. Была создана «комиссия девяти» по подготовке социализации рудников. Но центральное германское правительство сумело подавить это движение и прекратить разговоры о социализации, для чего были пущены в ход и «пряник» (прибавка рабочим жалованья, введение 8-часового рабочего дня и т. д.) и «кнут» (репрессия против «неспокойных элементов»).

В Брауншвейге революционные события начались с приезда 7 ноября моряков из Килля, которые выступали на ряде митингов. 8 ноября была объявлена генеральная забастовка. Был создан Брауншвейгский совет рабочих и солдат, который и взял в свои ру-

<sup>1</sup> «Коммунистический интернационал» № 6 за 1919 г., стр. 524 (ст. Мархлевского).

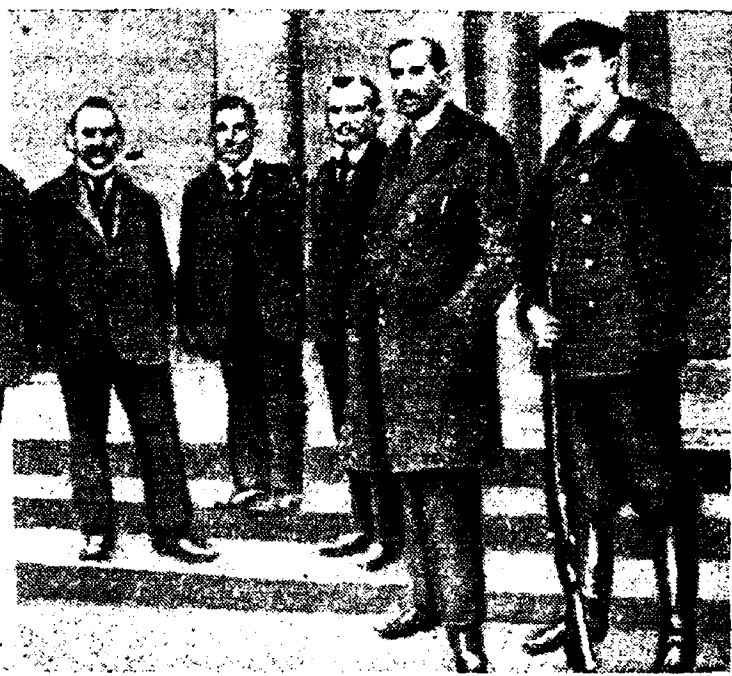
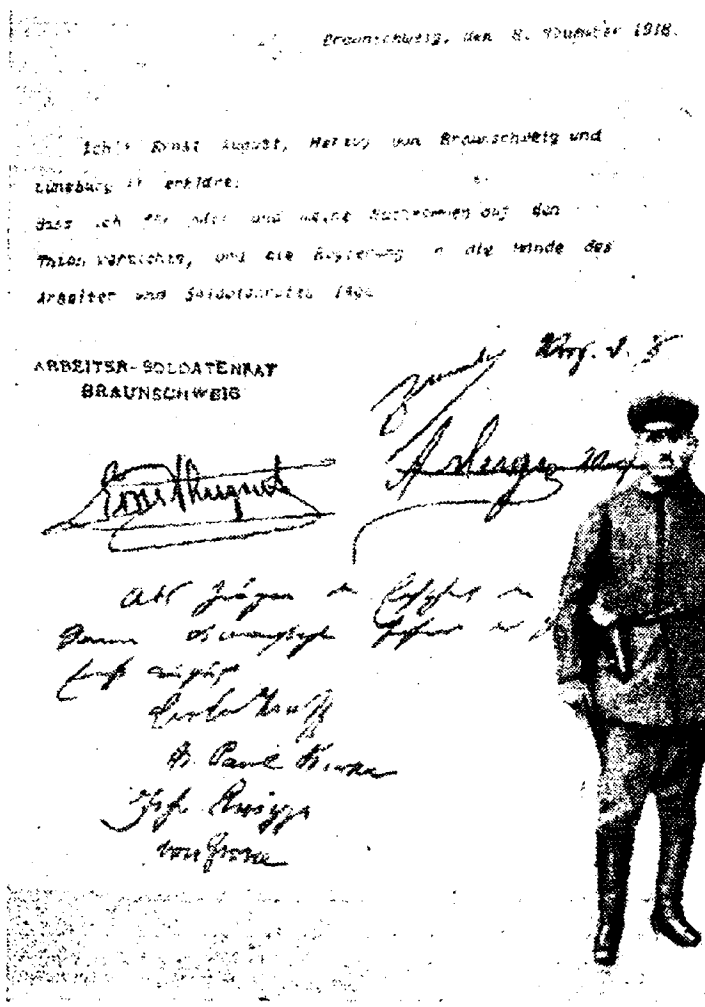
ки власть. Герцог Эрнст-Август 8 ноября отрекся от престола. «Герцогство объявляется республикой»<sup>2</sup>. Десятого был создан Совет народных комиссаров из следующих лиц: президент — портной Мергес, председатель — гусар Шупе, комиссар внутренних дел и финансов — переплетчик Заперте, комиссар революционной защиты — матрос, рабочий Розенталь, комиссар торговли и путей сообщений — торговый доверенный М. Мюллер, комиссар юстиции — служащий Юнке, комиссар продовольствия и одежды — слесарь Герке, комиссар труда — инженер, а потом торговец сигарами Экаари, комиссар народного образования — жена кузнеца Фазбауер, комиссар управления городов — редактор Веземейер.

Брауншвейгский совет рабочих и солдат и созданное им правительство наметили революционную программу, которую начали выполнять. Было объявлено, что власть советов останется навсегда верховной властью в стране. Герцогские имущества были конфискованы и переданы вновь созданной республике. Уничтожены были всякие титулы. Началась организация красной гвардии.

Основной своей задачей правительство провозглашало построение социалистической республики. «Капитализм должен быть заменен социализмом» — утверждали члены правительства.

Весь ноябрь Брауншвейг занимал отрицательную позицию по отношению к созы-

<sup>2</sup> См. «Vorwärts», т. 10 за 1928 г., от 9/XI 1918 г.



Представители совета рабочих и солдатских депутатов Брауншвейга, принудившие отречься от престола герцога Брауншвейгского. Слева — акт отречения



ву Всегерманского национального собрания. Представители совета и СНК Брауншвейга считали, что верховная власть должна концентрироваться у советов и ими избираемых правительств.

27 ноября 1918 г. на конференции германских государств президент республики Брауншвейга Мергес голосовал против Национального собрания. Создавшиеся на местах советы стояли на той же точке зрения.

Но и у правительства Брауншвейга не было подлинно большевистского руководства. Кроме того Брауншвейг в своих решительных мероприятиях не получил поддержки, как и Бремен, со стороны других областей Германии.

Революционные события в Берлине дали толчок дальнейшему развертыванию революции (особенно в Бремене, Руре, Брауншвейге). Но последовавшая за ними победа шейдемановцев в Берлине окрылила их провинциальных братьев. Шейдемановцы и «независимые», прикрываясь революционными

фразами, пробрались в советы для того, чтобы через эти же советы вести свою разрушительную работу. Они добились того, что основной вопрос—советы или Национальное собрание, социализм или буржуазный порядок—был решен в пользу буржуазии и в пользу ее чиновников — социал-демократов.

Пролетарская революция в 1918 г. была разгромлена.

15-летие Ноябрьской революции 1918 г. совпадает с разгулом фашизма, с разложением II интернационала и его основного оплота — ГСД. С.-д. продолжает оставаться главной социальной опорой буржуазии. Но положение сейчас иное, чем в 1918 г. Немецкий пролетариат, имея в авангарде крепкую, закаленную в боях, умудренную опытом коммунистическую партию, имея перед собой опыт социалистического строительства в СССР, выйдет победителем из борьбы с фашистским господством.

Мексиканский худ. РИЕГО РИВЕРА



За власть советов



# РЕВОЛЮЦИОННЫЕ БОИ В РУРЕ в 1919 г.\*

Ноябрьская революция в Германии, совершенная руками рабочих и солдат, не разрешила ни одной из тех задач, которые ставил перед нею пролетариат, ибо была предана социал-демократией.

Германская социал-демократия, за которой шло большинство рабочего класса, вместо того, чтобы вести революцию к диктатуре пролетариата, разгромила совместно с буржуазией и гогенцоллерновской генеральской кликой революционное движение рабочих и солдат и отстояла диктатуру буржуазии.

Социал-демократия использовала свое влияние на широкие массы и захватила власть в свои руки для того, чтобы разоружить революцию.

Правительство, созданное социал-демократией, так называемый Совет народных уполномоченных, немедленно приняло меры к удушению революции. Вынужденное под давлением масс провозгласить «социалистическую» республику, оно осуществило фактически лишь мероприятия буржуазно-демократического характера.

Уже в своем воззвании от 12 ноября правительство ограничилось провозглашением свободы печати, собраний и слова, введением отмененных во время войны законов об охране труда, гарантируя вместе с тем буржуазии охрану частной собственности и бесперебойный ход производства.

Социал-демократические правители сохранили старый государственный аппарат.

Основными руководителями министерств остались по существу старые императорские министры.

Лозунгу «власть советов» социал-демократия противопоставила лозунг созыва Учредительного собрания. «Идея» «независимых» о сочетании системы советов с Учре-

\* Статья т. Либкинда представляет часть ее доклада, заслушанного в семинаре под руководством академика Н. М. Лукина в Институте красной профессуры истории.

дительным собранием являлась «левой», замаскированной вариацией той же идеи укрепления власти буржуазии.

Социал-демократическое правительство уничтожило революционное право солдатских советов, восстановив права офицерских корпусов, свело роль советов к поддержанию порядка и установлению «нормальных» взаимоотношений между солдатами и офицерами.

В первые же дни революции правительство издало приказ о сдаче оружия, о прекращении формирования красной гвардии.

Подписывая 11 ноября перемирие с Францией, социал-демократическое правительство ставило своей целью уничтожить возможность вооруженного захвата власти пролетариатом, разгромить «большевистскую опасность», используя усталость армии и стремление солдат как можно скорее вернуться домой.

Социал-демократическое правительство разорвало дипломатические отношения с Советским союзом, отвергнув руку помощи советского правительства.

В то время как широкие массы требовали установления советской системы, Всегерманский съезд советов, состоявший в подавляющем большинстве из социал-демократов, в декабре 1918 г. 400 голосов против 42 высказался за буржуазно-демократическую республику.

Под «руководством» социал-демократического правительства экономический развал в стране достиг своего апогея.

«Гнет Версаля, помноженный на гнет «своей собственной» немецкой буржуазии, привел к небывалому падению жизненного уровня пролетариата и к обнищанию крестьянства и городской мелкой буржуазии»<sup>1</sup>.

Пролетариат Германии, несмотря на зверские расправы социал-демократического правительства, продолжал борьбу.

Январские бои в Берлине явились выражением того грандиозного движения, которое развернулось во всей стране.

Убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург всколыхнуло широчайшие массы.

Пролетариат боролся за власть советов. Пролетариат боролся за свою диктатуру, за то, чтобы взять в свои руки фабрики и заводы, за то, чтобы экспроприровать буржуазию. Особенно мощно развилось движение в крупнейшем пролетарском центре — Руре, который на всех этапах истории гер-

<sup>1</sup> Из резолюции президиума ИККИ по докладу т. Геккерта «О современном положении в Германии».

манского рабочего движения являлся одним из передовых отрядов пролетарской борьбы.

Недаром сейчас гитлеровское правительство назначило хозяйственным диктатором Рура одного из беспринципнейших и наиболее жестоких представителей монополистического капитала — Тиссена!

### Первый этап борьбы

Положение рабочих Рура и до войны было чрезвычайно тяжелым, более тяжелым, чем в ряде других промышленных центров Германии.

Все исследователи отмечают, что и зарплата рурских рабочих была особенно низка и продовольственное снабжение в Руре было хуже, чем везде.

Во время войны положение еще более ухудшилось. Росла безработица. Ежемесячно снижались продовольственные нормы. Рабочие были лишены элементарных политических свобод, находясь под постоянной угрозой военной службы. Уже в 1916 г. в Руре развернулись массовые стачечные бои. Рабочие выдвигали и экономические и политические требования. В 1917 г. эти требования приобрели ярко политический характер. Рабочие настаивали на снятии осадного положения, на предоставлении свободы собраний и слова, неограниченного права коалиций и забастовок. Начиная с генеральной забастовки января—февраля 1918 г., во время которой раздавались призывы к вооруженной борьбе и были выставлены лозунги «Долой правительство!», «Мира, свободы, хлеба!», борьба рурских горняков не прекращалась.

Рабочие выдвигали лозунги социализации, лозунги борьбы за власть советов. Так, сказывалось также влияние Октябрьской революции в России. Январские бои в Берлине еще больше активизировали движение. «Шахты принадлежат рудокопам!» — вот клич, выдвинутый рабочими и разносившийся по всему Рур.

Январское движение 1919 г. началось в районе Эссена, Гельзенкирхена и Реклингаузена, т. е. в самом центре рурской промышленности. Рабочие шахты «Виктория Матиас» бросили работу и избрали стачечный комитет, предъявивший дирекции ряд требований. К «Виктории Матиас» примкнули и другие шахты. Сначала они требовали установления норм зарплаты для всех категорий рабочих, ограничения времени работы, оплаты забастовочных дней, затем были выдвинуты политические требования — контроль над производством

со стороны рабочего комитета, конфискация шахт и социализация. Движение разрасталось. В Дуйсбурге демонстрация горнорабочих прошла через весь город, рабочие разоружили полицию, заняли редакцию социал-демократической газеты «Голос народа» и освободили арестованных.

Забастовка охватила горнозаводские предприятия близ Кельна и Neussener'a. 8 января приостановили работу на шахтах «Эмшер», «Анна», «Карл», «Генрих», «Фриц» и ряде других.

В Мюльгейме состоялась демонстрация, в которой приняло участие до 1.000 чел., среди них немало женщин. Демонстранты несли красные знамена и плакаты с лозунгами: «Долой капитализм!», «Свобода, равенство и братство!», «Вся власть советам рабочих и солдат!», «Долой убийц горнорабочих!». Шествие прошло мимо здания, где помещалось правление фирмы Гуго Стиннеса, затем толпа направилась к площади ратуши, где несколько ораторов и между ними редактор «Фрейхейт» призывали к генеральной забастовке, провозглашая: «Долой Шейдемана!», «Да здравствует Либкнехт!».

Крупным центром стачечного движения был Хорст. 5 января бастовали шахты «Нордштерн», «Мольтке», «Гуго», «Бергмансглюк» и др. На шахте «Гуго» рабочие требовали признания шестичасовой смены, повышения зарплаты, возвращения денег, удержанных во время забастовки 1912 г., и возмещения за убытки, понесенные в связи с войной, по 200 марок женатым<sup>1</sup>.

Правление конечно отклонило эти требования. Забастовочная волна еще усилилась. «Роте фане» от 9 января сообщает, что 7 января в Гамборне коммунистической партией Германии было созвано несколько собраний, на которых был выдвинут лозунг: «Не приступать вновь к работе, пока не будут достигнуты экономические цели движения и правительство Эберта — Шейдемана не будет устранено».

8 января в Дюссельдорфе революционные рабочие заняли помещение редакции газеты «Дюссельдорфские известия», разоружили полицию.

В Буере состоялись демонстрации, в которых участвовало до 5.000 тыс. рабочих. На шахте «Эвальд» на тысячном собрании забойщик Рюккерт заявлял, что цех в 1917 г. дал хозяевам 7,5 млн. марок при-

<sup>1</sup> Spethmann, Zwölf Jahre Ruhrbergbau, стр. 165.

были и что технические служащие получили к рождеству вознаграждение в размере месячного жалования, коммерческие служащие—в размере полуторамесячного, рабочие же ничего не получили. На этом собрании были выдвинуты требования: «выдачи рождественского пособия в размере 200 марок женатым, 100 марок холостым рабочим и на детей по 20 марок; выдачи задержанных в 1912 г. забастовочных денег с процентами и процентами на проценты; вместо обещанного на январь повышения зарплаты на 15 проц. увеличить зарплату на 20 проц.»<sup>1</sup>.

Забастовочное движение перебросилось на шахты «Икерн» вблизи Дортмунда. На шахте «Ахенбах» рабочими был смещен директор и несколько человек административного персонала.

На отдельных шахтах были прямые попытки осуществления социализации. Так, на шахте «Шарнгорст» рабочие сняли директора, заведующего и штейгера. «Дикий» заводский комитет взял управление шахтой в свои руки. Тогда горнопромышленное общество прекратило выдачу зарплаты и дальнейшее снабжение шахты материалами.

Подобные же попытки взять управление предприятием в свои руки были и на ряде других шахт.

Подъем январской забастовочной волны прекрасно иллюстрируют следующие цифры: в то время как 2 января не работало 7.168 смен, 21 января, в конце месяца, не работало уже 22.275 смен, т. е. скачок более чем в 3 раза.

Для того, чтобы остановить грозно разрастающееся движение масс, социал-демократические вожди прибегли к маневру с «социализацией».

Солдатский совет Эссена, состоявший из социал-демократов, «независимцев» и коммунистов, 10 января постановил немедленно захватить угольный синдикат и союз шахтовладельцев. Для этой цели была создана контрольная комиссия, состоявшая из трех представителей СПГ, трех — НСПГ и трех — КПГ, получившая название «Комиссии девяти». Во главе комиссии был поставлен социал-демократ д-р Рубен.

11 января 1919 г. Эссенский совет рабочих и солдатских депутатов выпустил воззвание под заглавием «Победа социализации», где призывал к немедленному прекращению стачки. «Так как требования профсоюзных организаций приняты, — сказано

было в воззвании, — всякий повод для забастовки отпал».

Даже КПГ подписала это воззвание. Коммунисты Эссена поверили, что при господстве «социалистического» правительства Эберта — Шейдемана можно действительно осуществить социализацию!

Конференция Совета рабочих и солдатских депутатов всей области 13 января приняла решение добиваться социализации.

15 января советы рабочих и солдатских депутатов Рурской области в обращении ко всему населению писали: «Эксплоатации предпринимателей пришел конец. Большие предприятия забраны у капиталистов и становятся собственностью народа... Никто не должен больше обогащаться за счет работы других». Обращение заканчивалось призывом к немедленному прекращению забастовки.

Этот тактический шаг социал-демократов имел свои результаты.

С середины января забастовочное движение пошло на убыль, не прекращаясь однако совсем. Рабочие выжидали, ибо «Комиссией девяти» были посланы в Берлин представители для переговоров с правительством о социализации. Переговоры тянулись долго. Шахты же оставались пока в руках предпринимателей.

На конференции советов в Эссене 20 января выяснилось, что переговоры с правительством не дали реальных результатов. Предприниматели бешено сопротивлялись. Конференция решила настаивать на принятом 13 января решении о социализации. «Комиссия девяти» должна была образовать орган для социализации. Правительство конечно никак не собиралось нарушить интересы шахтовладельцев, но рост и размах рабочего движения заставляли его маскироваться, чтобы лицемерной, лживой поддержкой социализации взорвать единый фронт пролетариата.

Эта необходимость пойти на видимые уступки массовому рабочему движению заставила «социалистическое» правительство издать 18 января постановление о назначении для горнопромышленных областей государственных уполномоченных. Последние должны были осуществлять надзор за добычей, сбытом и использованием угля, а также за определением цен.

Постановлением от 8 февраля правительство ввело для горнопромышленных областей рабочие камеры с равным числом представителей от рабочих и предпринимателей.

<sup>1</sup> Spethmann, Zwölf Jahre Ruhrbergbau, стр. 166.



Вооруженные спартаковцы

Таким образом «социализация» была передана в руки капиталистов.

Правительство не признавало избранных рабочими штейгерских участковых советов и центрального рудничного совета. «Комиссия девяти» хотя и продолжала существовать, но все больше превращалась в «арбитражную комиссию». Захват угольного синдиката «Комиссией девяти» был только видимостью. Так, К. Вагнер, член «Комиссии девяти», сообщает: «О занятии угольного синдиката вообще не приходится говорить. Там состоялось только три заседания. Служащие оказали нам величайшее противодействие, заперли все дела и на все наши вопросы не давали никаких разъяснений, так что дальнейшее пребывание в угольном синдикате стало бесцельным»<sup>1</sup>.

Наряду с этим усиливался саботаж угольных баронов.

Вместе с тем кривая забастовок снова пошла вверх.

### Вооруженные бои за власть

Правительство перешло в прямое наступление на рабочие и солдатские советы. Пра-

вительственное распоряжение, изданное Носке, устанавливало, что «высшая законодательная власть в армии принадлежит правительству в лице народных избранников, исполнительная—военному министерству; в отдельных воинских частях представителями этой власти являются их начальники. Советы солдат не в праве смещать или назначать начальников»<sup>2</sup>.

Солдатский совет в Мюнстере отказался выполнять это правительственное распоряжение. Тогда Носке отдал приказ генералу Ваттору распустить и арестовать совет, что генерал и выполнял при содействии добровольческой организации «Молниеносный удар».

Конечно Ваттор, разгоняя солдатский совет, преследовал другую, более глубокую цель—разгром движения горняков.

В ответ на все эти мероприятия конференция советов Рурской области, состоявшаяся 14 февраля в Эссене, решила начать всеобщую забастовку, если правительство до 18 февраля не отзовет своих войск. 15 февраля в Хервертс-Дорсте прои-

<sup>1</sup> Козак, Советы в Руре во время германской революции, стр. 27.

<sup>2</sup> Носке, Записки о германской революции, стр. 79.

зошло открытое столкновение рабочих с правительственными войсками, причем оказалось убитыми 15 рабочих и 4 солдата. Войсками были произведены многочисленные аресты. Тогда 16 февраля Мюльгеймская конференция советов приняла также решение о всеобщей забастовке.

Правительство войск не отозвало. Эссенская конференция советов послала делегацию в Союзный дом, где заседала «Комиссия девяти», со следующим заявлением:

«1. Генеральная забастовка будет продолжаться до тех пор, пока «Комиссия девяти» не будет признана законом.

2. Генеральная забастовка будет длиться до тех пор, пока хотя бы один белогвардеец будет находиться в индустриальной области. Конференция требует немедленно вооружения революционных рабочих»<sup>1</sup>.

Листовки призывали в бой против правительства Эберта — Шейдемана — Носке: «Присоединяйтесь к генеральной забастовке. Твердо держитесь до тех пор, пока правительственные войска не будут отозваны и распущены, до тех пор, пока требования рабочих не будут признаны, пока не станет возможным проведение социализации»<sup>2</sup>.

Рабочие Гельзенкирхена требовали «упразднения милитаризма и правительства Эберта — Шейдемана, объявления германской республики, вооружения рабочих, освобождения от уплаты налогов государству, приостановки вывоза угля для правительства»<sup>3</sup>.

Итак, февральская генеральная забастовка началась. Она охватила почти всю горнопромышленную область. Наиболее мощные выступления имели место в следующих пунктах: Гамборн, Штеркраде, Ботроп, Гельзенкирхен, Эссен, Дюссельдорф, Бохум.

В Ботропе 19 февраля произошли кровавые столкновения правительственных войск со спартаковцами, вооруженными тяжелыми орудиями и пулеметами. Город был занят рабочими. В Бохуме, сообщает Р. Мюллер, было более 5 тыс. вооруженных рабочих. 16 февраля на Каролиненглюк под руководством спартаковского комитета бастующие направились за оружием в бохумскую охрану. В тот же день в 5 часов вечера на Кайзер-Фридрихсплац произошла большая демонстрация, в которой принимали участие главным образом горно-

рабочие шахты «Каролиненглюк» и «Принц-регент». В Гельзенкирхене 20 февраля спартаковцы и «независимые» напали на ратушу. Были пущены в ход гранаты, 45 чел. было убито и тяжело ранено.

Революционные действия масс развивались все мощнее. В десятых числах февраля Дюссельдорф фактически перешел в руки спартаковцев. В ночь на 27 февраля они совместно с левыми «независимцами» разогнали Дюссельдорфский рабочий совет, состоявший из умеренных спартаковцев и «независимых» и высказывавшийся против забастовки. «Независимые», входившие в состав исполнительного комитета, были арестованы, был избран новый исполнительный комитет.

Движение по всему Руру достигло такой силы, что на заседании Национального собрания 21 февраля Шейдеман заявил:

«Почва, на которой мы стоим, колеблется. Она может уже в самом кратчайшем времени обрушиться, если не удастся решительно прикончить сумасшествие и преступление в Рурской области».

20 февраля в области бастовало 51,99 проц. рабочих. Правительственные войска зверски расправлялись с бастовавшими рабочими.

В Дортмунде разгоняли бастующих ружейными выстрелами. В Ванне охрана 23 февраля стреляла в демонстрацию рабочих.

Положение стачечников ухудшалось с каждым днем. В некоторых округах не было никакой возможности выдавать стачечных пособий. Разгром революционного движения в Берлине и Бремене вызвал понижение революционного настроения масс.

Стаечное движение снова, как и в середине января, пошло на убыль.

На конференции советов в Эссене 21 февраля, т. е. в тот же день, когда Шейдеман констатировал, что «почва колеблется», в присутствии представителей НСПГ и КПГ было вынесено решение закончить стачку. Шесть представителей (3 от КПГ и 3 от НСПГ) с двумя представителями от СПГ отправились в Мюнстер к главному командованию для переговоров о прекращении борьбы.

Вечером Эссенская конференция советов приняла следующие, продиктованные военным командованием, условия окончания стачки.

Рабочие войска немедленно оставляют Ботроп, Буер и Гладбек. Эти города занимают правительственные войска. Рабочие войска оставляют оружие, полевые кухни,

<sup>1</sup> Spethmann, Zwölf Jahre Ruhrbergbau, стр. 208.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же, стр. 214.

сдают все конфискованные деньги и продукты. Немедленно прекращается железнодорожный контроль; все военные и гражданские учреждения, включая Дюссельдорфский округ, беспрепятственно работают в рамках распоряжений правительства Эберта—Шейдемана.

Принятие этих условий означало конечно тяжелое поражение рабочих. Но вместе с тем оно наглядно убедило рабочих в том, что рабочий класс может победить, лишь свергнув власть «социалистического» правительства, завоевав диктатуру пролетариата.

Февральская генеральная забастовка выявила рост революционного сознания масс, глубину и мощь движения. Она же вскрыла предательскую роль СПГ и вождей профсоюзов, лживую, колеблющуюся позицию НСПГ, недостаточную четкость партийной линии молодой КПП, боящейся раскола с НСПГ. Отсутствие единого четкого идейного руководства и привело к поражению пролетариата.

И все же февральская стачка имела огромное революционизирующее влияние на рабочих, что сказалось на дальнейшем ходе событий.

Окончание февральской забастовки отнюдь не означало, что революционное движение затихло, хотя правительство приняло ряд мер для «успокоения» рабочих. Это были, с одной стороны, меры репрессивного характера — организация охранных отрядов из правительственных войск. С другой стороны, правительство пошло на некоторые, опять-таки видимые, «уступки» рабочим.

### **Апрельская стачка**

23 марта был обнародован закон о социализации, весь смысл которого заключался в том, что государство усиливало власть предпринимателей на шахтах, а рабочим предлагало довольствоваться призрачными уступками.

Но эти «уступки» оказывали обратное действие на массы, ибо за словесными обещаниями правительства не следовало никаких реальных улучшений, лживость демагогии «социалистического» правительства была разоблачена.

В марте рабочие начали выдвигать ярко выраженные политические требования. Так, шахты в округе Гамборна требовали освобождения всех арестованных спартаковцев, роспуска правительственной буржуазной охраны, оплаты забастовочных смен прави-

тельством, дальнейшего укрепления системы советов<sup>1</sup>.

На многих шахтах рабочие поднимали вопрос о сокращении рабочего дня до шести часов.

25 марта произошли большие демонстрации в Биттерне.

Из толпы демонстрантов была брошена граната в полицейских. На другой день рабочие потребовали разоружения полиции.

Ярко выраженный политический характер носили требования, предъявленные 28 марта правительству в Ландердрее: признание советов, освобождение всех политзаключенных, немедленное образование революционной рабочей охраны, немедленное установление политических и экономических сношений с Советским союзом, введение шестичасовой смены, разоружение полиции в Рурской области и во всей Германии.

30 марта старая «Комиссия девяти» созвала конференцию, где присутствовало 475 делегатов от 195 рудников. Здесь было решено объявить всеобщую забастовку 1 апреля 1919 г. и выставить следующие требования: немедленное введение 6-часовой смены, повышение зарплаты на 25 проц., урегулирование вопросов ученичества, признание системы советов, немедленное освобождение всех политзаключенных, немедленное образование революционной рабочей охраны, немедленный роспуск всех добровольных корпусов, немедленное установление экономических и политических сношений с русским советским правительством, разоружение полиции в Руре и во всей стране, оплата забастовочных смен.

Стачка разразилась с огромной силой и охватила большинство шахт.

По сообщению Шпетмана, 31 марта в районах Дортмунда, Бохума, Виттена бастовало до 52 тысяч человек на 44 шахтах.

Следующие данные характеризуют размах апрельской стачки: если в ноябре программа добычи угля была невыполнена на 76.347 т., в январе на 238.371 т., то в апреле на 3.112.918 т.

Правительство ответило на новый подъем революционного движения новыми репрессиями. Генералом фон-Ваттором было объявлено осадное положение и направлены сильные войсковые части в области, охваченные стачкой. Требования рабочих были отвергнуты. Происходили насилия над забастовщиками, они массами арестовывались.

<sup>1</sup> Spethmann, Zwölf Jahre, стр. 252.



Четыре социал-демократических профсоюза открыто выступили против стачки.

В день объявления осадного положения — 4 апреля — собралась вторая конференция революционных горняков, на которой присутствовало 500 делегатов от 21 шахты.

Была принята резолюция о том, что реформистский профсоюз горнорабочих не имеет права представлять горняков и что все руководство переходит в руки центрального рудничного совета в Эссене — прежней «Комиссии девяти».

7 апреля правительство назначило Зеверинга государственным комиссаром Рурской области, снабдив его чрезвычайными полномочиями. 7 же апреля в Эссене состоялась конференция представителей союза шахтовладельцев и социал-демократических профсоюзов при участии министра труда Бауэра и Зеверинга.

Конференция вынуждена была пойти на уступки, приняв решение о введении 7-часового рабочего дня.

Во время заседания конференции «Комиссия девяти» была арестована. Вечером в день заседания конференции были опубликованы знаменитые мероприятия Зеверинга о введении фактической трудовой повинности.

«Все жители мужского пола, — было сказано в приказе, — в возрасте от 17 до 50 лет обязаны в случае нужды по распоряжению общинных властей производить работы, необходимые для поддержания народного хозяйства.

Кто не подчинится п. 1 этого распоряжения, тот соответствующим предписанием властей наказывается денежным штрафом до 500 марок или заключением до одного дня»<sup>1</sup>.

Зеверингом были запрещены собрания коммунистов и «независимых».

Правительственные отряды жестоко расправлялись с забастовщиками в Дюссельдорфе, Мюльгейме, Бохуме, Эссене и т. д.

11 апреля конференция уполномоченных реформистских профсоюзов 217 голосами против 72 высказалась за прекращение забастовки. Но центральный забастовочный комитет в Эссене опубликовал постановление о незаконности этого решения и о продолжении забастовки.

Положение стачечников было крайне тяжелым. Профсоюзы через голову бастующих вели переговоры с правительством. Центральный забастовочный комитет не осуще-

ствлял единого четкого политического руководства забастовкой.

15 апреля войска начали стрелять в зал, где заседала стачечная конференция. Один делегат был убит, один тяжело ранен. Арестованные делегаты в количестве 400 чел. подверглись оскорблениям и насилиям. Эти зверства вызвали возмущение рабочих по всей области.

17 апреля конференция бастующих горняков в Дортмунде приняла решение продолжать забастовку.

В решениях конференции было сказано: «Мы придерживаемся разработанной в январе «Комиссией девяти» совместно с союзами горнорабочих системы советов. Освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса, необходимо, чтобы были восстановлены политические и экономические отношения с советским правительством»<sup>2</sup>.

Конференция требовала также освобождения арестованных, протестовала против рабочих камер. «Мы убеждены, — было сказано в резолюции, — что рабочие камеры будут лишь тормозить социализацию, так как социализация может быть проведена не с капитализмом, а против капитализма».

Но стачка шла на убыль, ибо силы масс были истощены. Материальное положение стачечников было невыносимо. Стачечных пособий нехватало. В то же время правительство, чтобы вызвать раскол в массах, объявило о выдаче небастующим рабочим специальных продовольственных прибавок.

Белый террор усиливался. Карательные экспедиции Ваттора в Ландердрее зверски расправлялись с забастовщиками.

Дольше всего длилась забастовка в Дортмундском округе. На ряде шахт этого округа были кровавые столкновения с правительственными войсками.

Лозунги апрельской стачки об установлении советской системы, о солидарности с венгерской и русской революциями, об установлении экономических и политических отношений с Советским союзом говорят о высоком политическом уровне стачки.

Апрельская стачка вызвала отход рабочих масс от социал-демократической партии и социал-демократических профсоюзов.

Апрельская стачка началась после неудачи мартовских боев, что имело известное влияние на исход борьбы. Все острее ощущалась невозможность полной победы в отдельных отраслях промышленности, в одном

<sup>1</sup> Spethmann, Zwölf Jahre, стр. 304.

<sup>2</sup> Spethmann, Zwölf Jahre, стр. 311

округе при сохранении диктатуры буржуазии во всей стране.

Анализ революционной борьбы горнорабочих Рура с января по апрель 1919 г. говорит о том, что, несмотря на неудачный исход боев за власть, рурские горняки вышли из борьбы закаленными и политически окрепшими. Уроки борьбы не прошли бесследно. Отход рабочих в результате апрельской стачки от СПГ и с.-д. союзов доказывал, что горняки сделали из опыта стачечных боев надлежащие выводы.

### **Социал-демократы — предатели движения**

Основной причиной поражения массового революционного движения первой четверти 1919 г. является отсутствие действительно революционной партии, четкого политического руководства при предательской политике вождей профсоюзов и СПГ.

Своими ловкими маневрами социал-демократы Рура создавали видимую, кажущуюся оппозицию к своим же товарищам, сидевшим в правительстве в Берлине.

Так, 14 февраля в Эссене на конференции рабочих и солдатских советов промышленной области с.-д. вместе с КПГ и «независимыми» голосовали за объявление всеобщей стачки, если правительство не отзовет до 17 февраля войска.

Но, воспользовавшись решениями Мюльгеймской стачечной конференции от 16 февраля, где синдикалисты, коммунисты и часть «независимых» без ведома СПГ решили вопрос о всеобщей стачке, предатели — горняцкие профсоюзы, СПГ и рабочие и солдатские советы — 17 февраля в Бохуме выразили протест против решения о генеральной забастовке и обратились к правительству с просьбой принять меры к ограждению спокойствия и порядка, «нарушенного НСПГ и спартаковцами».

Одновременно собрание уполномоченных от металлообрабатывающих союзов, представителей социал-демократической партии и свободных профсоюзов выпустило воззвание, в котором протестовало против «насиленного» проведения генеральной забастовки, заявляя, что «теперь, как и раньше, они стоят на почве поддержки правительства и возлагают ответственность за возможные события на синдикалистов и коммунистов»<sup>1</sup>.

На конференции в Эссене 18 февраля представители рабочих и солдатских советов, социал-демократы под руководством



Отто Бауэр

Лимбертса, уже выступали открыто против проведения всеобщей стачки, ожесточенно нападали на Мюльгеймскую конференцию НСПГ, КПГ и синдикалистов и требовали отмены мюльгеймских решений о всеобщей стачке. Лимбертс заявил: «Прежде чем Национальное собрание не докажет, что оно препятствует социализации, не может быть для социалиста и речи о внепарламентских средствах борьбы для проведения социализации»<sup>2</sup>.

СПГ продолжала высказываться за социализацию. В листовке социалистического большинства от 18 февраля было сказано, что социализация, т. е. переход рудников во владение рабочих, необходима: «Клады недр принадлежат народу». Вопрос лишь в том, можно ли социализацию провести немедленно или ждать Национального собрания. Ответ на этот вопрос: «Решающим для нас и социалистического большинства является правительство и Национальное собрание, избранное на основе наисвободнейшего в мире права выбора»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Там же, стр. 209.

<sup>2</sup> Там же, стр. 383.

<sup>1</sup> Spethmann, Zwölf Jahre, стр. 206.

Реформистские горняцкие профсоюзы в то же время выпустили ряд воззваний против генеральной забастовки, призывая рабочих «сохранять рассудок», утверждая, что лишь «работа и хлеб приведут нас к цели, к демократии и к социализму»<sup>1</sup>.

Дальнейшая деятельность СПГ и профсоюзов по срыву всеобщей февральской стачки выразилась в том, что союзы горнорабочих обратились 20 февраля с просьбой к правительству об охране желающих работать членов союза и уплате им денег из государственных средств, указывая, что 90 проц. коллектива рабочих хотят работать, но не могут из-за угроз вооруженных спартаконцев. Вся социал-демократическая пресса вопила по поводу «ужасов спартаконцев», которые «насиленно» снимают рабочих с работы.

Социал-демократическая пресса приветствовала подавление революционного движения карательным отрядом Ваттора. 19 февраля «Форвертс» писал (№ 91): «Большая опасность, которую создают для нашей хозяйственной жизни эти насильственные забастовки, побудила правительство стянуть войска, чтобы оградить работу на предприятиях в угольном районе».

Рурские социал-предатели приняли деятельное участие в упомянутых выше переговорах с главным командованием Мюнстера о прекращении борьбы.

В марте вожди СПГ и профсоюзов пытались пресечь подготовку рабочих к новой генеральной забастовке. Они использовали для этой цели «закон о социализации» правительства Эберта — Шейдемана, пропагандируя его в целях успокоения рабочих. С другой стороны, идя «навстречу» требованиям рабочих о введении 6-часового рабочего дня, они позволили по этому поводу переговоры с правительством.

Вожди СПГ и профсоюзов активнейшим образом помогали срыву апрельской стачки.

Вожди СПГ и профсоюзов подписали воззвание министра труда Бауэра и Зеверинга с призывом против забастовки.

### „Независимые“

Позиция «независимых» в Руре в 1919 г. определялась их общей позицией, которую Ленин характеризовал следующим образом:

«Никакой самостоятельной политики эта партия никогда не имела, а только колебалась между шейдемановцами и коммунистами»<sup>2</sup>.

11 февраля 1919 г. в № 74 газеты «Фрейхейт» было опубликовано за подписью правления «Независимой партии» и «фракции независимых социал-демократов в Национальном собрании» воззвание «К революционному пролетариату Германии». В этом воззвании признавался буржуазный характер шейдемановского правительства; в то же время «независимые» требовали для советов рабочих и солдат известных государственных прав, известного места в конституции. Центральный комитет советов рабочих и солдатских депутатов согласно этой идее должен был получить право протеста против решений Национального собрания, право передачи этих решений народному голосованию.

Эта платформа фактического объединения диктатуры буржуазии с диктатурой пролетариата и была принята съездом «независимых» в начале марта 1919 г.

На этом съезде Гаазе заявил: «Вопрос не в том, Национальное собрание или система советов, а в том, чтобы объединить оба»<sup>3</sup>.

Но в апреле 1919 г. на втором съезде советов фракция «независимых» предложила резолюцию, требовавшую: «Вся власть советам». С молниеносной быстротой менялись лозунги у «независимых», колебавшихся между шейдемановцами и коммунистами, являвшихся «показателями настроения наиболее отсталой части пролетариата, идущей позади, а не впереди авангарда»<sup>4</sup>.

То, что «независимые» в 1919 г. даже выдвигали лозунг «Вся власть советам», объясняется огромными сдвигами в классовом сознании пролетариата, идущего к коммунизму.

Как же рассматривали «независимые» социализацию? Взгляды «независимых» по этому вопросу ярче всего выразил Каутский в своей статье «Директивы социалистической программы» («Фрейхейт» № 48). «Лишь после того, — писал Каутский, — как будет заключен мир и будет выяснено, насколько немецкий народ может в действительности распоряжаться своим государственным имуществом, откроется путь к тому, чтобы без дальнейших подготовительных мероприятий объявить государственной собственностью всю крупную собственность в угольной промышленности, леса и большие имения... Эта экспроприация должна быть произведена путем выкупа, который требуется определить»<sup>5</sup>. Программа Каутского не затрагивала капиталистической собственности, а, на-

<sup>3</sup> «Фрейхейт» № 114 от 9/III.

<sup>4</sup> Ленин, т. XXIV, стр. 319, изд. 3-е.

<sup>5</sup> «Фрейхейт» № 48.

<sup>1</sup> Spethmann, Zwölf Jahre, стр. 216.

<sup>2</sup> Ленин, т. XXV, стр. 212, изд. 3-е.



Вооруженные рабочие Рура отправляются на боевой фронт. 1920 г.

оборот, охраняла ее заботами о денежном выкупе, участии в управлении предприятиями, в прибылях. По этой программе изменялась лишь вывеска капиталистического предприятия. Оно должно было получить название «социализированного», оставаясь конечно капиталистическим, ибо «социализация», по Каутскому, никак не связывалась с переходом власти в руки рабочего класса.

Все эти установки «независимых», их шатания между шейдемановцами и коммунистами нашли яркое отражение в их тактике в Рура. Количество приверженцев НСПГ в Рура было значительно, но активность партии была невелика. Так, стачки военного времени шли через голову вождей НСПГ.

Шаткость позиции рурских «независимых» выразилась в их точке зрения, что советы нужны для того, чтобы «поддержать деятельность разлагающихся органов управления, а не для того, чтобы противопоставить буржуазному управлению пролетарское»<sup>1</sup>.

В январе 1919 г. «независимые» Рурской

<sup>1</sup> Козак, Советы в Рура во время германской революции 1918—1919 гг., стр. 19.

области под влиянием событий в Берлине и массового движения горняков решили принять «практическое» участие в борьбе за социализацию. Это выразилось в том, что представители «независимых» вошли в «Комиссию девяти». «Независимые» участвовали в составлении воззвания к горнякам, где в пышных фразах объявлялось, что «центр капиталистической эксплуатации и цитадель угольных магнатов перешли в руки народа». «Независимые» не только не раскрыли перед массами маневров вождей СПГ и профсоюзов, но, наоборот, вместе с ними призывали рабочих к прекращению забастовки, к работе. Лживыми обещаниями они душили рабочее движение и этим оказали большую услугу предательской политике СПГ. В ходе дальнейших событий, когда массы стали постепенно понимать сущность обещанной им «социализации», когда наряду с ростом революционных настроений среди горняков усиливался и контрреволюционный фронт, наблюдается постепенное свертывание «революционных» позиций «независимых». Это отчетливо видно на примере февральской стачки.

«Иллюстрированный журнал немецкой революции» отмечает, что «независимые» с

самого начала лишь «наполовину» сочувствовали генеральной забастовке, считая, что решение Мюльгеймской конференции о генеральной забастовке было преждевременным. Половинчатая позиция НСПГ была одной из причин, способствовавших срыву забастовки. «Независимые» боялись широкого развития забастовки. Отсюда понятны их деятельное участие в переговорах с правительством в Мюнстере и их работа по ликвидации забастовки.

Левый «независимец» Деймиг на съезде партии обвинял коммунистов в «путчистве», доказывая, что тактика «путчей» не может привести к победе и воспитать массы.

Даже «Форвергс» издевался над «независимцами». «Независимые», — писал центральный орган с.-д., — как обычно, не смогли занять ясной позиции. Как всюду, они — ни рыба, ни мясо. Они выжидают и трусят перед собственной храбростью»<sup>1</sup>.

В Рура, как и в других центрах Германии, «независимые» не руководили борьбой пролетариата, а плелись в хвосте масс. Их половинчатая, нерешительная тактика была чрезвычайно опасна, поскольку значительное количество рабочих еще прислушивалось к левому крылу «независимых», поскольку КПП была еще слаба.

## КПП

Молодой коммунистической партии Германии приходилось работать в 1919 г. в чрезвычайно тяжелых условиях. Шейдемановское правительство приняло все меры к тому, чтобы загнать КПП в подполье. С января 1919 г. организация подвергалась бесконечным преследованиям, коммунистическая пресса была задушена, аресты не прекращались. Приходилось заново сколачивать основное ядро партии, добывать средства и т. д., — словом вести всю огромную организационную работу и в то же время вести идейную борьбу с «левыми» течениями в собственной среде, с «детской болезнью «левизны» в коммунизме. Партией еще не были изжиты ни социал-демократические традиции, ни традиции люксембургизма. Так например излагавшаяся в ряде статей в «Роте фане» программа социализации, выдвинутая коммунистической партией, принципиально враждебная проекту социализации Каутского, вместе с тем (как это особенно ясно видно из программной статьи «Капиталистическая анархия или социализация», помещенной в «Роте фане» от 3 февраля 1919 г.) не базировалась на дик-

татуре пролетариата, на захвате центральной власти в руки пролетариата и разрушении государственной машины буржуазии.

Естественно, что эти пережитки люксембургизма сказывались и на практической работе КПП и в частности на ее участии в боях рурских горняков за социализацию, за установление власти рабочего класса. КПП в Рура была количественно невелика, не отграничивалась резко от НСПГ и синдикалистов, не имела крепко сколоченной, централизованной организации. Работа КПП в Рура по осуществлению социализации выразилась в участии трех ее представителей в «комиссии» совместно с НСПГ и СПГ. Непонимание невозможности социализации в отдельной области при сохранении диктатуры буржуазии во всей стране дополнялось наивной уверенностью, что предатели-шейдемановцы и колеблющиеся, нерешительные «независимцы» действительно помогут в осуществлении социализации. Коммунисты тоже подписали воззвание о том, что социализм уже победил, и тем фактически попали «на удочку» социал-демократов. Таким образом уже первые шаги коммунистов Рура в революционной борьбе горняков были политически ошибочны. Вместо разоблачения предательства шейдемановцев и половинчатости «независимых» по вопросу об осуществлении социализации коммунисты по существу солидаризировались с ними. Правда, в дальнейшем ходе событий коммунисты изживали эти свои ошибки и решительно разоблачали предательскую политику социал-демократов.

И в центральном органе компартии «Роте фане» мы в дальнейшем видим большую ясность по вопросу об осуществлении социализации. В статье «Комиссия по социализации» (25/II) «Роте фане» писала: «Экономическое освобождение пролетариата, социализация немислимы без политической власти рабочего класса».

3 марта в статье «Социалистический обман в Веймаре» резко критиковалось шейдемановское понимание социализации и указывалось, какие требования должны предъявляться рабочими.

И все же революционные бои горняков Рура с января по апрель шли без четкого политического руководства. Его не смогла еще взять на себя молодая КПП, не порвавшая окончательно с «независимыми» социал-демократами, с одной стороны, и болевшая «левыми» болезнями — с другой. Влияние коммунистов в советах и профсоюзах было слабо. Могучая волна стачечного движения

<sup>1</sup> «Форвергс» № 96 от 21/II.



Красная армия в Руре. Зарядка пулемета

шла стихийно, без единого организованного политического руководства. «Спартакосцы» активно участвовали в боях вместе с массами, но не являлись руководителями движения.

Нечеткая постановка германскими коммунистами вопроса о диктатуре пролетариата привела к тому, что коммунисты Рура считали, что социализация может быть передана советам как органам, представляю-

щим массы, хотя бы и руководимым шейдемановцами и «независимыми». Именно отсутствие руководства, отсутствие четкой и последовательной позиции у КПП при предательстве германской социал-демократии объясняет, почему, несмотря на такой грандиозный размах движения, революционные бои 1919 г. в Руре окончились поражением и не достигли основной цели—захвата власти пролетариатом.



# КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

## В ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

В декабре 1933 г. исполнилось 15 лет существования германской коммунистической партии, 15 лет борьбы ее под руководством Коммунистического интернационала за пролетарскую революцию, за советскую власть в Германии.

Из небольшой организации, оформившейся в декабре 1918 г., не обладавшей достаточным опытом и необходимой большевистской закалкой в руководстве классовыми боями пролетариата, КПГ превратилась

### **Печать — орудие борьбы рабочего класса**

В деле революционизирования масс, в деле сплочения их вокруг лозунга КПГ для борьбы против фашистской диктатуры исключительную роль сыграла и продолжает играть коммунистическая печать Германии. Нелегальные газеты, листовки, брошюры, десятками и сотнями тысяч выпускаемые коммунистическим подпольем фашистской Германии, воспитывают и готовят германский пролетариат к решающим боям за власть. При помощи печати КПГ развернула широкую разъяснительную работу среди той части рабочих, которая еще находится под социал-демократическим влиянием, с целью разоблачения предательской роли социал-демократических вождей, демагогической лжи национал-социалистов и истинной природы правительства Гитлера. В условиях кровавого террора КПГ при помощи нелегальной печати создала трибуну, с которой она указывает массам правильный путь в их борьбе с режимом белого террора и капиталистической системой в целом.

в подлинно большевистскую партию, тесно связанную с массами.

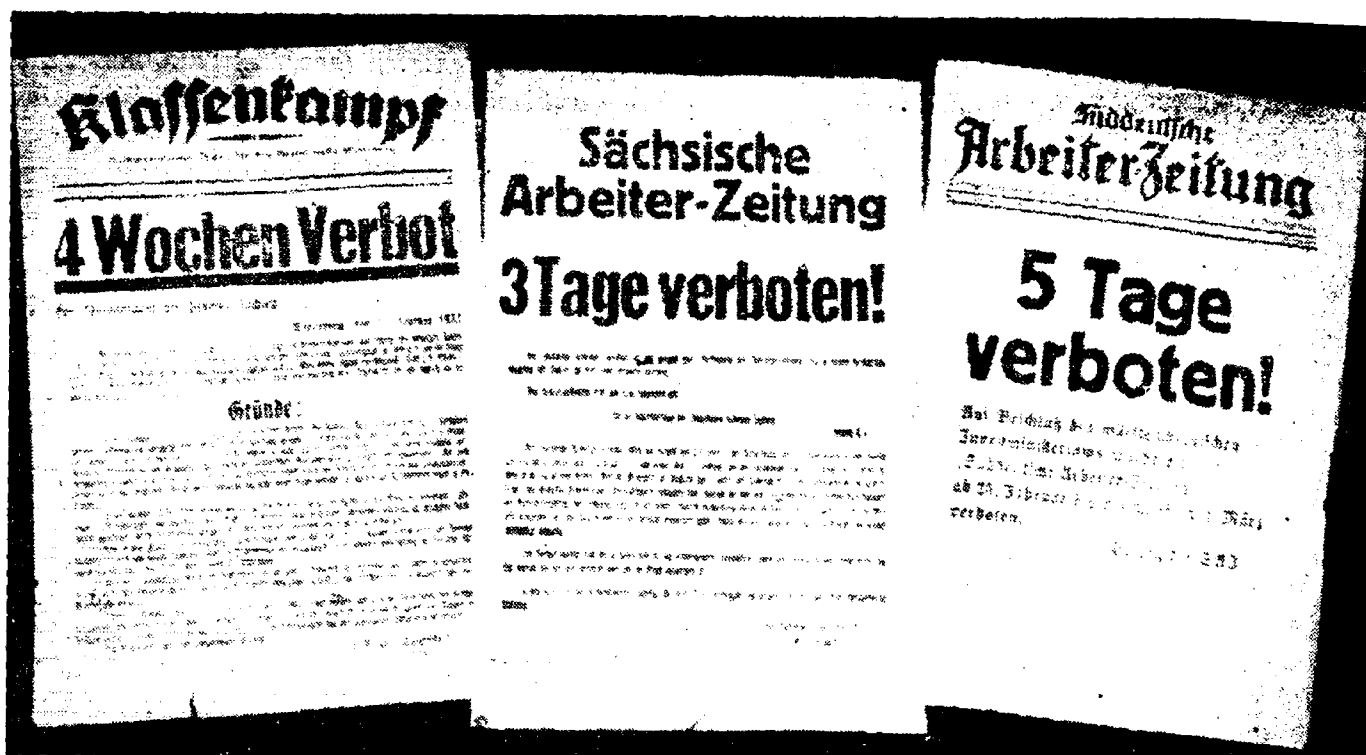
Когда 8 месяцев тому назад благодаря предательской политике германской социал-демократии, расколовшей и ослабившей германский пролетариат, в Германии установилась фашистская диктатура, германская коммунистическая партия сумела успешно осуществить переход в подполье и продолжать отсюда решительную революционную борьбу. КПГ, хорошо усваивающая опыт ВКП(б), дает всем секциям Коминтерна образец четкой перестройки своих рядов, методов и форм своей работы в связи с условиями открытой диктатуры буржуазии.

Несмотря на то, что в первые месяцы фашистской диктатуры было убито более 1½ тыс. революционных рабочих и свыше 100 тыс. заключено в тюрьмы, КПГ удалось не только сохранить основные кадры, но и, увеличив их, организовать рабочий класс для нового массового сопротивления.

Если в начале господства Гитлера фашистская пресса изо дня в день утверждала, что коммунизм мертв, то теперь она перед лицом фактов вынуждена признать, что она в этом вопросе «ошиблась» и что революционная агитация и пропаганда среди трудящихся всей Германии изо дня в день усиливаются.

Уже в течение последних пяти лет в Германии не было ни одного города, ни одной области, где бы не выходила наряду с легальной газетой нелегальная литература. С приходом к власти фашистов выпуск этой литературы еще более усилился. В течение первых пяти месяцев гитлеровской диктатуры появилось около 1 тыс. различных нелегальных газет и листовок с общим тиражем в 2 млн. экз. Все усилия фашистской полиции, стремившейся пресечь этот поток, не привели ни к каким результатам. Если ей и удавалось путем организации массовых налетов и сплошных обысков в деревнях и городских районах изымать отдельные части оборудования для печатания газет, все же печатание коммунистической литературы продолжалось, и притом в количестве, небывалом для легального времени. И вся эта литература с жадностью расхватывалась рабочими на предприятиях.

В Гамбурге например ежедневно выпускается нелегальная газета для моряков и портовых рабочих. В легальные времена помимо получаемых подписчиками экземпляров га-



Сообщения газет о запрещении их выхода

зета «Роте вахт», орган «Единого союза портовых рабочих и моряков», продавалась в количестве не более 100 экз. В июле же этого года в продолжение только нескольких часов было продано 2.800 экз.

На предприятии Ф. Б. в Руре коммунисты отпечатали на восковке заводскую газету. Номер газеты стоил десять пфеннигов. Первое издание в количестве 300 экз. разошлось невероятно быстро. За первым изданием последовало второе в 500 экз. и третье в 1 тыс. экз. Газета раскупалась нарасхват. Потребность в коммунистической литературе огромна и непрерывно растет.

В то же время трудящиеся Германии относятся к легальной национал-фашистской прессе не только критически, но резко отрицательно. В середине июня этого года одна из сочувствующих национал-социализму газет вынуждена была признать, что «миллионы рабочих не имеют сейчас никакой связи с газетой, которая могла бы оказать решающую роль в формировании их политических убеждений». Имеется в виду, разумеется, формирование национал-социалистических убеждений.

Фашистский «Фелькишер беобахтер» в момент захвата Гитлером власти издавался в количестве 200 тыс. экз. и «Ангриф» в количестве 350 тыс. экз., на 1 сентября тираж «Фелькишер беобахтер» падает до 130 тыс., а «Ангриф» — до 250 тыс. экз.

Жульнический маневр фашистского правительства, когда оно вместо издаваемой в Берлине коммунистической «Вельт ам абенд» начало издавать фашистскую газету под тем же названием, тем же шрифтом и в том же формате, не удался. Фашистская «Вельт ам абенд» через короткое время была закрыта ввиду ничтожного расхождения.

Появление в середине марта первого нелегального номера «Роте фане» — органа коммунистической партии в Германии — дало толчок развитию революционной энергии масс. Революционные массы трудящихся получили правильную оценку событий. Газета мобилизовала их для новой борьбы под коммунистическим руководством. С первого и до последнего номера (по счету семнадцатого), который появился в середине октября, «Роте фане» перед рабочими массами проявила себя как хороший организатор, пропагандист и агитатор. Нелегальная «Роте фане» дополняла и обобщала агитпропаганду, проводимую путем индивидуальных бесед, листовок, брошюр и т. д.

В округах Германии издаются местные нелегальные коммунистические газеты, которые, как и «Роте фане», носят прежние названия, например в Нижнерейнском округе издается «Фрейхейт», в Баварии «Нейе цейтунг», в Приморьи «Гамбургер фольксэхо» и т. д.

Незаконная коммунистическая печать занимает монопольное положение у пролетарского читателя Германии. Некоторые с.-д. организации тоже пытались предпринять издание незаконных газет. Однако дальше попыток дело не пошло. Отрицательное отношение рабочих масс к социал-демократической прессе привело к тому, что через короткое время газеты вынуждены были прекратить свое существование. Характерно, что ряд с.-д. организаций отказался распространять печатающиеся за границей социал-демократические газеты.

В то же время коммунистические газеты находят широкое распространение и среди социал-демократических рабочих. Последние особенно интересуются теми газетами, в которых обсуждаются вопросы их организации. То же самое наблюдается и среди национал-социалистских рабочих. При помощи оппозиционных членов этой организации, которые использовались в качестве корреспондентов, коммунистическим газетам удавалось проводить успешные кампании по раскрытию истинной физиономии национал-социалистов.

### **Как германские коммунисты распространяют свою литературу**

Революционные рабочие Германии проявляют большое мужество, самоотверженность и исключительную ловкость в деле распространения незаконных газет и листовок. Им приходится остерегаться не только фашистской полиции и штурмовиков, но и лидеров социал-демократической партии. Последнее обстоятельство прекрасно иллюстрируется циркулярным письмом районного комитета социал-демократической партии в Дюссельдорфе. «Если кто-либо из социал-демократов, — говорится в письме, — получит «Сигнал»<sup>1</sup>, то он должен или бросить его, не читая, в печку или сдать в ближайший пункт полицейской охраны».

Во многих местах существуют группы читателей, собирающиеся для коллективного чтения незаконной литературы.

Большую роль в распространении литературы играет передача газеты от рабочего рабочему. В одном письме из Саксонии рабочий пишет:

«В моей ячейке было получено 10 экз. брошюр о поджоге рейхстага. Мы поручили некоторым товарищам установить, сколько человек прочитали переданную им брошюру. Максимальное число читателей одного эк-

земпляра брошюры составляло 62. Среди этих 62 читателей были 18 рабочих, 22 работницы, 5 служащих, 8 чиновников и 9 членов фашистских организаций».

Так же умело распространяются листовки и на самом предприятии. На многих производствах листовку наклеивают на доску или на листовое железо в зависимости от того, распространяется ли листовка на деревообделочном или металлическом производстве, и в таком виде передают из рук в руки по цехам. Эта система хороша тем, что полиция не может выяснить, кто первым пустил листовку в оборот.

Рабочие и служащие трамвайных линий, автобусного движения и железных дорог получают незаконные газеты и листовки вложенными в фашистские газеты. Очень часто коммунистическую прессу просто оставляют под таким прикрытием в трамвае или автобусе. Вожатый или кондуктор, очищающий на конечных станциях вагон от бумаги, находит в нем коммунистические газеты.

Рабочие никогда не выдают фашистам товарищей, распространяющих революционную печать. Когда на крупном заводе «Анилин» фашистской полицией были сделаны попытки арестовать несколько человек, которые раздавали листовки выходящим густой толпой рабочим, последние устроили из своих велосипедов баррикаду. Пока полиция с трудом пробиралась сквозь это неожиданное препятствие, товарищи, распространявшие листовки, успели благополучно скрыться.

При распространении незаконных газет и листовок в рабочих кварталах применяются особые методы. Листовки и газеты раздаются по квартирам, с соблюдением конечно соответствующих мер предосторожности. На оживленных улицах они часто сбрасываются с крыш домов и с верхних этажей.

Можно смело сказать, что нет ни одного сколько-нибудь значительного политического явления, на которое не отозвалась бы политическая печать Германии. Не происходит ни одного события, при котором фашистская печать не вынуждена была бы констатировать, что коммунистическая агитация и пропаганда «вносят раздор в единый германский народ».

Лейпцигская провокация, кровавый террор против революционных рабочих, средневековые методы борьбы, применяемые германским фашизмом, разгул военщины, рост цен и резкое снижение жизненного уровня масс — все это получает правильную оценку в коммунистической литературе. Про-

<sup>1</sup> Коммунистическая газета.

стым, понятным и вместе с тем ярким, образным языком она вскрывает перед рабочим истинный смысл всего происходящего. Листовки освещают вопросы жизни и борьбы данного предприятия, данного рабочего квартала, они организуют политические выступления на заводах против принудительных отчислений, против принудительного участия в фашистских демонстрациях и т. п. Глубоко на заводы и шахты проникает коммунистическая печать Германии.

На спортивном празднике в Штутгарте фашистская пресса вынуждена была установить, что, несмотря на то, что в Штутгарте находились под арестом 200, а во всем Вюртенберге свыше 600 красных спортсменов, коммунистическая пропаганда усилилась. Среди одних только немецких спортсменов было распространено 50 тыс. листовок, из них 25 тыс. — в Штутгарте. Но это еще не все. Перед началом главных состязаний рабочими-спортсменами были спущены в воду 100 деревянных блоков, на которых развевались красные флажки с серпом и молотом. Под дружные взрывы смеха националисты и штурмовики в течение нескольких часов вылавливали из воды эти деревянные блоки.

### Как печатается нелегальная литература :

И в этой области германские коммунисты показали себя достойными преемниками традиций большевизма времен царского подполья.

Газеты печатаются различными способами: и на типографских станках, и на ротаторе, и еще более примитивно. В первые дни захвата власти Гитлером газета «Роте фане» печаталась на машинке и размножалась при помощи ротатора. Когда спустя короткое время «Роте фане» начала печататься типографским способом и в формате легального времени, то выяснилось, что это чрезвычайно затрудняет ее распространение. Поэтому последний номер «Роте фане» уже издается в виде маленькой брошюры, напечатанной на очень тонкой бумаге.

Иногда пропагандистский материал переписывается просто от руки. Очень часто применяется метод последовательного размножения, т. е. кто-либо напишет 9 листовок и раздает товарищам, вменяя им в обязанность переписать каждую в 10 экз., и т. д.

Один из рабочих Всеобщей электрической компании рассказывал, как размножаются листовки у них на производстве: «Наша по-



Последний легальный номер газ. „Роте фане“

следняя листовка имела размер 10 × 20 см. Мы написали химическими чернилами лозунги, затем приклеили полоски линолеума к канцелярскому прессу и печатали один экземпляр за другим».

Для того, чтобы законспирировать нелегальную литературу, применяются очень остроумные способы. Очень часто она маскируется легальным заглавием или легальной обложкой. Лицо, которому вручается такая листовка, не имеет возможности сразу определить ее содержание, пока же он с ней ознакомится, товарищ, вручивший листовку, получает возможность скрыться.

Листовка, изданная «Пролетарским сообществом свободомыслящих» («Фрейденкер»), имела такой вид, что ее можно было принять за рекламный листок радио. Многие коммунистические листовки распространялись в конвертах. Одна из брошюр, изданная КПГ, имела заголовок «Под знаком креста», что придало ей вид религиозной брошюры. На самом же деле она была посвящена раскрытию истинных причин поджога рейхстага.

Если рабочий получает на улице реклам-

ную листовку, в которой восхваляется «хороший велосипед Опеля» и говорится, что «Опель — это настоящая немецкая работа», или рекомендуется «поехать в Восточную Пруссию», или рекламируется немецкое радио, то, естественно, никому и в голову не придет, что уже за первой страницей идут такие агитационные статьи, как статья Фрица Геккерта «Что происходит в Германии», или статья Немо «Завтра вспыхнет новая война», или «Коммунистическая партия Германии и ее пресса» и т. д.

Трудно предположить, что за первой страницей под заголовком «Электролюкс — лучший пылесос, его можно приобрести в рассрочку» прячется брошюра «От поджога к убийству». Революционная комсомольская литература, рисующая борьбу Германского союза молодежи против фашистского господства, издана в виде хорошо сброшированной книжечки, озаглавленной «Проблемы молодежи настоящего времени и будущего», содержащей на первом и последнем

листах перечисление выпущенной «Немецким издательством для молодежи» литературы, начиная с «Трех военных новелл Лилиенкрона».

### Нелегальная пресса — воспитатель партии и масс

Нелегальная пресса играет значительную роль не только в деле организации и агитации среди масс, она имеет и большое внутрипартийное значение, информируя членов партии о существующем положении и о новых задачах в связи с перестройкой партийных звеньев.

До перехода в подполье партия издавала в центре и целом ряде округов руководящие журналы для партийного актива. При помощи этих органов партработникам передавался опыт революционной работы и практика других организаций и пополнялся их теоретический багаж. Таким органом для Берлинского округа был «Дер функе» («Искра»), Среднерейнского округа «Хаммер унд зихель» («Серп и молот»), для Нижнего Рейна «Революцион» и т. д. С переходом в подполье необходимость в такого рода журналах сильно возросла, особенно в связи с фашистским террором, когда партийные организации по 5 — 6 раз подряд лишались руководящих товарищей.

КПГ перенесла в подполье и этот род партийной литературы, помогающий рядовому партработнику ориентироваться в сложнейших вопросах современной Германии. «Дер функе», «Хаммер унд зихель» и др. выходят теперь нелегально. В них освещаются политические и организационные задачи, стоящие перед данной окружной или районной организацией. КПГ удалось также издать ряд нелегальных брошюр, чрезвычайно ценных для членов партии и пролетарских масс Германии. Брошюры эти имеют вид легальных изданий. В одной из них излагается учение Ленина о вооруженном восстании, имеющее, особенно теперь, чрезвычайно актуальное значение для немецкого пролетариата. В другой, подобным же образом замаскированной брошюре рассказывается о том, как Ленин строил нелегальную организацию, и даны статьи «Ленин об организационной структуре и о принципах построения нелегальной партии», «Ленин о высших формах классовой борьбы» и т. д.

Коммунистическая партия Германии добилась своей агитацией и пропагандой в гитлеровской Германии больших успехов. В



Нелегальные газеты

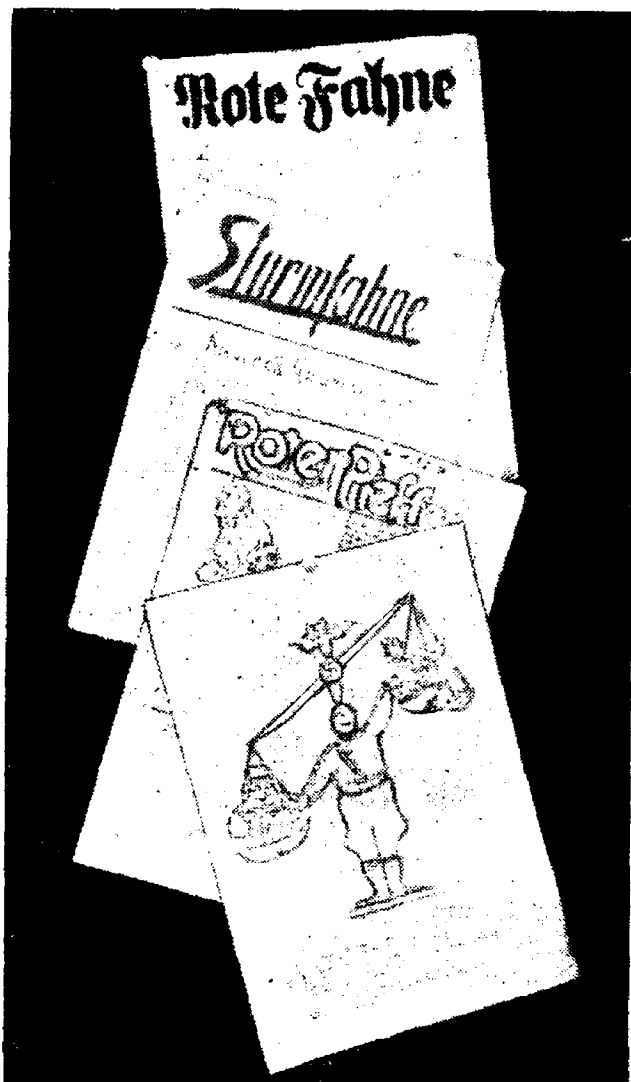
своих секретных информациях о положении в немецких промышленных центрах национал-социалисты сами признают, что «сейчас можно отметить не отмирание, а новый подъем враждебной государству пропаганды и, повидимому, нелегально развертывающим революционную работу активистам КПГ удастся вовлечь в свои ряды все новых и новых сторонников».

Об арестах и суровых наказаниях, применяемых против революционных рабочих, в этих материалах говорится как об орудии, имеющем оборотную сторону.

«Это необходимо, — говорят они, — но репрессии действуют, к сожалению, в направлении усиления не национал-социалистской идеологии, а марксистской. Ибо то спокойствие и самообладание, с которым старые отцы семейств и рабочие, пользующиеся всеобщим уважением и популярностью, относятся к своему аресту, играют скорее роль примера, нежели запугивания».

Национал-социалисты сами соглашались с тем, что они «завоевали» производства только внешне и что их последователи «вынуждены были занять вследствие революционной работы коммунистов оборонительную позицию». Недаром в секретных материалах фашистских организаций говорится, что их собственные последователи не всегда проявляют «в достаточной мере бдительность и проницательность». Об успешности наступления революционного фронта в Германии свидетельствуют и те наказания, которым подвергаются активисты национал-социалистической партии за нарушение дисциплины. Об этом свидетельствует и страх национал-социалистов перед перевыборами фабзавкомов, которые бесконечно оттягиваются фашистским правительством. Но никакие репрессии и никакие оттяжки фашистской диктатуре не помогут.

Коммунистическая партия Германии на-



Фабрично-заводские газеты, отпечатанные на ротаторе и пишущей машинке

прягает все свои силы, готовясь свалить фашистское господство. Она организует массовые выступления, от которых сотрясаются основы диктатуры буржуазии. Революционный кризис созревает быстрыми темпами. Недалеко то время, когда германский пролетариат сможет свергнуть власть капитала и последовать примеру победившего пролетариата Советского союза.



## **БОРЬБА ГЕРМАНСКИХ РАБОЧИХ**

(ПО ИХ ВОСПОМИНАНИЯМ)

Печатаемые в нашем журнале биографии и воспоминания немецких рабочих были собраны непосредственно в Германии. Эти воспоминания и биографии рабочих середняков представляют куски жизни всего немецкого пролетариата. Каждая биография любого из этих рабочих, вышедших из самой гущи пролетарских масс,—это история всего рабочего движения Германии со всеми его особенностями. Это—история развития, борьбы, заблуждений, роста сил и революционных возможностей рабочего класса Германии, его приобщения к коммунизму, активной работы лучших его представителей в рядах коммунистической партии.

Чем старше рабочий, чем к более раннему поколению немецких пролетариев он принадлежит, тем извилистее, сложнее его путь к коммунизму—через с.-д., через Независимую партию. Эта сложность, извилистость пути объясняется историческими судьбами германского пролетариата.

На определенном историческом этапе германская социал-демократия (ГСД), воспитанная Марксом и Энгельсом, была революционной партией. С наступлением империализма, с нарождением верхушки рабочего класса, экономически связанной с империализмом, перешедшей на его сторону. ГСД превратилась в партию верхушки пролетариата, в партию поддержки буржуазии. Прогрессируя в этом направлении, ГСД стала партией социал-империализма, главной социальной опорой буржуазии.

Но долголетний марксистский авторитет ГСД, ее старые революционные традиции держали немецкий пролетариат под ее влиянием. Известные слои немецких рабочих и теперь еще, после мучительных лет веймарского режима, в период кровавого разгула фашизма, верят в ГСД, которая продолжает оставаться главной социальной опорой буржуазии, удерживая пролетариат от борьбы за диктатуру пролетариата, поставляя наиболее подлых и презренных лжесвидетелей против коммунистов на процессе о поджоге рейхстага.

Если в России, в силу своеобразных исторических условий явившейся родиной большевизма, задолго до начала пролетарской революции под руководством Ленина была создана самостоятельная, последовательно революционная пролетарская партия, то в Германии к моменту революции такой партии не оказалось.

Германские левые были опутаны силой традиций, силой марксистского авторитета вождей ГСД, из которых многие были учениками и соратниками Маркса и Энгельса.

Германские левые долгие годы не рвали организационно с оппортунистами. Порвав уже к концу империалистической войны с открытыми социал-империалистами, они остались в рядах Независимой, в рядах центристов. Своеобразие развития ГСД—партии блока пролетарских и мелкобуржуазных элементов, вынужденной поэтому на определенном этапе на словах вести борьбу с оппортунизмом,—определило слабость германских левых. Вместе с тем революционные «дела» левых двинули широкие пролетарские массы на революционную борьбу. Правда, только тогда, когда эта борьба была освещена огнем ленинизма, она стала подлинной борьбой за диктатуру пролетариата, за коммунизм.

Революционный героизм Либкнехта, Розы Люксембург и других вождей «Спартак» оказал грандиозное влияние на передовые слои немецкого пролетариата.

Но слабости «Спартак» были одной из причин поражений германского рабочего класса. Важнейшей же причиной этих поражений была ГСД, следствием чьей политики в период Веймарской республики явилось установление фашистской диктатуры.

Все эти характерные моменты развития немецкого рабочего движения отражены в помещаемых биографиях.

Пожилой рабочий Вилли, вступивший в ГСД в 1902 г., яркими штрихами характеризует существо берлинской организации ГСД, сказывавшееся в самом названии ее: «С.-д. избирательный союз Берлина и окрестностей». Он показывает нарастание революционных настроений в среде рабочего класса, протест пролетариата против трехклассовой избирательной системы и политического бесправия, выразившийся в массовых действиях. Он показывает рост антивоенных настроений германского пролетариата и то, как «предательскими манерами Эберту, Шейдеману и компании удалось превратить сильное антивоенное настроение пролетариата в свою противоположность».

Он рассказывает о колоссальном влиянии группы «Спартак» во время войны на широкие массы пролетариата.

Рабочий Вилли, как и многие другие рабочие, ушел из ГСД к «независимым». Да и куда же ему было идти, когда и спартаковцы были в этой партии? Он разделил многие ошибки «независимых», хотя по-своему, по-рабочему пытался бороться с ними.

Вилли рассказывает о том, как во время бомбардировки правительством народных уполномоченных дворца, в котором были расквартированы революционные матросы, он и другие делегаты съезда 3-го армейского корпуса в декабре 1918 г. в Берлине «сидели и смотрели, как... «народные уполномоченные» открывали дорогу реакции...»

Правда, 3-й армейский корпус при активном участии Вилли отказался дать войска для борьбы с революционными рабочими, но он не примкнул к тем, кто прямо выступал против правительства.

Тов. Вилли показывает также, к каким отвратительным методам предательства прибегало «социалистическое» правительство, затребовав у 3-го армейского корпуса бомбометы якобы для охраны силезской границы от поляков: они использовали эти бомбометы против революционных рабочих, забаррикадировавшихся в редакции «Форвертса».

Но Вилли, как и тысячи других, пришел в конце концов в КПГ.

Вместе с КПГ боролся он в 1923 г.

«Неизвестно откуда,—пишет Вилли,—появились природные вожди». На предприятиях организовались красные сотни. На одном только предприятии, где работал Вилли, был отряд в 400 чел., которые «были готовы в любой момент положить жизнь свою за наше дело...»

Но оппортунистическое руководство Брандлера—Тальгеймера привело немецкий пролетариат к новому поражению.

Воспоминания работницы Марты Шуб характеризуют интереснейшую страницу жизни германского пролетариата, период подготовки Ноябрьской революции в Берлине.

Широкие массы германского пролетариата к 1917—1918 гг. были готовы к беспощадной борьбе с буржуазией. Они не имели последовательно революционной партии, которая, как партия большевиков в России, повела бы их на планомерно подготовленное, продуманное вооруженное восстание. Но работа спартаковцев, грандиозное стачечное движение в условиях невероятного экономического и политического гнета делали свое дело.

В связи с забастовкой января 1918 г. в Берлине образовалось объединение делегатов рабочих металлических производств, которые сначала производили сборы в пользу семейств отправленных на фронт или арестованных.

Из этой группы возник кружок так называемых революционных старост. Во главе кружка стоял левый «независимец» Эмиль Барт, не имевший и не желавший иметь никакого представления о подлинной тактике и стратегии пролетарской партии и рассматривавший кружок революционных старост как заговорщическую группу, а вооруженное восстание как результат действий этой заговорщической группы.

Либкнехт резко критиковал революционных старост за их заговорщические черты, за недостаточную связь с массовым революционным движением.

Вместе с тем спартаковцы и пользовались организацией революционных старост.

И поскольку эта организация поставила себе целью вооружение рабочих для восстания, «Спартак» предоставил им значительные средства и силы для закупки оружия, вместе с тем ведя закупку оружия и самостоятельно.

Уже 7 октября 1918 г. подпольная конференция спартаковцев в Готе призывала покончить с войной революционным восстанием и созданием советов рабочих и солдатских депутатов. 21 октября Либкнехт был освобожден из тюрьмы и вместе с Пиком и Мейером начал принимать активное участие в собраниях революционных старост.

Критикуя Эмиля Барта за его фантастические планы восстания, Либкнехт доказывал, что вооруженное восстание может вырасти из массовых политических стачек и демонстраций.

2 ноября на совещании революционных старост обсуждался вопрос о начале восстания. Пик и Мейер предлагали начать его всеобщей забастовкой. Барт, Мюллер, Ледебур, Деймиг предлагали начать вооруженное восстание немедленно. Было предложено согласно плану, составленному привлеченным Ледебуrom лейтенантом Вальцем, начать восстание 4 ноября. Но революционные старосты отсрочили начало восстания. 6 ноября старосты постановили начать восстание 11 ноября. Вальц, воспользовавшись отсрочкой, во всем признался своему начальнику.

8 ноября были арестованы Деймиг и Луиза Тиц, у которых на руках были планы восстания (об этом и упоминает т. Марта Шуб). Тогда восстание было назначено на 9 ноября.

Итак, за несколько недель до 9 ноября шло вооружение берлинских рабочих. «Наиболее тяжелой частью работы,—пишет Барт в своей книге «В мастерской германской революции»,—было подыскание связей для приобретения необходимого количества браунингов, патронов и ручных гранат... Часть мы получили совсем даром, часть по нормальным ценам и часть по бессовестно ростовщическим ценам». Рассказ т. Марты подтверждает это показание.

Подлинно большевистского, централизованного руководства восстанием не было, несмотря на то, что Либкнехт и другие спартаковцы нащупывали (но еще только нащупывали) правильные пути его подготовки и проведения.

Революционное настроение масс было так сильно, сведения правительства о вооружении рабочих настолько преувеличены, что командующий областными войсками отдал приказ о запрещении полиции и военным частям пускаться в ход оружие.

Таким образом революция в Берлине произошла почти бескровно. Солдаты немедленно примкнули к рабочим. Оружие и амуниция, как показывает Р. Мюллер, выносились на улицу и распределялись между рабочими (Р. Мюллер, «Мировая война и германская революция», т. II).

«Восстание не развилось из отдельных частичных выступлений,—пишет «независимец» Мюллер,—а сразу началось как одно целое, как бы по плану, подобно единому выступлению массового войска мировой войны. Можно было бы подумать, что миллионами рабочих и солдат руководил какой-то единый центр. На самом же деле в данном случае такого руководства не было... В день восстания в руководстве не было нужды, да его и технически невоз-

можно было бы осуществить, каждый принужден был действовать по собственному усмотрению...»

Таким образом Мюллер восхваляет как раз то, что было слабостью германской революции. Работница Марта Шуб иначе расценивала положение вещей. Она пишет: «Если бы мы должны были выдержать кровавый экзамен, то все, вероятно, пошло бы иначе...»

Жизнь двух более молодых рабочих—Грюна и Вебера—сложилась иначе, чем жизнь Вилли. Правда, и детство Грюна прошло еще под влиянием тех националистических идей, которые внушались юношеству всем строем жизни гогенцоллерновской Германии. Но ужасы империалистической войны быстро открыли глаза молодому рабочему. Он вступил в комсомол. Он был секретарем комсомольской организации. Он понял лучше, чем некоторые старшие его товарищи,—тоже коммунисты, но не изжившие до конца социал-демократических предрассудков,—что пролетариат должен изучать стратегию и тактику гражданской войны.

Рабочий Вебер был членом Независимой партии, но вместе со значительной группой молодежи в Готе явился застрельщиком оппозиции к официальному курсу «независимых» и впоследствии одним из организаторов готской организации коммунистической партии Германии (КПГ).

Тов. Вебер приводит яркую картину распространения листовок об Октябрьской революции в России. Он рассказывает, как ему стал ясен смысл Октября. «Я понял, что суть в том, что рабочие взяли власть в свои руки... Идея советов пустила глубокие корни, приобрела международное значение».

Эти короткие, скупые слова немецкого пролетария особенно отчетливо подчеркивают международное значение Октября, международное значение стратегии и тактики большевиков. Вебер—активнейший работник партии во время капповского путча и в мартовские дни 1921 г. и позже.

И Грюн и Вебер работали в профсоюзной оппозиции среди безработных, ведя повседневную, будничную, но столь необходимую, работу партии.

Это те кадры коммунистической партии, которые и в условиях фашизма ведут героическую работу по завоеванию большинства пролетариата на сторону коммунизма. Это те кадры, которые распространяют листовки, печатают подпольные газеты, ежеминутно и ежечасно жертвуют своей жизнью.

Биографии четырех рабочих показывают длительный тернистый путь борьбы германских рабочих, обманутых и преданных социал-демократами.

Вместе с тем они показывают, как крепла и большевизировалась КПГ, как стала она мощной пролетарской партией, связанной столь тесными узами с широчайшими массами пролетариата, что даже политически отсталый рабочий Цахов, забитый и истерзанный в застенках фашистских палачей, перед лицом фашистского судилища говорит, что он голосовал за коммунистическую партию, потому что он—рабочий.

Этот забитый рабочий, с рабской покорностью отвечающий на вопросы судей, обращающийся к судьям с почтительнейшими титулами, весь дрожащий и залитый слезами, на вопрос, какую бы он выбрал партию, отвечает—коммунистическую.

Рабочий Цахов знает, как отомстят ему фашисты за эти слова. Он еще боится. Он еще не принадлежит к авангарду борцов, которые бесстрашно глядят в лицо смерти и мукам и гордо издеваются над своими палачами.

Но сомнений нет: сотни и тысячи таких рабочих, как Цахов, будут в компартии, ибо их место в компартии.

Вся работа компартии, все героическое прошлое таких в сущности рядовых рабочих, как Вилли, Марта, Грюн, Вебер и многие, многие другие, тому порукой.



**Вилли**

## ОТ Г. С. - Д. К К. П. Г.



### **Мои первые самостоятельные шаги**

Отец мой был рабочим, слесарем. Он умер в 1890 г., когда мне было 5 лет.

Вскоре после смерти отца я поступил «мальчиком», зарабатывая 6 марок в неделю, что было большим подспорьем для семьи. Мне приходилось таскать через весь город на ручной тележке значительные тяжести. Так продолжалось полгода.

Однако мне хотелось изучить во что бы то ни стало профессию отца. Я поступил учеником на машиностроительный завод Брюггемана в Берлине, и хотя по закону ученикам до 16 лет запрещалось работать у машины, я сразу стал выполнять, по существу, работу взрослого. Через 2 недели при чистке машины на ходу я попал рукой в зубчатое колесо. Два месяца пришлось мне провозиться с лечением руки, и хозяин не торопился с уплатой пособия за увечье.

В первый год я не получал никакого вознаграждения, что было тяжелым бременем для моей семьи; на втором году я получал 3 марки в неделю, на третьем—4. Срок ученичества длился три с половиной года.

Рис. П. ИЛЛЕШ-КУПКА

Мои неоднократные требования о переводе меня на другую машину оставались безрезультатными. Мастер не давал мне двигаться вперед, эксплуатируя приобретенные мною навыки. Он сократил подмастерья, который обучал меня, и, заставляя меня работать и за него, платил, разумеется, ученическое жалованье.

### **Вступление в с.-д. партию. Демонстрация в Тиргартене**

Я был членом берлинского рабочего спортивного общества «Фихте», где познакомился с Вилли Шульцем, под влиянием которого начал читать серьезную политическую литературу.

Хотя юношам и запрещено было посещение политических собраний, все же я ухитрялся бывать на них. Мне посчастливилось слышать крупнейших вождей социалистического движения — Бебеля, Зингера, Либкнехта и других.

17-ти лет я вступил в германскую с.-д. партию. Мои партийные обязанности сводились к распространению листовок. Социал-демократическая берлинская организация называлась тогда «Социал-демократический избирательный союз Берлина и окрестностей». В этом названии сказывался подлинный характер германской социал-демократии.

Реакция в Пруссии, где господствовала трехклассная избирательная система, где профсоюзы были объявлены политической организацией, где преследовалась стачечная борьба, где запрещались рабочие собрания, где делалось все, чтобы убить всякую политическую жизнь, вызывала протест со стороны широких трудящихся масс. Берлинская партийная организация призывала к массовым демонстрациям в пользу всеобщего избирательного права. Демонстрация была назначена официально в Трейтове. Полицией-президент Ягов расклеил в тот же день распоряжение, строжайше запрещающее демонстрацию. Между прочим в распоряжении было сказано: «Улица служит для движения. Предупреждаю любопытных!» Оба моста, ведущие к Трейтову, были с утра еще заняты сильнейшими нарядами полиции.

В обед все товарищи собрались в назначенном месте. Мы двинулись в путь, наша колонна все время росла, но мы шли в направлении, противоположном Трейтову. Постовые полицейские, мимо которых мы проходили, смотрели на нас вытаращенными от ужаса глазами. Так дошли мы беспрепятственно до Тиргартена. Здесь носились уже взад и вперед верховые полицейские, но они были совершенно беспомощны перед лицом опромяной толпы. Мы ликовали. Воздух дрожал от неистовых криков. Эта удачная демонстрация сильно подняла боевой дух рабочих.

### **Вступление в „свободный профсоюз“. Первая забастовка**

Мое ученичество подходило к концу. В последнем году мне давали уже настоящую работу по машиностроению.

Вся мастерская состояла в гиршдункеровском профсоюзе. Я же по окончании ученичества вступил в союз металлистов — «свободный профсоюз». В моем цехе только я и еще один старший товарищ. Шредер, теперь активный член компартии, были тогда членами «свободного» союза металлистов.

Вскоре я начал работать на турбинном

заводе АЭГ. Через 11 месяцев моей работы в моем цехе была объявлена забастовка, длившаяся 3 недели, после которой я был уволен.

После турбинного завода я начал работать у одного русского инженера, который строил машины для определения качества зерна. Там я проработал полтора года. Я был профуполномоченным и убедил товарищей принять участие в первомайском празднике. Они приняли в нем участие, но в конце недели я был уволен «за отсутствием работы».

Тогда я снова поступил на турбинный завод АЭГ.

Вскоре разразилась забастовка всех квалифицированных рабочих завода. Я был выбран в стачечный комитет.

Наша забастовка окончилась победой, всем прибавили от 2 до 7 пфеннигов в час. Я же получил надбавки всего 2 пфеннига. Такая явно нарочитая придирчивость заставила меня искать работы в другом месте.

### **Активная профсоюзная работа. Борьба с реформизмом**

В поисках другого места работы я получил предложение «Германского газокалийного и Ауэровского общества».

Там я близко сошелся со старшими товарищами. На предприятии была строгая профсоюзная дисциплина и велась планомерная работа по вербовке в партию. По отношению к неорганизованным применялись тысячи способов ущемления, если не удавалось воздействовать на них убеждением.

Ауэровское предприятие было одним из немногих, где уже до войны существовал заводской комитет. У нас он назывался «заводской комиссией». Дирекция очень щеголяла этим.

Когда председатель комиссии сложил свои полномочия, то механический цех, в котором я работал и который был душой всего предприятия, выдвинул мою кандидатуру, и я был избран председателем, т. е. высшим профсоюзным «начальством» на предприятии, на котором работало около 1.000 мужчин и 3.000 женщин. Процентом тридцать из них были организованными. В качестве председателя заводской комиссии я боролся с реформистскими настроениями других членов комиссии, всегда соглашавшихся с предложениями администрации предприятия.

В качестве председателя комиссии я состоял членом районного правления одного из 24 берлинских отделений союза метал-



листов. Благодаря этому я хорошо познакомился со всем механизмом организации. Председатель районного правления, к которому относилось наше предприятие, был простодушный крестьянин; он уже 15 лет сидел на этом месте. Вместе с ним, а чаще без него, я проводил бесчисленные собрания рабочих, которые происходили почти ежедневно. Чаще всего это были собрания женщин-работниц. Я вскоре изучил быстро воспламеняющийся темперамент женщин, их способность к героическим поступкам, их здоровый классовый инстинкт.

В годы, предшествовавшие войне, очень много писалось о системе Тейлора, применявшейся в Америке. Буржуазные писатели изображали ее как вполне безвредную и даже гуманную систему организации труда.

Так как и наша дирекция устремляла свои взоры на систему Тейлора, то я предложил своим товарищам сделать на общем собрании доклад на эту тему.

Собрание было крайне многолюдным. Доклад и последующая дискуссия дали такой резкий отпор рационализаторским изысканиям нашей дирекции, что с тех пор имя Тейлора не упоминалось уж больше на заводе.

### **Начало войны 1914 года. Антивоенная пропаганда**

События, последовавшие за убийством австрийского эрцгерцога в июле 1914 г., вызвали ряд демонстраций под лозунгом «Долой войну». Я принимал участие во всех этих демонстрациях. Это были последние демонстрации перед империалистической войной. Как только началась война, социал-демократическим вождям (Эберт, Шейдеман, Каутский и др.) удалось рядом предательских маневров превратить сильное антивоенное настроение рабочих в свою противоположность, правда, на короткий срок.

На следующий день после объявления войны мне пришлось вступить в ожесточенные споры с товарищами, которые попали в тенета «оборонительной войны». Тогда мне пришла в голову мысль превратить каждое заводское собрание в демонстрацию против войны, в вызов империализму.

И это мне удалось. На моем предприятии докладчик сделал блестящий доклад, пользуясь огромной картой, на которой чрезвычайно наглядно были показаны истинные интересы различных империалистических группировок, участвовавших в войне. До-

кладчик ясно рассказал о целях войны. Все собрание было потрясено его неопровержимыми доводами. На нашем предприятии, как и на целом ряде других, к войне относились резко отрицательно.

### **Военнослужащий**

В апреле я получил повестку «явиться туда-то». Так как по болезни ног я не годился для строевой службы, то меня направили в крепость Кюстрин на расстоянии около 100 км. от Берлина, где я должен был работать по ремонту пушек и ружей. Мы работали с 7 час. утра до 6 час. вечера с часовым или получасовым перерывом на обед.

Уже зимой 1915 г. тяга к миру среди товарищей моего гарнизона была чрезвычайно велика. В 1916 г. она усилилась. Все известия о «победе» не могли заглушить этой жажды мира. Однако наряду с проклятиями по адресу войны и мечтами о мире товарищи не отдавали себе отчета в истинном характере этой империалистической войны.

Осенью 1916 г., при содействии одного товарища, меня затребовали в Кайзер-Вильгельм-институт, где я проработал год по своей специальности, получая однако солдатское жалование.

В этот период очень активную деятельность развили «Спартак» и группа Борхардта.

Я посещал всегда, когда мог, нелегальные дискуссионные вечера в Нейкельне. На одном из этих вечеров выступал и Карл Либкнехт. Он произнес страстную речь против войны, полную необычайной ясности и логики.

После Октябрьской революции в России на фабриках и заводах Берлина еще больше усилилось движение против войны. 28 января 1918 г. была объявлена забастовка всех берлинских предприятий, работавших на оборону. Хотя я твердо внушил своим товарищам по работе вместе со мной покинуть зал ровно в 9 час. утра, в начале завтрака, они колебались и смотрели на другое отделение, находившееся в другом конце зала.

Но как только я покинул помещение, я заметил с несказанной радостью, что огромный зал начал пустеть. Все рабочие бастовали, несмотря на риск быть отправленными в окопы. Стачка носила определенно политический характер. Были выставлены требования об окончании войны и снятии осадного положения. Экономические

требования играли второстепенную роль. Настроение бастующих было приподнятое, всюду слышалось: «Долой войну!» Вдруг кто-то закричал: «Полиция!» С быстротою молнии всех облетел пароль: «Все на Садовую», и рабочие двинулись в лес, чтобы заслушать доклад против войны. На импровизированную трибуну поднялась работница. Ее страстная, зажигательная речь захватила всех присутствующих, их было свыше 1.000 чел.

В один из ближайших дней на большом плацу в Трейтове вновь была устроена демонстрация против войны, в которой приняли участие все бастовавшие предприятия.

Эта 4-дневная забастовка, в которой приняли участие почти все крупные предприятия Берлина, была последним этапом на пути к 9 ноября. К этому же времени относится и прибытие в Берлин Карла Либкнехта. Я был на Ангальтском вокзале. Огромная толпа народа встретила Либкнехта бурными приветствиями. Два товарища подхватили его и пронесли на плечах через всю площадь. Полиция не осмеливалась разгонять толпу.

### Солдат в последний раз

31 августа 1918 г. я вступил во Франкфурт-на-Одере в качестве солдата полевой артиллерии. Своей главной задачей я считал выявление в казарме и во всех отделениях политически сознательных и надежных товарищей. С некоторыми я уже был связан и носил их адреса и фамилии в часовой крышке, что мне казалось тогда очень конспиративным.

8 ноября меня разыскал мой товарищ Бруно Петерс, чтобы сообщить последние новости из Берлина. Он предложил мне созвать в воскресенье 10 ноября на Базарной площади собрание всех солдат и рабочих. Мы условились встретиться на следующий день. Я ушел из казармы, никому не докладывая. Мы пошли вместе в город и сообщали каждому встречному солдату и штатскому, что 10 ноября будет собрание на Базарной площади. Весть эта быстро распространилась среди всех солдат.

На следующий день была «инструктивная беседа». Офицер в высоком чине делал нам доклад об ужасах большевизма. Я спросил по окончании его доклада, дозволено ли будет высказаться по этому поводу. Он сделал пригласительный жест рукой. В 15-минутном выступлении я раз-



...офицер в высоком чине делал нам доклад об ужасах большевизма

бил его в пух и прах. Он беспомощно ози­рался вокруг. За мной выступил еще кто-то, заявивший, что он был в России. После этого случая офицер прекратил свою просветительную деятельность.

В тот же вечер мы громко пели у себя «Интернационал». Ни один офицер не посмел запретить нам петь. Да это и не привело бы ни к чему. Наконец-то давал себя знать дух революции! Почти все новые солдаты были из больших городов; мы верили в победу.

9 ноября вечером я отправился с Бруно Петерсом в город.

Внезапно мы услышали издали невероятный шум, который становился все сильнее. Вскоре мы увидели вокзальную охрану — около 30 солдат, с неопи­суемым жаром и пылом срывавших с офицеров по­гоны и значки. Пол­часа спустя по улицам Франкфурта потянулись колонны демонстрантов, состоявшие исключительно из солдат. Не было никакой команды, никакой организации. Все кричали, жестикулировали и бежали от одной казармы к другой. Всюду с большим или меньшим жаром требовали выборов совета солдатских депутатов и

звали на собрание, назначенное на следующий день. Подозрительно часто раздавались призывы: «Спокойствие и порядок». Мы были каплей в этом бушующем море. Эту ночь я провел без сна и думал о том, каким образом направить в надлежащее русло это стихийное движение, как обеспечить правильное руководство этим движением. Трудность заключалась в том, что мы не имели здесь организации и никто нас хорошо не знал.

На следующий день утром были выборы совета солдатских депутатов. Так как выборы происходили одновременно во всех частях и по-батальонно, то я мог принять участие в выборах только на своем батальонном собрании. Товарищи, знавшие меня, выставили мою кандидатуру. Наобум предложили также выбрать офицеров. Мне пришлось энергично выступить, чтобы предотвратить это. Почти во всех остальных частях протест против избрания офицеров не был заявлен, и таким образом довольно значительное количество их попало в совет. Нужно отметить, что среди офицеров оказалось и несколько очень честных, полезных работников.

К часу мы отправились на собрание. Я шел во главе отделения. Собрание прошло с неслыханным подъемом и энтузиазмом.

После речи Бруно Петерса и других товарищей состоялись выборы совета рабочих и солдатских депутатов г. Франкфурта. Вечером прошло учредительное собрание вновь избранного совета. Совет состоял из очень умеренных элементов.

В ближайшие дни в совет солдатских депутатов нахлынула толпа солдат. Горячо, со страстью товарищи требовали пропусков на родину. Я смотрел на них озабоченно и думал о том, что эти люди не имели за своей спиной четырех лет войны. Никто из них и не думал о том, чтобы действительно привести в исполнение угрозу, которую большинство из них высказывало на прощанье: «Мы оставим у себя оружие, мы им покажем». В действительности же они мечтали только о своих матерях и женах.

С невероятной быстротой пустели казармы. Оставались лишь два последние года и наиболее предусмотрительные. Они не были уверены в том, что сразу получают работу, в казарме же они имели кров и пищу. Часть за частью вступали во Франкфурт демобилизованные солдаты. Носились слухи, что солдаты, подстрекаемые офицерством, устроят погром. Этого не случи-

лось; унтер-офицер Шредер, член совета, уполномоченный по демобилизации солдат, быстро отделил офицеров от солдат.

Красное знамя, развевавшееся над зданием вокзала, было через несколько недель убрано «в интересах безопасности и порядка» и больше уже не водворялось на прежнее место.

Бруно и я выезжали на военном автомобиле за город, где устраивали собрания для выборов рабочих и крестьянских депутатов. Бруно выступал докладчиком, и всюду речь его принималась с восторгом и одобрением. Деревенская беднота и батраки сбрасывали с себя иго многовекового рабства и становились активной опорой революции. Со стиснутыми зубами читали мы ежедневные распоряжения Носке, которые все больше и больше ограничивали самостоятельность советов солдатских депутатов. Скоро стали приходить в совет батраки и беднота, указывая на то, что помещики, юнкера и прежние чиновники снова забрали власть и грозят жестоко расправиться с ними. Вначале нам удавалось сдерживать наглость контрреволюционеров угрозой применения оружия. Однако реформисты работали быстрее нас: они очень торопились восстановить и укрепить капиталистический строй.

В декабре должен был быть созван в Берлине корпусный совет солдатских депутатов 3-го армейского корпуса, охватывавший всю провинцию Бранденбург.

Я был избран в корпусный совет от Франкфурта.

23 декабря 1918 г. отправился я в Берлин. Утром 24 декабря, выйдя из дому, чтобы отправиться к месту своей новой работы, я услышал пушечную пальбу. Я поспешил к товарищам, чтобы узнать, в чем дело. Они сдержанно ответили мне, что это солдаты корпуса Лекиса, спешно отозванного Эбертом с фронта, бомбардируют дворец, в котором расквартированы с разрешения местных властей революционные матросы.

И вот мы, делегаты целого армейского корпуса, сидели и смотрели, как на наших глазах «народные уполномоченные» — Эберт, Шейдеман, Ландсберг, Гаазе, Барт и Дитман — открывали дорогу реакции.

Так развертывались события, приведшие к господству фашизма в Германии.

Я пробовал всеми силами стимулировать своих товарищей по корпусному совету на активную борьбу. Устраивались десятки собраний, на которых произносились очень

радикальные и зажигательные речи, однако единственным положительным результатом их было решение ни в коем случае не давать контрреволюции войск. Когда Носке лично обратился к нам с просьбой дать войска, мы категорически отказались. Генерал фон-Лютвиц, бывший командиром нашего корпуса, не имел права издавать никакого приказа или распоряжения без нашей визы. Всякий раз, когда он пытался это сделать без нас, он получал бумагу обратно.

Все наши серьезные попытки реорганизовать 3-й армейский корпус согласно нашим принципам, встречавшие горячую поддержку со стороны гарнизонного совета депутатов, наталкивались на запрещения Носке.

Однажды у нас затребовали тяжелые бомбометы, якобы для охраны силезской границы от вторжения поляков.

Вопреки моему протесту товарищи дали разрешение на отправку бомбометов, при условии, что они не будут использованы в Берлине. Вскоре эти бомбометы были привезены в Берлин и установлены против помещения редакции «Форвертса», в котором забаррикадировались революционные рабочие.

Организованный нами весной 1919 г. съезд всех германских корпусных советов депутатов занял бесформенную позицию. Состав его был очень пестрый, без определенной политической физиономии. На съезде, правда, были и делегаты, ставшие впоследствии коммунистами. Председателем съезда был например т. Штольт, впоследствии видный член компартии. Этот съезд был, быть может, последним средством направить остатки солдат, находившихся в гарнизонах, против реакции. Но Штольт занял тогда неправильную политическую позицию, и съезд не дал никаких результатов.

С этого дня я понял, что дошел до предела. Товарищи, из которых четверо стали социал-демократами, а четверо были беспартийными, решили добровольно не покидать поста. Так как деятельность «Спартак» становилась все энергичнее и возмущение рабочих против политики Носке росло, то у нас оставалась все-таки надежда на то, что наша помощь еще может понадобиться.

1 мая 1919 г. корпусный совет солдатских депутатов 3-го армейского корпуса объявил себя распущенным. Это был конечно жалкий конец.

## На службе у фирмы „Осрам“

Я поступил вновь на работу в Общество ауэровских горелок, преобразованное в «Осрам», на котором меня застала война.

Когда я вступил на работу, как раз происходила смена первого фабзавкома вследствие разложения его. При пере выборах я был избран вторым председателем фабзавкома. Вначале члены фабзавкома в числе 5 человек были совершенно освобождены от работы. Мы все почти были членами Независимой с.-д. партии. Хотя я читал «Роте фане», политически целиком солидаризировался с ней и вербовал для нее подписчиков, я все же оставался в рядах «независимых». Я видел, что в рядах «независимых» было много бесспорно честных революционных рабочих, это заставляло меня заблуждаться по поводу позиции «независимых». Правда, я с самого начала повел упорную борьбу против социал-демократических традиций в рядах Независимой с.-д. партии, но на первых порах я не встречал поддержки со стороны моих товарищей.

## Трудные времена

В квартале, где я жил и который входил в избирательный округ Нидер-Барним, я был избран руководителем избирательного комитета Независимой с.-д. партии, отколовшейся от с.-д. Кроме того я был членом районной думы. На всех общегородских собраниях функционеров Независимой партии мы выступали с резолюциями, чаще всего составленными мною, в которых мы требовали изменения направления центрального органа нашей партии «Фрейхейт» и более революционной политики партии. Несмотря на все нападки, Гильфердинг продолжал оставаться главным редактором «Фрейхейт». Уже в то время в этой партии имелись все элементы, которые обусловили впоследствии переход части ее в ряды компартии и другой части — обратно в ряды с.-д. И в листовках и на публичных собраниях мы вели борьбу против Эберта — Шейдемана — Носке, предавших революцию.

За полгода до слияния Независимой с компартией, в 1920 г., я пригласил одного товарища, коммуниста, выступить с докладом на нашем собрании избирателей. Таким образом была подготовлена у нас почва для слияния.

Политическая реакция между тем сказывалась во всех законах правительства. В январе 1920 г. в рейхстаг был внесен про-

ект о резком сокращении прав фабзавкомов.

Рис. ЯНОША

Тогда «независимые» с.-д. призвали рабочих на демонстрацию перед рейхстагом. Во время демонстрации раздался выстрел. Среди сотен тысяч демонстрантов поднялась паника. В течение нескольких минут почти вся площадь опустела. Вскоре после этого я встретил Бруно Петерса, который рассказал, что в толпу стреляли из пулеметов и что на площади осталось много убитых. На другой день газеты сообщали, что было 42 убитых и 105 раненых. Приказ стрелять был дан с.-д. министром юстиции Гейне.

В начале 1920 г. началась сильнейшая инфляция. На предприятиях было постоянное брожение. «Независимые» росли не по дням, а по часам. Но вместе с тем росло также и влияние компартии на организованных в Независимую с.-д. партию рабочих. Почти во всех предприятиях раздавались требования прибавки на дороговизну.

Началась бесконечная полоса массовых забастовок. Но никогда не было возможности хоть сколько-нибудь утнаться за маркой, падавшей с головокружительной быстротой. Рост нужды и пропаганда компартии придавали борьбе все более упорный и настойчивый характер.

### **Августовская забастовка 1923 г.**

Наивысшего пункта стачечное движение достигло в августе 1923 г. Во время правительства Куно условия стали совершенно нестерпимыми. 10 августа компартия выпустила воззвание к берлинским фабзавкомам с призывом явиться на следующий день на собрание в Газенгейде. На этот призыв отозвалось 20.000 членов и активистов фабзавкомов, среди них большинство было с.-д.

На собрании было единодушно решено объявить стачку против правительства Куно. На следующий день все берлинские предприятия бастовали. Правительство Куно подало в отставку. Его место заняло правительство Штреземана—Гильфердинга. Во время забастовки по улицам Берлина раз'езжали автомобили Берлинского совпрофа, разбрасывавшие листовки против стачки. 14 августа снова было созвано собрание фабзавкомов.



**Гильфердинг**

Падение правительства Куно не остановило дальнейшего понижения жизненного уровня рабочих.

9 ноября в Фельтене, близ Берлина, происходил нелегальный с'езд фабзавкомов. Получив предупреждение от сочувствовавших нам полицейских, мы, т. е. с'езд, в числе 1.000 чел. отправились на луг, находившийся в лучшем расстоянии. Хотя и в большой спешке, с'езд все же успел обсудить основные пункты порядка дня. На обратном пути из вагонов нашего поезда развевались красные знамена. Нам уже незачем было скрывать цели своей поездки.

Приблизительно 16 октября 1923 г. было созвано собрание коммунистических фабзавкомов. Атмосфера была крайне напряженная: назревали серьезные события. Лица собравшихся выражали уверенность в победе, уверенность в том, что рабочие созрели для борьбы и жаждут ее. И все же изумление охватило весь зал, когда Реммеле заявил в своем коротком докладе,

что мы стоим перед непосредственной революционной ситуацией и что красные сотни всех предприятий должны быть готовы к выступлению в течение трех ближайших дней.

После этого заявления каждый знал, что ему делать. Получив краткие распоряжения, все разошлись с этого знаменательного собрания.

На следующий же день началась организованная подготовка к выступлению. С величайшим напряжением велась организационная работа, пропаганда и мобилизация сил. В эти дни число красных сотен, т. е. товарищей, готовых на все, увеличилось в пять раз. Массы выделяли силы, о которых никто и не подозревал. Неизвестно откуда появились природные военные вожди, придававшие боевым отрядам последнюю шлифовку. Все эти приготовления происходили почти открыто,—факт, который свидетельствовал о растерянности буржуазии и об уверенности в победе готовившихся к решительной схватке рабочих масс. Я с одним товарищем руководил организацией сотен на своем предприятии, где тогда было занято около 4.000 работниц и 1.200 рабочих.

В качестве военспеца нам помогал совершенно не известный мне до этого момента товарищ, бывший фельдфебель, но сознательный пролетарий и революционер, 400 чел. были готовы в любой момент положить жизнь свою за наше дело. Таков был результат работы наших товарищей из ячейки, таково было влияние революционной ситуации.

Неожиданно я получил предложение партийного руководства немедленно приготовиться к отъезду.

Когда я вскоре вернулся в Берлин, я сразу заметил, что положение резко изменилось. Настроение широких масс было подавленное, под'ем сменился сильным разочарованием. Буржуазия мстила разгулом реакции, ужасающей эксплуатацией. Когда со стабилизацией марки были возобновлены тарифные соглашения, ставка квалифицированного берлинского металлиста была определена в 50—55 пфеннигов: это было пощечиной берлинским металлистам. В ответ на это вспыхнула забастовка берлинских металлистов, закончившаяся поражением рабочих. Понеся большие жертвы, металлисты вновь встали на работу. Предприниматели широко воспользовались своей победой и

временной усталостью рабочих, чтобы очистить предприятия от «нежелательных элементов».

На районное собрание уполномоченных, которым я руководил, неожиданно явились в огромном числе реформисты. Чтобы получить большинство на этом собрании и устранить меня от руководства, они не останавливались ни перед чем.

В качестве функционеров явились люди, которые никогда функционерами не были. Пришли те, кто обычно посещал собрания других районов, и т. д. Все наши протесты ни к чему не привели. При голосовании я получил 50 голосов против 51 голоса за реформиста.

Весной 1924 г. мы мобилизовали квалифицированных рабочих «Осрама» на стачечную борьбу за повышение заработной платы. Когда рабочие должны были покинуть предприятие и я отправился к своему рабочему месту за вещами, мастер спросил меня, что я намерен делать. Я ответил ему, что, разумеется, буду бастовать со всеми наравне. Это послужило для дирекции долгожданным поводом к моему увольнению.

Осенью 1924 г. я поступил на работу в «Ротапринт», предприятие, изготовляющее особого рода множительные аппараты под этим названием. На второй день директор запросил моего мастера, как пишется моя фамилия, через «э» или «и». Предприятие уже получило обо мне извещение от Союза берлинских предпринимателей, и только благодаря ошибке машинистки я не был тотчас выброшен на улицу.

Здесь мы провели 6 забастовок, которые все кончились нашей победой. Последняя забастовка окончилась обязательством предпринимателей повысить заработную плату на 5 пфеннигов в час. Однако нам пришлось пожертвовать 38 товарищами, уволенными с предприятия, в их числе был и я.

Не было никакого смысла искать работы в Берлине. Пришлось переехать в другой город, где я продолжаю бороться за дело рабочего класса.

События в Германии развиваются с такой быстротой, что скоро можно ждать решительного конца, и я уверен, что, как и я, мои братья по классу отдадут без остатка все свои силы, а если нужно и жизнь для победы пролетарской революции в Германии.



# ОКтябрьская Революция в России

## И Рабочая Молодежь Германии

Я родился в маленьком городке Лангензальце. С раннего детства, лишившись отца и матери, я был вместе с братом отдан в сиротский дом, где прожил восемь лет.

Детство наше было поистине ужасно. Глава сиротского дома, бывший жандарм, уволенный со службы за пьянство, бил нас смертным боем. Во время приступов запоя он клал детей на скамейку и бил всех по очереди, бил до ран, до кровавых рубцов. Он всячески издевался над нами, придумывая жестокие пытки, бил нас ключами по лицу, бил головой об стену. Целые дни мы работали в саду, в поле, кормили свиней, коз, кур, убирали весь дом. Измученные тяжелой физической работой, страдая от недоедания, питаясь лишь хлебом и маргарином, мы имели возможность готовить уроки лишь с 8 до 9 час. вечера. Естественно, что мы отставали в своем умственном развитии и физически росли слабыми и хилыми детьми.

Так прошли годы «розового детства». Часто приходили мы в отчаяние и хватались за веревку, чтобы покончить с жизнью, которая казалась нам бессмысленной и бесцельной.

Наконец в 1912 г. мой брат ушел в ученичество в Тюрингенвельд, а в 1915 г. и я, выбыв из школы и сиротского дома, поступил в учение к одному лангензальцскому столяру.

С большим воодушевлением принялся я за работу. Мне хотелось быть искусным столяром. Между тем уже около года свирепствовала мировая война. Я скоро понял, что смысл и цели этой войны не стоили тех жертв, которые для нее приносились.

Я с жадностью читал все, что мог, не смотря на то, что хозяин избивал меня за мою страсть к чтению.

Большой лагерь военнопленных в Лангензальце был местом ужаса. Эпидемия сыпного тифа унесла сотни пленных. Изведав в сиротском доме весь ужас своеобразного плена, я с большим сочувствием относился к пленным.

В декабре 1915 г. поехал я на несколько дней к моему брату в Готу. Вместе с братом пошел я на собрание рабочей молодежи. Это было первое собрание, на котором я присутствовал. И скоро я уже знал разницу между «красным» и «желтым».

По возвращении из Готы я был уволен своим хозяином, так как дела его шли все хуже и хуже.

Тогда я переехал окончательно в Готу и поступил сначала на работу в авиоотдел вагонной фабрики, а потом, обойдя ряд мелких предприятий, закрепился на фабрике фирмы «Руппель», где работал около четырех лет. Маленькая фабрика металлических изделий была крайне важным военным предприятием. Там вырабатывались сотни тысяч ручных гранат, жестянки к противогазам, бензиновые баки для самолетов, бомбометные установки, впервые введенные в Германии металлические пропеллеры и т. п. Количество рабочих временами достигало более 700 чел. Около двух третей из них были женщины и девушки.

Февральская революция в России была встречена с воодушевлением. Я еще многого не понимал тогда и все-таки верил, что эта революция должна привести к окончанию войны. Да и другие товарищи так же расценивали события. Все чаще и чаще слышал я о том, что Германия должна последовать русскому примеру.

Между тем война продолжалась. Газеты сообщали, что русские готовятся к новому наступлению. Но товарищи на фабрике рассказывали, что на фронте происходит братание немецких и русских солдат.

Затем пришло сообщение об Октябрьской революции в России. Часами обсуждали мы на фабрике волнующие нас новости. Некоторые товарищи объясняли мне, что большевики скоро закончат войну с Германией. И действительно, пришло известие о том, что ведутся мирные переговоры. Вскоре стали известны также имена вождей пролетарской революции в России. Когда начались переговоры в Бресте, наше воодушевление все возрастало. Однако я



...Вдруг открылось окно и в комнату влетела масса листовок

вскоре прочитал в газетах, что генерал Гофман, государственный секретарь Кюльмани и австриец Чернин поставили русским представителям крайне тяжелые условия мирного договора. Заключение мира затягивалось, и это заставляло нас, рабочих, сильно волноваться.

Однажды в помещении, где были сложены сотни ящиков ручных гранат, один товарищ сказал мне, чтобы я заглянул в указанный им ящик, так как «там что-то есть». Я открыл ящик и нашел пачку листовок, призывавших к массовой забастовке и защите русской пролетарской революции. Тут я в первый раз услышал имя Ленина. Я жадно прочитал листовки раз, другой и третий. Мне стало ясно, что и другие товарищи должны ознакомиться с ними. Я обошел все предприятие и роздал листовки, которые рабочие вырывали у меня из рук. Через день или два после этого была объявлена всеобщая забастовка. С юношеским воодушевлением убеждал я колебавшихся товарищей присоединиться к забастовке. Бастовали все женщины и девушки; на производстве осталась только часть несознательных рабочих.

Я вспоминаю два забастовочных собрания. Первое — для «мелких предприятий» —

состоялось вечером в нижнем этаже «Народного дома Мавра», второе — в гимнастическом зале вагоностроительного завода. Настроение было бодрое: решили бастовать до тех пор, пока не будет кончена война. Мне стал удивительно ясен смысл Октябрьской революции. Я понял, что суть в том, что рабочие взяли власть в свои руки, что эту пролетарскую власть надо защищать.

После доклада мы еще долго сидели все вместе. Вдруг открылось окно, и в комнату влетела масса листовок. На листках было написано: «Штрейкбрехеры — негодяи! Все должны бастовать!»

Однако через несколько дней после этого в зале того же народного дома было решено закончить забастовку. Социал-демократ Вильгельм Бок прочел приказ касельского генерала — главнокомандующего, в котором последний требовал немедленного возобновления работ, так как в противном случае все отпущенные с военной службы сейчас же будут призваны обратно.

Хотя один-два товарища высказались за продолжение забастовки, все же большинство поддержало предложение о прекращении ее. После собрания во дворе произошли бурные схватки между сторонника-

ми забастовки и голосовавшими за ее прекращение. Я был за непереносимое продолжение забастовки до заключения мирного договора с Россией без аннексий и контрибуций. Но мы были в меньшинстве. Бурные столкновения со штрейкбрехерами продолжались и на производстве.

Примерно через неделю после забастовки было созвано собрание членов Независимой социалистической партии. Я отправился туда с несколькими товарищами по работе и вступил в члены этой партии.

Пока продолжалась война, партийные собрания созывались очень редко. В мае 1918 г. состоялось только одно собрание, на котором присутствовало около пятидесяти товарищей.

Стремление к миру все усиливалось среди рабочих. Уже в октябре носились слухи об образовании солдатских советов. Идея советов пустила глубокие корни, приобрела международное значение.

6, 7 и 8 ноября мы получили сведения о развитии событий. Я также призывал к восстанию. В пятницу, 8-го, днем в ФЭА (авиационный отдел) был образован солдатский совет. Поздно вечером я узнал в «Народном доме Мавра», что на следующий день, т. е. на 9 ноября, назначено революционное восстание.

Эту ночь я почти не спал и, едваждавшись утра, побежал на работу. У входа я увидел опломбированный красный плакат, который призывал к демонстрации.

И рабочие «Руппель» вышли на демонстрацию вместе с тысячами других.

Шел дождь, и я боялся, что на главной площади будет мало народу. Но мои опасения быстро рассеялись: собралась многотысячная толпа. Выступление войсковой части с оркестром произвело на рабочих различное впечатление. Одни приветствовали это как проявление свободы. Другие же считали революцию с музыкой заранее обреченной на провал. Таким образом 9 ноября у нас прошло без кровавых потрясений. Через несколько дней ряд наших товарищей был избран в рабочий и солдатский совет.

Тогда в партии и на производстве началась активная работа, в которой я принимал деятельное участие. Еще в ноябре была организована новая местная группа «Свободной социалистической молодежи». Юношеская организация вскоре стала важным политическим фактором в практической повседневной борьбе. Так, когда был

издан известный приказ Носке о том, что все призванные в армию должны продолжать военную службу, мы организовали собрание молодых солдат, на котором требовали их демобилизации. «Молодая гвардия» — наш юношеский орган — с первого же дня была коммунистической газетой, в которой сотрудничал К. Либкнехт. Будучи членами Независимой социалистической партии, мы, молодежь, вскоре образовали оппозицию, добиваясь поворота партии к коммунизму. Январские бои в Берлине и смерть Карла и Розы произвели на меня и на всю нашу молодежь глубочайшее впечатление.

Начались крупные политические забастовки, в которых мы, рабочие фирмы «Руппель», всегда принимали участие. В феврале или марте в Готе прибыл генерал Меркер со своим вольным корпусом. Ответом на это была трехнедельная всеобщая забастовка. Военная камарилья все больше нагнала, вскоре было введено военное положение. Поражение берлинского рабочего класса в марте 1919 г. удручало нас. Но объявление Мюнхенской советской республики снова ободрило.

1 мая 1919 г. впервые вышла тюрингская коммунистическая газета «Коммунист». Мы, молодежь, распространяли ее среди рабочих Готы. Разрыв между «молодежью» и Независимой социал-демократической партией в Готе все углублялся. Готская организация НСП принадлежала к левому крылу германской социал-демократической партии и ни в коем случае не желала допустить образования в Готе местной группы компартии Германии.

В июне 1919 г. мы организовали в Готе местную группу КПГ.

Группа продолжала распространять «Коммуниста» и среди рабочих — членов Независимой социалистической партии. Мы завербовали немало подписчиков.

Во время капповского путча, когда стало известно, что в Берлине разыгралась борьба, рабочие Готы сейчас же объявили всеобщую забастовку, в которой приняли участие, как всегда, и рабочие фирмы «Руппель».

Рабочие вагоностроительного завода захватили авиоверфь. И рабочие других предприятий были вооружены. Ночью мы, молодежь, отправились на авиоверфь, чтобы нести там караул.

Но связь между нами и руководством из города прервалась, и все попытки установить ее окончились неудачей.

Утром 14 мая мы были захвачены на верфи сильным отрядом эрфуртской полиции. Тов. Голланд Мориц, руководитель рабочего гарнизона, в последний момент послал меня вместе с одним случайно попавшим по пути молодым рабочим занять вход в радиотелеграфную школу. Едва мы прибыли туда, как были задержаны отрядом полиции, который рассчитывал захватить верфь с тыла.

Озверевшие полицейские поставили нас обоих к стенке, но офицер отдал приказ выставить нас перед фронтом, чтобы мы пали первыми, если рабочие откроют огонь. Нас привели к остальным арестованным рабочим, стоявшим под охраной у входа. Некоторые товарищи пытались бежать, среди них т. Голланд. По ним открыли стрельбу. Голланд упал. Его привезли обратно на двухколесной тележке. В полдень он умер от тяжелых ран. Нас, 22 человека, сдали в казармы, но поздно вечером отпустили. Через неделю в здании почты произошло кровавое избиение рабочих, послужившее сигналом к вооруженной борьбе, в которой я принимал активнейшее участие.

Во время восстания в Средней Германии мы провели всеобщую забастовку в Готе. Моего брата и меня послали на поле битвы в качестве курьеров. По возвращении я был выгнан с работы на фабрике «Руппель» и поступил на маленький литейный завод.

Все усиливавшаяся инфляция сильно ударила по зарплате рабочих. Назревали события 1923 года.

В ноябре 1923 г. мы получали в дни полудня несколько миллиардов марок, но их

нехватало даже на то, чтобы купить самое необходимое к следующему дню. Вскоре мы единодушно решили не работать за эту плату. В литейной началась забастовка. Мы пытались всеми средствами вовлечь в забастовку слесарную и токарную. Это было трудно, так как в этих цехах работали реформистские заводские советы.

Но после нескольких часов забастовки в литейном и нашей неустанной агитации к забастовке присоединилось большинство слесарей и токарей.

После поражения в 1923 г. КПГ начала энергично готовиться к новым боям. Осуществляя указания партии о завоевании большинства рабочего класса, я активно работал на профсоюзной работе. Организовал профоппозицию в союзе железнодорожников и был членом общегерманского комитета революционной профоппозиции промышленной железнодорожной группы. Вместе с тем я вел активную борьбу с брандлеризмом, и в 1927 г. был выбран политсекретарем окружной парторганизации.

За мою коммунистическую деятельность меня неоднократно увольняли, я терпел ужасную нужду. Сейчас в Германии наступили кровавые дни разгула фашистской реакции, но я готов к борьбе, как и раньше.

Октябрьская революция—маяк, освещающий путь борьбы международного пролетариата. Пример русского пролетариата, пример его героической партии воодушевляет нас на новые и новые битвы. Мы верим, что Октябрь победит во всем мире.

## МОЛОДЫЕ КАДРЫ

**К. П. Г.**

Мой дед мясник, сохранивший приятные воспоминания о годах военной службы, воспитывал нас в милитаристском духе, учил нас мечтать о военной карьере и упражнялся с нами в церемониальных маршах. В школе нас тоже учили тому, что «Германия выше всего». С 13 лет я работал у деревенского мясника, затем у мясника же в Готе, потом в Готе на фабрике резиновых рукавов, где я серьезно заболел. По выздоровлении поступил батрачить к зажиточному крестьянину. У него я работал с 4 час. утра до 7—8 вечера и получал 100 руб. в год.

После Ноябрьской революции я вступил в союз сельскохозяйственных рабочих. Однако вскоре я уехал в Кассель, где работал на новостройке при локомотивной фабрике. На новостройке работало около 500 рабочих, там был активный заводской совет. Здесь я вступил в союз плотников. Жили мы по 8 чел. в комнате. Мои товарищи по комнате сочувствовали только что организовавшейся КПГ. На стройке я участвовал в забастовке. После Касселя я работал опять в Готе, затем в Темберге, в Эрфурте—все на постройках, принимая активное участие в забастовочном движении.

Незадолго до оккупации Рура я переехал в Опнау, где работал в бетонном обществе «Дикеркоф и Видманн».

До оккупации Рура (февраль 1923 г.) я оставался в этой фирме. В феврале 1923 г. предприниматель сообщил мне, что нам следовало бы забастовать по случаю наступления французов. Мы объявили национальную забастовку против французов и продолжали получать зарплату в размере  $\frac{2}{3}$ . Я уехал в Тюрингию, куда просил еженедельно высылать деньги. За недельную зарплату я мог купить только  $\frac{1}{2}$  кг. маргарина. Предприниматель же получал во время нашей забастовки субсидию от государства. Во время этой забастовки я вступил в организовавшуюся в моей деревне местную группу комсомола, состоящую из 12 товарищей. Вскоре меня выбрали политическим секретарем этой группы. Наша работа состояла в расклейке плакатов, причем мы использовали матери-

ал местной партийной группы. В партийной группе было 25 товарищей. Наряду с пропагандистской работой мы вели и политзанятия, принимали участие в партийных собраниях, проводили сами открытые собрания. Осенью 1923 г. у нас было столкновение с политическим партийным секретарем. Ему не понравилась тема намеченного доклада «Задачи пролетариата в будущей гражданской войне».

После подавления гамбургского восстания мы изучали его уроки. С 1923 г. я не находил больше работы на долгий срок; работал то в Эрфурте, то в Готе. С 1927 г. я работал полтора года на фабрике Леуна, затем несколько месяцев на маленьком строительстве. На фабрике Леуна я близко познакомился с боевой деятельностью Макса Гельца и среднегерманского пролетариата. Некоторые из работавших там товарищей принимали участие в качестве гарнизона фабрики в военных действиях и могли нам, молодежи, многое разяснить. Когда пришли мартовские дни, мы обехали на грузовике вместе с красными фронтовиками и т. Тельманом кладбища селений, расположенных вокруг фабрики Леуна, и возложили на могилы венки с красными лентами. Реакционные сельские власти и церковь отвели нашим павшим товарищам по классу самые худшие места, за кладбищенской стеной, где раньше хоронили самоубийц. В одной деревне трупы погребли на гусином выгоне. На этом месте в марте 1928 г. был поставлен памятник — Ленин со сжатым кулаком, обращенным к фабрике Леуна, центру химической промышленности. Многие тысячи пролетариев с т. Тельманом во главе дефилировали в тот день перед могилами в честь павших.

Условия работы на фабрике Леуна для нас, строителей, были чрезвычайно тяжелы. Работа проводилась аккордно. Не проходило дня без тяжелых или смертельных случаев. Санитарная карета была всегда в движении. Рабочий коллектив, особенно строительные рабочие, был близок к германской компартии. В профсоюзе Мерсебурга мы, оппозиционеры, составляли большинство.

В 1929 г. я работал на предприятии по пропитыванию шпал. Здесь рубленые или пиленные железнодорожные шпалы из России или Польши выгружались из вагонов, складывались в кучу и отвозились для пропитывания в котел. В ноябре 1929 г. я был уволен ввиду недостатка работы.

С 1923 г. я состоял членом комсомола



...Он воспитывал нас в милитаристском духе

Германии. В 1926 г. я вступил в компартию. В заводских партячейках я не работал до 1931 г. С 1931 г. я состою в заводской ячейке. До этого я состоял в местной группе в деревне с тысячей с лишним жителей. После двухлетнего членства в профсоюзе меня выбрали секретарем профсоюза. Мне удалось объединить всех оппозиционных членов профсоюза. Позднее, в 1930 г., мне была поручена организация революционной профсоюзной оппозиции среди безработных. Тут наши усилия увенчались большим успехом. Наш местный комитет был лучшим в отношении сбора членских взносов и самым сильным пропорционально числу жителей в округе. Этот успех объяснялся тем, что мы при организации РПО<sup>1</sup> пошли правильным путем. Когда осенью 1930 г. в партии закончилась дискуссия за и против РПО, наши предложения к зимнему времени были поставлены на обсуждение безработных.

<sup>1</sup> Революционная профсоюзная оппозиция.

В то время как многие партийные товарищи еще колебались в вопросе членства в РПО, может быть из страха быть исключенными из реформистских профсоюзов, большая часть неорганизованных безработных уже состояла в рядах РПО. Два раза состоялись демонстрации с требованиями зимних пособий, каждый раз перед зданием муниципального совета. Совет единогласно принял наши требования. Только бургомистр выступил с протестом. Мы добились того, что часть претензий была принята к оплате. Эта деятельность явилась здоровой основой для молодого местного комитета.

В 1932 г. я как кандидат оппозиции получил большинство на выборах правления. В апреле я был исключен из реформистского профсоюза за революционную деятельность. И сейчас, в тяжелые дни победы фашизма, я верю в нашу победу. Комсомол и партия под руководством Коминтерна явились для меня, как и для тысячи других пролетариев, крепкой школой.



## **КАК МЫ ДОСТАВАЛИ ОРУЖИЕ**

# **ДЛЯ ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

За несколько недель до 9 ноября мы начали готовить оружие для революционного восстания.

Продавал нам оружие один спекулянт из Вильмерсдорфа.

Доставляли же мы его следующим образом: сперва на руках приносили оружие на мою квартиру и там раздавали его. Потом переносили его в походных мешках. Когда же мы стали доставать больше оружия, мы купили повозку и перевозили его в ней.

В нашем доме жил пекарь, ярый националист. Он не мог не заметить, что у меня отгружаются ящики. Как-то в разговоре я ему сказала: «Равный отпуск, равный стол для всех, и война давно бы была забыта». С тех пор он стал точить зуб на меня.

Мы, правда, были очень осторожны, и иногда целый час выжидали, прежде чем войти в дом со своим походным мешком, но при том количестве оружия, которое проходило через мою квартиру, он неизбежно кое-что замечал. Я сказала ему, что получаю из деревни яблоки и продаю их. Чтобы убедить его в этом, я часто проходила мимо его лавки: с корзиной яблок.

Однажды ко мне позвонили, я направилась к двери, вижу, бросили письмо. В то же время кто-то постучал. На мой вопрос, кто там, мне ответили, что пришел судебный исполнитель. Я сильно взволновалась, так как в квартире было около 4 тыс. револьверов и 2 тыс. патронов, и сказала, что мне нужно сперва одеться. Надев верхнее платье, я уложила матрац и подушки на ящики и широко открыла окно. Сделав вид, что я была занята уборкой комнаты, я впустила судебного исполнителя.

Он сказал мне, что поступил донос, будто я занимаюсь торговлей и не плачу налогов. Я горько жаловалась, что я бедна и больна. Он говорил со мною очень мило и все ближе подходил ко мне. Тогда я ска-

зала, чтобы он остерегался, так как я больна гриппом в тяжелой форме и могу его заразить. Между прочим я объяснила ему, что он у меня ничего не может описать, так как мебель принадлежит моему брату, который сейчас на фронте. Он поверил, что я больна и бедствую, и ушел.

Тогда я прочла письмо, которого, к счастью, исполнитель не заметил. Это был вызов на допрос в полицейпрезидиум, отдел I-а. Я развела огонь и сожгла все ящики, в которых были упакованы револьверы. В 10—11 часов пришли товарищи. Надо было быстро очистить квартиру, так как приглашение в полицейпрезидиум поступило не по почте, а непосредственно из полицейского участка. Товарищи убрали все оружие, только патроны мне пришлось самой доставить в Рейникендорф.

На следующий день я укуталась, притворилась охрипшей и направилась в полицейпрезидиум. Там чиновник заявил мне, что поступил донос, будто я совершила государственное преступление, что я революционерка, что ко мне приносят и из моей квартиры выносят динамит. Я притворилась очень перепуганной и сказала: «Что вы? Динамит? Моя сестра работала на патронном заводе, там однажды произошел взрыв, и я с тех пор так боюсь динамита, что уговорила ее найти другую работу. Как же я после этого буду держать динамит в своей квартире?».

Я была слабой, худощавой девушкой, и он мне поверил. Он показал мне даже донос, — не узнаю ли я почерк? Там действительно сообщалось, что я оскорбила государя. Я сказала чиновнику, что я, правда, состою членом Независимой социал-демократической партии и что я однажды у пекаря, будучи очень голодной, процитировала стих: «Равный отпуск, равный стол для всех, и война давно была бы забыта». Если это есть оскорбление государя, то я конечно готова нести ответственность, но я прошу не наказывать меня сурово, так как я, произнося этот стих, была очень голодна. Он спросил у меня насчет ящиков. Я рассказала ему ту же сказку о яблоках. Он и этому поверил. Тогда он спросил также, нет ли у меня недоброжелателей в доме. Я ответила, что терпеть не могу детей, так как они очень шумят. Однажды я их облила водой, женщины за это на меня сердиты, и вероятно они и донесли. Меня отпустили.

Кампания по вооружению продолжалась, собственно, очень недолго, едва четыре недели.

Но власти были плохо осведомлены о вооружении рабочих. Они полагали, что у рабочих много оружия, поэтому полиции и войскам было дано предписание не стрелять. Если бы они в первый же день революции пустили в ход оружие и мы должны были бы выдержать кровавый экзамен, то все вероятно пошло бы иначе.

8 ноября были арестованы Эрнст Деймиг и Луиза Тинц, у которых на руках был план наступления. Поэтому вечером состоялось заседание революционных старшин, на котором было постановлено выступить 9-го, чтобы лишить полицию и войско возможности использовать наш план наступления и принять контрмеры.

Придя в два часа ночи домой, мы стали готовиться к завтрашнему дню. Мы должны были идти во главе колонны и рассчитывали на верную гибель. В четыре часа утра я отправилась в Моабит известить одного товарища (Ш.), который не присутствовал вечером на заседании, о наших решениях.

Вместе с ним мы отправились доставать патроны для Моабита.

Я колебалась идти к нашему спекулянту, потому что мы должны были ему 65 тыс. марок. Тогда Ш. заявил, беря с собою кнастер, что пристрелит спекуланта, если тот откажет. Я отговаривала его, утверждая, что сбегутся люди и все дело лопнет. Когда мы пришли на квартиру спекуланта, он удивился нашему раннему приходу.

«Знаете ли, — начала я независимым тоном, — на патронном заводе сегодня состоится собрание актива (функционеров), и мы хотим дать им боевые припасы».

Субъект почуял, что что-то затевается, и начал горько жаловаться: «Пропали все мои деньги». Я рассказала ему, что сегодня приезжает тот, у которого хранятся деньги, и что ровно в 10 часов ему принесут весь долг. А за сегодняшние патроны он получит деньги завтра. Он поверил, но соглашался выдать патроны только в 10 часов, когда будут принесены деньги. Вначале мы требовали десять тысяч патронов. Теперь я начала торговаться с ним. «Дайте по крайней мере пять» — просила я, потом согласилась на три тысячи. «Мы же всегда полностью уплачивали вам, мы же порядочные люди» — говорила я. При этом я все время поглядывала на Ш., который, бледный, как покойник, стоял около меня, готовый к решительным действиям. Наконец мы пришли к соглашению, что он нам даст пока одну тыся-



...у ворот стоял солдат и поджидал меня

чу патронов. Я решила, что надо согласиться и на это. Дальше — будет видно.

С нашей тысячей патронов мы сели в трамвай, друг против друга. Нас охватила огромная радость, потому что мы считали, что, достав патроны, мы спасли Моабит. Приехав домой, мы разложили патроны в патронные сумки. Пришли рабочие, и тем кого мы знали, мы вручили револьверы и ручные гранаты.

Потом мы разоружили дворцовую охрану. Вначале она хотела стрелять, но испугалась наших ручных гранат. Отправившись дальше, мы бросили ручные гранаты в канал, так как у нас не было машин для того, чтобы отвезти их, а мы не хотели, чтобы в нашем тылу оставалось оружие. Войска и полиция, согласно предписанию, не стреляли. С 9 ноября я работала в исполкоме. После январских боев женщины осаждали исполком запросами о своих мужьях. Исполком послал меня в морг осмотреть трупы и доставить сведения. Я пришла туда и увидела массу трупов. Между ними я нашла товарища Ш.

В марте происходили обыски, искали оружие. Арестовывали всех, у кого находили даже патронные гильзы. Наши товарищи тогда бежали в Брауншвейг, где они пользовались правом убежища.

Товарищ, который жил со мною в квартире, тоже хотел бежать. В последний день, который он проводил у меня, я ему сказала: «Сделай одолжение, вынеси оружие из квартиры и выбрось его ночью». — «Оружие останется здесь» — ответил он, и его невозможно было переубедить.

На следующее утро я отправилась в исполком, я хотела сдать туда оружие, так как там разрешалось хранить его. Я хорошо упаковала все наши револьверы и села в трамвай. Я стояла на передней площадке, оружие лежало около меня в сумке. На остановке «Кни» задержали вагон, в трамвае

был обыск, искали оружие. Я мучилась: что делать? Трамвай стоит и стоит. Сойти, оставив оружие? Но и на это я не решалась. Вдруг пришел офицер и сделал знак рукой: «Ехать дальше». Наш вагон не обыскивали. Я благополучно сдала оружие, но домой ехать не хотела. Только позже я поняла, каким образом мне удалось спастись. Наш вагон пришел с запада и следовательно был вне подозрения.

В субботу я поехала в Шпандау, чтобы навестить мою подругу и просить ее пожить некоторое время со мною, в моей квартире. Увидев меня, она стала плакать от радости. «Ты действительно не расстреляна?» Она рассказала мне следующее: несколько дней назад она пришла меня навестить. В нашем доме был обыск, искали оружие. Звонили ко мне, но никого не было дома, и солдаты ушли. Вдруг появился гнусный пекарь и заявил, что в этой квартире живет коммунистка, которая доставляла оружие. Солдаты опять поднялись наверх, они заняли лестницу и дожидались меня. В нашем доме жили только пролетарии; несмотря на это, женщины кормили солдат и вечером танцевали с ними. В мой ящик для писем были брошены записки, адресованные «спартаковской свинье», и т. п.

Обыскали всю квартиру, разбросали грязное белье, опрокинули кушетку, но ничего не нашли. Единственным оружием, которое они обнаружили, была винтовка, стоявшая между кухонными полками и дверью.

Рис. П. ИЛДЕШ-КУПКА



Рот фронт!

## **РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ**

# **В ЮЖНОЙ АФРИКЕ**

**1**

В 80-х годах прошлого столетия в Оранжевой республике и Трансваале—областях Южной Африки—были открыты алмазные и золотые россыпи. Это немедленно привлекло хищный британский империализм, который победил в войне буров, прежних хозяев Южной Африки, и захватил в свои руки лакомый кусок.

Путем колонизации и экспорта капитала англичане окончательно закрепили там свое господство.

Южно-африканский Союз является в настоящий момент английским доминионом и занимает территорию в 1.227.000 кв. км., т. е. в пять раз больше метрополии. Европейцы в нем составляют лишь небольшую часть населения. Но зато им принадлежит более  $\frac{4}{5}$  всей территории, между тем как неграм, составляющим около  $\frac{3}{4}$  всего населения, отведены специальные места для поселений, так называемые «резервы», в которых обрабатываемая площадь едва достигает  $\frac{1}{3}$  всех обрабатываемых земель.

Большая часть негритянского населения занимается сельским трудом. Она делится на две группы: живущих в «резервах» и исполщиков или сельхозрабочих, живущих на землях европейских фермеров, преимущественно буров. Положение негритянских крестьян в «резервах» чрезвычайно тяжелое. Им отведены наименее плодородные участки земли, мало пригодные как для земледелия, так и для скотоводства. Их давят бесконечные налоги. В 1913 г. был издан специальный закон о туземных землях, по которому крестья-

нин-негр не имеет права покупать, арендовать или наследовать землю за пределами территории «резервов». Негр-крестьянин, живущий в «резервах», является по большей частью промышленным рабочим. Налоги, которыми облагается негритянское население в «резервах», настолько велики, что даже в том случае, если крестьянин наскребет достаточную сумму, то, уплатив налог, ему остается умереть вместе со своей семьей голодной смертью. На доходы от своего крестьянского хозяйства он не может жить. Поэтому большая часть мужчин отправляется на работы в город и рудник.

Около 2 млн. негров работает на европейских фермах в качестве наемных рабочих или исполщиков. За то, что европеец-фермер разрешает обрабатывать клочок земли, негр обязан работать на него шесть месяцев в году. При своей постоянной задолженности он, для того чтобы прокормить себя и свою семью, работает на хозяина круглый год, не получая фактически никакой компенсации. Он находится в постоянной кабале у своего арендатора.

Положение батрака по существу мало чем отличается от положения раба. За изнурительнейшую работу по 12—14 часов в день он получает около 10 шилл. в месяц. Большая часть даже этого нищенского жалования выплачивается не деньгами, а товарами. Батрак прикован к месту работы долгосрочным рабочим контрактом и не может отлучаться без специального паспорта или письменного разрешения. Негр, нарушивший контракт, подлежит уголовной ответственности, заключается в тюрьму или подвергается штрафу. Не будучи в состоянии уплатить штраф, он отработывает его у своего прежнего хозяина.

На одних только золотых рудниках занято около 200 тыс. негритянских рабочих, а во всех остальных отраслях горной промышленности Южной Африки общее число их достигает 311 тыс. чел. Во второстепенных отраслях промышленности, как-то: в строительной, швейной, мебельной и др., насчитывается около 150 тыс. чел.; на транспорте занято 50 тыс. и в торговых предприятиях около 80 тыс. человек.

К концу XIX столетия число беднейших европейских фермеров, подвергшихся экспроприации, составляло около 20 тыс. чел. Для них оставался единственный путь—искать работу в промышленности. Не обладая квалификацией, эти чернорабочие сразу же

столкнулись с невероятно низкой заработной платой, которая не составляла даже прожиточного минимума. Но и эта заработная плата была у них выше, нежели у негров.

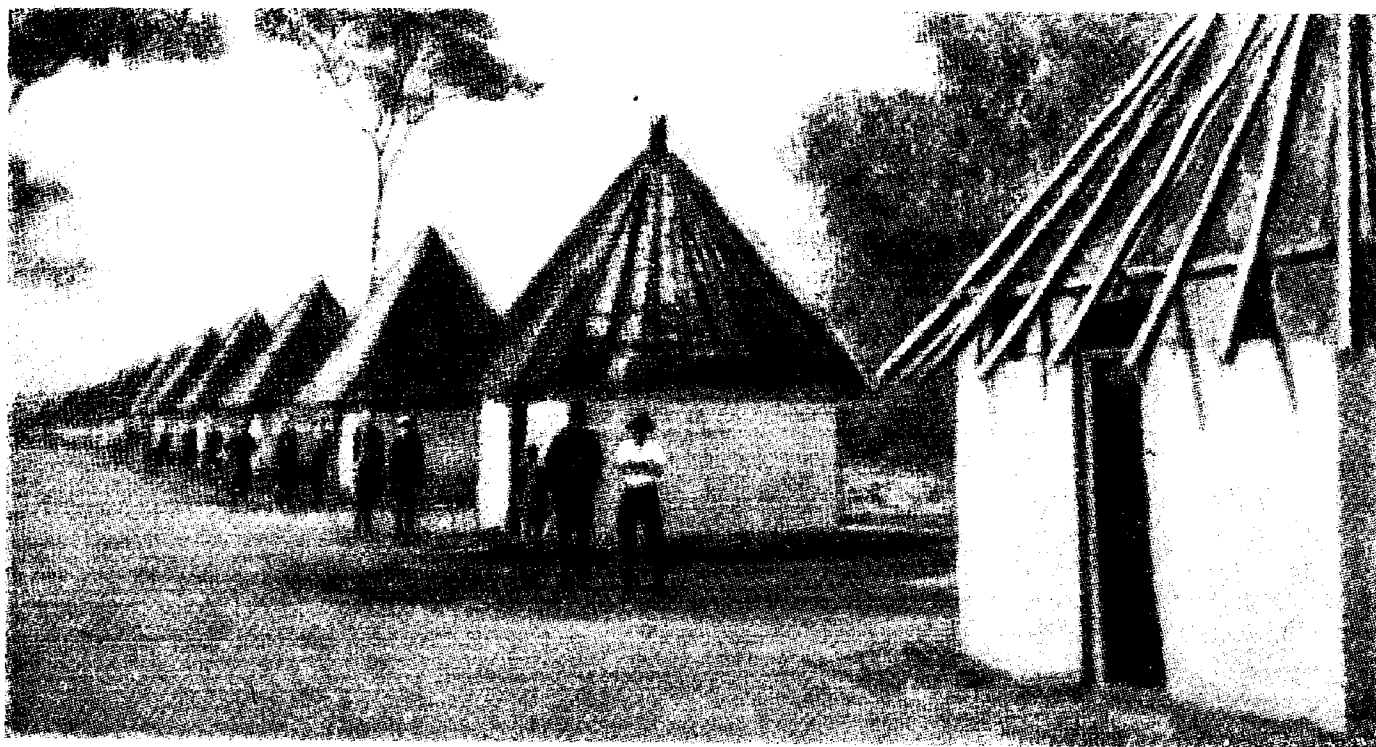
Чтобы внедрить раскол между белыми и черными, в целях лучшей эксплуатации, капиталистические предприниматели платили белым за одинаковую работу выше, чем неграм. Если белый рабочий в среднем получал 1 ф. ст. в день, то негру надо было за этот фунт работать в течение двух недель.

В 1911 г. был издан специальный закон о шахтах и предприятиях, известный под именем «Закона цветного барьера», по которому лишь белым рабочим разрешалось выполнять квалифицированную работу. Таким образом для негров навсегда закрывался путь для улучшения жизненных условий. Горная палата, являющаяся промышленной биржей, пыталась возразить против этого закона, мотивируя тем, что «безнравственно закрывать людям двери благополучия на основании цвета». В действительности же за протестами господ из Горной палаты скрывалась боязнь потерять дешево оплачиваемый квалифицированный труд негра.

В своей политике внесения розни между белыми и черными рабочими, натравливания одних на других реформистские лидеры добились некоторых успехов. Им удалось организовать в 1923 г. 25 тыс. белых горняков

в районе Витватерштранда. Забастовка была направлена против систематических нарушений Горной палатой закона 1911 г. Эта забастовка рассматривается буржуазными историками Южной Африки как восстание и чуть ли не революция (!), инициированная русскими коммунистами (?!). Группа бурских землевладельцев, воспользовавшись наличием среди недовольных рабочих значительного процента подвергшихся экспроприации бурских фермеров, подбросила бастующим лозунги борьбы за «Бурскую республику» без британских империалистов, в которой бы туземцы «сидели на своем месте». Противопоставленные в своем движении широким массам негритянских рабочих горняки Витватерштранда потерпели кровавое поражение, стоившее жизни 250 рабочим.

Южно-африканская рабочая партия, представляющая копию группы лакействующих предателей интересов рабочего класса в Англии, блокируется с националистической партией бурских землевладельцев против южно-африканской партии британских империалистов, представлявшей интересы горнопромышленников. Непосредственным результатом этого шага было появление в январе 1926 г. нового закона о «цветном барьере», который еще более усилил ограничение прав негритянских трудящихся. Партия горнопромышленников, интересы которой страдали от этой политики, оценивала его как «наиболее циничное и пагуб-



Туземная деревня в Южной Африке



Принудительный труд негров в Южной Африке

ное начинание». По существу же это было лишь проявление борьбы за негритянскую рабочую силу между группой горнопромышленников и землевладельцев.

Негритянский рабочий не только жестоко эксплуатируется, получая нищенскую плату за каторжный труд, но и подвергается расовому гнету. Рабочий-негр связан целой сетью обязательных для него паспортов, которые он должен иметь почти буквально на любой случай жизни. Один автор насчитывает их количество до двенадцати. Паспорта эти являются одновременно дополнительными налогами, так как каждый из них стоит туземцу от 2 шилл. до 1 ф. ст. и часто бывает действителен лишь в течение одного месяца, нескольких или даже одного дня. Негр, идя искать работу, должен иметь один паспорт: отправляясь в соседнюю область, — другой; желая посетить город, он должен запастись третьим; если он собирается быть в городе позднее девяти часов вечера, ему необходим четвертый, и т. д.

## 2

Рабочее движение туземцев до империалистической войны 1914 г. не имело ни

своей профессиональной, ни политической организации. Недовольство трудящихся низов было использовано организацией, основанной в 1912 г. и носившей претенциозное название: «Африканский национальный конгресс». Программа конгресса была целиком реформистской, и его деятельность сводилась по существу к ведению кампании за отмену пропусков, что совпадало и с требованиями английских промышленников, нуждавшихся, в противоположность полуфеодалным бурским землевладельцам, в беспрепятственном снабжении рабочей силой. Руководящая часть конгресса состояла из туземных вождей, миссионеров, адвокатов и представителей мелкой туземной буржуазии. Проведение в жизнь земельного закона и распространение системы паспортов на женскую часть населения вызвали чрезвычайные волнения, которые, одновременно с забастовкой горняков в Йоханнесбурге, заставили конгресс послать делегацию в Лондон с петицией английскому королю. Пребывание делегации в Англии совпало с объявлением мировой войны. От министров делегация получила уверение, что «его величество, король, принимает близко к сердцу интересы своих подданных и что все разумные просьбы будут удовлетворены». Ра-



Ленин указывает путь к свободе  
(..Умсебензи“, 1933 г.)

бочая партия со своей стороны предательски убедил членов делегации, что предстоящая война «будет войной за демократию и самоопределение, против империализма германских юнкеров».

По возвращении делегации конгресс развернул широкую агитацию за войну и предал интересы масс, которыми он руководил, отправив бесчисленное количество негров на бойню для защиты интересов их же угнетателей.

Безучастное отношение конгресса к вопросу об отмене паспортов не остановило широкого движения, нашедшего себе особенно сильное проявление в кампании пассивного сопротивления паспортам со стороны женщин.

Кончилась война. Уцелевшие негритянские рабочие вернулись домой. Конгресс обещал им «за доблести» на полях битвы отмену ограничительных законов. Низкая заработная плата, вызванная инфляцией, и в то же время чрезвычайное вздорожание продуктов питания и предметов первой необходимости — вот что они получили взамен обещанных улучшений.

Революционные события в Европе конца мировой войны и Октябрьская революция в России поднимают рабочее движение в Южной Африке на более высокую ступень. Немедленно после заключения мира рождается «Союз рабочих промышленности и торговли», приобретающий, в противоположность конгрессу, отчетливый классовый ха-

рактер. В введении к уставу говорится: «До тех пор, пока интересы рабочих противоположны интересам предпринимателей, пока источником существования первого служит продажа его труда, а источником существования второго—эксплуатация труда рабочих, не может существовать мира между обоими классами».

Под руководством Клеменс Кадали (ставшего впоследствии предателем) союз сразу вступает на революционный путь борьбы, организуя вокруг себя широкие массы негритянских рабочих, а также значительную часть крестьянства. В 1925 г. число его членов достигало 30 тыс. Значение союза особенно возросло после выигранной забастовки докеров в Кэптауне в 1919 г., которая была проведена под руководством Кадали.

В 1920 г. оформляется коммунистическая партия Южной Африки как секция Комму-



Throw them Away

«Сбрось их». Трудящийся негр под бременем законодательства, установивших его рабское бесправие. Наверху министр юстиции Пирроу — яркий представитель английских и бурских хищников (..Умсебензи“, 1932 г.)





„Мы желаем работы, пищи, земли“. Демонстранты несут лозунги: — „Да здравствует Африканская федерация профсоюзов“ („Умсебензи“, 1933 г.)

нистического интернационала. Основное ее ядро составляла группа из Южно-африканской рабочей партии, борющаяся против поддержки империалистической войны 1914 года. Первоначально эта группа именовала себя Антивоенной лигой, а затем, до вступления в Коммунистический интернационал, Интернациональной социалистической лигой.

Эти годы отличаются усилением классовой борьбы, массовой волной стачек почти во всех промышленных центрах страны и крестьянскими волнениями в земледельческих районах. В 1919 г. в Йоганнесбурге забастовали несколько тысяч муниципальных рабочих, требовавших повышения заработной платы. Участников забастовки арестовали и собирались заставить работать под ружьем. Но приговор суда по этому делу вызвал такой мощный поток демонстраций и протестов, что правительство вынуждено было освободить арестованных и в страхе перед дальнейшими революционными выступлениями рабочего класса даже отменить один специальный налог на паспорта.

В 1920 г. вспыхнула крупная забастовка в Порт-Елизавет. На состоявшемся трехты-

сячном митинге была разоблачена предательская роль «Национального конгресса». Представитель конгресса, склонявший рабочих к прекращению забастовки, был жестоко избит. Арест руководителя забастовки Мазабалала вызвал у стен тюрьмы кровавое столкновение рабочих-демонстрантов с полицией, во время которого 46 рабочих было убито, но Мазабалала был освобожден из тюрьмы.

Забастовка 42 тыс. горняков в шахте Дин в районе Йоганнесбурга также повлекла за собою кровавую расправу. В Натале, Блефонтейне и других местах широко развертывалось забастовочное движение под руководством коммунистов и членов рабочего союза.

Одновременно с этим росло и крестьянское движение. В 1921 г. в Кейпской провинции негритянские крестьяне делают попытку захватить землю, что вызывает военные действия против них. 300 крестьян было расстреляно пулеметами. В знак протеста крестьяне всей провинции отказываются от уплаты налогов. И это движение против уплаты земельных налогов распространяется по всей стране. Вскоре вспыхивает крестьянское восстание на территории быв-

шей германской Юго-Западной Африки, для подавления которого пускается классическое средство британского империализма—самолеты-бомбовозы.

В 1922 г. в городах и «резервах» разрастается бойкот торговцев, вызванный грабительским повышением цен. В 1925—26 г. наступает некоторое затишье в революционном движении трудящихся Южной Африки, и как раз на этот период падает предательство Кадали. Поддавшись разлагающему влиянию примазавшихся буржуазных либералов, Кадали проводит исключение коммунистов и негритянских рабочих из членов «Союза рабочих промышленности и торговли». Будучи в 1929 г. в Европе, он получил предложение примкнуть к Амстердамскому интернационалу. Из Англии он привез с собою в качестве советника члена Независимой рабочей партии Болингера. Начиная с этого времени, союз, бывший мощным очагом революционного движения

южно-африканских рабочих, начинает скитаться на реформистский путь. В июле 1928 г. Кадали открыто осуждает забастовку 18 тыс. горняков алмазных копей в Лихтенбурге. В декабре того же года он предрекает забастовку сельхозрабочих в Претории. Рабочие окончательно убедились в предательстве реформистского руководства союза и начали искать новые формы борьбы. Среди рядовых членов союза произошел раскол, и лучшая сознательная часть под руководством компартии организовалась в красные профессиональные организации.

В 1928 г. эти красные профсоюзы объединились в Африканскую федерацию профсоюзов, вошедшую в начале 1929 г. в состав Красного Профинтерна. С этого момента ни одно революционное выступление южно-африканского пролетариата не прошло мимо федерации. Расовым установкам реформистского союза противопоставляется

Yalani ukutela amakanda!  
 HANANG HO GAFA  
**THE SOUTH AFRICAN WORKER**  
**UMSEBENZER**  
 PUBLISHED MONTHLY  
 Registered at the O.P.C. as a newspaper  
 Organ of the Communist Party of South Africa  
 No. 202 Johannesburg, 1 July 1929 2ND PAGES

**DOWN WITH THE NATIVE SERVICE ACT!**  
 RESIST EVICTION FROM THE LAND YOU HAVE TILLED  
 REFUSE TO SIGN YOURSELVES INTO SLAVERY

BEFORE THE BILL AFTER THE BILL

1931 1932

Umteteli wa Bantu  
 MOUTHPIECE OF THE  
 CHAMBER OF MINES  
 SPEAKS OUT  
 FOR THE MINERS

**UMTETELI WA BANTU**

HERBY TAYLOR & SONS LTD.  
 The Mouthpiece of the Native Peoples  
 HERBY TAYLOR & SONS LTD.  
 Johannesburg, 1 July 1929

**ESI SIHLANG' ESILUNGILEYO:**

**Nisazi ukuba silungile ngelitywina!**  
**IZIHLANGU ZE MGODI**  
**ISIHLANGU ESINE TYWINA**  
**LE "SIHLANG' ESILUNGILE-**  
**YO."**

**INKOSI**  
 Photo es Pooce  
 Na Etisane le Lubafo Taling  
 la Pooce

**INKOSI e tsa here a tla ude matla.**  
**KOMA TSHONA LONA HURER E BANTA**  
**"INKOSI" photo ea pooce.**  
**UNION FLOUR MILLS**  
 Johannesburg & Durban.

„Умсебензи“ („Рабочий“) — орган компартии Южной Африки. Печатает статьи на трех туземных языках: сото, зулу, коса и на английском и бурском

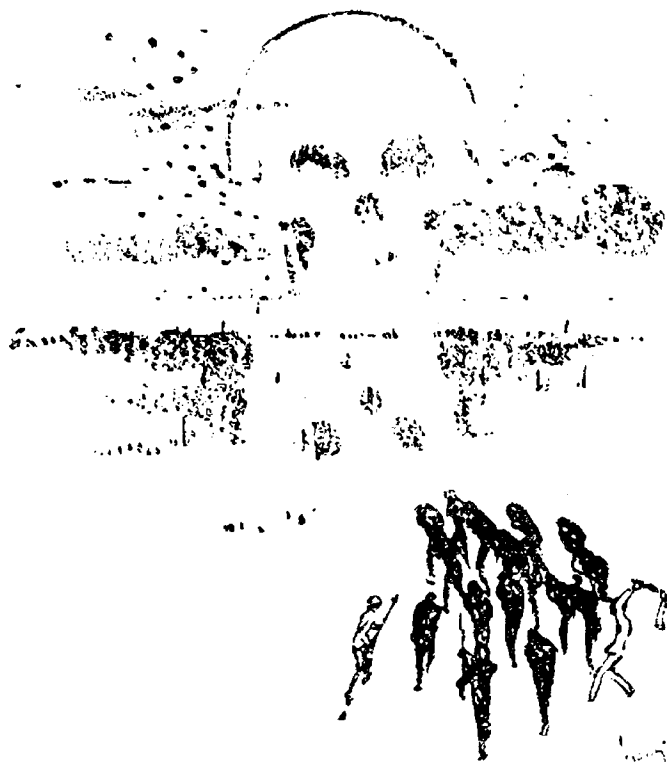
„Умтетели уа Бенту“ („Голос народа“) — реакционный „независимый“ орган горнопромышленников, названный трудящимися „Умтетели уа Боес“ („Голос хозяина“)

классовая борьба всех рабочих Южной Африки.

Мировой кризис тяжелыми ударами со-  
грывает устой экономики Южной Африки,  
не оставляя никакой иллюзии насчет ста-  
билизации капитализма. Одно за другим  
следуют разорения фермерских хозяйств,  
закрывается и сокращается целый ряд от-  
раслей промышленности. Растут нищета,  
голод и безработица рабочих масс. Около  
50 проц. рабочего класса Южной Африки  
составляют голодные массы безработных.  
Правительство усиливает экономические и  
политические репрессии против рабочего  
класса. На поход правительства рабочие  
массы под руководством коммунистической  
партии и красных профсоюзов успешно от-  
вечают новым под'емом революционного дви-  
жения. Об этом красноречиво говорят по-  
следние забастовки транспортных рабочих  
в Кэптауне, докеров в Дербане, швейников

в Йоганнесбурге и шахтеров в районе Вит-  
вотерштранда, с которыми переплетается  
массовый отказ крестьян от уплаты нало-  
гов в Натале. Южно-африканский пролета-  
риат крепит свои интернациональные связи.

«Икака лаба Себензи» (защита рабочих),  
являющаяся южно-африканской секцией  
МОПР, ведет огромную работу по защите  
жертв белого террора, оказывает помощь  
их семьям и пользуется широкой популяр-  
ностью среди трудящихся масс населения.  
В организуемых демонстрациях и митингах  
плечом к плечу выступают европейцы и не-  
гры. Несмотря на всю систему рабского уг-  
нетения и запугивания, в Южной Африке с  
1931 г. существует Общество друзей Совет-  
ского союза, которое с неослабным внима-  
нием следит за успешным строительством в  
Советском союзе и мобилизует массы на за-  
щиту социалистического отечества всех  
трудящихся.



„Солнце колоний“

**Н. Большанов**

## ЗАВОД ЗИНГЕРА

П Е Р Е Д  
О К Т Я Б Р Е М  
И

**В О К Т Я Б Р Е 1917 г.**

**От швейной машины  
к „запальным стаканам“**

На подольском заводе «Зингер» изготовлялись только наиболее простые, не требующие особой точности части швейных машин. Остальные шли из-за границы. Война создала невероятные трудности в получении заграничных деталей. А тут еще вдруг вспыхнуло подозрение в шпионаже. И вот в середине 1915 г. директор Диксон делает резкий поворот в сторону военных заказов. Он предлагает руководителю «Земгора»<sup>1</sup> князю Львову использовать только что законченный огромный шестиэтажный корпус под производство снаряжения для армии.

В один прекрасный день в Подольск приезжает для обследования сам председатель Всероссийского земского союза князь Львов, председатель союза городов М. В. Челноков в сопровождении известных кадетских адвокатов, защищавших служащих фирмы, обвинявшихся в шпионаже. И вскоре в новом шестиэтажном корпусе «Зингер» был создан снарядный завод, а директором назначен В. В. Диксон.

В кабинетах Диксона, начальников мастерских завода «Зингер», в цехах исчезли прежние термины «нитководитель», «игольная пластинка», «колпак», «ручной привод» и прочно вошли в обиход «запальные стаканы», «детонаторы», «минные части», «снаряды». Высшее начальство настраивалось на войну, а передовая мысль рабочих волновала мысль о рабочей организации.

<sup>1</sup> Союз земств и городов. Создан в середине 1915 г. с целью помочь правительству в деле снабжения армии. Организовал снарядный завод и ряд других предприятий, работавших на оборону.

**Начало большевистской агитации**

В цехах появились революционные социал-демократы, подготовлявшие почву для выступления рабочих в защиту своих прав. Придет, бывало, такой агитатор в цех якобы по делу. Зайдет в уборную, своего рода клуб, где в перерыв собирались рабочие покурить, обсудить дела, вступит в разговор, и незаметно, умело переведет беседу на нужные ему рельсы. Жалованье ничтожное, продукты вздорожали, нужна забастовка, нет других средств борьбы с администрацией.

И слова падали на благодарную почву. Отсталых настроений был ничтожный процент.

Пример организованной забастовки дали рабочие инструментального и машиностроительного цехов. 2 октября 1915 г. они предъявили требование о 100-процентной прибавке. Администрация на другой же день удовлетворила это требование, разбив прибавку по категориям: 25, 50 и 60 проц.

5 октября забастовали рабочие литейного цеха, через пять дней предъявили требования рабочие штамповочного, ящичного, столлярного цехов. Несмотря на попытки отдельных партийных рабочих, объединить эти разрозненные выступления не удалось. Но когда появился хороший организатор, студент-большевик Николай Георгиевич Чижов, зародилась полуполигальная партийная организация под видом драматического кружка.

Ядро состояло из большевиков Широкова, Эвальда, Чулина и Чижова, меньшевиков Титова, Лукина, Ашихмина и ряда революционно настроенных рабочих, ставших впоследствии большевиками, — Карпова, Барышева, Сухарева, Сальчева, Зотова и др.

Снятое с большим трудом полуподвальное темное помещение рабочие окрестили «моргаловкой». Здесь под видом музыкально-драматических занятий велась большая партийно-революционная работа. Душой всей организации был энергичный Чижов. Он сам рассказывал рабочим о задачах социал-демократов-большевиков, организовал лекции и доклады партийных товарищей из Москвы, писал афиши, воззвания, сносился с типографией, торчал часами в приемной исправника или надзирателя, чтобы получить то или иное разрешение. Его кипучая деятельность передавалась и остальным.

В начале 1916 г. у рабочих завода «Зингер» возникла мысль создать в Подольске «Рабочий дом». Эту идею подхватили передовые рабочие соседнего столярного завода «Земгор» и местная интеллигенция. Был выработан проект устава «Рабочего дома» и подан на утверждение. Московский губернатор сильно изменил и урезал устав, потребовал именовать не «Рабочим», а «Народным домом», но разрешение дал.

В середине декабря состоялось организационное собрание для выборов правления «Народного дома». Зал «присутствия» земской управы был переполнен врачами, учителями, земцами, рабочими. Огромные портреты царей и цариц, казалось, с негодованием созерцали шумную разношерстную толпу. Аналой священника в углу служил мишенью анекдотов и острот о попах. Хотя народу собралось много, но без надзирателя нельзя было начинать. Вдруг на стул вскочил зингеровский шлифовщик Н. П. Титов и произнес дерзкую по тому времени речь по адресу правительства и буржуазии, живящих на голоде рабочих миллионы. Взволнованная речь Титова уже подходила к концу, как вдруг резко хлопнула дверь, и перед рабочими вырос надзиратель Зубков с городскими. Титов незаметно «смылся». Не желая даже разобратъ, в чем дело, Зубков приказал очистить зал.

Стоило много труда и времени убедить блюстителя порядка в том, что здесь происходил лишь предварительный обмен мнений для выборов правления. Наконец его уговорили, и собрание началось. Большевики решили не принимать участия в организации «Народного дома», а шире и глубже развернуть революционную работу в своей «моргаловке».

С критикой урезанного устава и революционными речами выступали часто прерываемые надзирателями Чижов, Широков и Барышев. Чижов закончил свою речь так: «Лучше отказаться от создания «Рабочего дома», чем работать по губернаторскому уставу в «Народном доме». После этого большевики и значительное количество рабочих покинули собрание.

В небольшом полутемном помещении «моргаловки» сосредоточилась большевистская работа. Туда ежедневно сходились «на огонек» рабочие, и только там слово «товарищ» произносилось свободно.

Число членов кружка возросло до 250, а у казначея Сальчева вскоре образовалась кругленькая сумма около трех тысяч рублей.

## Рабочие в борьбе за продовольствие

В кабинете исправника шло совещание по продовольственному вопросу. Искали выхода... Американец Диксон не верил, что правительство может справиться с разрухой, и рисовал тяжелые последствия

В магазинах товар исчезал, цены прыгали вверх с каждым днем. Подольские «Тит Титычи» находили для себя более выгодным продавать продукты с заднего хода своим знакомым, а то и перекупщикам, спекулянтам. Зима была суровая, мороз доходил до 28 градусов по Реомюру. Жены, дочери рабочих становились в очередь за хлебом и не знали, получат ли его. Выстраивались очереди даже перед банями, ибо не хватало дров. Город был переполнен доотказа беженцами. Жилищный кризис был наружу домовладельцам, и бесконечные надбавки квартирной платы сыпались на рабочих.

Завод стал ощущать недостаток в жидком и минеральном топливе. По приказу директора в некоторых цехах были остановлены вентиляторы, а паровое отопление заменено жаровнями.

С продовольствием дело обстояло очень плохо. Ячейка большевиков считала необходимым вмешаться в этот важнейший вопрос. Из общества потребителей двое рабочих были введены в продовольственное совещание.

Все собрание потеряло дар слова, когда представители рабочих Широков и Суров потребовали немедленной проверки лабазов и магазинов местных торговцев для конфискации припрятанного товара и передачи его «потребилровке» рабочих. С согласия губернатора пришлось пойти на это требование. Тогда заволновались лавочники, купцы, спекулянты. Скрипели по ночам двери укромных чуланов, покачивались по ухабам подольской мостовой телеги, нагруженные мешками, ящиками, бочками: продукты прятались и вывозились.

Выбранные в цехах комиссии, не теряя времени, приступили к работе. С бумажками продовольственного совещания являлись они в магазины. Купец вертел бумажку на все стороны и разводил руками: в лавке ничего нет.

Тогда с рабочими стали ходить сами члены управы, а купцам было приказано не чинить препятствий к конфискации. И хотя легче не становилось и попрежнему выстраивались очереди за куском мыла, за

хлебом, а лавочники тихонько торговали на квартирах, все же революционно-воспитательное значение обысков было велико.

### **Завод перед Февралем**

22 декабря 1916 г. в цехах было вывешено объявление: «27 декабря работа возобновляется». Это являлось завершением общей системы эксплуатации. Сначала рабочие добровольно оставались по просьбе мастера на часок-другой после работы, рассматривая это как приработок к основному, очень мизерному жалованью. А потом это уже стало системой. Вместо 10-часового дня работали 13—14 часов, заставляли работать и в праздничные дни.

Рабочие начали роптать. Диксон ходил по цехам и подбадривал: «Война скоро кончится, потерпите, как терпят солдаты в окопах».

27 декабря подзапоздавшая администрация увидела пустые цехи. Уныло стояли бездейственные станки, не жужжали моторы, не отбивал ритмичного такта двигатель, только пожарный в блестящей каске спокойно прохаживался да несколько человек сиротливо стояли около конторки. Мастер машиностроительного цеха Харькевич изволнованно докладывал директору о случившемся. От директора получил приказ: «В окопы... в шею... к чорту...»

Забастовка-протест против сверхурочных, против работы в дни отдыха была организована большевиками. К ней присоединились и меньшевики против воли своих вождей, сидящих в военно-промышленных комитетах.

Рабочие на другой день как ни в чем не бывало приступили к работе, но не прошло и получаса, как цеховой конторщик объявил распоряжение мастера: Титову, Ашихмину и Монахову сдать инструмент и получить расчет.

— За что?

Конторщик только улыбнулся.

Опять остановились цехи — инструментальный и машиностроительный. Было вывешено объявление директора: «Все, не вышедшие на работу, будут через две недели считаться уволенными».

Когда пришел начальник металлообрабатывающих цехов Томас, ему предъявили ультиматум — принять обратно увольняемых или немедленно, не дожидаясь двухнедельного срока, выдать им расчет. Томас предложил желающим получить расчет сообщить об этом в цеховую контору. Тотчас же

записалось 130 чел. Администрация растерялась и долго не давала распоряжения о принятии инструмента. На другой день в цех пожаловал сам Диксон и принялся угрожать приступить к работе, обещая никого не увольнять.

Начали работать. На второй день конторщики машиностроительного и инструментального цехов посылали в кабинет к Томасу по трое рабочих.

— Что же вы собираетесь дальше — работать или гулять? — стоя у письменного стола, строго допрашивал Томас.

Рабочие молчали.

«Поживем — увидим» — думал каждый из них.

Тогда Томас начинал с другой стороны:

— И не стыдно вам, страна переживает войну, а вы бунтуете. На фронтах беззаветно сражаются, а вы хотите гулять. Если не дадите подписки о том, что не будете бунтовать, я вынужден буду поднять вопрос о посылке на фронт.

Добившись подписки, Томас вызывал следующую тройку. Когда обработка рабочих была закончена, администрация приступила к увольнению одного за другим. 13 передовых, революционно настроенных рабочих: Титов, Монахов, Зайцев, Ашихмин, Сальчев, Душин и другие, получили расчет.

Так сдержал директор Диксон свое обещание.

Трубочный цех, тесно уставленный автоматами револьверными, нарезными, подрезными и другими станками, — самый большой и важный цех по выполнению военных заказов. Здесь работало большинство женщин. Среди них также было велико озлобление на дороговизну жизни и обсчет. Станочницы вырабатывали в день по 3—4 руб., а получали только 2 р.—2 р. 50 к. Остальное произвольно вычитывали за брак.

В первых числах января 1917 г. рабочие потребовали в цех директора Диксона или начальника мастерских Томаса. В ожидании их прихода рабочие бросили работу и столпились около конторы цеха. В это время подошла и вторая смена. Собралось человек 500—600. Известие об этом облетело весь завод. Спешно пробирався сквозь толпу большевик Мурзов. Вскочив на ящик, он крикнул, покрывая гул толпы:

— Товарищи, я послан из инструментального цеха. Держитесь, не отступайте от своих требований. Если нас не удовлетворят, мы забастуем всем заводом!

Наконец пришел Томас. Все заговорили разом о прибавке на дороговизну, о том,



Общий вид завода „Зингер“ в Подольске в 1917 г.

что на теперешний заработок нельзя ничего купить, возмущались неправильной оплатой.

Томас ничего не хотел слушать и только повторял:

«Я предлагаю немедленно разойтись».

Однако рабочие не расходились. Делегаты заявили, что они не успокоятся до тех пор, пока не будут удовлетворены их требования: 1) прибавка на дороговизну, 2) внесение ясности в оплату за брак выпускаемой продукции, 3) вежливое обращение администрации с рабочими и работницами.

— Хорошо, — сказал Томас, — я ваши требования разберу, — и быстро вышел.

В результате длительных переговоров администрация согласилась на 25-процентную прибавку, но об оплате за брак не хотела и слушать. Обращение с рабочими осталось прежним.

Недовольство рабочих подходило к наивысшей точке.

Большевистская группа под руководством Чижова приняла решение остановить завод и вывести рабочих на двор с требованием улучшения снабжения хлебом.

12 февраля около полудня рабочие без всякой подготовки, стихийно вышли на двор. Минут через пятнадцать примчался исправник Цветков. Рассыпаясь в любезностях и в готовности услужить рабочим, он заверял, что немедленно прикажет выдавать белый и черный хлеб по цехам. И действительно на другой день за подписью директора Диксона дано было распоряжение заведующим и мастерам: 1) немедленно в каждом цехе выбрать старосту по раздаче хлеба, 2) приготовить весы и хлебный нож, 3) начинать

раздачу из цеховых кладовых немедленно после первого обеденного гудка, 4) размер порций устанавливать в зависимости от запасов хлеба в городе и т. д.

Но недовольство среди рабочих продолжалось. Тогда большевистская ячейка решила послать т. Мурзова за информацией и сведениями в Москву.

Вечером, прохаживаясь на станционной платформе, товарищи ждали с нетерпением его возвращения, высказывая разные догадки о положении в Петрограде, Москве, на фронтах.

С последним двухчасовым ночным поездом приехал Мурзов. Плотным кольцом обступили его ожидавшие. Глотнув морозного воздуха, он взволнованно начал: «Товарищи, — и продолжал, понизив голос, — в Петрограде началась революция. Я узнал, что заводы не работают, войска восстали, образовался Совет рабочих депутатов. Вечером в Москве начались демонстрации».

Едва сдерживая крики радости, все стали обнимать и поздравлять друг друга.

### **Солдаты присоединяются к рабочим**

В эту же ночь Мурзов, Чижов, Широков и другие направились на завод к рабочим ночной смены, где рассказывали о начинающейся революции и раздавали печатные листовки, привезенные Мурзовым из Москвы. Со словами «наконец-то» рабочие бросали работу, шли в уборную или собирались тут же кучками, обсуждали радостную весть.

28-го утром, когда пришла первая смена, по цехам раздались возгласы:



«Пришло долгожданное время! Взошла красная заря! Самодержавие рушится! На помощь рабочим Петрограда! На двор!»

Подошли рабочие соседнего завода «Земгор», образовав с зингеровцами на площади у главной конторы внушительную семитысячную толпу. Был устроен митинг, на котором выступали Кольман, Чижов, Варейкис, Мурзов и другие.

В заводской чайной собрались только что выбранные по цехам делегаты. Председателем собрания был избран Власов (Молоткович)<sup>1</sup>.

Прежде всего решено было установить крепкую связь с Москвой, куда были командированы Мурзов и Яковлев. Затем был поставлен на обсуждение вопрос о демонстрации. Тут мнения разбились: одни говорили — итти, другие возражали. Тогда выступил с речью Чижов. В ярких словах он доказал необходимость мирной, хорошо организованной демонстрации. Надо показать себя как силу, готовую в нужный момент совершить переворот.

Ему удалось направить в революционное русло движение рабочих масс. Семитысячная демонстрация с красным флагом торжественно прошла по городу к ужасу исправника и попрятавшихся городских.

В 4 часа делегаты собрались на второе заседание, где заслушали информацию о положении в Москве и Петрограде. На собрании строго конспиративно обсуждался вопрос о разоружении полиции. У рабочих оружия не было. Но оно имелось у тех девятисот солдат, которые были присланы с фронта для работы на заводе «Земгор». И вот для переговоров с ними была выбрана комиссия в составе Чижова, Лукина и Широкова. На этом историческом заседании был оформлен Подольский совет рабочих депутатов. Председателем совета был избран Власов (Молоткович), его заместителем Варейкис И., председателем Исполкома Чижов, его заместителем Лукин и секретарем Зотов (большевик).

Утром 1 марта солдаты по своей инициативе собрались в одном из цехов снарядного завода «Земгор» и обсуждали дальнейшие стратегические шаги. Яркую, зажигательную речь произнес перед ними т. Чижов, призывавший взять в цейхгаузе оружие, выйти на двор и присоединиться к рабочим.

Во время его речи в середину толпы, расталкивая солдат, влетел маленький юркий офицерик и скомандовал:

— Смирно! Разойдись по спальням...

Никто не шевельнулся. Возбешенный офицер убежал. Тогда солдат Висящев предложил немедленно арестовать офицеров. Лес рук поднялся в знак согласия. К офицерам пошли Чижов, Лукин, Широков, Клоков и Висящев.

Офицеры не ожидали делегатов с таким необычным требованием и категорически отказались ему подчиниться.

Их разоружили насильно и арестовали.

Висящев объявил себя временным командиром и приказал солдатам одеваться, взять винтовки и выходить на двор.

Один из арестованных офицеров прислал через часового записку о своем желании присоединиться к восставшим и вместе с ними участвовать в демонстрации. Когда ему разрешили, он сорвал с себя погоны и выбросил их.

Стройно, организованно подошли солдаты к главной конторе. Их восторженно приветствовали рабочие. Ни у кого не было сомнения в успехе. Солдат Голубев вскочил на трибуну.

— Товарищи рабочие! — начал он свою первую речь, — присоединяемся к вам, ибо мы такие же рабочие и угнетенные рабы. Я заявляю от лица этой массы, одетой в серые шинели. С этой винтовкой солдат будет защищать революцию.

Громкое радостное «ура» вырвалось из многотысячной толпы.

После летучего митинга тронулись в путь. Впереди вооруженные солдаты с красными флагами, за ними рабочие. Все сильнее и радостнее звучали революционные слова: «Долго в цепях нас держали, долго нас голод томил, черные дни миновали, час искупленья пробил...»

С угла Думской улицы навстречу колонне бежит с поднятыми вверх револьвером и пашкой урядник, по кличке «Домовой», и кричит: «Господа, я, старый дурак, тридцать пять лет служил царю, а теперь отказываюсь, возьмите мое оружие и не трогайте меня».

На площади около полицейского управления красуется во всеоружии и с орденами на груди старший городской Карасев. Через несколько минут полетели все заслуженные ордена, блюститель порядка был арестован.

Со второго этажа управления через форточку хором кричали: «Сдаемся, сдаемся, идите сюда!»

Чижов, Зотов, Власов, Широков, Мурзов с вооруженными солдатами поднялись по

<sup>1</sup> Меньшевик, впоследствии большевик.

узкой вонючей лестнице наверх. В первой комнате на большом столе в беспорядке лежало все оружие полиции, а за тесовой перегородкой, куда сажали арестованных, стояли и сидели собранные городские, стражники и урядники. В кабинете мрачно ожидали своей участи исправник Цветков и надзиратель Зубков.

Когда результаты переговоров были сообщены демонстрантам, гул радости пронесся по толпе. Крики радости смешивались с требованиями: «Давай сюда исправников, надзирателя. Покажите городских!»

Вчерашние властители вышли на крыльцо смущенные, перепуганные. «Мы приветствуем,—послышались неуверенные голоса,— и присоединяемся к вам».

— Пусть крикнут «Долой Николая второго»,— требовали демонстранты.

И те, перед кем еще вчера все дрожали, срывали погоны и кокарды и бросали вверх шапки с криком: «Долой царя Николая и весь дом Романовых!»

Толпа направилась за реку в управление воинского начальника и обезоружила всех сотрудников.

На обратном пути руководители Совета получили сообщение, что здесь недавно проехал варшавский воинский начальник (эвакуированный из Варшавы в Подольск). После долгих поисков его нашли в одном из лазаретов спрятавшимся в шкафу комнаты сестер милосердия.

Группа рабочих заметила, что становой пристав 2-го участка пытается скрыться на лошади, и только после окрика «Стой! Стой! Будем стрелять!» кучер остановил лошадь и становой был арестован.

Когда стали проверять тюрьмы и освобождать арестованных, выяснилось возмутительное самоуправство. Один солдат например сидел за то, что не накормил вовремя гусей воинского начальника.

Вечером 1 марта на заводе «Зингер» собралось третье заседание рабочих, а теперь уже и солдатских депутатов. В Совет прибыло много представителей с соседних предприятий города и уезда.

На это собрание пожаловала и высшая администрация завода «Зингер»: сам директор Диксон и начальник мастерских Милюков.

— Вам, господа директора,—обратился к ним П. Борисов,—здесь делать нечего. Здесь собрались рабочие депутаты и обсуждают рабочие вопросы. А вас просим уйти.

Пожав плечами, администрация удалась. Только что приступили к деловой ра-

боте, явился еще гость—местный благочинный и попросил слова.

— Я представитель духовенства,— начал он торопливо,— прошу разрешить устроить завтра перед собором молебствие с крестным ходом и благословить новое, временное правительство.

Кто-то из рабочих встал и резко ответил, что революция в поповском благословении не нуждается. Благочинного попросили выйти.

### **Добились 8-часового рабочего дня**

Первое открытое, легальное партийное собрание двух ячеек социал-демократов (завода «Зингер» и «Земгор») состоялось вечером 3 марта в земской больнице. На этом же первом собрании обнаружились два течения—большевики и меньшевики, но резких разногласий пока не было. Рабочие завода «Зингер» были представлены в Исполнительном комитете следующими товарищами: Чижев, Мурзов, Широков, Карпов, Поляков—большевики; меньшевики—Маслятников и эсеры—Крашенинников и Клоков.

Цены на продукты питания неуклонно росли. Попрежнему в магазинах ничего нельзя было купить. Подольское продовольственное совещание вынуждено было ввести карточки и установить норму выдачи хлеба и сахара.

Исполнительный комитет выделил комиссию в составе Борисова, Кольмана и Лукина, которая занялась подготовкой проекта постановления о 8-часовом рабочем дне и предварительными переговорами с фабрикантами и заводчиками. Диксон, директор двух самых крупных заводов—«Зингер» и «Земгор», выслушав одного из членов комиссии, ответил:

— Если бы это было в Америке, я бы согласился. Но это... в России. И для зингерского завода 8-часовой рабочий день—смерть... Ни на какие уступки в этом вопросе не пойду.

— Это ваше последнее слово?

— Даже 10-часовой рабочий день для меня недостаточен. Я вынужден часто прибегать к сверхурочной работе. Мои рабочие не подготовлены, некультурны,—продолжал Диксон.—Вот в Америке, это другое дело!

— Значит вы не можете согласиться на 8-часовой рабочий день?—улыбаясь, спросил Борисов.

— Не только я не могу согласиться, но и компания Зингер на это не пойдет.

— Тогда нам нечего разговаривать.

20 марта исполнительный комитет собрал всех заводчиков и фабрикантов, и т. Чижев зачитал проект постановления о 8-часовом рабочем дне. Диксона не было. Сперва все заводчики были озадачены и даже растерялись. Но вскоре пришли в себя и стали возражать.

— Наши рабочие и так подолгу сидят в уборных. Много времени уходит на разные разговоры. Работают из-под палки. Придется,—плакались заводчики,—вводить добавочный штат людей. Это убыток. Мы закроем заводы.

Ныли больше мелкие заводчики, крупные отмалчивались.

А 22 марта по всем предприятиям города и уезда был введен 8-часовой рабочий день.

8 марта на заседании исполнительного комитета был создан секретариат в составе гг. Борисова, Клокова и Рахманова для организации профессиональных союзов.

Тов. Борисов перед многолюдным собранием рабочих сделал сообщение об организации профсоюза металлистов. Меншевик Ярославцев, отвечая Борисову, предлагал создать один союз союзов, а по фабрикам и заводам—его отделения, сводя роль профессиональных союзов к узкой задаче материально-экономического обслуживания рабочих.

Организация союза металлистов положила начало борьбы между большевиками и меньшевиками в объединенной социал-демократической организации. Меншевики считали, что им должна принадлежать руководящая роль в профессиональных союзах. Они выставили свой список, куда включили нескольких большевиков и беспартийных, отведя себе большинство мест. Большевики имели свой список, составленный из рабочих, стоящих близко к большевизму, а также анархо-синдикалиста Борисова, работавшего совместно с большевиками. Этот список вызвал огромное неудовольствие и возмущение меньшевиков, считавших, что только они могли быть вождями профессионального движения.

Президиум выставил оба списка. Решено было голосовать персонально, добавляя кандидатов с мест. Голосование проходило чрезвычайно бурно. Меншевики волновались и всячески старались перетянуть на свою сторону эсеров.

В результате голосования прошли 8 из списка большевиков, 3 от беспартийных, 2 из списка меньшевиков и 1 эсер.

Председателем правления был избран т. Матрозов. От подольской организации большевиков на Первой московской окружной конференции 17 апреля присутствовало 17 чел. от 107 членов партии большевиков. Это было самое большое представительство от уездов Московской губернии. На Всероссийскую партийную конференцию был избран т. Матрозов, а в члены окружного т. Бунгш.

С начала же работы союза металлистов произошел конфликт с директором Диксоном. Союз выработал свой тариф и разряды и представил директору. Тот долго тянул, не давая ответа, и наконец написал, что он, Диксон, подчиняется не подольскому профессиональному союзу металлистов, а московскому (подольский тариф был копией петроградского и выше московского). Начались переговоры. Представители союза заявляли: «Мы самостоятельный союз, входим непосредственно в центральный комитет. Вы должны иметь дело с нами, а не с московским союзом». Директор Диксон обжаловал это «самоуправство» в ЦК металлистов.

Через несколько дней последовал циркуляр за подписью Ю. Гужона: «В случае предъявления требования повышения зарплаты со стороны рабочих уступать может только то предприятие, плата рабочим которого не достигла известного минимума».

А вот еще распоряженье: «...не давать ответа на какие-либо письменные требования рабочих без санкций совета и президиума группы...»

Как смотрело общество заводчиков, в том числе и Диксон, на завоеванный революцией 8-часовой день? Отмечая введение под нажимом рабочих организаций 8-часового рабочего дня, почтенное общество утешается в одном из циркуляров: «...Это может сделать только правильно образованное законодательное учреждение...»

Не надеясь на защиту русских собратьев, американцы организуют свое общество под названием «Русско-американская торговая палата». Диксон был избран членом совета палаты.

### **Саботаж буржуазии**

4 мая 1917 г. в цехах появилось объявление:

«Ввиду истощения запасов топлива на заводе и вследствие реквизиций Курской железной дорогой отправленных нашему заводу нефтяных остатков сегодня с 11 часов вечера станция прекращает подачу электрической

энергии моторам, а также прекращается работа нефтяных двигателей на неопределенное время. По заявлению уполномоченного возобновление доставки нефти последует не раньше как через полторы недели, а может быть и позднее. Вследствие изложенного работа на заводе приостанавливается на неопределенное время.

Директор завода К<sup>р</sup> «Зингер» Диксон».

Рабочие заволновались, бросили работу, обсуждая создавшееся положение, требовали вызвать в цех директора и членов завкома. Но как только Диксон пришел, отовсюду раздался свист, шум, крик. Рабочие не могли сдержать своего негодования по адресу того, кто мог, если бы захотел, обеспечить завод запасом топлива.

Исполнительный комитет совета вместе с заводским комитетом выделили специальную комиссию под руководством большевика Широкова для быстрой доставки топлива на завод. Комиссия получила сведения, что зингерская нефть застряла в Нижнем-Новгороде. Нужно было только туда поехать, и завод получил топливо. Попытка закрытия завода не удалась, а расчитать рабочих в эти дни не допустил завком. Это вынудило главного доверенного американской компании «Зингер» подать в отставку. Директором завода был назначен инженер Меньшиков.

Конечно он был только ширмой, прикрывающей интересы Диксона, без разрешения которого не мог сделать ни одного ответственного шага.

Все ожесточеннее происходили споры между большевиками и меньшевиками в объединенной социал-демократической партийной организации. Для каждого было ясно, что соглашательские советы не защищали и не могли защищать интересов рабочих. Когда большевики Матрозов, Чижов, Варейкис поставили вопрос на одном из партийных собраний о необходимости произвести перевыборы совета, меньшевики подняли невероятный шум. Они боялись перевыборов и вместе с тем кричали: «Не за большевиками идет рабочая масса, а за нами. Напрасная затея!..»

— Ну хорошо,— спокойно отвечал Матрозов.—если за вами, то зачем так шуметь. Значит вы опять будете в большинстве.

Перевыборы происходили в середине мая. Прошли они чрезвычайно организованно. Заводской комитет завода «Зингер» выставил список в 12 чел., из них было 9 большевиков. Рабочие горячо поддержали его, и все товарищи прошли в совет. Со-

став совета уменьшился с 250 чел. до 62, и абсолютное большинство в нем составляли большевики. В новом исполнительном комитете на 15 большевиков было только два меньшевика. Чижов был выбран председателем, Зотов — секретарем и членами — Карпов, Базина и Поляков — все большевики, рабочие завода «Зингер».

### Июльские дни в Подольске

«Движение 3-го и 4-го июля было последней попыткой путем манифестаций побудить Советы взять власть. С этого момента Советы, т. е. господствующие в них эсеры и меньшевики, фактически передают власть контрреволюции, представляемой кадетами и поддерживаемой эсерами и меньшевиками. Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контрреволюции, либо новая революция».

(Ленин, т. XXI, стр. 45)

Одиннадцатого июня произошло большое событие в захолустном городке Подольске. Вышел первый номер «Известий Подольского совета рабочих и солдатских депутатов». На первой странице было напечатано воззвание исполнительного комитета о созыве первого съезда фабрично-заводских комитетов.

Исполнительный комитет революционным путем разрешил вопрос о помещении для съезда. В одно прекрасное утро был занят дворец Бахрушина в трех верстах от города, куда переселился совет и районный комитет РСДРП. Там же открылся съезд. Председателем на съезде был избран т. Чижов, только что приехавший из Петрограда со Всероссийского съезда советов, о котором он сделал доклад. Чрезвычайно характерно для настроений представителей фабрик и заводов, выбранных на съезд, является резолюция по докладу т. Чижова: «Констатируя таким образом полный крах политики соглашения с капиталистами, съезд признает единственным выходом — переход всей власти в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...»

Еще задолго до июльской демонстрации в Питере районным комитетом РСДРП был выставлен под номером первым и сдан в избирательную комиссию по выборам в Думу список в 24 чел., из них 18 большевиков и 6 меньшевиков.

6 июля в реальном училище происходило партийное собрание по поводу выборов в Думу. В самом начале Лукин, представитель меньшевиков, заявил о желании снять с муниципального списка своих кандидатов, ибо они не разделяли лозунга о переходе



**Тов. Эвальд, руководитель большевистской организации и делегат II Всероссийского съезда советов**

власти в руки советов и о захвате земли. Лукин протестовал против того, что газета захвачена большевиками. Обращаясь к Матрозову, Эвальду и другим, Лукин кричал: «Вы анархисты, вы не разбираетесь в лозунгах Ленина, а как попугаи их повторяете!»

Под шум и крики кто-то из меньшевиков читал декларацию: «... Большинство взяло на веру лозунги из газеты «Социал-демократ» и ни одна буква не могла быть в них переставлена. Попытка меньшинства проводить свои взгляды вне организаций вызвала подозрения в нарушении дисциплины, и не было возможности отмежеваться от тех лозунгов и тактики, которые для нас неприемлемы...»

Меньшевики покинули зал, но собрание продолжалось.

На другой день они выставили свой список под № 4 с шестнадцатью кандидатами и выпустили печатную декларацию против «анархистов», требующих «Вся власть советам». В результате выборов в Думу прошло 6 большевиков, 2 меньшевика и 13 эсеров.

Июльское движение было подавлено, и это нашло свой отголосок в уездном городке Подольске. При активном участии эсеров и меньшевиков буржуазия вела агитацию против отчислений в пользу совета с заработка рабочих. Между тем вся работа исполнительного комитета зиждилась исключительно на этих средствах. Особенно сильную агитацию развили на заводе «Земгор», где состав рабочих был менее сознательный, чем на зингеровском. Было собрано много подписей под заявлением, в котором предлагалось понизить процент отчислений.

Но голосование подтвердило прежнее отчисление в совет.

По докладу Чижова о текущем моменте опять разгорелись страсти.

Интересна резолюция, предложенная Лукиным от имени меньшевиков: «Ввиду исключительных обстоятельств временное правительство должно быть облечено исключительными полномочиями, чтобы предупредить полный развал армий, а также самосуды, погромы и всякие контрреволюционные попытки в тылу... Временное правительство должно быть составлено на коалиционных началах, но таким образом, чтобы...»

Но мнение подольского пролетариата и его правомочного органа — совета — выразил Чижов: «Необходимо, чтобы власть была облечена полным, неограниченным доверием демократии, а такое доверие может быть только у полномочных органов революционной демократии — советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которым революция верит, и от них можно ждать решительных мер для борьбы с контрреволюцией».

### **Организация красной гвардии**

Тов. Эвальд — председатель большевистской районной организации — понимал всю необходимость и своевременность организации красной гвардии. Многие большевики уже имели оружие, добытое в Февральскую революцию, частично купленное у знакомых солдат или прямо на толкучке. Был создан штаб красной гвардии, проводивший свою работу чрезвычайно конспиративно. В это время уездным комиссаром временного правительства Кругликовым был издан приказ об обязательной регистрации оружия, без чего ношение и хранение его воспрещалось. Но красногвардейцы приказ не выполняли.

Штаб наладил ремонт оружия негласным порядком в одной из мастерской завода «Земгор». Труднее было с хранением. Револютеры и дробовики находились на квартирах у самих красногвардейцев, а винтовки, сабли, берданки с переездом партийной организации в имение Бахрушина хранились в потайном шкафу, заделанном в стене. Часто устраивались практические занятия красной гвардии. Выбиралось местечко где-нибудь в лесу подалее или в каменоломнях на левом берегу реки Пахры. На случай появления нежелательных гостей выставлялись дозоры. Охотничьи ружья служили хорошей маскировкой, а одиночные выстрелы в то время были обычным явлением, и на них никто не обращал внимания.

Настали тревожные дни... Генерал Корнилов наступал на Петроград. Боясь потерять свое последнее влияние среди рабочих, меньшевики объединились с большевиками для защиты революционных завоеваний пролетариата. Была образована «семерка». Красногвардейцы и надежные солдаты завода «Земгор» были приведены в боевую готовность. Меньшевиков на собраниях встречали криками: «Долой! Не надо! Вот куда привело ваше соглашательство!»

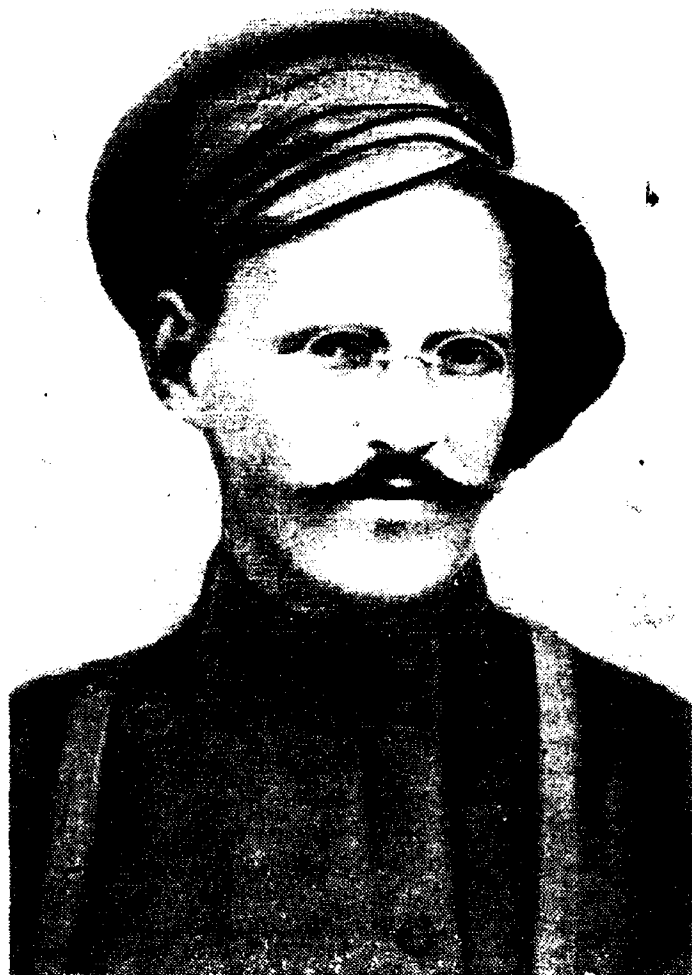
Вся местная буржуазия, эсеры и даже меньшевики переполошились, когда открыто был поставлен вопрос о вооружении рабочих.

Подольский совет поддержал большевиков, выделив комиссию по приобретению оружия для организации красной гвардии.

### **Борьба за завод**

В июне в Москве собрался Всероссийский съезд «делегатов трудящихся К<sup>т</sup> «Зингер», как он себя именовал. Делегатами были исключительно служащие фирмы от всех городов России, в том числе представители служащих завода. Результатом работ съезда явилась декларация, состоящая из 42 предъявленных фирме пунктов. Среди них были и курьезные пункты вроде например 34-го, в котором говорилось, что «фирма не имеет права вывозить капиталы из России до окончания войны, как способствующих падению ценностей и рубля».

На требования съезда трудящихся фирма в большей части ответила отказом. На пункт 34-й она пишет: «Предохранять падение ценности и рубля входит в компетенцию министра финансов, и только его



**Тов. Чижов, председатель совета и организатор Октябрьского переворота в Подольске**

распоряжениями фирма обязана руководствоваться».

Долго длились переговоры и заседания примирительных камер и третейских судов. Но легче не становилось.

Когда в последнем ответе правление написало союзу трудящихся: «По нашему мнению, завод не состоит в союзе трудящихся К<sup>т</sup> «Зингер» и никаких требований нам не предъявляет», то это был тактический ход, выгодный администрации, он разбивал трудящихся на две части — на рабочих и служащих. Тогда руководители «союза трудящихся» вспомнили про рабочих завода и приехали в Подольск.

18 августа происходило объединенное собрание делегатов от каждого цеха завода, представителей исполнительного комитета, представителей союза металлистов и служащих. Чрезвычайно бурное собрание вынесло резолюцию: «Объявить фирме «Зингер» с 19 августа 1917 г. всероссийскую забастовку, о чем доводится до сведения директора завода Меньшикова и правления компании».

На другой день завод не работал. С утра происходили митинги и собрания. Больше-

вики, выступая, ставили рабочих перед единственно правильным выходом — переходом власти в руки революционной демократии, в руки советов. И рабочие под руководством большевиков стали во главе борьбы с американским предприятием Зингера.

21 августа поздно вечером директор завода Меньшиков получил письмо:

«Милостивый государь Павел Дмитриевич!

Подтверждая получение вашего письма от 19 с. м. с приложенным копией протокола от 18 с. м. соединенного собрания заводского комитета и других лиц, из которого видно, что собрание постановило объявить фирме компании «Зингер» с 19 с. м. всероссийскую забастовку, сообщаем, что поводы к забастовке, изложенные в протоколе, не соответствуют действительности. Независимо от вашего письма правление постановило вследствие истощения средств закрыть завод с 23 сентября и окончательно рассчитать всех служащих и рабочих. Объявление рабочими и служащими ничем не оправданной забастовки не может повлиять на уже принятые правлением решения.

Если однако забастовка продлится более трех дней, предлагаем вам объявить закрытие завода на 4-й день и после этого прислунуть к расчету всех служащих и рабочих.

Для вашего сведения прилагаем копию телеграммы, посланной нами сегодня господину военному министру. Одинаковые по содержанию телеграммы посылаются господам министрам торговли и промышленности, финансов, внутренних дел, иностранных дел и труда и кроме того господину американскому послу.

Правление: Д и к с о н. М ы с л и к.

Когда об этом узнали рабочие, настроение было накалено так, что скажи руководители-большевики: «Товарищи! Давайте возьмем власть в свои руки...», все, не задумываясь, пошли бы на вооруженное восстание. Но это было еще преждевременно.

На заседание заводского комитета пришло так много рабочих, что его можно было назвать скорее общим собранием. В своем докладе Чижов призывал к тому, чтобы ни в коем случае не допускать остановки завода и расчета рабочих. Выбрали комиссию под председательством Чиждова для поездки в Москву и Петроград. Она уехала в ту же ночь. Первое совещание происходило в Смольном, в комнате, где помещалась фракция большевиков. Совещание согласилось с мнением Чиждова и постановило: «Добиться от временного правительства через ВЦИК секвестра завода».

Заседали в военном министерстве, совещались в Мариинском дворце у председателя Особого совещания по обороне государства.

Чиждову было обещано через неделю все выяснить и известить его.

Прошло больше двух недель, но ответ не приходил. Опять снарядили комиссию с Чиждовым обивать пороги петроградских учреждений. И вернулись наконец с радостным для рабочих приказом за № 56:

«По приказанию председателя Особого совещания по обороне государства объявляется.

1. После 23 сентября работа на заводе будет продолжаться, причем все рабочие и служащие получают расчет от компании «Зингер» по 23 сентября включительно.

2. Ввиду того, что работа продолжается без перерыва, следующая уплата заработка будет произведена нормально, 30 сентября.

Директор завода компании «Зингер»

МЕНЬШИКОВ.

Зам. председателя Московского заводского совещания С. ВЕЙЦМАН.

Правительственный инспектор завода А. КАШИРИН.

Завод перешел к временному правительству, и завод возглавляло правительственное правление во главе с инженерами Вейцманом и Кашириным. Вскоре В. В. Диксон покинул Россию. И первая речь нового директора началась так: «Товарищи, вашими усилиями и усилиями ваших организаций вы отстояли завод. Вы будете все работать. И только от вас зависит теперь судьба завода».

### Первая партиячейка

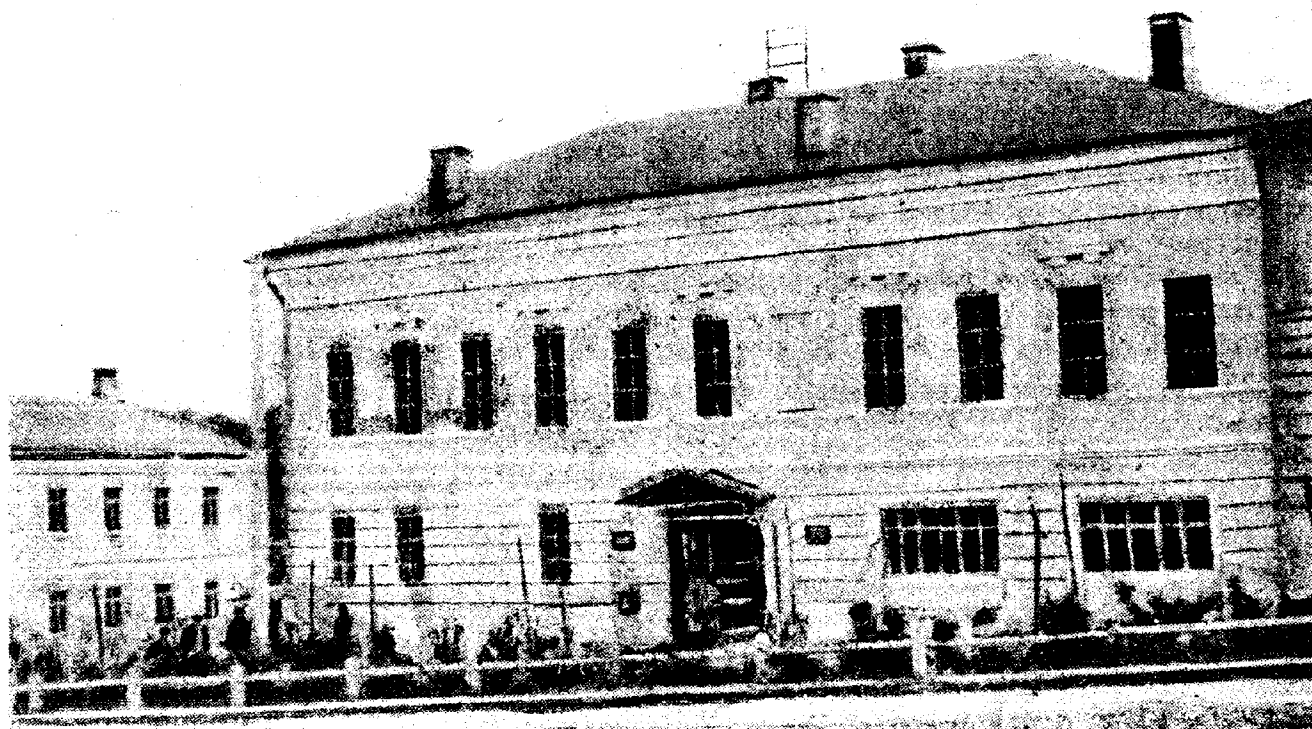
При выборах в уездное земство в конце сентября большевики получили по волостям 12 мест из 38, а по городу уже 3 места из 4.

Большинство составили эсеры, прошедшие по списку и под флагом Совета крестьянских депутатов. Соотношение получилось такое: эсеров — 25, большевиков — 15, кадетов — 1, беспартийных — 1.

На первом же собрании эсеровские лидеры ахнули. Большинством 23 голосов против 19 председателем земства был избран большевик Левинсон.

Один уездный комитет не мог уже охватить работой бурно растущие ряды партии и перешел на организацию ячеек по заводам. Первая заводская ячейка организовалась на заводе «Зингер» 6 октября. Был избран исполнительный коллектив из тт. Сафронова, Чулина, Ходырева и еще двух товарищей. Ячейка быстро росла и к середине октября насчитывала уже 85 человек.





Дом в Подольске, где помещались совет и ревком в 1917 г.

### За власть советов

26 октября около 12 часов дня во втором этаже дома Бордачева открылся Подольский съезд советов рабочих и солдатских депутатов. Председатель т. Чижов сделал краткое сообщение о переходе власти в руки советов. Речь его прерывалась оглушительными аплодисментами. Когда он ее закончил, раздались крики: «Ура! Да здравствуют большевики, да здравствует товарищ Ленин!»

По предложению фракции большевиков съезд закончился выборами ревкома под гром аплодисментов: от исполкома, совета и центрального бюро профсоюзов был избран т. Чижов, от уездного комитета партии большевиков — т. Матрозов И. И., от солдат завода «Зингер» — т. Буров, от красной гвардии — т. Бергман и от союза металлистов — т. Борисов П. П. Заседание было закрыто под пение «Интернационала».

Ревком немедленно включился в работу. Для связи с Москвой был выделен Мурзов, с Серпуховым — Карпов. Связь с фабриками и заводами в уезде держал т. Широков. Начальнику красной гвардии т. Бергману и его помощнику Калнину было поручено привести всю гвардию в боевой порядок.

Когда загудел заводской гудок, рабочие лавой вылились из цехов. Главная контора, не понимая в чем дело, продолжала работать. Митинг открылся речью председателя ревкома.

«Товарищи, — торжественно начал Чижов, — Всероссийский съезд советов, собравшийся в настоящее время в Петрограде, постановил взять власть в руки трудящихся. Так за дело, товарищи!»

Несколько секунд трехтысячная масса рабочих, как загипнотизированная, молчала. Вдруг раздался могучий взрыв аплодисментов и крики из рабочих грудей: «Берем! Поддержим советы. Беррр-ем!!!»

Отряды красной гвардии по 4—5 человек быстро, без сопротивления занимали одно правительственное учреждение за другим: почту, вокзал, заводскую электростанцию, казначейство, уездную управу и пр.

Солдаты, работавшие на заводе «Зингер», единогласно постановили: «Приветствовать власть рабочих, солдат и крестьян и отдать себя в полное распоряжение советов». Поздно ночью солдаты и рабочие стройными рядами под командой Воронова с пением революционных песен подошли к зданию совета. Ревком прервал свое заседание и вышел на улицу.

Воронов по-военному отрапортовал: «Товарищи члены Подольского ревкома! Если вам нужна наша помощь, мы всегда с радостью окажем все, как один, и отдаем себя в полное ваше распоряжение».

«Спасибо вам, товарищи солдаты!» — ответил Чижов взволнованным голосом. Хотел говорить дальше, но его слова были заглушены дружными криками «ура!».

Красногвардейцы заняли правительственные и общественные учреждения. Закипела напряженная, лихорадочная работа. Было тяжелое время, служащие саботировали. Сложнее всего была обстановка в продовольственном отделе, и ревком направил туда одного из авторитетнейших партийных работников — т. Морозова.

К населению было выпущено воззвание от совета рабочих и солдатских депутатов г. Подольска:

«Товарищи и граждане!

По постановлению Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов вре-

менное правительство соглашателей свергнуто и вся власть находится в руках совета рабочих и солдатских депутатов, поэтому местный совет призывает всех к полному порядку и спокойно продолжать свою мирную работу. Комиссар временного правительства Кругликов отстранен от должности и вся власть находится в руках революционного комитета.

Подольский совет рабочих и солдатских депутатов».

Через два дня отряды красногвардейцев отправились в Москву на баррикады, на помощь московским рабочим.

# РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ

## НА АМО

(отрывок из книги  
„История автозавода  
им. Сталина“)

### Первые дни после восстания

После уличных боев и похорон жертв революции амовцы вернулись на завод. Рабочие собирались в цехах и оживленно беседовали о новой революции, рассказывали о своих подвигах и приключениях во время восстания.

Митинговое половодье захлестывало все цехи. К работе никто не приступал. Каждый цех — клуб. Соберутся десятка два рабочих — и митинг. Кто раньше стал на верстак, тот и оратор, лишь бы он разносил в пух и прах мировую гидру и орал, что есть сил, против войны, за хлеб, за мировую революцию.

Если оратор нес околесицу насчет Учредительного собрания и отечества, его просто спихивали с трибуны и водружали на его место другого.

В городе и на окраине все стены, заборы, плетни были густо облеплены воззваниями, лозунгами и новыми декретами, а штукатурка на стенах, как оспой, изрыта следами от ружейных и пулеметных пуль.

На захват политической власти рабочим классом купцы, лавочники и спекулянты отвели резким повышением цен на продукты первой необходимости.

Вечером в маленькой, прокуренной махорочным дымом комнатухе исполнительного комитета рабочих собрался актив. У председательствующего Семена Потаповича Смирнова глаза обведены синими кругами — следы бессонных ночей. Рассправив свои широкие плечи, как бы сбрасывая усталость, он начал размеренную речь о необходимости соблюдать революционный порядок на заводе, о сознательной революционной самодисциплине, о борьбе с анархизмом и мародерством.

Слушали его вяло. Прения также прошли скотканно. С ними старались быстрее закончить, чтобы перейти к другим, более животрепещущим вопросам. Конечно, если бы Смирнов говорил об акулах-империалистах, громил генералов и призывал бить буржуев, все бы наперебой рассказывали о нужде, гнете, беспросветной жизни. Но он говорил о какой-то сознательной дисциплине, и слова его были еще непонятны рабочим, охваченным нафосом разрушения.

Все же решили для наблюдения за порядком в цехах выделить специальных представителей исполкома и «добросовестно исполнять работу».

Когда перенли к следующему вопросу повестки дня — к задержке зарплат, лица рабочих нахмурились, все заговорили разом о нищете и нужде рабочего, о дороговизне и спекулятивных ценах, о войне, принесшей эпидемии, разлучившей мужей с женами, загубившей миллионы молодых жизней. Поднялся такой крик, что, казалось, маленькая комнатуха исполкома вот-вот взорвется от напора человеческих глоток.

Семен Потапович Смирнов пытался было призвать к порядку, но ему не удалось остановить ринувшийся поток горечи и озлобления.

Люди дали волю нахлынувшим чувствам. И уже поздней ночью, наговорившись до хрипоты, коротко решили:

«Поручить исполкому раздобыть денег».

Прошло несколько дней. Красногвардейцы под командой Смирнова произвели обыск в конторе правления Автомобильного товарищества и в особняке Степана Рябушинского, но безрезультатно. Денег раздобыть не удалось, и с утра в исполком к Семену Потаповичу снова потянулись люди из цехов:

— Кто сейчас будет нам деньги платить за работу? Какой декрет на этот счет вышел?

Смирнов молчал. Еще накануне он ездил в совет справляться по этому вопросу: встретился там с одним старым подпольщиком и приятелем, членом совета, но тот, озабоченный множеством дел, вместо ответа даже обиделся на Семена Потаповича.

— Не стыдно тебе, Смирнов, в такое-то время приходить с такими вопросами!.. Видишь, земля горит под ногами. С фронта солдаты эшелонами валят в Москву, их надо окружить нашим влиянием. Уж там на вокзалах меньшевики и эсеры кишмя кишат, кричат, надрызаются за Россию, за Россию.

Брось ты, друг, это дело, поезжай лучше со мной.

И уволок его на вокзал. По дороге коротко все же объяснил:

— Декрета пока официального нет, но ты завтра вали сам в банк, получи от совета мандат и под расписку, пока декрет выйдет, с текущего счета Рябушинских получи монету. Понял?

Смирнов мотнул головой.

На следующий день в банк за деньгами поехал председатель исполкома, молодой рабочий Гаврилин, сопровождаемый группой красногвардейцев.

В вестибюле бывшего Московского банка их встретил старый швейцар в ливрее. Увидев «неожиданных гостей», он растерялся и стал что-то невнятно бормотать.

Красногвардейцы поднялись наверх. За большими конторскими столами, уткнувши головы в банковые книги, сидели служащие.

Они старались не заметить появления необычных посетителей.

Тишину нарушил громкий голос Гаврилина:

— Гражданин, мы от исполнительного комитета завода АМО Рябушинского.

Сотрудник, к которому он обратился, медленно поднял голову, так же медленно снял очки, вынул из жилетного кармана белоснежный платок, тщательно протер стекла и только после этого повернул голову в сторону посетителей:

— Чего вы хотите?

— Нам нужны деньги для выплаты жалованья рабочим.

Сотрудник сдержанно улыбнулся.

— Ничем не могу помочь. Смотрите, — он развернул книгу, перелистал несколько страниц, — на текущем счету Рябушинского не числится ни одной копейки.

Гаврилин не поверил. Он взял книгу и стал внимательно всматриваться в бухгалтерские записи. Но скоро убедился в бесплодности своих поисков. Сотрудник говорил правду: Рябушинские предусмотрительно изъяли деньги из банка в то время, когда рабочие дрались на улицах с офицером.

Перед исполнительным комитетом снова стал со всей остротой вопрос: что делать?

Семен Потапович видел, как нервно подергиваются желваки на почерневших от голода лицах рабочих. В их выступлениях он слышал жалобу и угрозу хозяевам, он почувствовал в них справедливое желание рабочих настаивать на полном удовлетворении хозяевами всех требований, на возмездии за долгие годы обид и лишений.

— Товарищи, хозяева сбежали, денег на текущем счету ни гроша не оставили. Положение серьезное. Но я уверен, что выход мы все же найдем. Мы будем хлопотать в совете. Главное, соблюдайте спокойствие. Передайте рабочим, что исполком никого без полочки не оставит. Мы примем все меры.

В это время инженер Макаровский получил доверенность от Рябушинских, предусмотрительно скрывшихся во время восстания от гнева рабочих, на управление делами Московского автомобильного товарищества. Он долго шагал по своей комнате, будучи не в состоянии разрешить вопрос: ввязаться в это дело или стоять в стороне.

Макаровский вспомнил майский день. Он сидит в конторе кузницы. Вдруг он видит приближающуюся толпу разъяренных людей. Кто-то что-то крикнул, что-то промыхнуло. Макаровский видит тачку. Его схватывают чьи-то руки, сажают в нее и с криком и свистом вывозят за ворота.

«Дело конечно не в ущемленном самолюбии, я стою выше этого. К тому же я был после этого инцидента реабилитирован самим советом» — успокаивал себя Макаровский, решительно отгоняя неприятные воспоминания.

В столе у него лежала доверенность Рябушинских на управление заводом. В доверенности Рябушинского была огромная притягательная сила. Она сулила большую карьеру.

К инженеру вернулись обычное спокойствие и решительность.

Только дружба со всемогущими Рябушинскими может поднять его на гребень волны — так думал Макаровский. Сознание ответственной роли агента Рябушинских придало ему мужество и готовность к опасной борьбе за сохранение завода. Он решил принять доверенность.

Но явиться на завод, где царил боевое революционное настроение, у Макаровского не хватало смелости.

Между тем, чтобы управлять предприятием, необходимо было найти общий язык с заводскими организациями.

Тогда на авансцену выступил исполняющий обязанности директора инженер Клейн, который стал посредником между Макаровским и рабочими.

Клейн принадлежал к типу трусливых, бесхарактерных людей, которые никогда ни по какому вопросу не решаются высказать свое собственное мнение. Большой мастер сулить золотые горы, Клейн умеет

быть в ладах с рабочими. Придет к нему бывало рабочий или служащий просить прибавки, он никогда сразу не откажет, а сочувственно отнесется:

— Да, да, тяжелое время, дороговизна. Я понимаю вас. Я обязательно доложу правлению о вашем ходатайстве.

Теперь на его долю выпала более сложная задача. Надо было договариваться не с отдельными лицами, а с целой организацией.

Адольф Клейн и здесь не растерялся. Он пришел в заводской исполнительный комитет рабочих как раз в тот момент, когда горячо дебатировался вопрос о выдаче зарплаты.

— Товарищи, — сказал Клейн, — нам нужно найти какой-нибудь выход из тяжелого положения. Рабочие требуют выдачи зарплаты. Денег, сами знаете, на текущем счету нет. А мне Макаровский звонил: говорит, что у него какая-то доверенность от Рябушинских. Поедемте, выясним, в чем дело.

Комитет выделил делегацию — Смирнова, Лифанова и Сладкова.

В правлении их уже дожидались доверенные Рябушинских — инженер Макаровский и бухгалтер Н. Ф. Смирнов.

Макаровский приступил прямо к делу:

— Положение тяжелое. Рябушинские уехали в отпуск... Кузнецов и Трегубов заняты на своих предприятиях. Денег нет. Мне в пакете прислали доверенность. Вот она. Но, если у нас будут попрежнему рогаточные отношения, я, разумеется, от этой доверенности откажусь. Таким образом, решайте. Я могу работать только при полном доверии с вашей стороны.

Делегаты не были тонкими политиками. Заводские организации поручили им раздобыть денег для оплаты рабочих и служащих, и они были готовы договориться хоть с самим дьяволом, лишь бы выполнить требование масс. Поэтому «они выразили свое полное доверие Макаровскому и Н. Ф. Смирнову»<sup>1</sup>.

Тогда Макаровский с актерским мастерством разыграл роль благодетеля рабочих. Он рассказал об «осенившей» его блестящей идее: у него есть знакомый член правления Автомобильного товарищества некто Анисимов, у которого личный текущий счет не закрыт. Вот у него-то он попытается достать денег.

Оставив представителей рабочих в конторе правления, Макаровский уехал домой и

вызвал к себе Анисимова. Старые приятели и соседи быстро договорились. Через два часа состоялось вторичное заседание доверенных вместе с представителями рабочих, на котором Макаровский, торжественно размахивая чеком, сообщил, что член правления Анисимов, «идя навстречу просьбе рабочих», согласился дать заимообразно 30 тысяч рублей со своего личного текущего счета.

Эффект, как казалось Макаровскому, был огромный.

Но рабочих это не поразило. Условие, которое поставил Анисимов, давая заимообразно деньги рабочим, выдавало оборотную сторону этой необычной «добродетели». А условие это состояло в том, что вместо чека завод обязался вернуть долг наличными. Это представляло огромную выгоду, ибо после национализации банков ни один предприниматель не мог без санкции заводских организаций получить деньги со своего текущего счета.

Как бы там ни было, но деньги для выплаты жалования были получены. Оставалось их только раздать.

Тут всплыло неожиданное препятствие. Служащие заводской конторы, находившиеся под сильным влиянием буржуазной контрреволюционной агитации, отказались разнести получку по цехам. Пришлось самим членам исполкома Смирнову, Гаврилину, Гольцеву и другим ходить по цехам и раздавать жалование рабочим по составленной наспех ведомости.

После раздачи получки перед исполнительным комитетом снова стал вопрос: что же делать дальше? Как наладить работу в цехах? Как загрузить всех рабочих? Как быть со строительными и монтажными работами?

Но все эти производственные задачи как-то незаметно отодвигались в будущее. Их вытесняли другие, более жгучие и волнующие вопросы, касающиеся общей судьбы революции и жизни завода.

Московское юнкерье пыталось организовать заговоры против советской власти и нанести удар отдельным отрядам красной гвардии. Начальник амовской автороты Трестер внушал подозрение исполнительному комитету рабочих, и было решено усилить заводскую охрану. Весь отряд красной гвардии был мобилизован на охрану завода. Исполком организовал ночные дежурства членов исполкома. Начальник заводской охраны большевик Гольцев дал красногвардейцам строгую инструкцию:

<sup>1</sup> Из протокола совместного заседания от 11 ноября 1917 г.

— Из посторонних без разрешения комитета никого не пускать. В случае чего стрелять в лоб и бить тревогу.

Амовцы развернули в цехах кипучую агитационную работу. Большевистские лозунги, краткие, простые и понятные — «Вся власть советам», «Война войне», «Рабочий контроль над производством», «Землю крестьянам» — передавались из уст в уста и заряжали сознательных пролетариев АМО бодростью и энергией для будущих боев.

Рос и креп заводской отряд красной гвардии. Почти все рабочие проходили военное обучение. Отряд имел значительное количество оружия, отнятого во время октябрьских боев у юнкеров.

Завод АМО в первые месяцы революции был твердой опорой московских большевиков в борьбе за укрепление рабочей власти. Боевой дух политической борьбы сплачивал амовцев в единый крепкий коллектив.

Но производственная жизнь завода едва теплилась. Главным образом производился монтаж оборудования, прибывшего из портов, и небольшой ремонт автомобилей.

В конторе служащие рассказывали друг другу о «большевистских ужасах», о «разрушении основ», о «великой беде, постигшей русский народ», и т. д. Когда иссякали небыллицы о «большевистском варварстве», переходили к анекдотам и текущим заводским сплетням.

Исполком рабочих был поглощен гражданской войной, а потому скрытый саботаж служащих, упадок дисциплины в цехах, ослабление общего хода работ ускользали из его поля зрения.

Но отдельные активисты и среди них большевики Семен Потапович и Яков Алешин уже стали присматриваться к работе доверенных Рябушинских и служащих правления.

В декабре, когда произошла вторичная задержка зарплаты из-за отсутствия средств, вопрос о дальнейшем существовании завода снова стал во всю ширь.

Алешину и Семену Потаповичу было поручено выяснить причины задержки зарплаты и вообще проверить работу доверенных. Это было первое робкое вмешательство рабочих в непосредственно хозяйственные дела. Когда они пришли к инженеру Макаровскому, тот не пожалел крокодиловых слез и словоохотливо рассказал о тяжелом финансовом положении завода, о своих тщетных попытках добиться от Главного военно-технического управления выдачи новых ассигнований.

Снова собрался исполком. Рабочие активно выступали, требуя энергичных действий.

— Нечего сейчас на буржуев надеяться надо самим действовать.

— Все вы умники на словах, — защищался Смирнов, — ходили мы сами, проверяли, нет у них ни шиша, под чистую подобрали. Макаровский ездил в Питер, ему тоже там кукиш показали.

— А ты бы сам обратился к правительству. Нам Макаровский не помощник.

— Правильно, ребята, — согласился Семен Потапович, — давайте, своих ходяков пошлем. Какие будут кандидатуры?

— Семена Потаповича!

— Алешина!

— Иванова!

— Лифанова!

Проголосовали. Избранными оказались: от рабочих — Семен Потапович, от служащих — Лифанов.

Исполком дал напутствие делегатам: добиться денег и заказов во что бы то ни стало.

### **Рабочий контроль и маневр агентов**

Под нажимом рабочих делегатов Главное военно-техническое управление ассигновало заводу пятимиллионный аванс, который, несмотря на все усилия, не удалось получить Рябушинским. Этот аванс был выдан вопреки препятствиям, чинимым старыми чиновниками ГВТУ Медьинским и генералом Кривошеиным, решением Особого совещания по обороне государства. Тогда рабочие убедились на деле, что советское правительство заинтересовано в развитии автостроения.

Весть о выдаче новой ссуды для окончания строительства и оборудования завода докатилась и до директоров правления Кузнецова и Трегубова, оставшихся в Москве.

Если в ноябре — декабре 1917 г. они почти не являлись в правление и не занимались непосредственно делами Автомобильного товарищества, мотивируя свою бездеятельность занятостью на своих собственных предприятиях, то теперь они стали проявлять живой интерес к заводу. Они охотно согласились с требованием рабочих отстранить от руководства Макаровского и Смирнова, которые вносили лишь путаницу и излишнюю волокиту.

Эта необычайная сговорчивость и заинтересованность агентов Рябушинского заставила заводскую организацию насторожиться. Но у рабочих уже было мощное





Группа революционных рабочих АМО, участников октябрьских боев

оружие — декрет советского правительства о рабочем контроле над производством.

Когда был опубликован декрет о рабочем контроле, слесарь-инструментальщик Алешин, высокий, плечистый, с одним глазом, сказал Семену Поталовичу:

— Вот это наш родной декрет. Ты вот читай мудрые слова.

И, тыча пальцем в газету, сам прочел:

«Без разрешения выборных представителей от рабочих и служащих безусловно воспрещаются приостановка предприятия или производства, имеющего общегосударственное значение, а равно всякие изменения в его ходе».

— Пусть теперь Рябушинские попробуют закрыть завод. Руки поотрубаем,— сказал Алешин на собрании рабочих, избравших его председателем контрольной комиссии.

Амовцы избрали соединенную контрольную комиссию из двух служащих и трех рабочих во главе с рабочим-большевиком товарищем Алешиным для контроля над хозяйственной деятельностью правления и администрации.

Заводские обыватели недоумевали:

— Какой же из Алешина директор? Да он, поди, грамоты не знает.

Канторские барышни хихикали:

— Новоявленный директор, ха-ха-ха! И не просто директор — над директорами директор. Прямо смешно.

Старые рабочие тревожились.

— Как бы не обвели парня вокруг пальца! Все же он малограмотный.

Это было серьезное опасение. Малограмотному Алешину трудно было тягаться с искусными дельцами дома Рябушинских. Но он имел перед ними огромное преимущество. Это была вечно горящая ненависть к эксплуататорам и их агентам, к этим пиявкам рабочего класса. Вместе с тем он обладал крепкой практической хваткой и пытливым природным умом.

Уже с первых дней контрольная комиссия дала почувствовать заводской администрации, что ее деятельность находится под зорким, неослабным вниманием рабочих. Это заставило правление, которое состояло из неглупых представителей русской буржуазии, перейти к новым методам борьбы. Директора правления Кузнецов и Трегубов понимали, что идти сейчас в прямую атаку на рабочих из-за мелочей и невыгодно и невозможно. Поэтому, чтобы не обострять отношений с контрольной комиссией, они со-



глашались на повышение тарифов, устройство столовой для рабочих и т. д.

Это был хитрый стратегический маневр. Уступая в мелочах, чтобы снискать доверие рабочих, правление вместе с тем подготавливало скрытый удар для своего противника. Буржуазия старалась обескровить рабочий класс экономически, чтобы ослабить его политическую мощь.

Вместо траты казенных средств для нужд завода правление погашало свои собственные долги, мотивируя это необходимостью сохранения веса и кредитоспособности предприятия. Это был блестящий маневр. Расплатиться большевистскими деньгами за старые дореволюционные долги было выгодно на случай любого исхода революции.

Под громкие слова об организации планомерных работ Алешину подсунили баланс и счета на сумму свыше двух миллионов рублей для засвидетельствования, так как без визы контрольной комиссии банк не выдавал денег.

И вот здесь контрольная комиссия держала экзамен на большевистскую зрелость.

### **Первый „конфликт“ с наукой**

Алешин сидел до поздней ночи за ворохом бумаг. С трудом преодолевая непонятные бухгалтерские термины, он читал вслух ведомость счетов, векселей и обязательств.

Просматривая отдельные счета, он делал на некоторых свои пометки — галочку и крестик. Ему казалось, что уплата по ним не вызвана необходимостью. Но он был не совсем уверен в своей правоте. На утро он пришел к старшему счетоводу Белову.

— Товарищ Белов, — обратился к нему Алешин, — тут мне из правления прислали целую пачку денежных документов. Подсобите, пожалуйста, разобраться.

— С удовольствием!

Алешин благодарно кивнул головой. При этом его единственный глаз стал как-то особенно серьезным. Белову же понравилась роль просветителя темного, но честного рабочего, и он кинул вслед ушедшему Алешину:

— После работы приду в исполком. Обязательно приду!

### **Кузнецов стал пессимистом**

В правлении Автомобильного товарищества сидели Кузнецов и Трегубов, юрискон-

сульт Напевкин и другие приближенные сотрудники.

Кузнецов нервно барабанил пальцами по столу. Напевкин бесцельно разглядывал пепельницу. Трегубов старался поддержать бодрое настроение:

— Господа, чего носы-то повесили! Дайте время. Ей-ей дело еще обернется. Перемелется — мука будет.

— Кой чорт! — вышел из себя Кузнецов. — Что это за дешевый оптимизм! Вы видите, все летит в пропасть. Сегодня они отказались утвердить счета. Завтра они откажутся вообще исполнять наши распоряжения.

— Александр Иванович, — сказал Напевкин, вынимая из портфеля аккуратно сложенную газету «Правда», — ежели судить по их словам, то они обязаны выполнять наши решения. Вот читайте, в газете прямо сказано: «рабочий контроль не вмешивается в административные функции».

— Мало ли что пишут, — отмахнулся Кузнецов. — Ну, господа, начнем совещание. Итак, относительно американских заказов. Общий убыток от ликвидации этих заказов по определению господина Клаасса выразится в 197 тыс. долларов, или в переводе на русские деньги — свыше одного миллиона рублей. Мы не можем идти на такой убыток. Сравнительно удачная ликвидация этих заказов возможна лишь при участии фирмы «Волокно». Между тем благодаря задержке в расчетах наши отношения с «Волокном» сильно натянуты. Генерал Кривошеин утвердил нам счет «Волокна» на 256 тыс. рублей. Сейчас дело за контрольной комиссией. Этот, как его, Алешин категорически отказался подписать счет. — Не знаю, говорит, такой фирмы. — Позвольте, говорю, товарищ, вы слышите, товарищ Алешин! у нас ведь с этой фирмой есть дело. — Какое, говорит, мне дело до вашего дела. У меня своих делов до чортовой матери.

Вот и попробуйте потолкуйте с этим кретином.

Присутствующие растерянно молчали. Даже изобретательный юрисконсульт Напевкин не нашелся, что ответить. О, в другое время он отыскал бы какую-либо подходящую статью в кодексе! Но теперь... Какие теперь статьи и законы? Большевики разрушили все правовые устои. Теперь закон — это обнаженная власть. А власть у них... у большевиков...

Совещание быстро кончилось. Правление

решило снова обратиться с письмом к генералу Кривошеину.

На улице гуляла мартовская непогодь. Падал снег. Люди из правления торопливо разбрелись по домам. И казалось, что в их приподнятых воротниках затаились растерянность, страх и озлобление.

### Последняя схватка

Контрольная комиссия проводила твердую финансовую политику. Она разрешала расходовать казенные средства лишь на непосредственные нужды завода, т. е. на строительство, оборудование и текущее производство, решительно пресекая попытки правления заткнуть свои личные денежные прорехи за счет правительства.

Алешин, выразивший волю исполнительного комитета рабочих, стал помимо правления отдавать распоряжения служащим и мастерам. Семен Потапович выслеживал каждый шаг заводской администрации.

Сохранившиеся протоколы контрольной комиссии показывают, что передовые пролетарии уже тогда вникали в производственные дела как подлинным хозяевам.

Обсуждая 19 января 1918 г. вопрос об инструменте, требующемся для мастерских, контрольная комиссия выносит постановление:

«Мастерские хронически страдают из-за отсутствия необходимых инструментов, от чего страдает работа по ремонту автомобилей для военного ведомства.

В то же время на заводе имеются ящики с прибывшим из-за границы инструментом, на что было указано правлению еще в письме от 18 декабря 1917 г. Но эти ящики до сих пор не вскрыты.

Необходимо в первую очередь вскрыть ящики с инструментом, а не с материалами второстепенного значения».

Прибывавшее на завод оборудование неделями валялось во дворе. Зачастую, чтобы замести следы саботажа, вскрывались ящики с оборудованием, ненужным для текущих нужд производства, и, наоборот, необходимые для производства материалы продолжали подолгу лежать в ящиках.

Алешин и Смирнов рвались вперед; они старались изо всех сил сдвинуть завод с мертвой точки. Контрольная комиссия, которую они возглавляли, настойчиво требовала от правления (Кузнецова и Трегубова) ускорить достройку и дооборудование завода и загрузить уже смонтированное оборудование.

Но их требования всячески саботирова-

лись Кузнецовым и Трегубовым, которые стремились не развертывать, а свертывать строительство АМО, не сулившего при сложившихся политических и экономических условиях ни барышей, ни славы и требовавшего лишь дополнительного капиталовложения.

Когда заводские организации настаивали на использовании смонтированного оборудования завода для выполнения срочных правительственных заказов, правление увиливало от них под благовидным предлогом, что завод, мол, связан договором на производство автомобилей с ГВТУ. Замечательное оборудование завода стояло почти без дела. Обсуждая это положение под нажимом контрольной комиссии, правление вынесло «скромное» решение:

«Принять заказы от разных ведомств при условии уплаты авансом 50 проц. стоимости заказа».

В условиях невероятного хозяйственного кризиса, переживаемого тогда Россией, разрушенной и обескровленной четырехлетней империалистической резней, это было невыполнимым требованием. Буржуазия это прекрасно понимала, стремясь парализовать хозяйственную деятельность страны.

Кузнецов и Трегубов добивались закрытия завода АМО. Они хотели довести дело до финансового краха, надеясь, что советская власть быстро рухнет.

Завод был парализован саботажем. Многие рабочие считали закрытие его неизбежным и стали постепенно переходить на другие предприятия. По воспоминаниям рабочего Талайко, в начале 1918 г. с завода ушло от 60 до 80 проц. рабочих.

Семен Потапович Смирнов и сгруппировавшаяся вокруг него горсточка большевиков из преданных беспартийных рабочих продолжали оставаться на своих местах. Смирнов ходил по цехам, уговаривал рабочих не бросать завод.

— Мы за этот завод кровь свою, рабочую, проливали,— говорил он с волнением,— а теперь, когда власть стала наша, вы хотите дезертировать, чтобы его растаскали. На какой же тогда хрен наши братья жизнь свою оставляют на мостовых!

Ему возражали:

— Все равно замок на завод повесят. Кто же строить будет в такое время?

Смирнов убежденно настаивал:

— Хозяин найдется. Замок вешать не будем.

Контрольная комиссия, чувствуя на каждом шагу саботаж правления, забрасывала

Главное военно-техническое управление письмами. Но генерал-майор Кривошеин, которому были адресованы эти письма, был совершенно равнодушен к этим жалобам. После Октябрьского переворота Кривошеин круто изменил свое отношение к деятельности правления завода АМО. Если летом 1917 г. он упрекал Рябушинских в том, что по их вине сорваны сроки пуска завода, и выражал надежду, что Рябушинские сумеют своим авторитетом привлечь необходимые капиталы для быстрого окончания строительства, то теперь эта забота о заводе, о строительстве совершенно исчезла.

Да и как было ему волноваться о судьбе АМО, когда жизнь в самом ГВТУ пошла кувырком и без санкции большевистского комиссара Подвойского нельзя было сделать ни шагу.

Когда по требованию рабочих завода Главное военно-техническое управление командировало комиссию во главе с Кривошеиным для осмотра завода АМО, представители исполкома рабочих на специальном заседании задали ему три принципиальных вопроса о дальнейшей судьбе завода:

«Будут ли выданы новые авансы для завершения строительства и оборудования завода?»

Почему происходит задержка с выдачей заказов на ремонт автомобилей и изготовление запасных частей для загрузки имеющегося оборудования до пуска завода?»

Как представляется правительственной комиссии возможность функционирования завода в случае оплаты старых долгов за счет пятимиллионной ссуды, при условии недополучения других новых ассигнований?»

Ни на один из вопросов рабочих генерал Кривошеин не захотел дать ответа.

После этого заседания Смирнов и Алешин окончательно убедились в бесплодности своих жалоб Кривошеину и стали чаще посещать Московский районный экономический комитет и недавно организованный ВСНХ. Сюда они приходили рассказывать о том, что завод, за который они ведут такую упорную борьбу, идет к гибели.

Уже в марте 1918 г. контрольная комиссия начала ходатайствовать о национализации завода.

Докладная записка рабочих и служащих АМО в Московский районный экономический комитет «на предмет национализации завода» говорит о высоком пролетарском самосознании амовского коллектива и одновременно раскрывает те методы классово-

борьбы, которые применяла буржуазия в решающей схватке с пролетариатом.

«Рябушинские, получив от казны 11 миллионов рублей,—пишут рабочие АМО,—израсходовали их, не дав ни автомобилей, ни готового завода. Лишь за одну землю Рябушинские уплатили 4 миллиона рублей. Постройки поглотили 7 миллионов рублей.

После Февральской революции Рябушинские отказались от дальнейшей постройки завода и в течение всего лета вели жестокую борьбу за закрытие завода.

После Октябрьской революции Рябушинские скрылись, поручив двум доверенным закрыть завод. Эти два ликвидатора вместо того, чтобы заставить пайщиков внести за пай 5 миллионов рублей, отравили представителей заводских организаций в Петроград добывать средства, надеясь, что рабочие встретят отказ и завод можно будет закрыть на «законном основании». Но надежды доверенных не оправдались—советское правительство удовлетворило ходатайство рабочих. Заводу был выдан новый аванс в 5 миллионов рублей.

Тогда правление решило уплатить свои долги этим авансом, чтобы потом получить снова повод для закрытия завода. Контрольная комиссия платить деньги отказалась, и правление ответило саботажем всех постановлений о введении планомерных работ на заводе. Заказы завода на материалы и другие предметы по два месяца маринуются правлением. Посылаемые материалы не отвечают действительным запросам завода. Контрольная комиссия несколько раз требовала перевода на завод стола заказов, но эти требования правлением не выполнялись.

Правление не заинтересовано в производстве, и было бы преступлением перед народным хозяйством Советской республики вести дальше дело по-старому. Вот почему рабочие и служащие АМО считают, что национализация завода является «крайней необходимостью».

### **АМО стал советским**

В качестве заведующего производственным отделом автомобильной секции Московского районного экономического комитета работал молодой инженер Каширин, с первых же дней революции занявший добродетельную позицию по отношению к большевикам.

Каширин прошел богатую опытную школу, от простого рабочего до железнодорожного мастера, и стал инженером благодаря

своим хорошим способностям и огромной любовью к науке.

Автомобильный завод АМО привлек внимание Каширина не случайно. Из шести автомобильных заводов, которые царское правительство начало строить во время войны, АМО был самым крупным и технически наилучше оборудованным.

Каширин реагировал на докладную записку заводских организаций АМО о необходимости национализации АМО немедленной посылкой на завод для обследования дел на месте специальной комиссии в составе двух инженеров и сам стал во главе этой комиссии.

Комиссия, изучив проекты, оборудование и общее состояние завода, пришла к следующему заключению:

«Правление в лице Кузнецова, Трегубова и других тормозит все начинания заводских комитетов, его деятельность не выдерживает никакой критики и допустима лишь при неограниченном капиталистическом производстве. При нынешней организации дела завод будет лишь топтаться на месте. Между тем завод уже в настоящее время, несмотря на то, что значительная часть оборудования еще не прибыла на завод, может быть использован как прекрасно оборудованная мастерская для производства запасных частей. Но обязательным условием для этого является национализация завода и реорганизация правления.

Оставлять завод в настоящем положении было бы равносильно преступлению».

Интересы пролетарской диктатуры, стремившейся восстановить разрушенный войной автомобильный парк страны, столкнулись с частнокапиталистическими интересами правления завода, стремившегося лишь к получению барышей.

Октябрьская революция и Брест-Литовский мир, окончательно похоронившие империалистические мечтания русской буржуазии, сделали автомобильное предприятие АМО «неинтересным» и ненужным для старых чиновников аппарата Главного военнотехнического управления. Отсюда равноду-

шие Кривошеина и упорный саботаж правления.

Между тем рабоче-крестьянская власть была заинтересована в полной загрузке хоть и небольшого производственного аппарата завода АМО и в быстрейшем окончании его достройки и дооборудования.

Контрольная комиссия, выражая это стремление заводского пролетариата, вела жестокую борьбу с агентами Рябушинских. Осуществляя контроль, она самой логикой борьбы переходила шаг за шагом к непосредственному управлению заводом. Контрольная комиссия на АМО не только распределяла работу в цехах, следила за сохранностью материалов, но и заставляла инженеров разрабатывать планы и сметы для окончания строительства и оборудования; она распоряжалась инвентарем и финансами, как полновластный хозяин.

АМО ничего не выработывал. Он только строился. Поэтому рабочим было очень трудно обнаружить саботаж капиталистов в сложных взаимоотношениях между правлением и его многочисленными поставщиками и контрагентами.

Это своеобразие завода АМО вызвало необходимость скорейшего перехода от рабочего контроля к непосредственному рабочему управлению и полной национализации завода.

«Мы считаем самым важным и ценным то, — говорил Владимир Ильич, — что за это управление взялись сами рабочие, что с рабочего контроля, который должен был оставаться хаотическим, раздробленным, кустарным, неполным во всех главнейших отраслях промышленности, мы подошли к рабочему управлению промышленностью в общенациональном масштабе».

9 апреля 1918 г. МРЭК вынес решение о назначении на завод АМО правительственного правления.

Это решение открыло новую эру в истории завода.

АМО стал советским.

## И. Бас

Д. И. Гразкин, Окопная правда. Изд. «Старый большевик», Москва, 1933 г., 30 стр., ц. 40 к.

«Окопная правда!» Это название до сих пор пользуется популярностью и заслуженной славой. До сих пор многие помнят смелую большевистскую фронтовую газету. Даже тот, кто не видал «Окопной правды», знал о ней по восторженным отзывам солдат-большевиков и по яростной травле, которую вели единым фронтом офицеры, меньшевики, эсеры, временное правительство. «Окопная правда» сыграла в 1917 г. выдающуюся роль, вырывая солдатскую массу из-под влияния соглашателей, организуя ее на борьбу за Октябрь и защиту завоеваний Октября.

Историки будут восстанавливать по ее номерам тогдашнюю жизнь фронта, будут изучать ряд вопросов по этой газете. «Окопная правда»—это страничка из истории большевистской печати 1917 г. К сожалению, до сих пор ее собственная история не разработана. Поэтому появление книжки, посвященной «Окопной правде», является несомненным событием.

Надо сразу оговориться: это еще не исследовательская работа, это воспоминания, написанные одним из инициаторов «Окопной правды», подкрепленные выдержками из нее и некоторыми документами.

Первый номер «Окопной правды» появился 30 апреля 1917 г.

Питерская «Правда» отомстила появление фронтовой газеты специальной заметкой-приветствием:

«На фронте начала выходить «Окопная правда»—орган инициативной группы с.-д.

Новая газета издается и обслуживается товарищами солдатами, вынужденными на себе переносить все тяжести настоящей грабительской войны, сидя в сырых, холодных окопах.

И особенно приятно отметить, что по всем коренным вопросам текущего момента (война, братание, коалиционное министерство) «Окопная правда» заняла ту же позицию, на которой стоит «Правда»...

Посылая горячий привет новому собрату, редакция «Правды» просит всех товарищей, сочувствующих новому органу, оказать ему поддержку как материальную, так и моральную.

Это будет хорошим подарком на фронт<sup>1</sup>.

«Правда» с самого начала подчеркнула два важных момента: то, что «Окопная правда» делалась самими солдатами, и то, что по всем коренным вопросам газета твердо проводила линию партии.

О том, в какой форме газеты перед Октябрем проводили линию партии, дал исключительно важное для изучения печати указание т. Сталин в статье «Троцкизм или ленинизм?»:

«...Период организации штурма (сентябрь—октябрь). Следует отметить одну оригинальную особенность тактики рево-

люции в этот период. Состоит она, эта особенность, в том, что каждый или почти каждый шаг своего наступления революция старается проделать под видом обороны. Несомненно, что отказ от вывода войск был серьезным шагом наступления революции, тем не менее это наступление было проделано под лозунгом обороны Ленинграда от возможного наступления внешнего врага. Несомненно, что образование Военно-революционного комитета было еще более серьезным шагом наступления на временное правительство, тем не менее оно было проведено под лозунгом организации советского контроля над действиями штаба округа. Несомненно, что открытый переход гарнизона на сторону Военно-революционного комитета и организация сети советских комиссаров знаменовали собой начало восстания, тем не менее эти шаги были проделаны революцией под лозунгом защиты Ленинградского совета от возможных выступлений контрреволюции. Революция как бы маскировала свои наступательные действия оболочкой обороны для того, чтобы тем легче втянуть в свою орбиту нерешительные, колеблющиеся элементы. Этим, должно быть, и объясняется внешне-оборонительный характер речей, статей и лозунгов этого периода, имеющих тем не менее глубоко наступательный характер по своему внутреннему содержанию<sup>2</sup>.

Эти два важнейших указания—т. Сталина и «Правды»—должны явиться исходным пунктом при изучении «Окопной правды».

Какие коренные вопросы ставила «Окопная правда», как отвечало решение их линии партии, какова была связь газеты с солдатской массой, что представляли собой статьи и лозунги «Окопной правды»?

В книжке т. Гразкина мы не найдем ответа на эти вопросы за исключением связи газеты с массами, что освещается довольно подробно.

Правда, автор приводит выдержки из газеты, которые полностью подтверждают сталинскую характеристику печати того периода. Он рассказывает например, как на страницах «Окопной правды» был брошен лозунг «революция в опасности». Вот что писала «Окопная правда» в то время: «Когда началось наступление на Южном фронте, Церетели уверял... наступление окажет услугу демократии в борьбе за мир. Партия меньшевиков и часть эсеров присоединились к этому мнению... Русской революции сейчас угрожает опасность. Контрреволюционное течение одержало верх в правительстве и проявилось в области внутренней и внешней политики. Нужно спасать революцию, нужно сплотиться вокруг революционной организации—Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, вокруг революционной партии пролетариата... и объединенными усилиями мирового пролетариата надо кончить войну.

Товарищи, революция в опасности, вставайте на свои боевые посты» (стр. 27—28).

<sup>2</sup> И. Сталин, Об Октябрьской революции. Партиздат. М., 1932 г., стр. 63—64. Разрядка моя.—И. Б.

<sup>1</sup> «Правда» № 59 от 17 мая ст. ст., 1917 г.

Эта статья была написана в связи с массовыми арестами и репрессиями против большевиков, последовавшими после срыва наступления на Южном фронте.

Был арестован и редактор «Окопной правды» т. Сиверс, освобождения которого требовала статья.

Таким образом вполне подтверждаются приведенные выше слова т. Сталина о статьях, несущих глубоко наступательный характер под внешнеоборонительным видом. Но сам автор, цитируя подобные статьи, на сталинское указание не опирается, из него не исходит. Это значительно снижает ценность книжки. Она остается сырым материалом, страничками воспоминаний, сообщений, требующих еще обработки.

Однако и как воспоминания книжка не свободна от недостатков.

Так, в ней вовсе не показан один из редакторов и ближайших сотрудников газеты, т. А. Васильев, сыгравший выдающуюся роль в «Окопной правде». Ему принадлежала идея названия газеты. Через него фронтовые большевики и «Окопная правда» установили связь с Центральным и Петербургским комитетами партии. Как сообщает т. Хаустов, А. Васильев в свои приезды беседовал об «Окопной правде» с Лениным.

Тов. Васильев умер в 1931 г. В газетах («Правда» и др.) тогда появились некрологи, отмечавшие работу т. Васильева в «Окопной правде», причем в этих некрологах было сказано больше, чем в специальной книжке, посвященной «Окопной правде».

Впечатление неясности вопроса оставляет и характеристика другого работника «Окопной правды», ее первого редактора т. Хаустова.

В большевистской печати 1917 г. имя Хаустова встречается очень часто. Арест его временным правительством вызвал бурю возмущения и протестов солдатской массы. «Правда» вела кампанию за освобождение т. Хаустова. Об этом писал и т. Сталин в статье «На демонстрации»:

«Шествие 18 июня не было простой прогулкой, манифестацией, парадом, чем безусловно являлась манифестация в день похорон. Это была демонстрация протеста, демонстрация живых сил революции, рассчитанная на перемену в соотношении сил. Крайне характерно, что демонстранты не ограничились одним лишь провозглашением своей воли, а потребовали немедленного освобождения т. Хаустова, бывшего сотрудника «Окопной правды». Мы говорим о Всероссийской конференции военных организаций нашей партии, участнице демонстрации, потребовавшей от Исполнительного комитета, в лице Чхеидзе, освобождения т. Хаустова, причем Чхеидзе обещал принять все меры к освобождению «сегодня же»<sup>1</sup>.

В журнале ленинградского испарта «Красная летопись» (№ 3, (24) 1927 г.) опубликованы воспоминания т. Хаустова об «Окопной правде», из которых выясняется большая работа т. Хаустова в деле создания и редактирования газеты.

Иное впечатление получается от книжки Гразкина. Автор представляет дело так, будто т. Хаустов только мешал, чуть ли не вредил работе редакции.

В воспоминаниях т. Хаустова приводятся очень интересные подробности о периоде организации газеты, о ее распространении и т. д. В книжке т. Гразкина эти факты не нашли отражения. Похоже на то, что т. Гразкину эта статья осталась неизвестной. Не нашел никакого отражения и вопрос о том, как влияли на «Окопную правду» военные большевистские газеты. А ведь в тот период выходили такие газеты, как «Рабочий и солдат», фактически центральный орган партии, редактировавшийся т. Сталиным, и ряд других газет.

Ленин писал, что для большевистских газет важно единство лозунгов. Надо подхватывать и развивать лозунги ЦО, перепечатывать статьи из центрального органа и т. д.<sup>2</sup>

Что сделала здесь «Окопная правда», также не освещено в книжке Гразкина.

Мы вовсе не хотим критиковать книжку с точки зрения того, что в ней не освещено, вместо оценки того, что дано в ней. Мы отметили эти моменты лишь для того, чтобы подчеркнуть, что это только воспоминания, и притом, как это часто бывает с воспоминаниями, не без ошибок, некоторой односторонности и т. п.

Однако, несмотря на эти недостатки, книжка сообщает ряд важных фактов, рисует интересную и в целом верную картину фронтовой большевистской газеты 1917 г., а главное вызывает интерес к «Окопной правде». В этом ее достоинство.

Значение «Окопной правды» велико. Поэтому надо продолжать издание воспоминаний и документов об «Окопной правде», надо тщательно изучать эти материалы для того, чтобы внести ясность в ряд вопросов, распутать противоречия, которые возникают при сравнении двух очерков «Окопной правды», написанных двумя ее участниками.

Между прочим, т. Хаустов в своем очерке отмечает такой момент: «Большой радостью для нас, окопных партийных и революционных работников, было, когда... т. В. И. Ленин, просмотрев номера «Окопной правды», одобрил ее деятельность и прислал нам через петроградскую газету «Правда» братский привет, указания и пожелания успеха в работе»<sup>3</sup>.

Речь идет о приведенном нами выше приветствии «Правды». Оно было помещено без подписи, но, как говорит т. Хаустов в своем письме, у сотрудников «Окопной правды» была уверенность, что приветствие исходит от Ленина, который тогда редактировал «Правду». Было бы очень интересно точно установить принадлежность этой заметки «Правде» и подробно осветить вопрос об отношении Владимира Ильича к «Окопной правде».

Над «Окопной правдой» предстоит еще большая и благодарная работа. Изучение большевистской печати 1917 г. имеет не только исторический интерес, но и огромный практический смысл. Установки для такого изучения даны в указаниях Ленина и Сталина, относящихся к тому периоду.

<sup>1</sup> И. Сталин. На путях к Октябрю. Изд. 1925 г., стр. 53.

<sup>2</sup> Ленин, Собр. соч., т. VIII, стр. 164—165.

<sup>3</sup> «Красная летопись» № 3, 1927 г., стр. 114.



Освальд Шпенглер, Годы решения ч. I-я, Германия и мировое историческое развитие. Изд-во Бокше, Мюнхен, 1933 г.

### 1

Выпущенная недавно книга Шпенглера «Годы решения» создавалась им в течение нескольких лет. Еще в 1929 г. в своем докладе в Гамбурге на тему «Германия в опасности» Шпенглер излагал основные идеи своей книги, но тогда, по собственному его признанию, эти идеи не нашли никакого отклика в «обществе», автор оказался непонятым и предпочел выждать более благоприятный момент для объявления миру своих откровений. Только разгул фашизма в Германии открыл дорогу книге Шпенглера. Внимание к ней со стороны «общества» было обусловлено теми же обстоятельствами, которые создали почву для прихода Гитлера к власти, для разгула немецкой реакции.

Начав печатать свою книгу под названием «Германия в опасности» накануне фашистского переворота, автор это название после переворота изменил, чтобы избежать лож толкований своей книги, ибо, с точки зрения автора, опасность, в которой Германия находится на протяжении ряда лет, идет отнюдь не со стороны реакции и фашизма, а со стороны тех элементов и явлений, с которыми фашизм вступил в борьбу. Шпенглер приветствует «национальную резолюцию» в Германии как залог победы над «темными силами» и спасения «культуры» и критикует фашистов лишь за преувеличение значения своих побед. Германия, пишет он, продолжает пребывать в опасности и после прихода фашистов к власти. Все значение переворота он усматривает лишь в мобилизации сил. Поэтому будущее Германии зависит от того, насколько вожди фашистского движения правильно поймут задачи, стоящие перед страной, и сумеют для разрешения этих задач использовать мобилизованные вокруг себя силы.

Шпенглер объявляет себя не только пророком капиталистического мира, но и единственным пророком его на том основании, что он, как никто другой, ненавидел революцию и ее носителей и больше других предсказывал капиталистическому миру его современный распад. Но его планы «спасения» мира — сплошной крик отчаяния перепуганного насмерть прага революции. Они отражают панический ужас господствующих классов перед своим будущим. Планы Шпенглера о «спасении» мира и культуры показывают, что у немецкой буржуазии осталась одна надежда — бесконечно усложнившиеся и все растущие противоречия внутри страны потопить в кровавой бойне народов. С этой точки зрения и интересна книга Шпенглера «Годы решения».

Книга Шпенглера — типичное порождение эпохи всеобщего кризиса капитализма. Одним из основных вопросов книги является процесс распада современного капитализма. Само су-

ществование капиталистического общества — не Германии только и даже не Европы, а всего капиталистического мира — ставится под вопрос. Быть или не быть — такова центральная проблема современности для буржуазии, и вокруг этой проблемы концентрируется все содержание книги Шпенглера.

И еще с одной стороны «Годы решения» отражают характернейшие особенности современности. В качестве защитника «культуры» вообще он взывает к буржуазии всего мира о грозящей ей опасности от «черни», от победы в России «азиатского большевизма» и призывает к сплочению всех стран в борьбе за отвоювание России от Азии и спасение «культуры». Но под давлением внутренних противоречий в Германии, опасностей, которые угрожают ей, он ополчается против всех и вся, против всего мира. Огнем и мечом Германия должна отвоевать свое положение великой державы в мире, чтобы этим путем разрешить и внутренние противоречия.

Обострились, в невиданной форме выросли и переплелись все противоречия капиталистического мира. Буржуазия мечется в поисках выхода из этих противоречий. Книга Шпенглера ярко отражает этот клубок противоречий, запутанность всех буржуазных отношений в мире.

Шпенглер пытается дать решение всех вопросов современности, но по существу он вскрывает лишь безнадежность, царящую в лагере буржуазии. В оценке всех явлений, экономических и социально-политических, на данном этапе развития общества он обнаруживает глубокий пессимизм. В отличие от книги «Закат Европы», выпущенной Шпенглером несколько лет назад, его последняя книга может быть названа «Закат всего капиталистического мира».

Всю современную эпоху Шпенглер называет «роковой и несчастливой». Никто, пишет он, «не будет счастлив, кто живет в наше время где бы то ни было в мире»<sup>1</sup>. Мы вступили в эпоху катастроф, которые тем более опасны, что никто из руководящих обществом людей не понимает всей глубины их. Ходячую терминологию, относящуюся к характеристике современных задач, как «ликвидация безработицы» и т. п., которой буржуазия заполняет свою прессу, научную литературу, которая не сходит с уст государственных мужей, Шпенглер называет глупой и бессмысленной. Даже более того, он обвиняет этих государственных людей в неискренности, в трусости, в прямой лжи в этом вопросе.

Шпенглер вслух говорит о том, что все усилия по ликвидации кризиса, безработицы и прочих сопутствующих кризису явлений — сплошной самообман. Буржуазия сама не верит, что ее политика в этой области может разрешить какие-нибудь задачи, но она боится сказать об этом массе и предпочитает ее обманывать, одновременно обманывая и себя. Некоторые, пишет он, понимают «...опустошения настоящего как нарушение естественного (нормального) состояния», как временное нарушение естественного хода вещей; думают, что «в конце концов опять все пойдет вперед», но «этого не будет. Подобное (мирное продвижение вперед,

<sup>1</sup> «Годы решения», Введение, стр. VII.



имевшее место до 1914 г.) не вернется никогда»<sup>1</sup>. Современный кризис, по Шпенглеру, не временное явление, а нормальное состояние капиталистического общества. В толковании кризиса как временного явления люди создают ложное представление о действительности, которое мешает понять, что дело идет «о катастрофе беспредельного размера, являющейся нормальной формой, в которой совершаются великие повороты истории»<sup>2</sup>. Причина этого кризиса не война 1914 г.: современный кризис предопределен был всем ходом развития с конца XIX в.

Но констатируя, что современный кризис с неизбежностью вытекает из того пути развития, на который передовые капиталистические страны вступили в конце прошлого столетия, Шпенглер однако считает, что сам этот путь вовсе не был неизбежностью, что не экономические факторы обусловили в конечном счете современное развитие, а некоторые вредные идеи и скверные, завистливые люди как носители их, с одной стороны, и те элементы из господствующих классов, которые сами поддались влиянию вредных идей и потворствовали им—с другой.

В конечном итоге Шпенглер обрушивается на массы, на «чернь» как виновницу всех бедствий мира, как носительницу революции—революции *in perpetuum*, призрак которой он видит повсюду, революции, которая, не прекращаясь, развивается с древнейших времен. Он не видит никаких различий между революциями разных эпох. Они все одинаково страшны ему. И в древности, «как и ныне», они вызваны одной и той же причиной—агитацией партийных вождей.

Проблема революции, история ее занимают одно из центральных мест в книге Шпенглера, и самое существенное, что он дает по этому вопросу, это отражение панического страха современной буржуазии перед развитием революции.

Революция (приблизительно с XVIII в.)—главная причина современного кризиса буржуазного общества. В своем развитии она «в глубоком смысле» ничего общего не имела с «хозяйством», пишет он, т. е. она не зависела от экономических факторов, не обуславливалась ими. Но оно сама, в ходе своего развития, вызвала разложение культуры, всей жизни в целом, в том числе и экономики как одного из проявлений культуры наравне с религией и искусством. То, что понимают в настоящее время под экономикой, поясняет Шпенглер, является лишь «материальным результатом хозяйственной деятельности, ...упадок которого понимают чисто материалистически и механистически как «причину» и содержание мировой катастрофы»<sup>3</sup>. На деле экономический кризис сам есть результат внутреннего разложения общества, вызванного революцией. Но сама революция, которая изнутри разлагает общество и культуру, в дальнейшем приобретает у Шпенглера весьма ошутительный материальный характер. Признаком побеждающей революции являются высокая заработная плата

рабочего, отвоеванный пролетариатом у буржуазии 8-часовой рабочий день и прочие, отнюдь не идеальные вещи. Вот откуда грозит гибель культуре! Как ни старается Шпенглер изобразить свои идеалы как «возвышенные» стремления всего культурного человечества, как ни старается он унизить революцию и притязания «черни», его книга довольно ясно и грубо вскрывает истинные причины нынешней, не знающей границ, кровожадности буржуазии.

Разложение культуры—угроза существующему обществу—идет с двух сторон. Одна, правда, менее важная, чем революция, это американизм, царство доллара, с неизменным стремлением все превратить в деньги. Шпенглеровское «презрение» к деньгам доходит до того, что он готов найти «что-то общес» между американизмом и большевизмом. Но чем отличается шпенглеровская «культура» от презренного американизма? Каков тот высокий идеал, который он противопоставляет царству доллара?

Истинная культура, по Шпенглеру, состоит из следующих основных элементов.

Первое—это богатство, сосредоточенное в руках привилегированных. «Высокая культура неразделимо связана с роскошью и богатством»<sup>4</sup>.

Богатство не может быть достоянием всех, так же как не может быть и равенства между людьми вообще. Это положение основывается на «законе» о «естественном» делении общества на сословия. Чем выше культура, тем больше дистанция между разными слоями населения. Это — вторая характерная и неотъемлемая черта культуры. Конечно этот «ранговый порядок», выражаясь словами Шпенглера, или ранговая система, ничего общего не имеет с классовым обществом, которое существует лишь в воображении революционеров. Само учение о классовом делении общества есть свидетельство о наступившем упадке, регрессе общества, так как это учение разрушает представление о нем как о едином организме. Каждый человек должен помнить свой «ранг», свое место в жизни и главное не должен сомневаться в разумности такого порядка, который является «само собой понятной» формой жизни. Отсюда вытекает третья характерная черта культуры—строгие обычаи и нравы, нерушимые традиции, которые должны связывать человека сознанием долга и тысячью других «никогда не названных и даже редко осознаваемых» связей с целым, с отечеством, с нацией. Эта «связанность» нужна людям нижних рангов и должна быть настолько развита, чтобы бедные не завидовали, а радовались богатству богатых как признаку роста культуры.

И наконец четвертый признак культуры — самый характер богатства. В отличие от «американизма», состоящего в стремлении превратить все в деньги, то богатство, которое характеризует истинную культуру, состоит из недвижимого имущества, которое Шпенглер с пафосом воспекает. «Настоящее имущество,— пишет он,—это душа», которая переходит из поколения в поколение. Делить имущество—это «своего рода убийство»<sup>5</sup>. Здесь у Шпенглера скрещиваются реакционные устремления двух классов: и помещиков и современной буржуа-

<sup>1</sup> «Годы решения», стр. 10. Разрядка моя.— М. Г.

<sup>2</sup> Там же, стр. 11.

<sup>3</sup> Там же, стр. 62.

<sup>4</sup> Там же, стр. 73. Разрядка автора.

<sup>5</sup> Там же, стр. 71.

зии. И те и другие вытекают в противовес бездомному, ни с чем не связанному пролетариату, выступившему против буржуазии и ставившему все более опасным для нее, в противовес всей армии пролетариата, которую буржуазия не в состоянии прокормить даже самым жалким образом, найти свою опору в массе мелкобуржуазных элементов, связанных хоть каким-нибудь имуществом или иллюзией его. В этом смысле философии Шпенглера, который доказывает, что имущество не должно быть с самого начала большим, что весь вопрос в любви к своему имуществу и стремлении его увеличить, что, независимо от размеров его, оно носит отпечаток «души» своего хозяина и увековечивает его. К такому имуществу относятся и «маленький, хорошо содержимый крестьянский двор» и ремесленная мастерская, даже чистый домик рабочего, даже пара книжек... все это ценно, если человек в эту свою собственность уходит целиком, со всей своей душой, со всеми своими думами.

Эта идея не нова в буржуазном мире. С давних пор немецкие реформисты в рабочем движении пытались привить рабочему любовь к «имуществу». В осуществлении этой попытки был смысл социал-демократической политики насаждения «колоний хижин» (Laubkolonie). Служившие раньше дополнением к городским квартирам рабочих маленькие деревянные хибарки, без отопления и элементарных удобств, являются теперь жилищем для массы выкинутых из квартир безработных и навряд ли служат преградой для революционирования рабочих. Социал-демократы ошиблись в своих расчетах, осчастливив рабочих этим «недвижимым имуществом» в рассрочку, чтобы заставить их ковытаться в свободное от работы время на своей грядке в несколько шагов и создать иллюзию полного благополучия.

Таким образом культура Шпенглера ничем не отличается от презренного им американизма. Его определение культуры вертится вокруг одного «проклятого» вопроса—классовой борьбы и попытки замазать ее. К культуре относится все то, что обезвреживает пролетариат как носителя революции. Страх перед массой и в данном случае довлеет над Шпенглером. Отсюда его особая вражда к либерализму, который кажется ему зачатком большевизма уже постольку, поскольку в период его господства была возможность для рабочего класса создавать свои организации. Отсюда его вражда и к церкви, создавшей христианские профсоюзы. Самый факт создания рабочей организации, независимо от того, под каким руководством она существует, по Шпенглеру, есть факт революционный. С этой стороны он критикует и национал-социалистов, создавших свою партию. Шпенглер бонит массы, и потому он принципиально против организации партии, если она включает больше чем пару «вождей». Фашистский принцип господства «вождя», беспрекословного и слепого ему подчинения со стороны всего общества Шпенглер доводит до крайних пределов. Общество, пишет он, нуждается в таком человеке, который сумел бы его осадлат и беспредельно над ним господствовать. Шпенглер—представитель самого крайнего абсолютизма в управлении. Парламент для него — пережиток господства революции, ее поступательного движения. Современный период характеризуется им как период завершения революции, ее подавления,

особенно для Германии. Шпенглер может быть хотел бы в это верить, но уже то обстоятельство, что центральным вопросом книги является вопрос о методах, путях борьбы с революцией, показывает обратное. Именно в связи с этим, с точки зрения борьбы с революцией и большевизмом, автор немаловажное место в своей книге уделяет вопросу о Советском союзе как стране социалистической.

## 2

Книга Шпенглера проникнута единой и совершенно определенной мыслью. Она пропагандирует войну как необходимость и неизбежность, как единственный выход из положения, как вопрос жизни и смерти для Германии.

Ни война 1914 г., ни последующие события не только не разрешили тех задач, во имя которых Германия начала в 1914 г. свою «священную» войну, но еще ухудшили положение. Поэтому грядущая война должна превзойти во многом войну 1914 г.

Грядущая война должна быть всеобщей, мировой, а по длительности и жестокости она не может иметь равной себе в мире. Она должна превзойти в этом отношении войны Цезаря и Наполеона. Задачам войны должно быть подчинено все. Что не служит целям войны, не имеет значения. Жизнь человеческая, пишет он, ни для кого не важна, кроме самого человека, и весь вопрос в том, чтобы заставить каждого отдавать свою жизнь. Лозунгом в грядущей войне должно быть: «Не считать жертв». Современный человек, пишет он, должен помнить, что он «хищный зверь». Жестокость становится культом Шпенглера.

Историю человечества с древнейших времен Шпенглер излагает как историю войны. Ни материалисты (в том числе и Маркс), ни идеалисты (и первые и вторые были, по Шпенглеру, пустыми романтиками) не знали, где и в чем искать двигателя прогресса. И те и другие, пишет он, не заметили, что «судьба в истории зависит совсем от других сил. История человечества есть история войн»<sup>1</sup>. Современное человечество развращено длительным миром до 1914 г. На основании этого периода развития стали думать, что война есть временное нарушение равновесия. Но это не более как утопия. На деле война—норма, а мир—исключение. Известное изречение Клаузевица, что война есть продолжение мирной политики, только другими средствами, Шпенглер перефразировал таким образом, что мир есть лишь продолжение войны, только иными средствами. Соответственно этому смысл мирных периодов в подготовке войн—в росте вооружений, в борьбе экономическими мерами (во всяком случае — верная картина капиталистического «мира»). Чем опустошительнее, чем кровавее война, тем большим ореолом окружает ее видя новников Шпенглер, этот «защитник» человеческой культуры.

Какими же задачами оправдывается этот культ жестокости, эта жажда крови у Шпенглера?

В качестве «объективного историка» Шпенглер доказывает, что Германия как одна из самых передовых и культурных стран не использовала своей «судьбы», что, находясь на гра-

<sup>1</sup> «Годы решения», стр. 7.

виде с Азией, она является тем центром, где решались и решаются все мировые вопросы, что по своему положению она является сердцем Европы и к ней по праву должно перейти первенство после Англии, вошедшей в полосу своего упадка. Из всех стран мира именно Германия обладает теми качествами, которые делают ее носительницей будущего, потому что Германия еще достаточно молода, чтобы внутри себя (in sich) пережить и решить мировые проблемы истории, в то время как другие народы слишком состарились, стали слишком неподвижными, чтобы быть способными больше чем на оборону»<sup>1</sup>. Какие же это «мировые проблемы»? Уже в 1914 г., пишет он, как и во времена Ганнибала, стал вопрос о том, кто будет организатором мира. Этот вопрос должен решиться только теперь. К оценке перспектив других стран Шпенглер подходит с истинно прусским высокомерием. Залог победы Германии—дух старого пруссачества.

Книга Шпенглера—иллюстрация к немецкому империализму, вступившему в 1914 г. в активную борьбу за передел мира. С тех пор положение для Германии изменилось и борьба империалистов усложнилась активным вмешательством в высокую политику другого фактора—пролетариата, открывшего эпоху социалистической революции. Для Германии, где социальные противоречия особенно обострились, одним из чрезвычайно важных моментов в подготовке войны является стремление использовать ее для подавления революции. Шпенглеровское требование все подчинить войне, в том числе и внутренней политике, вытекает из убеждения, что одними «внутренними» средствами буржуазии не удастся окончательно подавить пролетариат. В связи с этим стоит у Шпенглера и вопрос о борьбе с Советским союзом.

Относительно последнего он развивает те же старые, избитые «теории», которые со времени возникновения Советской России творят реакционеры всего мира. Победа большевизма в России—это победа Азии над Европой, варварства над культурой. Конечно борьба с русским большевизмом—первая и главная задача культурного человечества, но опыт прежней борьбы показывает, что военными средствами взять большевистскую Россию нельзя. Поэтому Шпенглер рекомендует борьбу с ней средствами экономическими, но очевидно и эти средства не внушают ему большого доверия, так как главную надежду он возлагает на «внутреннее перерождение» ее.

Шпенглер проникнут дикой ненавистью к большевизму, и эта ненависть направлена конечно раньше всего против Советского союза. Отсюда и характер грядущей войны, по Шпенглеру, войны, которая в отличие от войны 1914 г. должна быть «священной» войной раньше всего против революции, против мирового большевизма. Поэтому автор критикует немец-

кий фашизм за политику изолированности Германии. Правда, всякая революция, пишет он, возгорая объяснения, которые фашисты приводят в объяснение своей изоляции, ухудшает внешне-е положение, но правильная политика должна преодолеть это. Задача времени—сплочение всего человечества, т. е. буржуазии всех стран, возрождение нации не в старом смысле, не по признакам расы и языка, а по идее, которой должны проникнуться все, желающие спасения культуры. Идея эта—борьба с мировым большевизмом. Именно в этой борьбе Германии, по мнению Шпенглера, принадлежит роль организатора и вождя.

Поэтому, когда Шпенглер говорит об исходе грядущей столетней войны, он определяет, что поражение может прийти от большевизма, от соединения двух революций—«белой» (так он называет пролетарскую революцию внутри капиталистических стран) и «желтой» (восстание колониальных народов).

Из характера грядущей войны как войны против революции в первую очередь вытекает и проблема строения армии, наиболее трудный вопрос для буржуазии. Современные армии, констатирует Шпенглер, бессильны перед революцией.

Шпенглер—главным образом носитель взглядов и настроений прусского юнкерства, помещицкой Германии. Он критически относится ко всей новейшей истории с развитием техники, с грандиозным ростом городов, с появлением громадной армии интеллигенции, с ростом организованного пролетариата и политических партий вообще, с развитием демократии.

В разрушении старых патриархальных отношений он видит чуть ли не главную причину регресса капиталистического общества и «культуры», главную причину развития революции. Но в то же время Шпенглер отражает в своей книге тот поворот, который сделала сама буржуазия в своем развитии от либерализма к современному фашизму. С точки зрения современных позиций буржуазии Шпенглер критикует ее прежнюю политику—либерализм, парламентаризм, свободу коалиций для рабочих и пр.

В книге Шпенглера очень ярко отражается тот факт, что фашизм в Германии—не результат возросшей силы буржуазии, а результат ее слабости, ее ужаса перед растущим революционным движением пролетариата.

Дикий страх Шпенглера перед революцией заставляет его критиковать даже фашизм за сохранение им «левых» фраз, за «социалистические» обещания. Шпенглер боится «социалистической» формы демагогии фашистов, боится, как бы массы не заставили фашизм расплатиться за свои обещания.

Основное значение книги Шпенглера (в этом и причина ее распространения в фашистской Германии)—в пропаганде войны. В этом отношении она отражает действительную политику немецкого фашизма.

<sup>1</sup> «Годы решения», введение, стр. XII.

# ПОЛКА КНИЖНЫХ НОВИНОК

## К 16-летию Октябрьской революции

СТАЛИН И., Октябрьская революция и тактика русских коммунистов, М., Партиздат.

АГУРСКИЙ С., Борьба за Октябрь в Москве, М., Партиздат.

БУРКИН Н., Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа, Ростов-на-Дону, Партиздат.

ГЕОРГИАДИ Я., 16 лет Октября (Итоги и достижения Советского союза за 16 лет на всех фронтах социалистической стройки), М., Партиздат.

ДЕКРЕТЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (правительственные акты, подписанные или утвержденные Лениным как председателем Совнаркома), под ред. М. Орахелшвили и В. Сорина, т. I (от Октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания), М., Партиздат.

КАЛИНИН М., 16 лет Октября (как выполняются заветы Ленина), М., Партиздат.

КИЗРИН И., Курская парторганизация в эпоху Октября и гражданской войны, Истпарт Обкома ЦЧО, изд. «Коммуна».

КОРНАТОВСКИЙ Н., Партия и Октябрьское восстание в Петрограде, под ред. О. Лидака, Ленпартиздат.

16 ЛЕТ ОКТЯБРЯ, Материалы для докладчиков, М., Партиздат.

## Маркс, Энгельс, Ленин

МАРКС К., «Немецкая идеология», со статьей Ф. Энгельса. «Истинные социалисты», предисловие В. Адоратского, ИМЭЛ, М., Партиздат.

МАРКС К., Избранные произведения в 2 томах, под ред. В. Адоратского, тт. I и II, ИМЭЛ, М., Партиздат.

МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф., Сочинения, т. XI, ч. 2-я, Статьи и корреспонденции 1858—1861 гг., ИМЭЛ, Партиздат.

ЭНГЕЛЬС Ф., Анти-Дюринг, Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом, ИМЭЛ, М., Партиздат.

ЭНГЕЛЬС Ф., Диалектика природы, изд. 6-е, М., Партиздат.

ЛЕНИН Н., Избранные произведения в 6 томах, под общей редакцией В. Адоратского, Криничко, М. Покровского и др. Институт Ленина при ЦК ВКП(б), т. I (1894—1904 гг.), т. II (1905—1914 гг.), т. IV (1918—1920 гг.), М., Партиздат.

ЛЕНИН Н., Сочинения, т. XXIX, Письма 1911—1922 гг., подгот. к печати К. П. Новицким, ИМЭЛ, М., Партиздат.

## I. Массовая книга партийцу

ЛЕНИН, О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», М., Партиздат.

ЛЕНИН, Пролетарская революция и ренегат Каутский, М., Партиздат.

ЛЕНИН, Странички из дневника, М., Партиздат.

ЛЕНИН, Что делать? М., Партиздат.

ЛЕНИН, Что такое «друзья народа», и как они воюют против социал-демократов? М., Партиздат.

ЛЕНИН, Удержат ли большевики государственную власть? М., Партиздат.

ЛЕНИН, Марксизм и восстание, М., Партиздат.

СТАЛИН, Письмо с Кавказа, Письмо Ленину, М., Партиздат.

СТАЛИН, Политический отчет ЦК XIV съезду ВКП(б), М., Партиздат.

## II. О Марксе и Ленине

АДОРАТСКИЙ В., Маркс — основоположник коммунизма, М., Партиздат.

АНИКСТ, Воспоминания о Владимире Ильиче, ИМЭЛ, М., Партиздат.

ГИНДИН, Воспоминания о Ленине, М., Партиздат.

ГОРБУНОВ Н., Воспоминания о Ленине (как работал Владимир Ильич), М., Партиздат.

ЛЕНИН И МОЛОДЕЖЬ, Сборник воспоминаний, ИМЭЛ, М., Партиздат.

МЕЩЕРЯКОВ, Маркс, его жизнь и учение, М., Партиздат.

ЭЛЕОНОРА МАРКС-ЭВЕЛИНГ, Карл Маркс, Беглые заметки, М., Партиздат.

САВЕЛЬЕВ М., Маркс о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, М., Партиздат.

СЕМАШКО Н., Воспоминания о Ленине, ИМЭЛ, М., Партиздат.

## История народов СССР

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ народов Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана за XVII в., под ред. акад. Самойловича, изд. ИАИ Академии наук СССР.

НЕЧКИНА М., Разинщина и пугачевщина, изд. Политкаторжан.

ЯКУБОВСКИЙ А., Самарканд при Тимуре и Тимуридах.

## История партии

ПИНДРИК, II съезд партии, изд. «Молодая гвардия», М.—Л.

ПОПОВ Н., Победа марксизма-ленинизма — победа партии Ленина, Партиздат, ЦК КП(б)У.

ПРОТОКОЛЫ V СЪЕЗДА РСДРП, май — июнь 1907 г., протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), под ред. Е. Ярославского, ИМЭЛ, М., Партиздат.

ПРОТОКОЛЫ X ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РКП(б), май 1921 г., под ред. К. Мальцева, ИМЭЛ, М., Партиздат.

## Всеобщая история

СОКОЛОВ В., Классовая борьба в феодальной Европе (XI—XV вв.), объяснит. текст к серии диапозитивов, под ред. А. Удальцова.

СТОКЛИЦКАЯ-ТЕРЕШКОВИЧ, Немецкие подмастерья XIV—XV в., Ленинград, изд. Академии наук СССР.

«ХОЗЯЙСТВО КРУПНОГО ФЕОДАЛА-КРЕПОСТНИКА В XVII В.» (переписка феодала со своими приказчиками), под ред. С. Томсицкого, изд. ИАИ Академии наук СССР.

## Рабочее движение в России

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ в описании самих рабочих (от 70-х до 90-х годов) с предислов. В. Махаловского, М.—Л., «Молодая гвардия».

## Из революционного прошлого

БАТАШЕВ, Ленская забастовка. Воспоминания председателя Центрального бюро Стачечного комитета, М., Партиздат.

ГОРЧИЛИН А., 1905 год на Казанке, воспоминания подпольщика, изд. «Старый большевик».

ДЕГОТЬ В., Под знаменем большевизма, Записки подпольщика, изд. О-ва политкаторжан.

ДРУЖИНИН Н., Декабрист Никита Муравьев, изд. О-ва политкаторжан.

МАРКОВСКАЯ, История одной работницы, воспоминания подпольщицы, изд. О-ва политкаторжан.

НЕРЧИНСКАЯ КАТОРГА, Сб. Нерчинского землячества, под ред. М. Брагинского, изд. О-ва политкаторжан.

ПИСЬМА НАРОДОВОЛЬЦА А. Д. МИХАЙЛОВА, изд. О-ва политкаторжан.

СОКОЛОВ В., Свеаборг, Военное восстание в 1906 г., М., изд. «Старый большевик».

## Памятники по истории революционной мысли в России

ТКАЧЕВ П., Избранные сочинения, ред., вступительная статья и примеч. Б. П. Козьмина, изд. О-ва политкаторжан.

КРОПОТКИН П., Переписка, предисл. И. Смилги, ред., примеч. и вступит. ст. Н. Лебедева, «Академия».

КАМЕНЕВ Л. Б., ЧЕРНЫШЕВСКИЙ (Жизнь замечательных людей), Журн.-газ. объединение.

## Октябрьская революция и гражданская война

АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО, В семнадцатом году (воспоминания), М., ГИХЛ.

В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ, Сборник воспоминаний комсомольцев о гражданской войне, под ред. Л. Гурвича, изд. «Молодая гвардия».

КИСЕЛЕВ М., Агитпоезд, Воспоминание о борьбе с контрреволюцией на Украине 1918—1919 гг., изд. «Молодая гвардия».

ЛЕВБЕРГ М., На белом Севере (воспоминания о 1918 г.), изд. О-ва политкаторжан.

ПОСТЫШЕВ П., Первый партизанский тунгусский отряд, изд. «Молодая гвардия».

## Классовые бои в капиталистических странах

АВТОБИОГРАФИЯ БАБУШКИ ДЖОНС, пер. с английского С. Вольского, М., ГИХЛ.

БЕЙМЛЕР ГАНС, В лагере коричневых убийц, пер. с немецкого с пред. Фрица Геккерта, Ленпартиздат.

ГАРДЕЕВ Н., В пламени классовых боев, Моспартиздат.

ЗАГОРСКИЙ Н., Обнищание рабочего класса в капиталистических странах, М., Партиздат.

О ПОДЖОГЕ РЕЙХСТАГА (из «Коричневой книги»), изд. ЦК МОПР.

ПИСЬМА ИЗ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ, пред. Л. Волынского, изд. ЦК МОПР.

## Революционное движение на Западе

ВИНОГРАДСКАЯ П., Женни Маркс, Соцэкгиз.

ПИСЬМА рабкоров Парижской коммуны, серия «Парижская коммуна» в документах. ИМЭЛ. М., Партиздат.

ПИСЬМА ДЕЯТЕЛЕЙ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА в дни Коммуны 1871 г., серия «I интернационал в документах», М., Партиздат.

ПРОТОКОЛЫ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ. 28 марта—30 апреля 1871 г., М., Партиздат.

ЩЕГОЛЕВ П., Грахх Бабеф (Жизнь замечательных людей), Журн.-газ. объединение.

## Марксизм-ленинизм

СТАЛИН И., Вопросы ленинизма (доп. к 9-му изд.), М., Партиздат.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ, Маркс—Энгельс—Ленин—Сталин (сборник извлечений из работ), составл. слушателями ИКП философии.

ЛАПИДУС И., Буржуазная наука в борьбе с учением Маркса, Партиздат, Москва—Иваново.

МАКАРОВ А. и МЕРГИН Я., Марксизм—теория освободительного движения пролетариата, г. Горький, Партиздат.

ПЛЕХАНОВ Г., К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, М., Партиздат.

ПОЗНЕР В., Диалектический материализм—философия пролетариата, М.—Л., Соцэкгиз.

## Философия

АКСЕЛЬРОД Л., Прогиб идеализма, Критика некоторых идеалистических течений философской мысли, Сб. статей, Соцэкгиз.

ЛУНАЧАРСКИЙ А., Барух Спиноза и буржуазия, Жур.-газ. об'ед.

## История фабрик и заводов

АЗРИЛЯНТ Н., Рабочий контроль (1917—1918 гг.), на правах рукописи, М., Автозавод им. Сталина.

АХУН М., Выявление архивных материалов для истории фабрик и заводов (по фондам Ленинградского отделения Центрального исторического архива), М., «История заводов».

ГРЕКУЛОВ Е., Архивы как источник изучения истории завода, М., «История заводов».

КУЛЕШЕВ Н., Люди революции и социалистической стройки, Партиздат, Ростов-на-Дону.

ЛЕМЕШЕВ, «Путиловец» в боях за Октябрь, Ленпартиздат.

МИРЕЦКИЙ Н., Первая образцовая типография 1876—1932 г., Материалы из истории, М., «Гизлегпром».

ПУТЬ БОЛЬШЕВИКОВ «КРАСНОГО ПУТИЛОВЦА», Рассказ старых большевиков-путиловцев о 30-летней активной борьбе в трех революциях, Ленпартиздат.

«ПУТИЛОВЕЦ» НА БОЯХ К ОКТЯБРЮ. Из истории «Красного путиловца», под ред. И. И. Гиза, М.—Л., Партиздат.

РАБОЧИЕ ПИШУТ ИСТОРИЮ ЗАВОДОВ, Сб. статей под редакцией М. Горького и Л. Авербаха, изд. «Ист. заводов».

РОЖКОВА М., Об изучении труда и быта работниц в капиталистическую эпоху.

РЯБИНИНА Е., Записки старой табачницы.

СОЗДАДИМ ИСТОРИЮ ЗАВОДОВ, Сборник, Ленинградская обл. ред. ист. заводов.

### **Археология, архивоведение**

ДРЕВНОСТИ КАМЫ, по раскопкам А. Спицына в 1898 г., ГАИМК, Л. Огиз.

ГОРБАНЬ, Архивные богатства Казакстана, Алма-Ата, Казцентрархив.

ХУДЯКОВ М., Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов, Л., ГАИМК.

### **Национальный вопрос**

ТАГЕР А., Царская Россия и дело Бейлиса. К истории антисемитизма, Исследование по не-

опубликованным документам, с пред. А. Дунчаевского.

### **Антирелигиозная литература**

РАНОВИЧ А., Первоисточники по истории раннего христианства. Материалы и документы, М., ГАИЗ.

РЕЛИГИОЗНЫЕ И АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СССР и ЗА ГРАНИЦЕЙ, Сборник статей, М., ГАИЗ.

---

### **Письмо в редакцию**

Уважаемые товарищи!

В № 10 «Борьбы классов» помещена моя рецензия на изданный Центрархивом сборник документов «Революционный путь Горького».

В рецензии мною допущен существенный недосмотр: не упомянута и не отмечена вводная статья т. Ярославского. Статья т. Ярославского дает исчерпывающую характеристику основных этапов революционной деятельности А. М. Горького и во многом дополняет материалы сборника. Тем более необходимо было отметить эту статью и остановиться на ее содержании.

В. Бухина

### **От редакции**

Редакция со своей стороны считает нужным отметить, что недочет в статье т. Бухиной должен быть отнесен и за счет недосмотра аппарата редакции.

---

### **От редакции**

В виду того, что материалы, приведенные в заметке о Лавуазье, помещенной в № 10 «Борьба классов», не дают достаточных оснований считать, что Лавуазье был действительно революционером, — редакция в одном из ближайших номеров журнала вернется к освещению этого вопроса.

### **Вниманию подписчиков**

Срок вашей подписки на журнал «Борьба классов» истекает 31 декабря 1933 г.

Поспешите возобновить подписку на 1934 г. Подписка принимается всеми почтовыми отделениями, письмоносцами и сборщиками подписки на предприятиях и в учреждениях и уполномоченными «Гудка» на транспорте.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) «ПРАВДА»

### **Археология, архивоведение**

ДРЕВНОСТИ КАМЫ, по раскопкам А. Спицына в 1898 г., ГАИМК, Л. Огиз.

ГОРБАНЬ, Архивные богатства Казакстана, Алма-Ата, Казцентрархив.

ХУДЯКОВ М., Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов, Л., ГАИМК.

### **Национальный вопрос**

ТАГЕР А., Царская Россия и дело Бейлиса. К истории антисемитизма, Исследование по не-

опубликованным документам, с пред. А. Луначарского.

### **Антирелигиозная литература**

РАНОВИЧ А., Первоисточники по истории раннего христианства. Материалы и документы, М., ГАИЗ.

РЕЛИГИОЗНЫЕ И АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СССР и ЗА ГРАНИЦЕЙ, Сборник статей, М., ГАИЗ.

---

### **Письмо в редакцию**

Уважаемые товарищи!

В № 10 «Борьбы классов» помещена моя рецензия на изданный Центрархивом сборник документов «Революционный путь Горького».

В рецензии мною допущен существенный недосмотр: не упомянута и не отмечена вводная статья т. Ярославского. Статья т. Ярославского дает исчерпывающую характеристику основных этапов революционной деятельности А. М. Горького и во многом дополняет материалы сборника. Тем более необходимо было отметить эту статью и остановиться на ее содержании.

В. Бухина

### **От редакции**

Редакция со своей стороны считает нужным отметить, что недочет в статье т. Бухиной должен быть отнесен и за счет недосмотра аппарата редакции.

---

### **От редакции**

В виду того, что материалы, приведенные в заметке о Лавуазье, помещенной в № 10 «Борьба классов», не дают достаточных оснований считать, что Лавуазье был действительно революционером, — редакция в одном из ближайших номеров журнала вернется к освещению этого вопроса.

### **Вниманию подписчиков**

*Срок вашей подписки на журнал «Борьба классов» истекает 31 декабря 1933 г.*

*Поспешите возобновить подписку на 1934 г. Подписка принимается всеми почтовыми отделениями, письмоносцами и сборщиками подписки на предприятиях и в учреждениях и уполномоченными «Гудка» на транспорте.*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) «ПРАВДА»**



### **Археология, архивоведение**

ДРЕВНОСТИ КАМЫ, по раскопкам А. Спицына в 1898 г., ГАИМК, Л. Огиз.

ГОРБАНЬ, Архивные богатства Казакстана, Алма-Ата, Казцентрархив.

ХУДЯКОВ М., Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов, Л., ГАИМК.

### **Национальный вопрос**

ТАГЕР А., Царская Россия и дело Бейлиса. К истории антисемитизма, Исследование по не-

опубликованным документам, с пред. А. Луначарского.

### **Антирелигиозная литература**

РАНОВИЧ А., Первоисточники по истории раннего христианства. Материалы и документы, М., ГАИЗ.

РЕЛИГИОЗНЫЕ И АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СССР и ЗА ГРАНИЦЕЙ, Сборник статей, М., ГАИЗ.

---

### **Письмо в редакцию**

Уважаемые товарищи!

В № 10 «Борьбы классов» помещена моя рецензия на изданный Центрархивом сборник документов «Революционный путь Горького».

В рецензии мною допущен существенный недосмотр: не упомянута и не отмечена вводная статья т. Ярославского. Статья т. Ярославского дает исчерпывающую характеристику основных этапов революционной деятельности А. М. Горького и во многом дополняет материалы сборника. Тем более необходимо было отметить эту статью и остановиться на ее содержании.

В. Бухина

### **От редакции**

Редакция со своей стороны считает нужным отметить, что недочет в статье т. Бухиной должен быть отнесен и за счет недосмотра аппарата редакции.

---

### **От редакции**

В виду того, что материалы, приведенные в заметке о Лавуазье, помещенной в № 10 «Борьба классов», не дают достаточных оснований считать, что Лавуазье был действительно революционером, — редакция в одном из ближайших номеров журнала вернется к освещению этого вопроса.

### **Вниманию подписчиков**

Срок вашей подписки на журнал «Борьба классов» истекает 31 декабря 1933 г.

Поспешите возобновить подписку на 1934 г. Подписка принимается всеми почтовыми отделениями, письмоносцами и сборщиками подписки на предприятиях и в учреждениях и уполномоченными «Гудка» на транспорте.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) «ПРАВДА»

### **Археология, архивоведение**

ДРЕВНОСТИ КАМЫ, по раскопкам А. Спицына в 1898 г., ГАИМК, Л. Огиз.

ГОРБАНЬ, Архивные богатства Казакстана, Алма-Ата, Казцентрархив.

ХУДЯКОВ М., Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов, Л., ГАИМК.

### **Национальный вопрос**

ТАГЕР А., Царская Россия и дело Бейлиса. К истории антисемитизма, Исследование по не-

опубликованным документам, с пред. А. Луначарского.

### **Антирелигиозная литература**

РАНОВИЧ А., Первоисточники по истории раннего христианства. Материалы и документы, М., ГАИЗ.

РЕЛИГИОЗНЫЕ И АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СССР и ЗА ГРАНИЦЕЙ, Сборник статей, М., ГАИЗ.

---

### **Письмо в редакцию**

Уважаемые товарищи!

В № 10 «Борьбы классов» помещена моя рецензия на изданный Центрархивом сборник документов «Революционный путь Горького».

В рецензии мною допущен существенный недосмотр: не упомянута и не отмечена вводная статья т. Ярославского. Статья т. Ярославского дает исчерпывающую характеристику основных этапов революционной деятельности А. М. Горького и во многом дополняет материалы сборника. Тем более необходимо было отметить эту статью и остановиться на ее содержании.

В. Бухина

### **От редакции**

Редакция со своей стороны считает нужным отметить, что недочет в статье т. Бухиной должен быть отнесен и за счет недосмотра аппарата редакции.

---

### **От редакции**

В виду того, что материалы, приведенные в заметке о Лавуазье, помещенной в № 10 «Борьба классов», не дают достаточных оснований считать, что Лавуазье был действительно революционером, — редакция в одном из ближайших номеров журнала вернется к освещению этого вопроса.

### **Вниманию подписчиков**

*Срок вашей подписки на журнал «Борьба классов» истекает 31 декабря 1933 г.*

*Поспешите возобновить подписку на 1934 г. Подписка принимается всеми почтовыми отделениями, письмоносцами и сборщиками подписки на предприятиях и в учреждениях и уполномоченными «Гудка» на транспорте.*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) «ПРАВДА»**

# СОДЕРЖАНИЕ

## **Д. МАНУИЛЬСКИЙ**

Международное значение Октябрьской революции . . . . . 3

## **К XVI ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

### **Б. ВОЛИН**

Декреты Октября . . . . . 16

### **Б. ФРЕЙДЛИН**

Экспроприация фабрик и заводов после Октября . . . . . 30

### **Н. ДОБРОТВОР**

Борьба за хлеб на первом этапе диктатуры пролетариата . . . . . 40

### **И. МИНЦ**

Эсеро-меньшевики — последняя плотина буржуазии . . . . . 53

### **Н. МАРКС**

Божественное право Гогенцоллернов . . . . . 65

## **К XV ГОДОВЩИНЕ ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1918 г.**

### **С. БАНТКЕ:**

Карл Либкнехт — солдат мировой пролетарской революции] . . . . . 69

### **А. НОВАЛЕВА**

Застрельщики ноябрьской революции (Гамбург и Бремен) . . . . . 83

### **Г. ЦВЕТКОВ**

Киль, Брауншвейг и Эссен в Ноябрьской революции . . . . . 94

### **А. ЛИБКИНД**

Революционные бои в Руре в 1919 г. . . . . 100

### **А. МЮЛЛЕР**

Коммунистическая литература в гитлеровской Германии . . . . . 112

### **Ф. ФРУМКИНА**

Борьба германских рабочих (по их воспоминаниям) . . . . . 119

### **ВИЛЛИ**

От ГС.-Д. к КПГ . . . . . 122

### **КАРЛ ВЕБЕР**

Октябрьская революция в России и рабочая молодежь Германии . . . . . 130

### **ГУСТАВ ГРЮН**

Молодые кадры КПГ . . . . . 134

### **МАРТА ШУБ**

Как мы доставали оружие для германской революции. . . . . 136

## **МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ В БОРЬБЕ ЗА ОКТЯБРЬ**

### **Т. ДЖЕКСОН и И. СНЕГИРЕВ**

Рабочее движение в Южной Африке . . . . . 139

## **ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ**

### **Н. БОЛЬШАКОВ**

Завод Зингера перед Октябрем и в Октябре 1917 г. . . . . 146

### **Н. АЗРИЛЯНТ**

Рабочий контроль на АМО . . . . . 159

## **БИБЛИОГРАФИЯ**

### **И. БАС**

Д. И. Грязкин „Окопная правда“, изд. „Старый большевик“, Москва, 1933 г.  
30 стр., цена 40 коп. . . . . 168

### **М. ГОЛЬДЕНБЕРГ**

Освальд Шпенглер. Годы решения, ч. 1-я. Германия и мировое историческое развитие. Изд. Бекше, Мюнхен, 1933 г. . . . . 170

## **ПОЛКА КНИЖНЫХ НОВИНОК**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:** **Б. М. ВОЛИН** (отв. редактор), **А. М. ПАНКРАТОВА** (зам. отв. редактора), **О. С. ВЕЙЛАНД** (отв. секретарь), **С. С. БАНТКЕ**, **Т. М. ДУБЫНА**, **Л. Е. ФРУГ**, **Ф. Б. ФРУМКИНА**